

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS IN EPISTOLAM PAULI AD ROMANOS

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА К
РИМЛЯНАМ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова

Редактор: В.М. Лоцманов

2006 г.

Предисловие

Не знаю, есть ли нужда останавливаться подробно на повествовании о пользе данного послания, потому как боюсь, что красноречие мое, без сомнения, сильно уступающее его величию, только затемнит его смысл. Также и потому, что послание это с первого же взгляда говорит само за себя и самим своим видом может истолковать себя лучше любых слов. Итак, достаточно будет перейти сейчас к изложению общей идеи сего послания, откуда без всяких споров будет явствовать: помимо множества других великих достоинств ему принадлежит воистину бесценное качество; и тому, кто стремится к уразумению истинного его смысла, будет открыт доступ к секретнейшим сокровищам Священного Писания.

Все это послание является методическим, так что и само начало его составлено по правилам искусства. Искусство же состоит как в том, что будет отмечено в своем месте, так и в том, что отсюда легко выводится основная мысль. Ибо, начав с одобрения своего апостольства, Павел переходит к похвале Евангелию, которая, поелику с необходимостью влечет за собой рассуждение о вере, переходит к нему по самому контексту слов. Таким образом мы подходим к основному вопросу всего послания – нашему оправданию верою, – рассмотрением которого апостол занят до конца пятой главы. Итак, пусть для нас будет ясным основной тезис этих глав: есть только один вид человеческой праведности – милосердие Божие во Христе Иисусе, предложенное Евангелием и воспринимаемое верою. Однако, поелику люди почивают в своих пороках и льстят самим себе, обманывая себя ложным самомнением и считая, что не нуждаются в праведности по вере, если только совершенно не лишаются всякого самоупования, то их, опьяненных сладостью вожделений и потонувших в плотской безопасности, нелегко подвигнуть к поиску праведности, если предварительно не утратить божественным судом. Апостол делает и то, и другое: сперва обличает их в неправедности, а затем стряхивает с них, уже обличенных, страх.

Вначале он осуждает неблагодарность всего человеческого рода, явленную с самого сотворения мира: ведь в толиких выдающихся творениях люди не признали их Творца. Более того, пытаясь Его признать, они почтили Его величие не с подобающим Ему достоинством, но по своей суетности это достоинство осквернили и попрали. Таким образом все они становятся виновными в нечестии, превосходящем любое другое преступление. И дабы еще очевиднее показать, что все отступили от Господа, апостол перечисляет гнусные и ужасные проступки, коим люди предаются повсеместно; что ясно доказывает: все оставили Бога. Ведь проступки эти суть знаки божественного гнева, присутствующего только в нечестивых. Поелику же иудеи и некоторые из язычников прикрывали внутреннюю злобу личиной внешнего благочестия, то они казались не виновными в подобных преступлениях и изъятыми из общего осуждения. Так что апостол направляет свое перо против их вымышленной праведности. И поскольку маску, которую они носили пред людьми, с этих святош сорвать было нельзя, он призывает их к судилищу Божию, от Которого не сокрыты даже внутренние похоти.

Затем, проведя различие, апостол по отдельности призывает на суд Божий иудеев и язычников. Он отвергает извинение язычников, основанное на их неведении, говоря, что совесть была у них вместо закона и вполне достаточно обличала их. Далее же всего опровергает он извинение иудеев, основанное на писаном законе. Он показывает, что иудеи не могут откеститься от неправедности, будучи преступниками закона, ведь Сам Бог устами Своими объявляет им приговор. Одновременно апостол отвергает возражение, которое они встречным образом могли выдвинуть: завету Божию, бывшему для них знаком божественного удовлетворения, был бы нанесен ущерб, если бы судьба их не отличалась от судьбы прочих народов. Апостол сначала учит, что в отношении завета иудеи ничем не превосходят остальных, поелику вероломно отступили от него. Затем, дабы не повредить надежности божественных обетований, апостол уступает им некоторое проистекающее из завета преимущество. Однако состоит это преимущество в милосердии Божиим, а не в их собственной заслуге. Поэтому, что касается собственных заслуг, иудеи равны язычникам. Далее апостол авторитетом Писания подтверждает, что и иудеи, и язычники, все являются грешниками. Здесь он также говорит кое-что об употреблении закона.

С очевидностью лишив человеческий род упования на собственные добродетели и похвалбы собственной праведностью, а также утратив его суровостью божественного суда, апостол возвращается к тому, что задумал с самого начала: к положению о нашем оправдании верою. Он говорит о том, какова эта вера и каким образом через нее приходит к нам праведность Христова. Здесь же, в конце третьей главы, он добавляет восклицание для усмирения неистовства человеческой гордыни, дабы не смела она превозноситься над благодатью Божией. И дабы иудеи не заключили толикую благодать Божию в пределах лишь своего народа, апостол отстаивает эту благодать также и для язычников.

В четвертой главе апостол доказывает превосходное, исключаящее какую-либо двусмысленность, положение: пример и общее правило для всех верных надобно усматривать в Аврааме, который является для них всех общим отцом. Итак, доказав, что он оправдался верою, апостол и нас учит придерживаться сего пути. И добавляет здесь то, что следует из сравнения противоположностей: там, где отводится место оправданию по вере, устраняется праведность по делам. Что подтверждает и Давид, который полагает блаженство человека в милосердии Божием, и отрицает, что дела могут сделать человека блаженным. Затем он подробнее останавливается на том, что ранее затронул лишь вкратце: у иудеев нет причин превозноситься над язычниками, для которых также предназначено сие общее для всех блаженство. Ведь Писание говорит, что праведность пришла к Аврааму, когда он не был еще обрезан. В этом месте апостол приводит нечто об употреблении обрезания. Затем он добавляет, что обетование спасения опирается лишь на благодать Божию, поелику, если бы оно основывалось на законе, то не могло бы успокоить совесть в тех, в ком надо было ее успокоить, и никогда бы не достигло своей цели. Посему, чтобы обетование было твердым и надежным, нам, принимая его, надо было смотреть не на себя, а на истину Божию, и поступать, подражая Аврааму, который, отвернувшись от себя, взирал лишь на Господню силу. В конце главы, дабы лучше приложить сей пример к основной теме, апостол сравнивает то, что является общим для того и другого случая.

Пятая глава, после обсуждения плода и следствия праведности по вере, целиком посвящена развитию сей мысли ради лучшей ее иллюстрации. Апостол, доказательством от большего к меньшему, показывает, сколь сильно мы, уже будучи искупленными и примиренными с Богом, должны полагаться на Его любовь, любовь столь обильную по отношению к грешникам и погибшим, что дала нам даже Единородного и Возлюбленного Сына. Затем он сравнивает грех с незаслуженной праведностью, Христа с Адамом, смерть с жизнью, закон с благодатью; откуда явствует, что бесконечная благодать Божия погребла все наше зло, каким бы великим оно ни было.

В шестой главе апостол переходит к освящению, которое получаем мы во Христе. Ведь плоти, как только вкусила она немного благодати сей, свойственно спокойно предаваться порокам и похотям, как будто благодать уже мертва. Павел же, напротив, настаивает, что мы не можем принять праведность Христову, если одновременно не примем и святость. И доказывает это примером крещения, через которое мы становимся причастниками Христу. В нем мы погребаемся со Христом, чтобы, умерши для самих себя, воскреснуть через Его жизнь для новой и лучшей жизни. Итак, отсюда следует, что без возрождения никто не может облечься в праведность Христову. Отсюда апостол выводит побуждение к чистоте жизни и святости, которая с необходимостью должна являться в тех, кто переведен из царства греха в царство праведности, кто отвергнул потакание плоти и не ищет во Христе вседозволенности ко греху. Апостол также вкратце упоминает об отмене закона, в чем проявляется новый завет, завет, где людям по отпущению их грехов обещается Святой Дух.

В седьмой главе апостол приступает к рассуждению об употреблении закона, на который ранее указывал как бы походя, говоря при этом о чем-то другом. Он приводит и причину, по которой мы избавлены от закона. Состоит она в том, что закон сам по себе способен лишь к осуждению. И чтобы люди не обращали сие в поношение закону, апостол стойко защищает его от всякой клеветы. Он учит: именно мы виновны в том, что данное нам для жизни обратилось нам же в смерть. Одновременно апостол излагает, каким образом законом увеличивается грех. Отсюда он переходит к описанию борьбы плоти и духа, которую ощущают в себе дети Божии, покуда живут в темнице смертного тела. Ибо они несут в себе остатки похоти, кои постоянно в той или иной мере уводят их от повиновения закону.

Восьмая глава полна утешений, чтобы совесть верных не пришла в отчаяние, услышав о непослушании или, скорее, о неполном послушании, о котором апостол говорил прежде. Однако, дабы и нечестивые не льстили самим себе, апостол вначале свидетельствует, что благодеяние сие относится лишь к возрожденным, в которых живет и действует Дух Божий. Итак, он утверждает следующее: все, кто привит к Господу Христу через Его Дух, находятся вне опасности осуждения, как бы ни отягощались они своими грехами. Но все, кто пребывает во власти плоти, лишены Духа освящения и никак не причастны сему благу. Потом апостол объясняет, сколь велика уверенность нашего упования, ведь Дух Божий свидетельством своим устраняет всякое сомнение и всякую боязливость. К сему он предусмотрительно добавляет, что настоящие скорби, которым подвержена жизнь смертных, не могут повредить уверенности в вечной жизни. Более того, подобными упражнениями продвигается наше спасение; и если все настоящие скорби сравнить с его превосходством, они будут почитаться за ничто. Это апостол подтверждает примером Христа, Который, будучи Первородным и держа первенство в семье Божией, одновременно является прообразом, с которым всем нам надлежит сообразовываться. Посему, уверенный во всем этом, апостол в конце приводит похвальбу, которой унижает силу и уловки сатаны.

Поелику же многие смущались от того, что видели [а видели они, что иудеи, будучи первыми хранителями и наследниками завета, отступают от Христа], то думали они, что либо завет отобран у презревшего Его

потомства Авраама, либо Христос не является тем обещанным Искупителем, коль скоро не помог израильскому племени. На этот вопрос апостол начинает отвечать с начала девятой главы. Итак, сказав прежде о своей любви к сородичам, дабы не показалось, что говорит он что-либо из ненависти, и одновременно упомянув о том, какими они выделялись достоинствами, он постепенно переходит к устранению препятствия, которое порождалось их ослеплением. При этом апостол говорит о двойственном потомстве Авраама, дабы показать, что не все из тех, кто произошел от него по плоти, числятся в составе семени причастников благодати завета. И напротив, он говорит, что внешние, ежели привьются через веру, могут занять место сынов. Пример сего предлагает он в лице Иакова и Исава. Здесь апостол отсылает нас к избранию Божию, от которого с необходимостью должно зависеть все дело. Далее, поелику избрание сие опирается лишь на милосердие Божие, напрасным будет искать его причину в достоинстве людей. Избранию же противостоит отвержение, справедливость которого неоспорима; но не существует причины выше божественной воли. В конце главы апостол показывает, что и призвание язычников, и отвержение иудеев было предсказано древними пророками.

В главе десятой, опять начав со свидетельства своей любви к иудеям, апостол говорит, что причиной их погибели послужило пустое упование на собственные дела. И дабы иудеи не сослались на закон, апостол, упреждая их, говорит, что закон приводит нас к праведности только через веру. Затем он добавляет, что праведность сия по Божией благодати безразлично предлагается всем народам, однако принимается она лишь теми, кого Господь просветит особой благодатью. То же, что из язычников ее получило больше людей, чем из иудеев, он основывает на пророчествах Моисея и Исаии, из которых первый открыто говорил о призвании язычников, а второй – об ожесточении иудеев.

Однако еще оставался вопрос: разве завет Господень не проводил различия между семенем Авраама и другими народами? И желая его разрешить, апостол вначале увещевает не ограничивать дело Божие одной лишь внешней видимостью, поелику избранные часто недоступны нашему плотскому взору. Подобно этому ошибся некогда Илия, подумав, что религия среди израильтян погибла, хотя сохранялось еще среди них семь тысяч верных. Затем, мы не должны смущаться множеством неверующих, видя, как они презирают Евангелие. Наконец, апостол утверждает, что даже в плотском семени Авраама пребывает завет Господень, но лишь среди тех, кого Господь предопределил по свободному избранию. В конце апостол обращает свою речь к язычникам, чтобы они, возгордившись своим усыновлением, не стали презирать иудеев как уже отверженных, поелику они не превосходят их ни в чем, кроме благоволения Божия, которое должно внушить им еще большее смирение. Более того, это благоволение не отошло и от семени Авраама, поелику вера язычников должна была как бы вызвать ревность в иудеях и помочь Господу собрать таким образом весь Свой Израиль.

Три следующие главы являются увещательными, но весьма разными. Двенадцатая глава совершенствует христианскую жизнь общими заповедями. Тринадцатая по большей части касается утверждения прав гражданских властей. Откуда мы делаем несомненный вывод, что и тогда были некоторые беспокойные души, полагавшие, что христианская свобода не сможет существовать без ниспровержения гражданского порядка. Однако, дабы не показалось, что Павел обязывает Церковь к чему-то, кроме обязанностей любви, он говорит, что в понятии любви содержится и сей вид послушания. Затем апостол переходит к заповедям обустройства жизни, о которых еще не говорил. В следующей главе он приступает к увещанию, весьма необходимому для того времени. Ибо тогда еще жили те, кто по упорному суеверию соблюдал Моисеевы обряды и не мог вынести пренебрежения ими без тяжкого для себя оскорбления. Те же, кто был наставлен в их отмене, ради искоренения суеверий всеми силами выказывали презрение к этим обрядам. Причем и те, и другие сильно грешили. Ибо суеверные осуждали других как презрителей божественного закона, а эти, наоборот, неуместно высмеивали их простоту. Итак, апостол подобающим образом умиряет и тех, и других, одних удерживая от гордыни и оскорблений, а других – от чрезмерной ворчливости. Одновременно он предписывает наилучшее правило христианской свободы, дабы удерживалась она в границах любви и взаимного назидания. Он также заступается за немощных, запрещая навязывать им что-либо против совести.

Пятнадцатая глава начинается с повторения общего положения, будучи завершением всего апостольского рассуждения. Павел говорит, что сильные должны прилагать свою силу к укреплению немощных. Поелику же из-за Моисеевых обрядов происходило постоянное разногласие между иудеями и язычниками, апостол устраняет между ними всякую ревность, убрав самый повод для гордыни. Ибо он учит, что и к тем, и к другим спасение приходит лишь по милосердию Божию, основываясь на котором, они должны оставить всякое превозношение и, соединившись в надежде единого наследия, заключить друг друга в объятия.

Наконец, желая сказать несколько слов о достоинстве своего апостольства, что значительно повысило бы авторитет его слов, Павел пользуется предлогом и извиняется перед римлянами за ту дерзость, с которой принял на себя звание их учителя. Кроме того, он дает надежду на скорый свой приход, который уже несколько раз напрасно пытался предпринять, о чем упоминает и в начале послания. Апостол объясняет причину своей вынужденной задержки: от церковей Македонии и Ахаии было ему поручено перевезти в

Иерусалим пожертвования, собранные для вспомоществования тамошним святым. Последняя глава почти полностью состоит из приветствий, завершаясь несколькими достойными внимания повелениями, перемежающимися пылкой молитвой.

1. Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию, 2. которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях, 3. о Сыне Своем, Который родился от семени Давида по плоти 4. и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем, 5. через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, 6. между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом, – 7. всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога отца нашего и Господа Иисуса Христа.

(1. Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный для Евангелия Божия, 2. которое [Он] прежде обещал через пророков Своих в святых писаниях 3. о Сыне Своем, Который произошел от семени Давидова по плоти, 4. провозглашен Сыном Божиим в силе, через Дух освящения, из воскресения мертвых, [об] Иисусе Христе, Господе нашем: 5. через Которого мы получили благодать и апостольство к послушанию вере среди всех народов, во имя Его, 6. между которыми находитесь также вы, призванные Иисуса Христа: 7. всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.)

1) Павел. Я не стал бы говорить о самом имени Павла, поелику вопрос этот не столь важен, чтобы долго на нем задерживаться, и нельзя добавить ничего такого, что не было уже сказано другими толкователями. Но поскольку вполне позволительно с легкостью удовлетворять одних, не надоедая при этом другим, и мы затронем его вкратце. Тех, кто думает, что апостол присвоил себе это имя как трофей покорения Христу проконсула Сергия, опровергает сам Лука (Деян.13:7,9), который ясно показывает, что он звался так и до этого времени. Не кажется мне правдоподобным и то, что имя это дано ему по причине обращения ко Христу. И думаю, что предположение это нравилось Августину лишь потому, что давало ему повод для утонченного философствования, как из гордого Савла вышел смиренный ученик Христа [лат. Paulus – маленький; - прим. пер.]. Более вероятно мнение Оригена, который считает Павла с самого начала имевшим два имени. Ибо представляется вполне вероятным, что родители дали ему родовое имя Савла, говорящее о его происхождении и религии, и одновременно имя “Павел”, свидетельствующее о римском гражданстве. Ибо не хотели они ни честь сокрыть, высоко в то время ценимую, ни переоценить ее настолько, чтобы изгладить отметину еврейского происхождения. А сам он в посланиях своих потому часто называл себя именем “Павел”, что в церквах, которым писал, было оно более знаменитым и употребительным, в римской же империи более благопристойным, а среди его родичей менее известным. И не подобало ему небреж о том, чтобы избежать излишней подозрительности и ненависти, которую в те времена у римлян и жителей провинций вызывало имя еврейское, и уберечься от того, чтобы не вызвать в сородичах своих гнева.

Раб Иисуса. Этими титулами он нарицает себя, дабы возвестить об авторитете своего учения. И делает это двумя способами: во-первых, утверждая свое призвание к апостольству, а затем – говоря, что призвание сие относится и к римской церкви. Ибо и то, и другое почитал он значимым: считаться апостолом по Божию призванию, и быть предназначенным для проповеди в римской церкви. Итак, зовет он себя служителем Христовым и одновременно призванным к служению апостольскому, чем дает понять, что не по дерзости своей присвоил себе это. Сразу же затем¹ называет себя избранным, дабы лучше подтвердить, что он – не кто-нибудь, а признанный апостол Господень. И в том же смысле², ранее, спускается³ от рода к виду, ибо апостольство есть вид служения. Ибо⁴ всякий, наделенный служением учительства, числится среди рабов Христовых, но апостолы далеко превосходят остальных своей честью. Избрание же, о котором затем⁵ говорит, выражает одновременно и цель, и употребление апостольства. Ибо захотел он кратко указать на то, зачем был призван на эту должность. Итак, что зовет себя рабом Христовым, то имеет общим со всеми учителями. Отстаивая же титул апостола, предпоставляет себя другим, но, поелику не заслуживает авторитета тот, кто возносит себя по собственному хотению, увещевает, что поставлен он Самим Богом. Значит, смысл будет таким: Павел есть служитель Христов, и не какой-нибудь, а апостол, и притом по Божию призванию, а не по дерзкому посягательству. Затем следует более ясное описание его апостольского служения, а именно, что поставлен он евангельским провозвестником. И я не соглашусь с теми, кто призвание, о котором идет речь, относит к извечному избранию Божию, а избрание, о котором здесь говорится, считает либо произошедшим от чрева матери, о чем упоминает он сам в послании к Галатам (1:15), либо тем, по которому он был предназначен для проповедания язычникам, как повествует апостол Лука. Ибо апостол просто выставляет на вид то, что уполномочен Самим Богом, дабы не подумал кто, что по личной дерзости усвоил он себе эту честь. Следует же отметить то, что не все пригодны для служения

¹ Когда.

² Одновременно.

³ То есть, апостол спустился.

⁴ Потому что.

⁵ Сразу же затем.

слова, для которого требуется особое призвание. Больше того, тем, которые себе кажутся самыми пригодными, надобно следить за тем, чтобы не выдвигаться без призвания. Каково же призвание апостолов, и каково епископов, будет видно в другом месте. Также следует отметить, что должность апостола состоит в проповеди Евангелия. Откуда явствует, сколь смешны те немые псы, которые, будучи заметны лишь по митре, посоху и всякому в том же роде маскараду, хвалятся, однако, что суть преемники апостолов. Имя же раба означает не что иное, как служение, ибо относится к должности. Говорю же об этом для того, чтобы устранить грезы тех, кто беспричинно философствует о слове “раб”, думая, что за ним стоит противоположность между рабством Моисеевым и Христовым.

2) *Которое Бог прежде обещал.* Поелику весьма проигрывает учение, заподозренное в новизне, апостол на древности основывает евангельскую веру. Как бы говорит: Христос не пришел на землю вдруг и не принес с Собой новый вид учения, прежде неслыханного, ибо Сам Он со Своим Евангелием и обетован был и постоянно ожидался с самого начала мира. Но поелику древность часто овевана баснями, приводит свидетелей, и притом достовернейших, дабы устранить всякое подозрение, а именно, пророков Божиих. В-третьих же, добавляет, что свидетельства их по закону запротоколированы, и не где-нибудь, а в священных писаниях. Отсюда можно понять, что такое Евангелие, которое, по учению его, не провозглашено было пророками, а лишь обетовано. Итак, ежели пророки обещали Евангелие, из сего следует, что явилось оно лишь по пришествии во плоти Самого Господа. Следовательно, заблуждаются те, кто смешивает обетование с Евангелием, поелику в собственном смысле Евангелие есть торжественное возвещение о явленном Христе, в Котором раскрываются и сами обетования.

3) *О Сыне Своем.* Знаменательное место, научающее нас, что все Евангелие содержится во Христе. Так что, если кто от Христа хотя бы на шаг отойдет, и от самого Евангелия отойдет. Ибо, поелику Христос есть живой отпечатленный Отчий образ, не удивительно, что только Он и предлагается нам, Он, к Которому прилагается, и в Котором утверждается наша вера. Итак, сие есть краткое описание Евангелия, где Павел говорит нам, что именно в нем содержится. В том же смысле истолковываю я и следующие слова, *о Иисусе Христе.*, что, как мне кажется, больше соответствует контексту. Отсюда ясно, что всякий, законно преуспевший в познании Христа, обретает все, чему только можно научиться из Евангелия. И наоборот, пытающиеся мудрствовать помимо Христа, не только глупы, но и совершенно безумны.

Который родился. Две вещи следует искать во Христе, дабы обрести в нем спасение: божество и человечество. Божество содержит в себе силу, праведность, жизнь, сообщаемые нам через Его же человечество. Посему, кратко излагая Евангелие, апостол говорит и о том, и о другом отдельно, то есть, что Христос был явлен во плоти, и что в ней Он провозгласил Себя Сыном Божиим. Подобным образом и Иоанн, сказав, что Слово стало плотью, добавляет, что в плоти той словно пребывала слава Единородного Сына Божия (Ин.1:14). То же, что апостол особо упоминает о роде и происхождении Христовом от Его прапрадеда Давида, вовсе не излишне, поелику слова сии отзывают нас к обетованию, дабы не усомнились мы в том, что Он и есть Тот, Который некогда был обещан. И до того знаменито было обетование, сделанное Давиду, что у иудеев вошло в привычку называть Мессию Сыном Давидовым. Итак, чтобы сделать несомненной нашу веру, Христос и произошел от семени Давида. Добавляет же слова "по плоти", чтобы разумели мы Христа имеющим нечто большее, чем плоть, то, что принес Он с небес, а не воспринял от Давида, особенно имея в виду сказанное им вскоре о славе Его божества. Так что сими словами Павел не только утверждает истинную плоть Христову, но и ясно отличает Его человеческую природу от природы божественной, и тем самым опровергает нечестивое безумие Сервета, придавшего Христу плоть, составленную из трех несотворенных элементов.

4) *И отрылся (провозглашен) Сыном Божиим.* Или, если угодно: **указан**. Апостол как бы говорит, что сила воскресения Его была подобна декрету, коим провозглашен был Сыном Божиим, как видим мы в Пс.2:7: *Я ныне родил Тебя*. Ибо рождение сие относится к Его известности в народах. И хотя некоторые усматривают здесь три отдельных признака божества Христова: чудеса, разумеемые под силою, затем свидетельство Духа, и, наконец, воскресение из мертвых, я предпочел бы соединить все вместе и все три признака свести к одному, сказав, таким образом, что Христос во время воскресения из мертвых был указан Сыном Божиим по открытому проявлению воистину небесной силы⁶, которая одновременно есть и сила Духа. Однако сила эта, запечатлеваясь в сердцах, постигается через тот же Дух. И с этим толкованием хорошо согласуются слова апостола: ибо он называет Христа провозглашенным в силе потому, что в Нем воссияла та сила, которая присуща одному Богу, тем самым, доказывая, что Христос несомненно является Богом. И сила эта заблистала в Его воскресении⁷, как в другом месте тот же Павел, сказав, что в плотской смерти проявилась немощь, указывает на силу Духа в воскресении, 2Кор.13:4. Однако для нас слава эта не явна до тех пор, пока

⁶ По проявлении Своей силы.

⁷ Но подтверждается, в конце концов, через Святой Дух. Под духом же апостол разумеет озарение, коим верные в воскресении Христовом созерцают божественную силу, или же явствует, что здесь он указывает на дело освящения.

ее не запечатлевает в наших сердцах тот же Дух. Так что, Павел одновременно с чудесной силою Духа, которую, воскреснув из мертвых, явил Христос, имеет в виду и то свидетельство, которое ощущает в сердце своем любой верующий; или же называет он здесь по имени само освящение и как бы говорит: Дух, освящая, подтверждает и узаконивает сделанное Им однажды удостоверение Своей же Собственной силы. Ибо Писание имеет обыкновение присваивать Духу Божию эпитеты, подходящие к той теме, о которой ведет речь. Так Господь называет Его Духом истины вследствие того воздействия Его, о котором говорится в том месте. Далее, сила Божия потому зовется воссиявшей в воскресении Христовом, что Тот воскрес Своею Собственной силой, как неоднократно свидетельствует и Сам: Разрушьте храм сей, и в три дня восстановлю его. Никто не отнимает у Меня души Моей. Ибо достиг Он победы над смертью [коей покорился по плотской немощи] не испрошенной от другого помощью, а горним могуществом Своего же Духа.

5) *Через Которого мы получили.* Закончив краткое описание Евангелия [которое вставил ради похвалы служению своему], апостол возвращается теперь к утверждению своего призвания, о котором возвышенно говорит, что оно засвидетельствовано у самих римлян. То же, что отдельно именует благодать и апостольство, означает данное по благодати апостольство или благодать самого апостольства. Тем самым он хочет сказать, что к благодати Божией, а не к своему достоинству относит то, что принят был в столь славное сословие. Ибо, ежели в глазах мира его служение не сулит ничего, кроме опасностей, трудов, ненависти и беславия; все же пред Богом и святыми Его обладает оно немалым и весьма редким достоинством. Итак, заслуженно зовется оно здесь благодатью. Или, если угодно [можно понять так]: получил благодать, дабы быть мне апостолом – выйдет то же самое. Почему же сказано “во имя”, то это Амвросий толкует так, что поставлен он для провозглашения Евангелия вместо Самого Христа, согласно следующему отрывку: вместо Христа служим мы посланниками (2Кор.5:20). Однако лучшим кажется мнение тех, кто под “именем” понимает знание, ибо для того и проповедуются Евангелие, чтобы уверовали мы во имя Сына Божия. Да и сам Павел зовется избранным сосудом, чтобы имя Христово провозглашать среди язычников. Итак, сказав об имени, как бы говорит: чтобы показать мне вам, каков на самом деле Христос.

Чтобы ... покорять вере (к послушанию вере). То есть, мы получили заповедь донести до всех народов Евангелие, которому эти народы покоряются через веру. Исходя из цели своего призвания он, в свою очередь, увещевает римлян об их собственном долге. Как бы говорит: Мне прилежит исполнить порученное мне же служение, состоящее в том, чтобы возвестить вам слово; ваше же дело – внимать слову со всяким послушанием, если не хотите представить незаконным то призвание, которое возложил на меня Бог. Отсюда заключаем⁸, что тот надменно противостоит власти Божией и извращает весь установленный Им порядок, кто неуважительно и презрительно⁹ отвергает евангельскую проповедь, цель которой привести нас в подчинение Богу. Здесь также следует отметить природу самой веры, которая потому именуется послушанием, что как Господь призывает нас через Евангелие, так и мы отвечаем Призывающему через свою веру. И наоборот, начало всякому противящемуся Богу превозношению есть неверие. И я предпочел бы перевести не “к послушанию”, а “в послушание”, так как первое можно сказать лишь в несобственном и фигуральном смысле, хотя один раз в Деяниях так и говорится (Деян.6:7). Ибо верую в собственном смысле является лишь та, через которую мы послушны Евангелию.

Все народы (среди всех народов). Не достаточно было назвать себя апостолом, не указав при этом на учеников, к коим относилось бы его служение. Поэтому добавляет, что апостольство его явно для всех народов. И тут же еще более открыто называет себя апостолом римлян, говоря, что и они включены в то число народов, которым он дан в качестве служителя. Апостолам дана общая заповедь проповедовать Евангелие во всем мире, и они не поставлены над отдельными церквами как пасторы или епископы. Павел же, помимо общей сферы апостольского служения, по особому праву назначен был служителем для распространения Евангелия среди язычников. И этому не противоречит то, что запрещено ему было идти через Македонию¹⁰ и проповедовать слово в Мисии. Это сделано было не для того, чтобы отлучить от проповеди эти страны, но потому, что в то время идти надо было в другие места, а эти еще не созрели для жатвы.

6) *Призванные Иисусом Христом.* Здесь он указывает на ближайшую причину: что Господь уже произвел в них то доказательство, которым объявил, что призывает их в евангельское общение. Отсюда следовало, что, ежели хотят они подтвердить свое призвание, им не следует отвергать служение Павла, отмеченного тем же самым Господним избранием. Итак, слова сии, *призванные Иисусом Христом*, я принимаю за пояснение, как если бы эта фраза служила вставкой. Означает же она то, что они суть Христовы причастники по

⁸ Обращаем внимание на то, что такие борются с Господним устроением.

⁹ Пренебрегают.

¹⁰ Скорее, Вифинию.

призванию. Ибо будущие наследники жизни вечной как избраны Отцом Небесным к усыновлению¹¹ во Христе, так и, будучи избранными, поручаются Его же пастырской верности и охране.

7) *Всем находящимся в Риме.* В прекрасном¹² порядке показывает апостол, что именно достойно в нас похвалы¹³. Во-первых, то, что Господь по любви Своей воспринял нас в Свою благодать и благость. Во-вторых, то, что призвал нас. В третьих, то, что призвал к святости, каковая похвала, однако, лишь тогда уместна, когда соответствуем мы призванию своему. Здесь же нам внушается плодovitейшее учение, которое, изложив кратко, предоставляю каждому для размышления над ним. Ведь Павел несомненно не нам усваивает похвалу за спасение, но полностью выводит его из источника благодатной и отеческой любви Божией. Ибо началом поставляет он то, что Бог нас любит. И какова же причина той любви, кроме простой Его благодати? От нее зависит и наше призвание, коим в свое время запечатлевает Он усыновление в тех, кого прежде избрал по благодати. Среди прочего заключаем мы и то, что никто не состоит законно в числе верных¹⁴, если не уповает твердо на Господнее к себе благоволение, хоть и является ничего не заслужившим и несчастным грешником, и, вдохновленный Его благодатью, не стремится к святости. Ибо не к нечистоте призвал нас Бог, а к святости. Поелику же греческий глагол можно перевести во втором лице, я не вижу причины изменять здесь спряжение¹⁵.

Благодать и мир. Прежде всего нам следует желать, чтобы Бог был умилован по отношению к нам, что означает благодатью. Затем, чтобы от Него проистекал успех и благопоспешание во всех делах, кои означены словом “мир”. Ибо каким бы улыбчивым ни казалось нам все вокруг, если Бог оскорблен, даже само благословение обращается в проклятие. Итак, единственное основание для нашего счастья – благоволение Божие, от которого происходит то, что наслаждаемся мы истинным и надежным процветанием, и сами противящиеся нам обстоятельства продвигают наше спасение. Затем из того, что апостол просит мира у Господа, уразумевает, что всякое выпадающее нам благо есть плод благоволения Божия. Не следует и то упускать из виду, что блага эти одновременно испрашивает он и у Господа Иисуса. Ибо заслуженно воздается Ему эта честь, Тому, Кто не только есть служитель и податель Отчей к нам благодати, но и все сообща с Ним соделывает. Однако прежде всего апостол имеет в виду, что через Него приходят к нам все благодеяния Божии. Есть и такие, кто под словом “мир” хотят разумеать спокойствие совести, и я не отрицаю, что это значение в целом ему подходит, но, поелику несомненно, что апостол хотел обозначить здесь совокупность всех благ, много уместнее прежнее толкование, заимствованное у Буцера. Итак, хотя пожелать благочестивым высшее счастье, как и ранее, обращается он к самому источнику, а именно, к благодати Божией, которая одна не только дает нам вечное блаженство, но и является причиной всех благ в этой жизни.

8. Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире. 9. Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас, 10. всегда прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне прийти к вам, 11. ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, 12. то есть утешиться с вами верою общию, вашею и моею.

(8. Во-первых, благодарю Бога моего через Иисуса Христа обо всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире. 9. Свидетель мне Бог, Которого почитаю в духе моем в Евангелии Сына Его, что постоянно воспоминаю о вас 10. всегда в молитвах моих, прося о том, не откроется ли мне некогда успешный путь по воле Божией, чтобы прийти к вам. 11. Ибо желаю видеть вас, чтобы преподать вам некий духовный дар к утверждению вашему: 12. То есть к восприятию взаимно ободрения в вас через взаимную веру, вашу же и мою.)

8) *Прежде всего.* Здесь самое подходящее место начать подбираться к главной цели [своего послания]: пользуясь доводами, как от своего лица, так и от лица своих слушателей, апостол успешно подготавливает их к восприятию учения. Довод, заимствованный от лица слушателей, состоит в том, что поминает он знаменитость их веры. Ибо апостол намекает, что, пользуясь всеобщей известностью среди церквей, не могут они отвергнуть апостола Господня, чтобы, тем самым, не обмануть сложившегося о них мнения. Это было бы бесчеловечно и близко к вероломству. Итак, как свидетельство сие заслуженно должно было привлечь к ним апостола, чтобы, уверившись в надежности послушания римлян, он по долгу своему принялся за их научение и наставление, так и самих римлян обязало оно к тому, чтобы не презирать его авторитет. От своего же лица он склоняет их к научению, свидетельствуя об искренности своей к ним

¹¹ Сынами.

¹² Превосходном.

¹³ Похвально.

¹⁴ Итак, не можем мы ... если не уверены ... и не стремимся.

¹⁵ Почему бы стоило изменить лицо.

любви. Ведь ничто так не способствует доверию к наставнику, как, если удастся¹⁶ ему создать о себе мнение, что от всей души трудится он у нас и подвизается. Также следует обратить внимание на то, что, восхваляя их веру, апостол, однако же, возводит ее к Богу¹⁷. Откуда научаемся, что вера есть Божий дар. Ибо, ежели благодарение есть признание оказанного благодеяния, значит: кто благодарит за веру Бога, тот исповедует, что вера от Него. Если же видим мы, что апостол похвалы свои всегда начинает с соответствующих благодарений, то видим здесь наставление в том, что всякое наше благо есть Божие благодеяние. В самом деле, полезно привыкнуть к такому образу речи, коим всегда настоятельно побуждаемся признавать в Боге подателя всех благ и других воздвигать к тем же самым помыслам. И если подобает соблюдать порядок сей по отношению даже к малым благословениям, то, тем более, по отношению к вере, которая не есть какая-то незначительная и общераспространенная милость Божия. Кроме того, здесь мы видим пример, что благодарить следует только через Христа, по заповеди апостола в Евр.13:15, в соответствии с которой мы испрашиваем и получаем от Отца милость во имя Христово. И наконец, апостол зовет Бога **своим Богом**. И это – особая привилегия верующих, которым одним Бог даровал такую честь. И причина этому – то взаимное отношение, которое выражено в обетовании словами: Я буду их Богом, а они будут Моим народом. Хотя в данном случае я предпочел бы ограничить эту привилегию самим Павлом, чтобы она была наградой за то служение, которое выказывал он Господу в евангельской проповеди. Так Езекия зовет Бога Богом Исаии, желая засвидетельствовать истинность и верность Его пророка (Ис.37:4). Так Бог зовется по превосходству и Богом Даниила (Дан.6:21), потому что Даниил выступал за чистоту богопоклонения.

Во всем мире. В оценке веры римлян мнение испытанных мужей заменяло Павлу весь мир. Ибо неверные не могут дать искреннее и надежное¹⁸ свидетельство об этой вере; для них она скорее предмет поношения. Итак, слыша, что вера римлян возвещается во всем мире, будем разуметь, что возвещается она устами верных, способных о ней и правильно мыслить, и правильно возвещать. То же, что нечестивые, даже живущие в Риме, и не слыхали об этой вере, не имело никакого значения, ибо Павла не интересовало мнение тех, которые сами – ничто.

9) *Свидетель мне Бог.* Здесь апостол доказывает любовь свою по ее плодам. Ибо, если бы пламенно их не любил, не молил бы так усердно об их спасении Господа, и, кроме того¹⁹, не желал бы столь ревностно способствовать ему своим служением. Итак, сие беспокойство, сие желание суть несомненные знаки его любви, ибо, они не могли бы быть вовсе, если бы из нее не проистекали. Поелику же²⁰ знал апостол, что, будь римляне твердо убеждены в его искренности, это принесло бы большую пользу укреплению веры в его проповедь, он прибавил еще и клятву, необходимую всегда, когда слово, которому надобно быть твердым и несомненным, страдает неопределенностью. Ибо, ежели клятва есть не что иное, как свидетельство Божие в истинности нашего слова, глуп будет тот, кто станет отрицать, что апостол здесь поклялся. И при этом не был нарушен запрет Христов. Откуда явствует, что замыслом Христа не было полностью отменить все клятвы [как бредят суеверные анабаптисты], но скорее согласовать их с истинным соблюдением закона. Закон же, разрешив клятву, осуждает лишь клятвопреступление и излишние клятвы. Итак, если хотим мы законно поклясться, будем подражать той трезвости и благоговению, кои обнаруживаются в апостоле. А чтобы уразуметь тебе форму клятвы, знай, что как Бог призывается в свидетели, так же Он призывается и в мстители, если поклялись мы ложно. Что в другом месте апостол выражает следующими словами: Бога призываю в свидетели на душу мою (2Кор.1:23).

Которому служу в духе моем. Поелику у мирских людей, насмехающихся над Богом, есть обычай призывать имя Его не столь надежно, сколь необдуманно, Павел говорит здесь о своем благочестии, дабы показать, что несомненно достоин доверия. Ибо те, в которых живет страх и почтение к Богу, ужасаются давать ложные клятвы. Кроме того, апостол противопоставляет свой дух внешней личине. Ибо, поелику многие ложно выдают себя за почитателей Бога, и являются таковыми только с виду, свидетельствует он, что от всей души служит Создателю. Может быть, он также имеет в виду древние обряды, которых иудеи считали единственной формой богопоклонения. Итак, апостол говорит о том, что, даже не следуя этим правилам, он все равно является целомудренным почитателем Бога, как сказано в Фил.3:3. Обрезание – это мы, служащие Богу духом, и не хвалящиеся плотью. Следовательно, хвалится он тем, что чтит Бога искренней благочестивостью души своей, которая есть истинное богопочитание и законный способ поклонения. Говорит же об этом для того, чтобы [как сказал я выше] клятва его имела больший вес, дабы засвидетельствовать ему свое благочестие в Боге. Ибо для нечестивых клятвопреступление – что шутка, а для благочестивых оно хуже тысячи смертей. Ибо там, где живет подлинный страх Божий, непременно будет и почтение к Его имени. Итак, Павел как бы говорит, что знает, какова священность и божественность

¹⁶ Случается.

¹⁷ Относит ее к Богу.

¹⁸ О ней.

¹⁹ И не.

²⁰ Поскольку.

клятвы, и, призывая в свидетели Бога, не делает этого необдуманно, как обычно поступают безбожники. И на примере своем учит и нас в клятвах наших оказывать внимание благочестию, дабы имя Божие, употребляемое нами, обрело надлежащий вес. Наконец, этим он доказывает, что не ложно почитает Бога, почитает, именно, через свое служение. Ибо для человека было великим знаком посвящение себя Богу, дабы, отрехшись от самого себя, не усомнился пойти на бесславие, нужду, смерть и ненависть к себе ради возвышения царствия Божия. Некоторые же понимают этот отрывок так, словно Павел хотел обосновать свой способ поклонения Богу, обосновать тем, что последний соответствует евангельской заповеди. Несомненно, что в Евангелии нам заповедуется духовный способ богочитания. Однако прежнее толкование подходит много лучше; именно проповедуя Евангелие апостол хочет одновременно и заверить в служении своем Богу. При этом он отличает себя от лицемеров, у коих иное намерение, нежели служить Богу. И поелику многими руководит самомнение и что-либо в этом роде, далеко не все от души и верно исполняют служение свое. Итог таков: Павел искренне трудится на учительской должности, ибо об этом свидетельствуют внешние признаки, то есть благочестие его, о котором говорил ранее. Однако отсюда же извлекаем мы полезное научение, которое немало должно воодушевить евангельских служителей, когда слышат они, что в проповеди Евангелия доверяется им драгоценный и возвышенный божественный культ. Ибо что мешает и самому их труду считаться превосходным поклонением Богу, если знают они, что он Ему угоден и Им одобряется? Кроме того, апостол зовет Евангелие Евангелием Сына Божия, которым открывается запечатленный Отцом Христос, дабы, где прославляется Он Сам, прославлялся в свою очередь и Отец Его.

Непрестанно. Самой непрестанностью молитвы еще больше выражает он пламенность своей любви. Ибо великим делом было во всех молитвах, изливаемых перед Господом, упоминать о римлянах. Дабы же нам яснее уразуметь смысл, слово *παυτοτε* я хотел бы отнести к существительному, как если бы было сказано: упоминаю о вас во всех молитвах моих, всегда, когда молю я Господа. Ведь он говорит не о каком-нибудь призывании Бога, но о молениях своих, в которых святые, предаваясь им, погружаются полностью, слагая с себя все прочие заботы. Ибо он мог, конечно, внезапно, в то или иное время, так обратиться к Богу, чтобы не вспомнить при этом о римлянах; однако всегда, когда предавался длительной и размыслительной молитве, между прочим просил и о них. Итак, особо говорит он о тех молениях, к которым святые готовятся загодя, подобно тому, как и Сам Господь искал ради них уединения. Однако, говоря, что предавался им непрестанно, одновременно намекает и на то, сколь часто или, скорее, долго в них пребывал.

10) *Προся ..., чтобы (прося о том, не откроется ли ...)*. Поелику не похоже, чтобы мы заботились о благе тех, которым не готовы помочь и самим делом, апостол, сказав о своем усердии в молитвах о спасении римлян, теперь добавляет еще одно доказательство своей к ним любви перед Богом, испрашивая случая быть им полезным. Посему, дабы полностью уразуметь тебе смысл, прочти его слова так, как будто в них вставлен союз “также”: **прося также о том, не откроется ли**. Говоря же: **успешный путь по воле Божией**, заявляет, что не только ожидает от Господа милости благоуспешного пути, но и что лишь тот путь он почитает успешным, который одобряется Самим Господом. И по таковому правилу следует приносить всякий обет.

11) *Ибо я весьма желаю видеть вас*. Он мог бы, и отсутствуя, укреплять их веру своим учением, но, поелику при личном присутствии поучение всегда воспринимается лучше, он и хотел присутствовать среди них в собственном лице. Цель же поучения изъясняет для того, чтобы показать: не для своей, но для их пользы желает он подвергнуться тяготам путешествия. Говорит же о **духовных дарах**, о которых знал, что обладает ими по благодати Божией, кои относятся либо к учению, либо к ободрению, либо к пророческому дарованию. Здесь под “преподанием” обозначает он законное употребление подобных даров. Ибо каждый потому особо наделяется своим даром, чтобы все взаимно и радушно ими обменивались, и одни передавали другим то, чем каждый обладает в отдельности. Об этом смотри ниже, 12:3, а также 1Кор.12:11.

К утверждению вашему. Уточняет то, что ранее сказал о преподании даров, дабы не показалось, что он относится к римлянам так, словно их еще следует наставлять в первых принципах, будто они еще не привиты ко Христу. Итак, говорит, что для того желает у них потрудиться, чтобы максимально помочь уже преуспевшим. Ибо все мы нуждаемся в утверждении, пока полностью не повзрослеем во Христе (Еф.4:13). И не довольствовавшись подобной скромностью, прибавил, кроме того, оговорку, коей показал, что не настолько присвоил себе власть учить, чтобы и самому не хотеть от других учиться. Как бы сказал: я так постараюсь утвердить вас по мере данной мне благодати, что сам по примеру вашему окрылюсь в вере своей, дабы взаимно мы, друг от друга, получили пользу. Смотри же, до какой степени смиряет себя благочестивое сердце, что не отказывается искать наставления даже от неопытных новобранцев! И говорит он так без всякого притворства. Ибо в Церкви Божией никто не бывает столь нищим, чтобы не мог он преподавать нам нечто важное для назидания. Но поиметь плод и с той, и с другой стороны мешают нам злоба и гордыня. Такова наша спесь, таково опьянение вздорной славой, что, презирая и отвергая других, каждый кажется себе полностью достаточным. У Буцера же вместо слова “ободрение” читается “утешение”, поскольку больше соответствует древним кодексам.

13. Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался прийти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как у прочих народов. 14. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. 15. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме.

(13. Не хочу, чтобы не ведали вы, братия, что часто предполагал идти к вам, и до сих пор испытывал препятствия, чтобы иметь некий плод у вас, как и у прочих народов 14. И Еллинам и Варварам, и мудрым и глупым, являюсь я должником. 15. Итак, что до меня, готов я также и вам, находящимся в Риме, благовествовать.)

13) Не хочу оставить вас в неведении. О чем говорил он и до этого, то есть, что усердно просил у Господа, дабы дозволено ему было их когда-нибудь посетить. Однако, поскольку сие могло показаться напрасным, если бы не пользовался он благоприятными случаями, ныне проясняет он и этот вопрос. Ибо говорит, что имелись у него попытки, но не имелось возможности. Ибо препятствия отвращали его от многократно задуманного. Отсюда мы научаемся, что Господь часто ниспровергает замыслы своих святых, чтобы смирить их, и подобным смирением научить уповать на Его провидение и полностью от него зависеть. Хотя святые отвращаются от своих замыслов не в собственном смысле, поелику ничего не желают они без воли Божией. Ибо имеется и такое дерзкое нечестие, когда люди помимо Бога строят планы на будущее, словно оно в нашей власти, что сурово порицает апостол Иаков (4:13). Слова же Павла о **запрете пути для него**, надо понимать не иначе как то, что Господь нагружал его более насущными трудами, которые не мог он отложить без вреда для Церкви. Итак, разнятся между собой препятствия для безбожных и для благочестивых, ибо первые тогда только их чувствуют, когда насильно обуздываются рукой Господней, так что и пошевелиться не могут, а вторые довольствуются и малым знаком, не позволяя себе покушаться на что-либо против своего долга или целей назидания.

Чтобы иметь некий плод. Конечно же он говорит о том плоде, для собирания которого Господь и послал апостолов. Я избрал вас, чтобы вы шли и собирали плод, и плод ваш пребывал (Ин.15:16). И хотя не для себя собирает этот плод, а для Господа, называет его, однако же, своим. Ибо ничто так не принадлежит святым, как то, что продвигает славу Господню, с которой соединено все их блаженство. О том, что случилось ему проповедовать среди разных народов, упоминает он для того, чтобы римляне не сочли обузой его приход, оказавшийся столь плодотворным в столь многих племенах.

14) Еллинам и Варварам, мудрецам. Кого именно разумеет он под Еллинами и Варварами, показывает через собственное толкование, где их же называет другими именами: **мудрецами и глупыми**. Эти имена Эразм неплохо перевел как: "образованные и невежды", но я предпочел бы сохранить слова самого Павла. Итак, доказывает он, исходя из своего служения, что не по надменности считает себя способным учить чему-либо римлян, какой бы образованностью, опытностью и мудростью те не отличались, ведь угодно было Господу и перед мудрецами сделать его должником. Здесь надо принять во внимание две вещи: мудрецам по небесной заповеди предназначено и предложено Евангелие, с помощью которого Господь покоряет Себе всю мудрость мира сего, и всякий ум, и всякий род науки и искусства заставляет уступить простоте Своего учения. И это тем более, что мудрецы ставятся на один уровень с невеждами, и так укрощаются, что вместе с ними учатся у единого Учителя Христа, учатся с теми, кого прежде брезговали иметь даже собственными учениками. Затем, и невежды никак не должны отстраняться от подобной школы, и не должны бежать от нее с напрасным страхом. Ибо, ежели и им должен был Павел, считающийся самым надежным должником, то, конечно же, и им он вернет должное. Посему здесь показывается им, Кем будут они в будущем наслаждаться. Так что, все учителя найдут здесь правило, коему надо следовать, а именно: скромно и дружелюбно принаравливаясь и к мудрецам, и к невеждам. Если будут поступать таким образом, спокойнее перенесут многочисленные трудности и преодолеют многие тяготы, от которых иначе могли бы прийти в уныние. Однако пусть помнят, что так должны они обуздывать глупцов, чтоб самим не потворствовать их бесстыдной глупости.

15) Что до меня. Здесь апостол завершает речь о своем желании. Ибо считал он подобающим служению своему, сеять среди них Евангелие, чтобы собрать плод для Господа своего. И желал также соответствовать призванию Господню, насколько то позволялось ему Самим Господом.

16. Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину. 17. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет.

(16. Ибо я не стыжусь Евангелия Христова, потому что сила есть Божия, ко спасению всякому верующему: Иудею прежде, а затем Еллину. 17. Ибо праведность Божия в нем открывается от веры в веру, как написано: Праведный от веры будет жить.)

16) *Я не стыжусь*. Вступление, коим показывает, что не занимают его насмешки нечестивых, в котором, однако, попутно переходит он к раскрытию достоинства своего Евангелия, дабы римляне не отнеслись к нему с презрением. Намекает же на то, что Евангелие презираемо в мире, когда говорит, что не стыдится. И так уже готовит их к тому, чтобы несли они поношение креста Христова и не пренебрегали Евангелием, видя как подвергается оно презрению и поношению у нечестивых. И, одновременно, от противного доказывает, каково превосходство Евангелия у верных. Если должны мы возвеличивать силу Божию, то, вот, она блистает в Евангелии. Если достойна та благодать, на которую уповают и которую любят, то Евангелие и есть орудие сей благодати. Итак, заслуженно находится оно в почете, поелику силе Божией следует оказывать почтение. Насколько же служит оно спасению нашему, настолько должно быть нами и любимо. Смотри, сколько приписывает Павел служению слова, свидетельствуя, что Бог являет в нем Свою спасительную силу! Ибо говорит здесь не о некоем тайном откровении, но о произносимой устами проповеди. Откуда следует, что избегающие слышать проповедь словно отторгнуть силятся силу Божию и оттолкнуть от себя Его избавляющую десницу. Поелику же апостол не везде трудится действительно, но лишь там, где Дух просвещает сердца, как внутренний Учитель, он и добавляет: **всякому верующему**. Ибо всем предлагается Евангелие ко спасению, но не везде являет себя его сила. То же, что для нечестивых оно – зловоние к смерти, не столько происходит от его природы, сколько от их злобы²¹. Ведь оно, показывая единственный путь спасения, исключает всякое прочее упование. Уводя же себя от сего единственного спасения, нечестивые и получают в Евангелии некое откровение собственной гибели²². Итак, безразлично приглашая всех ко спасению, Евангелие в собственном смысле зовется спасительным учением. Ибо в нем предлагается Христос, Чье служение и состоит в спасении погибших. Те же, кто отказывается спастись, обретают в Нем судию. Впрочем, в Писании повсеместно спасение противопоставляется гибели. Итак, поелику зовется оно так, надобно разуметь, о чем идет речь. Поскольку Евангелие избавляет от гибели и проклятия²³ вечной смерти, спасение его и есть вечная жизнь.

Во-первых, Иудею, а потом и Еллину. Под именем эллинов апостол охватывает всех язычников, как явствует из приведенного сравнения. В нем этими двумя словами он называет всех людей вообще. Народ же этот, то есть эллины, лучше всего подходит для обозначения и других племен, поелику он первый после иудеев был призван в общение евангельского завета. Кроме того, из-за близости и знаменитости их языка эллины лучше всего были известны иудеям. Итак, здесь имеется связка, посредством которой, говоря о причастности к Евангелию, апостол присоединяет к иудеям все народы. Однако же он не лишает иудеев их места и привилегий, поелику в обетовании и призвании они были первыми. Поэтому и сохраняет он за ними их преимущество, но сразу же, пусть и на втором месте, присовокупляет к ним язычников.

17) *Правда Божия*. Истолкование и подтверждение предыдущего утверждения, что Евангелие есть сила Божия ко спасению. Ибо, если мы ищем спасения, то есть жизни с Богом, то первой следует взискать праведность, по которой обретаем жизнь, примирившись с Богом²⁴, то есть по умилоствлению Бога, жизнь, состоящую лишь в Его к нам благоволении. Ибо, чтобы любил нас Бог, должны мы прежде стать праведными, поелику неправедность Бог ненавидит. Итак, апостол говорит, что ниоткуда, кроме как от Евангелия, не получаем мы спасения, ибо нигде больше не являет нам Бог своей праведности, которая одна избавляет нас от гибели. Сия же праведность, будучи основанием спасения, открывается в Евангелии; поему и зовется Евангелие силой Божией ко спасению. Так от причины переходит он к следствию. И еще заметь, сколь редким и драгоценным сокровищем одаривает нас Бог в Евангелии, сиречь: Своей Собственной праведностью. Под праведностью же Божией разумею ту, которая одобрена пред Его судейским престолом, подобно тому, как обычно противопоставляют ее праведности людской, которая по людскому же мнению считается и зовется праведностью, хотя, по сути, не более, чем дым. Однако не сомневаюсь я и в том, что Павел намекает здесь на многие пророчества, где повсеместно Дух Божий возвещает праведность Божию в грядущем Христовом Царствии. Иные толкуют это так, что праведность дается нам от Бога. Я с готовностью признаю, что в этих словах заложен данный смысл, ибо Бог оправдывает, а потому и спасает нас через Евангелие. Однако прежнее толкование кажется мне более подходящим, хотя сейчас я не хочу на нем настаивать. Более важно то, что по мнению некоторых праведность сия состоит не только в данном даром отпущении грехов, но частично также и в благодати возрождения. Я же толкую так, что мы потому восстановлены к жизни, что Бог даром примиряет нас с Собою, о чем подробнее расскажем впоследствии. Вместо сказанного им прежде: **всякому верующему**, ныне говорит: **от веры**. Ибо праведность предлагается через Евангелие, а принимается через веру. Добавляет же “в веру” потому, что насколько преуспевает наша вера, насколько совершенствуется в этом познании, настолько же возрастает в нас праведность Божия, и неким образом подтверждается обладание ею. Вкусив Евангелие вначале, мы видим в нем радостное и приветливое для нас лице Божие, но не столь

²¹ Беспутства.

²² Постыжения своего.

²³ Постыжения и гибели.

²⁴ В Его.

отчетливо. Чем же более возрастает наше познание благочестия, тем яснее и ближе²⁵ различаем мы благодать Божию. То же, что некоторые видят здесь неявное сравнение ветхого и нового заветов, более надуманно, чем очевидно. Ибо Павел не сравнивает нас с отцами, жившими под законом, но говорит о ежедневном преуспеянии каждого отдельного верующего.

Как написано. Апостол доказывает праведность по вере авторитетом пророка Аввакума. Ибо тот, пророчествуя о крушении гордецов, добавляет там же, что жизнь праведника состоит в его же вере. Ибо не живем мы пред Богом иначе, как по праведности, откуда и следует, что праведность наша также заключается в вере. Глагол же, употребляемый в будущем времени, означает здесь неизменную непрерывность²⁶ жизни, о которой идет речь; апостол как бы говорит, что эта жизнь не одномоментна, а непрерывно продолжается. Ибо нечестивые также гордятся своим ложным притязанием на жизнь, но, едва скажут они: Мир и безопасность, как тут же приходит к ним погибель. Итак, их жизнь — это тень, длящаяся лишь один миг, и только вера есть то, что делает жизнь непрерывной. И почему же еще, если не потому, что приводит нас к Богу и помещает в Нем нашу жизнь? Ибо Павел не уместно привел бы настоящее свидетельство, если бы мысль пророка не состояла в том, что мы стоим лишь тогда, когда верою пребываем в Боге. Конечно же, лишь потому приписывает он жизнь вере благочестивых, что они, осудив мирскую гордыню, прибегают под защиту Божию. Но не говорит здесь прямо о причине, и потому не упоминает о подаваемом даром праведности, однако из природы самой веры достаточно явствует, что вполне подходит для нее приведенное им свидетельство. Кроме того, из его же рассуждения с необходимостью выводим взаимное отношение между верой и Евангелием. Ибо, поелику сказано, что праведный жить будет верою, отсюда следует, что жизнь эта принимается нами через Евангелие. Вот, мы уже видим главную мысль этой первой части Послания, ту, что оправдываемся лишь по милосердию Божию, и притом через веру. Еще не видим мы эту мысль запечатленной апостолом в явных словах, но из контекста легко выводится, что праведность, основанная на вере, опирается лишь на милость Божию.

18. Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. 19. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. 20. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. 21. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; 22. называя себя мудрыми, обезумели, 23. и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся.

(18. Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправедность человеков, неправедно содержащих истину Божию. 19. Ибо, что познается о Боге, явно среди них, потому что Бог явил им. 20. Ибо невидимое Его, от создания мира, разумеемое делами, видимо, вечная сила Его и Божество, чтобы быть им неизвиняемыми. 21. Ибо они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; 22. называя себя мудрыми, обезумели, 23. и изменили славу нетленного Бога подобием образа тленного человека, и птиц, и четвероногих, и пресмыкающихся.)

18) Открывается. Апостол аргументирует из сравнения противоположностей и доказывает, что праведность не даруется и не принимается нами, кроме как через Евангелие²⁷. Ибо он показывает, что вне Евангелия²⁸ все осуждены. Итак, в нем одном открывается нам спасение. И сначала говорит он о всеобщем осуждении: поелику устройство мира и прекраснейшая благосоставность его элементов должна была подвигнуть человека на прославление Бога, и никто, тем не менее, не исполняет этот свой долг. Отсюда явствует, что все виновны в святотатстве и безбожной преступной неблагодарности. Некоторым кажется, что здесь начинается цепочка утверждений, так что Павел как бы развертывает свою речь от покаяния. Однако мне думается, здесь начинается противопоставление с тем, что уже было высказано в предыдущем утверждении. Ибо замысел Павла состоит в том, чтобы научить, где именно следует искать спасение. Он возвещает, что мы достигнем его не иначе как через Евангелие. Плоть неохотно смиряется до того, чтобы приписать славу за спасение одной благодати Божией, и поэтому апостол весь мир делает повинным вечной смерти. Откуда явствует, что жизнь следует искать не там, откуда на всех нас навлекается погибель. Впрочем, хорошо понятые отдельные фразы много помогут правильному разумению всего предложения. Между нечестием и неправедностью некоторые проводят то различие, что первым словом, по их мнению, означает нарушение божественного поклонения, а последним — нарушение справедливости среди людей. Но, поелику апостол тут же относит эту неправедность к пренебрежению в делах религии, мы считаем²⁹, что и тем, и другим

²⁵ Отчетливее.

²⁶ То есть, неизменность.

²⁷ Сообщается.

²⁸ Его самого.

²⁹ Признаем.

словом означает одно и то же. Затем говорится о всяком нечестии человеков в том смысле, что имеется в виду нечестие всех человеков, либо же то нечестие, в котором обличаются все люди. Так что одна и та же вещь, а именно, противная Богу неблагодарность, означает двойным именем, потому что ею грешат двойственным образом: она называется *αἰσῆβεια*, как бесчестие, относимое к Богу, и *ἀδικία*, потому что человек, относя к себе то, что принадлежит Богу, неправедно похищает у Бога Его честь. Гнев же употребляется здесь *ανθρωποπαθῶς* (антропопатически), по обычаю Писания, в качестве мщения Божия. Ибо Бог, наказывая, обращает к нам (по нашему мнению) Свой разгневанный лик. Итак, слово это не означает какое-либо движение в Боге, но относится лишь к тому, что чувствует наказываемый Им грешник. Когда же апостол говорит, что гнев открывается **с неба**, некоторые слова “с неба” принимают за эпитет, как если бы было сказано: гнев Бога Небесного. Я же думаю, что больше подходит другой смысл: куда бы ни посмотрел человек, нигде не обнаружит он спасения, ибо как небо предстает перед нами обширным и вечным, так же и гнев Божий разлит по всему миру. **Истина** же Божия означает здесь познание Бога. Содержать же ее значит подавлять или затемнять. Посему поступающие так обличаются в воровстве. Там же, где мы переводим “неправедно”, у Павла стоит “в неправедности”, что по-еврейски означает то же самое, но переводчик стремился здесь к более ясному смыслу.

19) *Ибо что можно знать о Боге.* Так³⁰ называет он то, что подобает или полезно знать о Боге. Разумеет же под этим все, относящееся к возвещаемой славе Господней, или же (что то же самое) все, что должно подвигать и побуждать нас к прославлению Бога. Коим словом апостол дает понять, что разум наш не способен постичь Бога таким, каков Он есть, но, что имеется некий способ познания, которым и должны довольствоваться люди, поелику Бог все, что говорит о Себе, приспособливает к нашему разумению. Итак, безумствуют все, пытающиеся дознаться, что есть Бог. Ибо Дух, Учитель совершенной мудрости, не напрасно призывает нас только к *τὸ γνωστὸν*, то есть к тому, что можно узнать о Боге. И тут же добавляет он, каким образом сие познается. И говорит “среди них”, а не “им” для большей выразительности. Ибо, хотя апостол повсеместно использует еврейские фразы, где часто встречается предлог *ב* (бет), однако, здесь он, кажется, хотел сказать о явлении, столь неотступном, что его просто невозможно избежать, так что каждый из нас чувствует его запечатленным в своем сердце. Говоря же, что Бог явил, имеет в виду то, что человек для того и был создан, чтобы лицезреть устройство мира. Потому и даны ему глаза, чтобы, созерцая столь прекрасную картину, возносился он к Самому Художнику.

20) *Ибо невидимое Его.* Бог Сам по Себе невидим. Но поелику величие Его блистает в делах и во всяком творении, то люди и должны получить отсюда представление о Нем, ибо творение ясно говорит о Своем Творце. Потому и в Послании к Евреям (11,3) апостол говорит, что веки суть зеркала невидимых вещей. Не перечисляя отдельно, что именно можно познать в Боге, он, однако, учит, что постичь можно даже вечную Его силу и Божество. Ибо Тому, Кто есть Создатель всяческих, надлежит пребывать без начала и от Себя Самого. Там, где это заметно, и являет Себя Божество, не могущее существовать иначе, кроме как вкупе с отдельными атрибутами Божиими, которые все в нем одном и содержатся.

Так что они безответны. Отсюда легко выводится, что случается с людьми от подобного явления Божия, а именно: они не могут привести на суде Божиим какое-либо оправдание, чтобы не подвергнуться справедливому осуждению. Итак, имеется следующее различие: явление Божие, коим соделывает Он славу Свою явной в творениях, по силе сияния своего является, вполне очевидным, но, имея в виду нашу слепоту, его никак не достаточно³¹. Впрочем, мы не настолько слепы, чтобы могли выставить в защиту своей превратности неведение. Ведь имеем же мы представление о Божестве, а затем и доходим до мысли, что, каково бы оно ни было, его нужно почитать. Однако здесь и останавливается разум наш, не постигая, ни кто такой Бог, ни каков Он на деле. Поэтому в Послании к Евреям апостол и приписывает вере тот свет, которым разум успешно постигает дела творения. И не без причины: ибо слепота мешает нам достичь поставленной цели. Мы видим лишь настолько, чтобы не быть способными оправдаться. Так что Павел изящно доказывает то, и другое (Деян.14,17), говоря, что Господь в прошлых поколениях оставил народы в неведении, но, однако, не оставил Себя *αμαρτυρον* (без свидетельства о Себе Самом), поелику подавал с неба дожди и плодородие. Итак, то познание Бога, коим лишь устраняется извинение, сильно отличается от познания спасительного, о котором говорил Христос (17:3), и которым учил хвалиться Иеремия (9,24).

21) *Как они, познав Бога.* Здесь апостол открыто говорит, что Бог вложил познание о Себе в умы всех людей. То есть, Он так доказывает делами Свое существование, что люди с необходимостью видят то, чего по собственной воле не доискиваются, а именно: что есть некий Бог, ибо мир никак не мог возникнуть ни случайно, ни сам по себе. Однако следует отметить, на каком именно шаге познания остановились люди, о чем и говорит тут же.

³⁰ Таким образом.

³¹ Пригодно.

Не прославили Его как Бога. Ведь Бога нельзя представить Себе без Его вечности, силы, премудрости, благодати, истины, праведности, милости. Вечность Его явствует из того, что Он – Создатель всего. Сила – из того, что все держит в деснице Своей, и все заставляет в Себе пребывать. Премудрость – из самого упорядоченного обустройства мира. Благодать – из того, что не было иной причины Ему все это создать, и нет иной причины, чтобы сохранять все созданное. Праведность явствует из управления миром, ибо Он карает виновных и отмщает невинных. Милосердие явствует из того, что с таким терпением сносит людскую порочность. Истина – из того, что Он неизменен. Итак, всякий имеющий представление о Боге уже должен восхвалять Его за вечность, премудрость, благодать, праведность. И поелику люди не признали в Боге этих качеств, но измыслили какие-то пустые фантазии, заслуженно говорится о них, что злодейски лишили они Бога Его славы. И апостол не без причины добавляет, что они не **возблагодарили** Бога, ибо нет никого, кто не был бы обязан Богу за Его бесчисленные благодеяния. Ведь даже одним именем Своим Он достаточно обязывает нас Себе, соизволив Себя нам явить.

Но осуетились. То есть, оставив истину Божию, обратились к суете умствований своих, вся мудрость которых пуста и рассеивается подобно дыму. И до такой степени покрыто мраком глупое их разумение, что ничего не может постичь правильно, но всеми способами стремится ко лжи и обману. В том и состоит неправедность, что семя правого познания подавляют они своей превратностью, прежде чем оно обретает способность давать ростки.

22) *Называя себя.* Многие видят в этих словах доказательство того, что Павел спорил здесь с философами, особенно надмевавшимися молвой о своей премудрости. Они думают, что речь апостола построена так, чтобы, отбросив величание сильных мира сего, он показал бы, что и в простом народе нет ничего достойного похвалы. Но мне кажется, что у них нет достаточного основания так думать. Ибо считать себя премудрыми в познании Бога свойственно не только философам. Это равным образом присуще всем народам и сословиям. Ведь не было никого, кто не захотел бы величие Божие измерять своими мерками и сделать Бога таким, каким мог представить себе в своем разуме. И дерзости сей обучаются не в школах, она рождается вместе с нами из утробы матери. Очевидно, что зло сие процветало во все века, так что люди ни в чем не отказывали себе в своих суевериях. Итак, говорится здесь об этом именно тщеславии, ибо люди, обязанные в смирении воздать славу Богу, захотели мудрствовать сами по себе, и низвели Бога до своего же низменного состояния. Так что Павел настаивает здесь на следующем принципе: никто, кроме как по своей вине, не отчужден от почитания истинного Бога, и как бы говорит: В надменности своей возвысили они себя, потому и оглупели по справедливому мщению Божию. Очевидна и та причина, по которой выступаю я против вышеназванного толкования³²: ведь не от философов возникло заблуждение приписывать Богу чувственный образ, но и сами они восприняли его от других, приспособив под свои представления.

23) *И изменили.* Вообразив Бога в таком виде, в каком могли постичь его своим плотским разумом, они никак не признали истинного Бога, но сотворили для себя нового и вымышленного Бога, а скорее же идола вместо Бога. Поэтому апостол и сказал, что они изменили славу Господню, что так же отошли от истинного Бога, как если бы кто подложил роженице чужого ребенка. И не извиняет их то, что несмотря на это Бог, по их верованию, обитает на небесах, так что дерево использовали они не вместо самого Бога, а вместо Его изображения. Ибо то и является гнусным в очах Божиих, что величие Его люди мыслят столь плотским образом, что даже дерзают сотворить для него подобие. И никого нельзя извинить в сей преступной дерзости: ни священника, ни законодателя, ни философов, из которых Платон, будучи самым трезвым, также усматривал в Боге некоторую форму. Итак, здесь указывается на то безумие, что все захотели вдруг изобразить для себя Бога, чем несомненно выдали безумие и грубость своих представлений о Нем. Вначале осквернили они величие Божие подобием тленного человека. Ибо так предпочел бы я перевести эту фразу, а не как у Эразма: **смертного** человека. Ведь Павел противопоставляет не только бессмертие Божие человеческой смертности, но и славу Его, не подверженную никаким порокам, противопоставляет горестному состоянию человека. Затем, не удовольствовавшись сей мерзостью, спустились до животных, и при том сквернейших в своем роде. И здесь еще явнее обличается их безумие. Об этих гнусностях можешь прочесть у Лактанция, Евсевия и Августина в книге о Граде Божием.

24. *то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела.* 25. *Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.* 26. *Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоположенным; 27. подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.* 28. *И как они не позаботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, 29. так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонамерения, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны*

³² Мнения.

родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. 32. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.

(24. то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, чтобы в бесславии сквернили тела свои. в самих себе 25. Которые заменили истину Его ложью, и поклонялись, и почитали тварь сверх Творца, Который благословен во веки, аминь. 26. Потому и предал их Бог постыдным страстям: ибо и женщины их заменили естественное употребление на то, которое против природы; 27. подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались взаимной похотью, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. 28. И как они не доказали, что имеют Бога в познании, то предал их Бог превратному уму – делать то, что не подобает, 29. чтобы были они исполнены всякой неправедности, распутства, похоти, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, извращенности, сплетни, 30. недоброжелатели, богоненавистники, злокозненны, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, 31. Безрассудны, необщительны, бесчеловечны, вероломны, немилостивы. 32. Которые, зная суд Божий, что делающие таковое достойны смерти, не только это делают, но и делающих одобряют.)

24) *то и предал.* Поелику нечестие есть скрытое зло, то, чтобы не пытались они извинить себя, показывает апостол самым наглядным образом, что не избежать им праведного осуждения. Ибо за нечестием последовали его плоды, в которых можно усмотреть явные знамения Господнего гнева. Поелику же гнев Господень всегда праведен, отсюда следует, что ему предшествовало то, что и сделало их достойными осуждения. Итак, апостол с помощью внешних проявлений доказывает отступничество и падение людей, ведь Бог мстит тем, кто отошел от Его благодати, и низвергает их в многообразную погибель и разрушение. И сопоставляя их пороки с нечестием, в котором ранее их же обвинил, апостол доказывает, что потому и карает их праведный суд Божий. Ибо поскольку ничто так не важно для нас, как собственная честь, в том и выражается наивысшая слепота, что, не колеблясь, бесчестим мы себя самих. Посему это и есть самое подходящее наказание за оскорбление божественного величия. Им одним наказываемся от макушки до пят, но различными способами, что служит многократному усилению кары. Итак, вот что, вкратце, утверждает апостол, и отсюда же явствует, что неизвинителен человек за свою неблагодарность Богу, ведь многое удостоверяет то, что свирепствует в нем Божий гнев. Ибо никогда бы люди, подражая зверям, не впали в столь постыдные похоти, если бы воля Божия не была по отношению к ним противна и враждебна. Итак, поелику повсеместно изобилуют отвратительнейшие пороки, апостол и выводит из них свидетельства божественного мщения. Если и в настоящее время гнев никогда не карает необдуманно и несправедливо, но всегда придерживается правил справедливости, то отсюда явствует, сколь несомненно нависает над всеми заслуженная ими смерть. О способе же, которым Бог предаст человека пороку, вовсе не стоит входить здесь в долгое словопрение. Ибо несомненно, что не только, дозволяя и соизволяя, разрешает Он впасть в него человеку, но и по праведному суду Своему устраивает все так, чтобы как по собственной похоти, так и по наущению дьявола, впадали люди в это иступление³³. Поэтому и пользуется апостол словом “предал”, по обычному словоупотреблению Писания, и слово это весьма сильно искажают те, кто думает, что лишь по попущению Божию впадаем мы в различные грехи. Ведь, поскольку сатана есть служитель гнева Божия, и как бы исполняет роль палача, то не по молчаливому согласию, а по прямому повелению судьи ополчается он на нас. Потому, однако, ни Бог не является жестоким, ни мы невинными, что, как открыто утверждает апостол: не иначе предаемся мы во власть сатане, как будучи достойными сей кары. Только оговоримся, что не от Бога исходит причина греха, корень которого все время пребывает в самом грешнике. Ибо надобно, чтобы истинным было высказывание: Погубил ты себя, Израиль; но лишь во Мне помощь твоя. Соединяя же похоти человеческого сердца с нечистотой, апостол намекает на то, какие порождения производит сердце наше, ежели однажды предоставить его собственному произволу. Фраза же “в самих себе” не лишена подчеркнутости: ибо выразительнее говорит о том, сколь глубокими и несмыслимыми отметинами бесславия заклеили люди свои же тела.

25) *Они заменили.* Здесь повторяет он то же самое, хотя и другими словами, дабы лучше запечатлеть в душах свою мысль. Ибо, когда истину Божию заменяют ложью, затмевается Его же слава. Итак, справедливо наслать всевозможный позор на тех, кто лишил Бога надлежащей славы и попытался Его опозорить.

И поклонились. Я перевел таким образом, дабы соединить вместе два слова. Прежде всего говорит он здесь о мерзости идолопоклонства. Ибо невозможно воздавать творению религиозную честь, если святотатственно и вероломно не лишать³⁴ этой чести Бога. И напрасно люди оправдывают себя тем, что чтут изображения ради Бога, ведь Бог не признает и не принимает такого служения. И поклоняются в этом случае не истинному Богу, а богу ложному, которого измыслила себе плоть. Добавляет же “Который благословен”

³³ Вводились.

³⁴ Не красть.

ради большего, как думаю, бесславия идолопоклонства. И смысл таков: Которому одному следовало поклоняться и служить, у Которого не подобало отнимать ничего, даже самого малого.

26) *Потому предал их Бог.* Словно закрыв скобки, апостол возвращается к тому, что прежде возвещал о мщении Божиим. И вначале в качестве образчика являет ужасное преступление, проистекающее из превратной похоти. Откуда явствует, что люди не только развратились до состояния животных, но и пали ниже их, извратив весь природный порядок. Затем приводит он длинную череду пороков, существовавших во все века и повсеместно царивших с полной вседозволенностью. И не важно то, что каждый человек в отдельности не страдает всеми этими пороками, ибо для обличения всеобщего позора достаточно, чтобы каждый признал за собой хотя бы один порок. Поэтому надобно понимать так, что Павел привел здесь те самые пороки, которые во все века и особенно в тот век были широко распространены и повсеместно процветали. Ибо то бесстыдство, коим не сквернились даже бессловесные скоты, было до странности широко распространенным именно тогда; остальные же пороки всегда повсеместно процветали. Затем апостол приводит тот список преступлений, в котором обличается весь человеческий род. Ибо ежели и не все убийцы, или воры, или прелюбодеи, нет, тем не менее, никого, кто не был бы уличен в каком-либо пороке. *Постыдными* же называет он те *страсти*, которых следует стыдиться даже по людскому мнению. Ибо соответствуют они тому, как ранее люди обесчестили Бога.

27) *Должное возмездие за свое заблуждение.* Ибо заслужили быть слепыми, забыть о самих себе, и не видеть, что им полезно, те, кто по злобе своей закрыл глаза, дабы не видеть свет Божий и не узреть славу Его. Наконец, справедливо ослепнуть в полдень тем, кто не устыдился угасить в себе славу Божию, единственно просвещающую наши очи.

28) *И как не позаботились.* Следует обратить внимание на данный здесь намек, говорящий о справедливой связи между наказанием и грехом. Поелику не позаботились они пребыть в познании Божиим, единственно направляющем наш ум к правильному разумению, дал им Господь ум превратный, уже не могущий ничего понять и уразуметь. Говоря же о превратном уме, как бы намекает на то, что не стремились они к познанию Бога с должной прилежностью, но скорее постарались отвратить свой ум от Бога. Итак, апостол хочет сказать, что они по неправому выбору предпочли Богу свои суетные мысли, и так впали в добровольное заблуждение.

Делать непотребства. Поелику ранее апостол привел лишь один отвратительный образчик, распространенный среди многих, однако же не присущий всем, теперь он начинает перечислять пороки, от которых не свободен никто. Ибо, ежели в отдельных людях (как уже было сказано) и не все разом они обретаются, однако же все люди осознают за собой какой-либо из этих пороков. Так что всякий может обличаться через них в нечестии. Вначале называет он те непристойности, которые, надо разуметь ужасными по суждению всех и чуждыми человеческому сообществу. Ибо обличает превратный разум то, что люди связываются с теми преступлениями, которые отвергает здравый смысл. Далее, напрасным было бы стараться, исходя из порядка этих пороков, один из них выводить из другого, ибо сие не входило в намерение Павла, но всех их он сваливал в одну кучу, по мере того как они приходили ему на ум. Что же означает каждый из них в отдельности³⁵, это вкратце мы сейчас и обсудим.

29) Под несправедностью разумей ту, которой нарушается человеческая справедливость, воздающая каждому свое. *Ποιῦντιον*, я, следуя мнению Аммония, перевел как “распутство”. Ибо он учит, что *ποῦντρον* это тот, кто *δραστῆκον κακῶν* (практикует зло). Итак, распутство – это навык ко злу, или вседозволенность в совершении зла. Злоба же есть то извращение или превратность ума, которое стремится к нанесению вреда ближнему. Павлово *πορνείαν* я перевел “похотью”, однако не буду возражать, если кто предпочтет перевести как “блуд”. Ибо слово это означает как внутреннюю похоть, так и внешнее действие. Корыстолюбие же, зависть, убийство не имеют двойного смысла. Под распрями апостол разумеет как брань и драки, так и бунтарство. *Κακοηθείαν*, которое мы перевели как “извращенность”, есть известная и открытая порочность, когда человек становится столь бесчувственным, что ожесточается в своих порочных нравах и злых привычках.

30) *Θεστυεῖς* – это без сомнения богоненавистники. Ибо, нет причины употреблять это слово в пассивном залоге, поскольку Павел винит здесь людей в их собственных пороках. Обозначаются этим словом те, кто противится Богу, видя, что Его праведность противостоит их бесчинствам. Сплетники и недоброжелатели различаются здесь, поскольку первые тайными наветами разрушают дружбу добрых людей, провоцируют людей на гнев, ругают невинных, сеют раздоры, а вторые – по некой врожденной злости не щадят ничье достоинство, и, словно мучимые страстью поносительства, позорят и виновных и невинных. *Υβριστάς* мы перевели как “злокозненные”, ибо такие значительные преступления, как грабеж, кража, поджог, отравление, которые хочет здесь означить Павел, латинские авторы привыкли называть злокозненностью.

³⁵ Каков же смысл.

Самохвалами назвал я тех, кого Павел зовет *υπερήφανους*, поелику греческое слово это и означает. Название же это происходит от того, что таковые, как бы вознесшись ввысь, презирают других так, словно те низшие, и не могут смириться с тем, что они на самом деле им равны. Гордыми называются те, кто кичится суетным дымом самомнения. Необщительны те, кто по своим преступлениям отлучается от соблюдаемого у людей общежития, или же те, у которых, как и у вероломных, нет искренности и постоянства в словах.

31) Бесчеловечны же те, кто не выказывает к своим даже элементарных естественных чувств. Поскольку же недостаток милосердия апостол помещает среди признаков испорченности человеческой природы, Августин выводит отсюда, что милосердие есть христианская добродетель.

32) *Они знают праведный суд Божий.* Хотя место сие толкуется по-разному, мне кажется наилучшим то толкование, что люди никак не сдерживают свою греховную необузданность, так что, утратив различие между добром и злом, они даже то, что по их знанию неприятно Богу и осуждаемо Его праведным судом, одобряют как в себе, так и в других. Ибо здесь и находится вершина всех зол – когда грешник до того теряет всякий стыд, что и своим собственным порокам льстит, не терпя, чтобы попрекали его, и всячески одобряет их же в других людях. Так и говорится в Писании о сей отчаянной беспутности: Хвалятся, делая зло (Прит.2:14). Также: Раскидывала ноги свои и хвалилась в блудодеяниях своих (Иез.16:25). Ибо тот, кто стыдится, еще подлежит исправлению. Там же, где из привычки грешить возникает такое бесстыдство, что пороки прославляются и одобряются вместо добродетелей, уже нет надежды на исправление. Поэтому я толкую это место так, что апостол хочет обозначить здесь нечто, еще более преступное и тяжкое, чем сами эти пороки. Что же это точно, я не знаю, если только не имеется здесь в виду то наивысшее распутство, когда несчастные люди, отбросив стыд, защищают пороки свои вопреки правде Божией.

Глава 2

1. Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же. 2. А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела.

(1. Посему, неизвинителен ты, о человек, всякий судящий, ибо в чем судишь другого, осуждаешь самого себя: потому что, судя, делаешь то же. 2. Знаем же, что поистине есть суд Божий на тех, кто творит подобное.)

Укоры сии адресованы лицемерам, которые, выставляя перед людскими глазами дела внешней святости, думают, что и перед Богом находятся в безопасности, словно бы принесли Ему должное удовлетворение. Поэтому Павел, продемонстрировав тяжчайшие людские пороки и никого не оставив праведным перед лицом Божиим, приступает к той разновидности святош, коих нельзя включить в предыдущую категорию. И ход его мысли настолько прост и ясен, что никто не должен гадать, куда ведет он свое рассуждение. Ведь потому и считает он людей неизвинительными, что, зная суд Божий, они, тем не менее³⁶, преступают закон. Даже если и не соглашаешься ты с проступками других, и, больше того, хочешь казаться их противником и отмстителем, однако, поелику и сам ты не свободен от этих проступков, то, ежели правдиво на себя посмотришь, не сможешь оправдаться и сам.

Ибо тем же судом, каким судишь другого. Помимо изящного употребления греческих слов *κρίνειν* и *κατακρίνειν* следует отметить, каким усилительным оборотом пользуется здесь апостол. Ибо предложение равносильно тому, как если бы он сказал: Дважды достоин ты осуждения, ты, который подвержен тем же порокам, которые отмечаешь и осуждаешь в других. Ибо суждение сие весьма знаменательно: действительно, закон обязывает к невинности, воздержанию и всяческим добродетелям тех, кто требует отчета от других. И не достойны они никакого снисхождения, ежели совершают то же, что пытаются обличить в других.

Потому что, судя другого, делаешь то же. Так будет дословно. А смысл таков³⁷: даже если и судишь ты, все равно делаешь. И апостол говорит об их делании, поелику творят они сие не с правой душой, ибо грех собственным образом относится к душе. Итак, самих себя осуждают они тем, что порицая вора, прелюбодея и злоречивого, осуждают они не людей, а пороки, присущие также и им самим.

2) *А мы знаем, что есть суд Божий.* Замысел Павла состоит в том, чтобы удалить от лицемеров самообольщение, да не считают они себя достигшими чего-либо великого и не оправдывают самих себя, ежели хвалит их мир, поелику на небесах ждет их совсем иной суд. Далее, намекая на их внутреннюю нечистоту, скрывающуюся от людских глаз, и не подлежащую обличению людскими свидетельствами,

³⁶ Все равно.

³⁷ Следующий.

взывает он к суду Божию, для Которого не сокрыта и сама тьма, и знанию Которого волей-неволей явны все грешники. Истина же суда сего состоит в двух вещах: что Бог карает проступок без лицепрятия, в каком бы человеке его ни обнаружил, а затем, в том, что не думает Он о внешнем виде и не довольствуется самим делом, ежели не происходит оно от подлинной искренности души. Отсюда следует, что личина ложной святости не мешает Ему обращать Свой суд даже на тайное нечестие. И это не что иное, как распространенное еврейское выражение, ибо и у евреев ценится истина и внутреннее душевное целомудрие, противопоставляемое, таким образом, не только наглому обману, но и внешней видимости добрых дел. Ибо тогда только пробудятся лицемеры, когда поймут, что не только мнимую их праведность, но и тайные движения сердца Бог призовет на суд.

3. Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и сам делая то же? 4. Или пренебрегаешь богатством благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? 5. Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, 6. Который воздаст каждому по делам его: 7. тем которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; 8. а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев. 9. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина! 10. Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину!

(3. Думаешь ли ты, о человек, судящий тех, кто делает такое, и делая то же самое, что избежишь суда Божия? 4. Или пренебрегаешь богатством благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? 5. Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, 6. Который воздаст каждому по делам его: 7. тем которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; 8. тем же, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев и скорбь 9. Теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, а также и Еллина! 10. Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, а также и Еллину!)

3) Думаешь ли ты, о человек. Поелику риторы велят не переходить к яростному порицанию прежде, чем будет обличено преступление, возможно для кого-то покажется, что Павел воспрянул здесь некстати, не завершив свое обвинение, и при этом яростно ополчась на преступников. Однако же это вовсе не так. Ибо уже достаточно доказал он их виновность в грехе. Ведь апостол обвиняет их не перед людьми, а пред судом их собственной совести. Поэтому вполне доказанным счел он то, что хотел доказать: а именно, что если всмотрятся они в себя и прибегнут к суду Божию, не смогут извинить свое нечестие. И не без настоящей нужды столь сурово и остро порицает он эту мнимую святость. Ведь подобные люди будут почивать в удивительном спокойствии, ежели тщетное упование их не устранят от них силою. Итак, будем помнить, что лучше всего так обличать лицемеров, чтобы, пробудив их от опьянения, тут же вывести на свет божественного суда.

Что избежишь. Здесь апостол аргументирует от меньшего к большему. Ибо если преступления даже по человеческому суду достойны осуждения, то, тем более, по суду Божию, Единственного Судии всяческих. Ибо по божественному внушению влекутся люди к осуждению преступлений, но это всего лишь темное и неясное предзнаменование Его будущего суда. Итак, безумствуют те, кто думает, что суд Божий ошибается, если сами не позволяют другим избежать суда собственного. Не лишено выразительности и то, что апостол еще раз называет человека по имени, сравнивая его с Богом.

4) *Или пренебрегаешь богатством.* Мне кажется, что здесь имеется не дилемма, о которой твердят многие, а всего лишь вступление. Ибо лицемеры хвалятся успехом во внешних делах, словно бы заслужили благоволение Господне добрыми делами, и, таким образом, еще больше ожесточаются в своем пренебрежении Богом. Апостол же противостоит их тщеславию, и доводом, заимствованным от противоположного, показывает, что им нет причины, исходя из внешнего преуспевания, надеяться на милость к ним Бога. Поелику у Того имеется совсем иной замысел благоговения, по которому Он обращает к Себе грешников. Итак, там, где не царит страх Божий, самоуверенность во внешнем успехе – не что иное, как презрение и насмешательство над безмерной Его благодатью. Отсюда следует, что тем, кого Бог щадит в этой жизни, будут ниспосланы еще более тяжкие наказания, поелику к их нечестию добавляется и то, что презрели они отеческий призыв Божий. И хотя все благодеяния Божии суть свидетельства Его отеческого благоволения, но преследует оно часто иную цель. Так что нечестивые напрасно хвалятся благоприятной к ним судьбой, когда благоволение это сладостно и приятно лелеет их, словно они дороги в очах Божиих.

Не разумея, что благодать. Господь Своей мягкостью к нам показывает, что Он есть Тот, к Кому мы обязаны обратиться, ежели хотим себе блага, и одновременно внушает нам упование на ожидание от Него милости. Так что, если не для этой цели используем мы благодеяния Божии, то злоупотребляем ими. Хотя нельзя всегда однозначно толковать эти благодеяния: поелику Господь, милостиво обращаясь со своими рабами и

ниспосылая им земные благословения, объявляет им о Своем благоволении этими символами и одновременно приучает их искать в Нем Одном наивысшее из всех благ. И с тем же снисхождением принимая преступников закона, Он хочет благодатью Своей смягчить их упорство, но, при этом, не говорит, что уже умилиствен по отношению к ним, а скорее призывает их одуматься. Если же кто скажет, что Господь напрасно обращается к глухим, пока не затронет изнутри их сердца, отвечаю: никого нельзя в этом винить, кроме нашей испорченности. Впрочем я предпочел бы перевести употребленное Павлом слово как **приводит**, а не как **приглашает**, поелику первое означает нечто большее. Однако разумею я здесь не насильственное приведение, а как бы привод за руку.

5) *Но по упорству твоему.* Когда упорствуем мы вопреки увещаниям Господним, за этим следует нераскаянность, и те, кто не спешит образумиться, тем самым явно искушают Господа. И место сие весьма знаменательно: оно учит тому, о чем упомянул я ранее, что нечестивые не только день ото дня навлекают на себя все более суровый божественный вердикт, но и что все дары Божии, коими ныне они усердно пользуются, пойдут им во осуждение. Ибо у всех будет потребован отчет. И когда заслуженно будет вменено им тягчайшее преступление, тогда откроется, что из-за благодати Божией сделались они еще хуже, хотя должны были, по крайней мере, исправиться. Итак, будем остерегаться, чтобы незаконным использованием временных благ не собрать для себя сие безрадостное сокровище.

В день гнева. Так будет дословно, но по смыслу *εἰς ἡμέραν* – на день. Ибо нечестивые собирают себе ныне гнев Божий, который тогда изольется³⁸ на их голову, втайне готовят для себя погибель, которая тогда станет явной. День последнего суда зовется днем гнева, поскольку касается нечестивых. Для верных же зовется он днем искупления. Так и другие посещения Господни для нечестивых всегда описываются как ужасные и грозные, а для набожных – как сладостные и приятные. Посему сколько раз Писание упоминает о приближении дня Господня, столько же раз велит набожным ликовать, а обращаясь к безбожным, не внушает им ничего, кроме страха и боязни. День гнева, говорит Софония (1,15), день тот – день скорби и тесноты, день бедствия и горя, день тьмы и мрака, день облака и мглы. То же самое написано и у Иоилия (2,2). А Амос даже восклицает (5:18): Горе желающим дня Господня, зачем он вам, ведь этот день Господень – тьма, а не свет. Далее Павел говорит об откровении, и, тем самым, намекает, каков будет тот день Господень, когда откроет Господь суд Свой. Ведь суды Его всегда как-то проявляются, однако полное и окончательное их явление отложено и удержано³⁹ до того дня. Ибо тогда откроются книги, тогда овцы будут отделены от козлищ, и пшеница от плевел.

6) *Который воздаст каждому.* Поелику апостол обращается здесь к ослепшим святошам, которые думают, что хорошо скрыли нечестие сердца своего, если прикрыли его видимостью напрасных дел, устанавливает он истинную праведность дел, имеющую устоять перед судом Божиим, дабы не думали они, что для умилиствления Его достаточно одних только слов и безделушек. Далее, предложение сие не столь трудно для понимания, как обычно думают. Ибо если Господь накажет злобу отверженных праведным отмщением, то воздаст им то, что они заслужили. Наоборот, поелику освящает Он тех, кого некогда постановил прославить, то увенчает в них также и добрые дела, но уже не по заслугам. И отсюда не следует, что, толкуя о награде, следующей за добрыми делами, апостол имеет в виду то, чего стоят они сами по себе, или какая полагается за них плата. Ибо глупо из награды выводить нечто о заслугах.

7) *Тем, которые постоянством.* Дословно, "терпением", коим словом выражается нечто большее. Ибо постоянство есть там, где кто-то не устает творить благо. Во святых также требуется и терпение, коим живут они под бременем различных искушений. Ибо сатана не дает им идти к Господу легким путем, но бесчисленными препонами пытается остановить их и отклонить от правильной дороги. Говоря же, что верные, пребывая в добрых делах, ищут славы и чести, апостол не имеет в виду, что стремятся они к чему-то другому, помимо Господа, или что просят чего-то большего, чем Он сам, но лишь то, что не могут они искать Господа, если одновременно не взыщут блаженства Его небесного царства, описание которого и содержится в этих словах. Итак, смысл таков, что Господь воздаст вечной жизнью тем, которые усердием в добрых делах стремятся к бессмертию.

8) *А тем, которые упорствуют.* Здесь речь апостола несколько сумбурна. Во-первых, имеется разрыв в повествовании. Ибо нить его рассуждения требует, чтобы последующее присоединялось к предыдущему таким вот образом: Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, Господь воздаст жизнь вечную, а упорствующим и непокорным – вечную смерть. Затем должен следовать вывод, что одним уготована слава, честь и бессмертие, а другим – гнев и скорбь. Кроме того слова: ярость, гнев, скорбь и теснота относятся к разным частям предложения. Однако же все это несколько не искажает смысл апостольской речи, а именно смыслом мы и должны довольствоваться, читая апостольские писания. Ибо красноречию следует учиться у других авторов. Здесь же в неискусном подборе слов надобно искать

³⁸ Имеет излиться.

³⁹ Сохранено.

духовную премудрость. Упорство означает у апостола противление, ибо Павел спорит здесь с лицемерами, которые грубыми побрякушками к себе бесчестят Бога. Истина же – это просто руководство божественною волею, которая одна является светом истины. Ведь всем нечестивцам обще то, что предпочитают они скорее поработиться беззаконию, чем возложить на себя ярмо Божие. И какое бы послушание не изображали они с виду, все равно не перестают горделиво противиться слову Божию. И как насмеются над истиной сей те, кто открыто бесчинствует, так и лицемеры не сомневаются противопоставлять ей свое собственное придуманное поклонение. Далее апостол говорит о том, что такого рода гордецы на самом деле служат нечестию, поелику третьего здесь не дано, и все, не захотевшие покориться закону Господню, сразу же порабощаются греху. В том и состоит справедливое возмездие за глупую вседозволенность, что тяготившиеся Божиим ярмом вынуждены теперь служить греху.

Ярость и гнев. Перевести так заставил меня прямой смысл апостольских слов. Ибо по-гречески сие звучит как *θυμος*, каковое слово по мнению Цицерона у латинян означает ярость (Туск.4.⁴⁰), а точнее – внезапное воспламенение гнева. В остальном же я следую Эразму. И, заметь, что из перечисленных четырех вещей, две последние суть как бы следствия двух первых. Ибо те, кто чувствует на себе гнев и противодействие Божие, очевидно будут ощущать скорбь и тесноту. Впрочем, поелику мог бы он и двумя словами кратко выразить как блаженство набожных, так и гибель отверженных, то обе эти темы раскрывает он здесь более широко, дабы действенное внушить людям страх перед гневом Божиим и обострить их желание обрести во Христе благодать. Ибо никогда мы не убоимся как следует суда Божия, если красочное и яркое описание не представит его нашему взору. И не будем мы гореть стремлением к вечной жизни, ежели не подвигнут нас к этому многочисленные стрела.

9) *Во-первых, Иудею.* Я не сомневаюсь, что здесь апостол противопоставляет иудеям язычников, ибо, кого в этом месте он зовет эллинами, немного спустя называет язычниками. Иудеи же предшествуют в этом деле постольку, поскольку прежде других получили от Бога обетования и угрозы. Апостол как бы говорит: Вот закон вселенского суда Божия, исшедший от иудеев и охвативший весь мир.

11. *Ибо нет лицепрятия у Бога. Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибли; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся 13. (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут).*

(11. *Ибо нет лицепрятия у Бога. Ибо те, которые, без закона, согрешили, без закона и погибли; те же, которые под законом согрешили, по закону осудятся 13. (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут).)*

11) *Нет лицепрятия.* До этого момента апостол влек на суд Божий всех смертных вообще⁴¹, ныне же начинает он по отдельности обличать иудеев и язычников. И одновременно учит тому, что имеющееся между ними различие не мешает и тем, и другим подлежать вечной смерти. Язычники оправдываются своим неведением. Иудеи же хвалятся законом. Поэтому апостол у одних отнимает извинение, а других лишает пустой похвалы. Итак, имеется некое разделение людского рода на две части. Ибо иудеев Бог отделил от других. У всех же язычников одинаковое положение. Так вот, апостол учит, что различие сие не мешает тем и другим быть одинаково виновными. Впрочем, когда в Писании говорится о лицах, имеются в виду внешние обстоятельства, которые люди привыкли ценить и уважать. Поэтому, когда слышишь, что Бог нелицеприятен, разумеи, что смотрит Он на чистоту сердца и внутреннюю невинность, и не привлекает Его то, что обычно ценится у людей: родословие, отечество, достоинство, богатства и тому подобное. Так что здесь приятие означает благорасположенность и причину различия между одним и другим. Если же кто начнет клеветать отсюда, что, потому-де, не существует благодатного избрания Божия, то надобно ответить, что приятие Богом людей двойственно: одно приятие – это то, которым Бог, призвав нас из ничтожества, усыновляет по Своей безвозмездной благодати, хотя в природе нашей и нет ничего, что могло бы Ему понравиться; другое же приятие – то, по которому нас, уже возрожденных, принимает Он со Своими Собственными дарами, и, признав в нас образ Сына Своего, окружает всяческим благоволением.

12) *Которые, не имея закона, согрешили.* Как язычники, влекомые заблуждениями своего ума, низвергаются в яму гибели, так и иудеи имеют явный закон, по которому будут судиться. Ибо уже был возведен им приговор, что проклят всякий, не исполняющий все заповеди закона. Посему хуже положение иудеев, которые имеют уже в законе собственное осуждение.

13) *Потому что не слушатели закона.* Вступление, которым апостол устраняет возможное оправдание со стороны иудеев. Поелику слышали они, что закон есть правило справедливости, то и надмевались оправдаться одним лишь его знанием. И чтобы устранить мечтания сии, говорит он, что для приобретения

⁴⁰ Гл.9, пар.21.

⁴¹ Обличал всех людей.

праведности по закону важно не слушание закона или его разумение, а совершение предписываемых дел. Как написано: Кто сотворит сие, жить будет сим. Итак, настоящее утверждение означает лишь то, что, если праведность ищется от закона, значит следует исполнять закон, ибо праведность по закону заключена в совершении дел. Те же, кто злоупотребляет этим местом для утверждения оправдания по делам, достойны осмеяния даже со стороны детей. Посему нелепо и неуместно вдаваться здесь в долгие рассуждения об оправдании ради опровержения столь пустой клеветы. Ибо апостол напоминает иудеям лишь о суде закона, по которому не могут они оправдаться, если не исполнят сам закон. Если они преступают его, для них уже готово проклятие. Мы не отрицаем, что в законе предписывается совершенная праведность, но поелику все обличаются в преступлении закона, утверждаем, что следует искать иную праведность. Так что, отсюда можно доказать, что никто не оправдывается делами. Ибо если лишь те, кто исполняет закон, оправдываются по закону, значит никто вообще не оправдается, потому что никто не может исполнить закон в совершенстве.

14. Ибо когда язычники не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: 15. они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую: 16. В день, когда, по благовестию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.

(14. Ибо когда язычники не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: 15. они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, по одновременному свидетельству совести их и мыслей их, то обвиняющих, то оправдывающих одна другую: 16. В день, когда Бог будет судить тайные дела человеков, по благовестию моему, через Иисуса Христа.)

14) Ибо когда язычники. Теперь повторяет он доказательство предыдущего утверждения. Ибо не довольствуется тем, что осуждает нас словом и возвещает нам праведный суд Божий, но пытается доказать это доводами, дабы еще больше побудить нас возжелать и возлюбить Иисуса Христа. Ибо доказывает он, что напрасно язычники будут твердить о неведении своем, когда самими делами показывают, что имеется у них некое правило справедливости. Ибо никакой народ еще не утратил настолько человеческого разума, чтобы не соблюдать вообще никакие законы. Итак, поелику все народы добровольно и без всякого увещания склонны создавать для себя законы, отсюда, без сомнения, следует, что некие понятия о справедливости и правоте, кои эллины зовут *πρόληψις*, по природе врождены человеческой душе. Итак, и без закона имеют они закон, поскольку, не имея написанного закона Моисея, не лишены, однако, понятия о праведном и справедливом. Ибо иначе не могли бы они различить между пороком и добродетелью, из коих один сдерживают карами, а другую восхваляют и чтят, поощряемую различными наградами. Поэтому апостол написанному закону противопоставляет природу, полагая, что язычникам просиял некий природный свет справедливости, заменяющий собой иудейский закон, так что сами они стали для себя законом.

15) *Они показывают, что дело закона написано.* То есть, они свидетельствуют, что способность различать и судить написана у них в сердцах, коей различают они между справедливым и незаконным, достойным и презренным. Ибо он имеет в виду не то, что воле их присуще желать и усердно стремиться к справедливости, но лишь то, что они настолько побеждаются силой истины, что не могут ее не одобрять. Ибо почему учреждают они религию, если не потому, что считают справедливым почтить Бога? Почему стыдно им блудить и красть, если не потому, что считают злом и то, и другое? Итак, не к месту заключать отсюда о силе нашей воли, словно бы Павел сказал, что соблюдение закона находится в нашей власти. Ибо не о силе исполнять закон говорит он ныне, а о знании закона. И сердце упоминает он не как вместилище чувств, а как вместилище разума, что и сказано в другом месте: Не дал тебе Господь сердце к разумению. А также: Глупцы и медлительные сердцем к вере. Кроме того, отсюда следует заключать не то, что людям присуще совершенное знание закона, но только то, что в их разуме посеяны некие семена справедливости. И они таковы, что все народы устанавливают у себя ту или иную религию, наказывают по закону прелюбодеяние, воровство и человекоубийство, восхваляют же верность слову в сделках и договорах. Ибо так свидетельствуют они, что не сокрыта от них необходимость богопочитания, что прелюбодеяние и убийство – зло, что испытанность достойна похвалы. И неважно, каким воображают они себе Бога, или сколько выдумывают богов. Достаточно, что знают они: Бог есть, и Ему следует служить и поклоняться. Неважно, позволяют ли они себе вожделение чужой жены или собственности, или какой-либо чужой вещи, потворствуют ли гневу или злобе. Ведь знают они, что, если делать сие является злом, то и вожделеть сие также не должно.

О чем свидетельствуют совесть и мысли. Апостол не мог повлиять на них больше, нежели сославшись на собственное свидетельство их совести, заменяющей тысячу свидетелей. Осознанием своих злодеяний люди поддерживаются и утешаются, сознавая же, что сотворили зло, мучаются и терзаются. Откуда следующие народные поговорки: добрая совесть как обширнейший театр, злая же – худший палач и хуже любых фурий мучает нечестивых. Итак, имеется некое природное разумение закона, кое одно считает

благим и полезным, а другое – порочным и злым. Заметь же, как искусно описывает апостол совесть, говоря, что нам приходят на ум различные доводы, коими и защищаем то, что сделано правильно, и наоборот, виним себя в том, что совершили недостойно. Основания же для обвинения и защиты он относит ко дню Господнему вовсе не потому, что возникнут они только тогда (ведь и ныне они действительны и исполняют свое служение), а потому, что только тогда станут они настолько явными, что никто не сможет их презреть или отвергнуть. Говоря же “в день”, имеет в виду “ко дню”, как и прежде.

16) *когда ... Бог будет судить тайное человеков.* Эти слова лучше всего дают нам понять идею суда. Дабы те, кто охотно скрывает гнусность свою как бы в потаенных местах, знали, что эти внутренние и ныне полностью сокрытые в тайниках сердца помышления тогда будут выведены на свет. О чем говорит и в другом месте (1Кор.4:5), желая показать коринфянам, сколь ничтожен человеческий суд, опирающийся на внешнюю личину. Итак, повелевает он ожидать пришествия Господня, Который просветит мглу и выведет на свет сокровенное человеческого сердца. Когда же мы об этом слышим, то увещеваемся, что должны стремиться к искренности сердца, ежели воистину хотим угодить нашему судии. Добавляет же “по благовествованию моему”, означая, тем самым, что провозглашает учение, коему соответствуют и природные человеческие понятия. А⁴² благовествование называет своим по причине своего служения. Ибо Одному Богу принадлежит власть издавать Евангелие, апостолам же поручено лишь его провозглашение. Впрочем неудивительно, ежели часть Евангелия зовется возвещением⁴³ будущего суда. Ибо, ежели последствия того, что обещается, отложены до полного откровения небесного царствия, необходимо, чтобы все это было связано с последним судом. Затем, нельзя проповедывать Христа кроме как одним в воскресение, а другим в погибель. Слова же “через Иисуса Христа”, хотя другим кажется иначе, я отношу к самому суду, в том смысле, что Господь будет судить через Христа. Ибо Он поставлен Отцом судьей живых и мертвых, что апостолы всегда помещают среди основных положений Евангелия. Только так предложение будет законченным, а иначе оно оказывается прерванным.

17. Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом и хвалишься Богом, 18 и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, 19 и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, 20 наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины: 21 как же ты, уча других, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? Гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

(17. Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешься в законе и хвалишься Богом, 18 и знаешь волю, и разумеешь лучшее, наученный законом, 19 и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, 20 наставник невежд, учитель неопытных, имеющий форму ведения и истины в законе: 21 Итак, ты, который учишь других, не учишь себя самого. Проповедуя не красть, крадешь? Говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? Гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а Бога преступлением закона бесчестишь? Ибо Имя Божие ради вас хулится у язычников, как и написано.)

17) *Вот, ты называешься Иудеем.* В отдельных древних кодексах⁴⁴ написано *εἰ δέ*, “если правда, что”. И если бы это чтение было принято⁴⁵, это показалось бы мне более подходящим. Однако поскольку большее число кодексов противоречит⁴⁶ этому чтению, и смысл от этого не ухудшается, я удержу старый перевод. Особенно поелику одно слово читается легче, чем несколько слов. Итак, исследовав положение язычников, апостол возвращается к иудеям. И чтобы еще сильнее ниспровергнуть их тщеславие, приписывает им все, чем они гордились и надмевались⁴⁷. А затем показывает, что все это не достаточно для истинной славы и, даже больше, служит к их укоризне. Под иудеями разумеет он все привилегии данного народа, кои ложно выводились из закона и пророческих писаний. Итак, имеет он в виду всех израильтян, которые тогда повсеместно звались иудеями. Когда именно возникло данное наименование неизвестно, кроме того, что распространилось оно после рассеяния. Иосиф в одиннадцатой книге Древностей, говорит, что имя это взято от Иуды Маккавея, стараниями которого свобода и достоинство народа, некогда почти полностью погрязшие, неожиданно стали оживать. Хотя я и считаю данное мнение вероятным, но, если кому-то оно не понравится, выскажу и другое возможное предположение. Мне кажется весьма правдоподобным, что, пораженные и рассеянные столькими бедами, евреи не смогли сохранить должное различие между коленами. Ибо в то время не могло быть переписи населения. И не имелось гражданского устройства, необходимого для сохранения такого порядка. Так что, жили они в рассеянии, и угнетаемые невзгодами

⁴² Что же.

⁴³ Возвещением.

⁴⁴ В других.

⁴⁵ Если бы так было написано в наших кодексах.

⁴⁶ Все имеющиеся у нас кодексы этому противоречат.

⁴⁷ Превозносились.

стали менее внимательны к своему родству. И даже если в этом ты со мной не согласишься, все равно не будешь отрицать, что опасность сия угрожала им вследствие общего беспорядка. Итак, ежели хотели они позаботиться о будущем или смягчить уже наступившее зло, то, думаю, все одновременно стали относить себя к тому колену, в котором дольше всего пребывала чистота богопоклонения, которое превосходило других особыми правами, и из которого ожидался грядущий Искупитель. Ведь помощь в наихудших обстоятельствах заключается в том, чтобы утешаться ожиданием Мессии. Как бы то ни было, называясь иудеями, объявляли они себя наследниками завета, который Господь заключил с Авраамом и семенем его.

И успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом. Апостол не имеет в виду, что они успокаивались исполнением закона, как бы обратившись к его усердному соблюдению. Но скорее упрекает их за то, что, не думая, для какой цели был дан закон, и пренебрегши его исполнением, надмевались они лишь тем, что были уверены⁴⁸: к ним одним обращены речения Божии. И так же хвалились они Богом. Не так, как заповедует⁴⁹ Он Сам через пророка, чтобы, смирившись в себе, искали мы славу в Нем Одном. Но без какого-либо знания благодати Божией и, будучи опустошенными изнутри, делали они Бога своим по причине пустого тщеславия, как бы выдавая себя за Его народ. Итак, сие было не хвалением сердца, а пустым притязанием языка.

18) *Знаешь волю Его и разумеешь лучшее.* Здесь апостол допускает, что они разумеют волю Божию и одобряют то полезное, чему научились из закона. Однако же одобрение бывает двояким. Одно относится к выбору, когда мы принимаем то, что сочли за благо, а другое – к суждению, коим только отличаем благо от зла, но никак не стремимся ему следовать. Итак, иудеи были наставлены в законе таким образом, что могли выносить суждение о нравах. Однако не заботились они вести в согласии с этим свою жизнь. Когда же Павел выявляет их лицемерие, дозволительно заключить от противного (только бы суждение исходило из подлинного уразумения), что лишь там полезное одобряется как должно, где слушаются повелений Божиих. Ибо воля Его, явленная в законе, поставляется здесь начальником и учителем всякого истинного одобрения.

19) *И уверен о себе.* Апостол приписывает им даже больше. Они, по словам его, имеют не только то, что достаточно для их же пользы, но и то, откуда могли бы обогатить остальных. Таково, допускает апостол, обилие их учености, что и на других способно оно излиться.

20) Следующую фразу “имеющий форму ведения” я считаю указывающей на причину, и ее надобно читать так: из-за того, что имеешь ты форму ведения. Ибо потому и провозгласили они себя учителями других, чтобы другие думали, будто содержат они в сердце своем все тайны закона. Слово же “форма” означает здесь образец, а не *τύπος*, поскольку у Павла стоит *μόρφωσις*. Однако я думаю, что он хотел обозначить здесь внешнюю славу⁵⁰ учения, которая попросту зовется видимостью. И, конечно же, пусты были те знания, коими они кичились. Впрочем Павел, косвенно намекая на порочное злоупотребление законом, с другой стороны дает понять и то, что из закона проистекает твердое знание ради утверждения незыблемости истины.

21) *Как же ты, уча другого.* Хотя перечисляемые им до сих пор притязания иудеев были таковы, что заслуженно могли бы украсить их, если бы присутствовала в них подлинная красота, однако, поелику дарования, за ними скрывающиеся, были посредственными, кои и у нечестивых бывают, извращаясь при порочном злоупотреблении, их, оказывается, никак не достаточно для твердой славы. Однако Павел, не удовлетворившись опровержением и высмеиванием их тщеславия, обращает им в позор и собственную самоуверенность. Ибо достоин немалых попреков тот, кто славные и выдающиеся дары Божии не только делает бесполезными, но и сквернит своей испорченностью. И превратен тот советчик, который, не посоветовав сначала себе, заботится лишь о поучении других. Итак, то, откуда они хотели поиметь славу, обратилось им же в поношение.

Проповедуя не красть. Кажется апостол здесь намекает на место из пятидесятого псалма (ст.16). Нечестивому Бог сказал: Для чего возвещаешь повеления Мои и говоришь о завете Моем устами своими? Сам же ты возненавидел поучение и бросил себе за спину слова Мои. Если видел вора, следовал за ним. И с прелюбодеями доля твоя. И как упрек этот некогда полагался иудеям за то, что, надмеваясь простым знанием закона, жили они не лучше, чем если бы вовсе были его лишены, так и нам следует опасаться его заслужить. И действительно, упрек этот относится ко многим, кто кичится редким познанием Евангелия, но при этом, словно бы Евангелие не было правилом жизни, предается всякого рода мерзостям. Итак, если не хотим мы насмехаться над Господом, будем помнить, каковой суд прилежит подобным говорунам, треплющим слово Божие в пустой болтовне.

⁴⁸ Что не сомневались.

⁴⁹ Требует.

⁵⁰ Достопримечательность учения.

22) *Гнушаясь идолов.* Со знанием присовокупляет он к идолопоклонству святотатство, как относящееся к тому же роду. Ибо святотатство – это попросту профанация божественного величия, что не было сокрыто и от языческих поэтов. Посему Овидий в *Метаморфозах*, 3⁵¹ называет святотатцем Ликурга вследствие его пренебрежения святынями Вакха, и в *Хрониках* называет святотатственными руки, осквернившие величие Венеры⁵². Но поелику язычники приписывали величие своих богов идолам, то называли они святотатством и то, когда кто-либо похищал нечто, посвященное храмам, в коих по их мнению и пребывала истинная религия. Так и сегодня, где вместо слова Божия царит суеверие, под святотатством признают не иное что, как расхищение храмовых богатств. Когда Бог почитается через идолов, религия состоит лишь в роскоши и внешней славе. Итак, во-первых мы научаемся здесь тому, что, исполнив некую часть закона, нам не следует хвалиться, презрев все остальное. Во-вторых, тому, что не стоит до такой степени хвалиться устранением внешнего идолопоклонства, чтобы не заботиться между тем и об искоренении внутреннего нечестия.

23) *Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога.* Хотя всякий преступник закона бесчестит Бога (поелику все рождены для того, чтобы почитать Его в праведности и святости), однако же справедливо вменяет апостол сию вину прежде всего иудеям. Ибо, поелику возвещали они, что Бог – их законодатель, но никак не заботились при этом жить по данному Им правилу, то, тем самым, показывали, что не волнует их величие их же Бога, столь легко подвергаемое у них презрению. Так же и ныне бесчестят Христа, преступая Его Евангелие, те, кто праздно болтает об учении, попирая, между тем, это учение распущенным и развратным образом жизни.

24) *Ибо ради вас ... имя Божие.* Я считаю, что свидетельство сие взято скорее у Иезекииля:36:23, чем из Исаии, ибо у Исаии не встречается упреков, адресованных народу, коими переполнен текст Иезекииля. Некоторые же думают, что здесь имеется аргументация от меньшего к большему, и смысл таков: Если пророк не без причины попрекал иудеев того времени, что из-за их пленения слава и сила Божия поносились среди язычников, как будто Он не смог сохранить народ, взятый Им под защиту; то, тем более, позором и бесчестием для Бога должны быть вы, из-за злых нравов которых хулятся Его религия. И хотя я не отвергаю такого мнения, все же предпочел бы более простое, как если бы апостол сказал: Мы видим, что всякое поношение, адресованное израильтянам, падает на имя Божие, поелику называясь народом Божиим, носили они Его имя словно высеченным на своих лбах. Посему Бог с необходимостью бесславится среди людей из-за нечестия тех, на ком нарек Свое имя. Весьма же постыдно для тех, кто заимствовал у Бога свою славу, навлекать на Его же священное имя клеймо позора. Ибо Он заслуживал, по крайней мере, иного воздаяния.

25. *Обрезание полезно, если исполняется закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.* 26. *Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?* 27. *И необрезанный по природе исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании?* 28. *Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; 29. но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.*

(25. *Обрезание полезно, если исполняется закон. Если же ты преступник закона, то обрезание твое обратилось в необрезание.* 26. *Итак, если необрезание соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?* 27. *И не будет ли судить необрезание по природе (если исполнит закон) тебя, который через букву и обрезание преступник закона?* 28. *Ибо не тот, кто по наружности Иудей, является Иудеем, и не то обрезание, которое наружно, на плоти, является обрезанием; 29. Но, кто внутренне Иудей, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.)*

25) *Обрезание полезно.* Упреждая, разрушает он то, что иудеи могли привести в свое оправдание, ибо если обрезание есть символ завета Божия, коим Господь отобрал для стада своего Авраама и его семья, то, казалось бы, не напрасно хвалились иудеи. Но, поелику, упустив истинное значение сего символа, прилепились они к его внешнему виду, апостол говорит, что у них нет причин присваивать себе нечто от одного лишь знака. Истина обрезания содержится в духовном обетовании, требующем веры. Но иудеи пренебрегли и тем, и другим: как обетованием, так и верой. Итак, глупым было их упование. Посему апостол прежде всего говорит здесь об особом употреблении обрезания, приспособливая свою речь к их грубым воззрениям, так же, как поступает он и по отношению к Галатам. И сие надобно отметить особо. Ибо, если бы рассуждал он обо всей природе и обо всем смысле обрезания, то вышел бы абсурд, ведь он нигде не упомянул о благодати его и благодатном обетовании. Однако и в том, и в другом месте говорит он в соответствии с обстоятельствами отстаиваемого им дела. Поэтому он и затрагивает лишь ту сторону обрезания, о которой велся тогда спор. Некоторые думали, что обрезание есть дело, способное приготовить человека к праведности. Итак, отвечая на это мнение, апостол говорит, что, если обрезание рассматривать

⁵¹ Скорее IV, 22.

⁵² Ср. также 3, 700.

как дело, то условия его таковы, что обрезанный должен представить себя целомудренным и совершенным читателем Бога, так что, рассматриваемое как дело, обрезание состоит в совершенной жизни. Так следует говорить и о нашем крещении. Ежели кто считает себя оправданным, уповая на одну крещальную воду, словно бы этим делом сделал себя святым, то следует указать на цель крещения, а именно, что Господь через него призывает нас к святости жизни. Здесь мы умалчиваем о благодати и обетовании, о котором свидетельствует и которое запечатлевает для нас крещение, ибо спор мы ведем с теми, кто, довольствуясь одной лишь тенью крещения, не размышляя над тем, что в нем действительно важно.

И замечь у Павла следующее: когда говорит он о внешних знаках, данных верующим, и не ведет при этом никакого спора, то неизменно связывает их с действительностью обетований. Там же, где обращается к неопытным и превратным толкователям символов, то, не упоминая о собственной и подлинной природе этих символов, сразу направляет свое перо против их превратного разумения. Кроме того, многие, видя, что Павел из всех дел закона приводит прежде всего обрезание, думают, что он упраздняет лишь обрядовую праведность. Однако дело обстоит совершенно иначе. Ибо всегда происходит так, что дерзающие возносить заслуги свои перед праведностью Божией надмеваются больше внешними обрядами, чем истинной святостью. Ведь всякий серьезно затронутый страхом Божиим никогда не дерзнет вознести взор к небесам, и чем больше стремится он к истинной праведности, тем лучше осознает, насколько от нее далек. Потому неудивительно, что фарисеи, заменившие святость внешней показухой, столь легко льстили своей гордыне. Так что Павел, ранее не оставив иудеям ничего, кроме жалкой уловки считаться оправданным через обрезание, теперь показывает никчемность и этой бутафории.

26) *Итак, если необрезанный.* Здесь содержится серьезнейший аргумент. Ведь все, что [служит какой-либо цели], ниже своей цели и для нее предназначено. Но обрезание нацелено на закон, следовательно, оно должно быть ниже закона. Итак, важнее соблюдать закон, чем иметь обрезание, установленное ради сего соблюдения. Откуда явствует, что необрезанный, если только он соблюдает закон, далеко превзошел иудея, преступника закона с его бесплодным и никчемным обрезанием. Посему, даже если и осквернен он по природе, освящается через соблюдение закона, так что необрезание его вменяется как обрезание. Слово же “необрезание” во втором случае употребляется в собственном смысле, а в первом – в переносном, как вещь вместо лица. Далее, никому не следует думать о том, каких именно почитателей закона имел в виду Павел, поелику таковых вовсе нельзя обнаружить. Ибо он просто сделал такое вот предположение: если вдруг обнаружится какой-либо язычник, соблюдающий закон, то в его необрезании будет больше праведности, чем у иудеев было обрезания без праведности. Итак, то, что следует за этим: **тот, кто по природе не обрезан, будет судить обрезанного**, я отношу не к конкретным лицам, а рассматриваю просто как пояснение. Подобным же образом говорится: Царица юга придет. А также: Мужи ниневитские восстанут на суд. Ибо слова Павла внушают нам следующий смысл: Язычник будет судить тебя, блюститель закона – нарушителя закона, несмотря на то, что он – необрезанный, а ты наделен плотским обрезанием.

27) *При Писании и обрезании (через букву и обрезание).* Здесь имеется в виду буквальное обрезание. Апостол считает, что они нарушили закон не потому, что имеют буквальное обрезание, а потому, что не имеют наряду с этим внешним знаком также и духовного богопочитания, то есть благочестия, праведности, суда и истины, которые, являясь основным содержанием закона, не перестают ими попираяться.

28) *Ибо не тот Иудей.* Смысл следующий: истинный иудей должен считаться таковым не по плотскому происхождению, и не по внешнему исповеданию или знаку: также и обрезание, делающее человека иудеем, состоит не только во внешнем символе, но и то, и другое является внутренним свойством. То же, что добавляет он об истинном обрезании, взято из многочисленных мест Писания и из общего смысла его учения, ибо народу повсеместно повелевается обрезать свое сердце, и Господь Сам обещает исполнить это предприятие. Ведь необрезание устраняется не как незначительная порча отдельной части, но как порча всей природы. Итак, обрезание есть умерщвление всей плоти. То же, что апостол добавляет потом: **которое не по букве, а по духу**, я понимаю так: буквой зовет он здесь внешнее соблюдение закона не сопровождаемое благочестием, а духом – цель всякого обряда, являющуюся духовной. Ибо, поелику все скопление обрядов и символов зависит от того, какой цели оно служит, по устранении этой цели остается голая буква, сама по себе бесполезная. Вот в чем заключается смысл апостольских слов: везде, где звучит глас Божий, все Им заповедуемое, если не принято оно людьми с искренним сердцем, остается лишь буквою, то есть бездушным писанием. Если же повеления эти проникают в душу, то преобразуются неким образом в дух. И здесь имеется намек на различие ветхого и нового заветов, подмеченное Иеремией в главе 31:33, где Господь возвещает, что завет Его пребудет незабываемым и утвержденным после того, как начертается он в людских душах. То же самое имеет в виду и Павел (2Кор.3:6), когда, сравнивая закон с Евангелием, первый зовет буквою – не только мертвой, но и убивающей, – второе же обозначает духом. Далее, дважды глупы те, кто из буквы черпает подлинный смысл, а из духа – лишь аллегории.

29. *Ему и похвала не от людей.* Поелику очи людей смотрят лишь на внешнюю видимость, апостол и отрицает достаточность того, что одобряется людским мнением, которое часто обманывается внешним

блеском. Ведь надобно угодить очам Божиим, для которых не сокрыты даже тайники сердца. Итак, призывает он на суд Божий лицемеров, обманывающих себя ложными убеждениями.

Глава 3

1. Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? 2. Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие.

1. Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? 2. Великое во всех отношениях. И во-первых в том, что им вверены словеса Божии.

Хотя Павел великолепно доказал, что пустое обрезание ничего не дает иудеям, однако же он не может отрицать, что между иудеями и язычниками имеется некое различие, знаменуемое этим данным от Господа символом. Но делать пустым и неважным то различие, автор которого Бог, было бы абсурдом. Так что, оставалось ему ответить и на это возражение. Уже была выявлена нелепость той славы, коей отсюда хвалились иудеи. Однако еще оставалось сомнение: для чего же Господом было установлено обрезание, если оно ничего не давало обрезанным? Итак, апостол спрашивает: в чем превосходит иудей язычника? И причину этого вопроса объявляет в следующем вопросе: **Какая польза от обрезания?** Ибо обрезание изымало иудеев из общего состояния других людей, так что Павел называет обряды преградой, разделяющей одних от других (Еф.2:14).

2. Великое преимущество во всех отношениях. То есть, весьма великое. Здесь апостол начинает воздавать таинству подобающую ему славу, не позволяя, однако, иудеям от этого надмеваться. Ибо, сказав, что они знаменованы символом обрезания, коим зачислены в сыны Божии, говорит, что возвысились они не по какой-либо своей заслуге или достоинству, а по благоволению Божию. Итак, ежели смотреть на самих людей, то они такие же, как и другие, но если принять во внимание Божии благословения, то и откроется в них то, чем превосходят они прочие народы.

Наипаче в том, что им вверено слово Божие. Некоторые считают это попутной вставкой, ибо он не изъясняет впоследствии то, о чем здесь говорит. Мне же выражение: **во-первых**, представляется означющим не порядок, а главенство или преимущество. И смысл таков: Даже если бы одно только то, что им вверены словеса Божии, составляло их преимущество, это достаточно возвышало бы их достоинство. Следует отметить, что польза от обрезания содержится не в простом знаке, а происходит от сопровождающего его слова. Здесь Павел точно устанавливает то, что именно приносит иудеям обрезание. Он говорит, что Бог поручил им сокровище небесной премудрости. Откуда следует, что по устранении слова [обетования] не остается уже никакого преимущества. Словом же Божиим называет завет, открытый сначала Аврааму и его потомству, а затем запечатленный и изъясненный законом и пророчествами. Поручены же им были словеса для того, чтобы сохранять их у себя, покуда Господу угодно было являть Свою славу только в их среде, и чтобы затем, в должное время, проповедать их по всему миру. И ежели столь ценится благословение, состоящее в том, что Господь удостоил некий народ дарованием ему Своего слова, то что скажем о своей неблагодарности мы, принимающие слово Его с таковым небрежением, леностью и даже презрением?

3. Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? 4. Никак. Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем.

(3. Ибо что, если некоторые и неверны были? Неужели неверность их сделает недействительной верность Божию? 4. Никак. Но Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: Дабы оправдался Ты в словах Твоих и победишь, когда будешь судиться.)

3) Ибо что же? Подобно тому, как прежде порицал он иудеев, надмевающихся пустым знаком, не позволяя им ни капельки хвалиться, так и теперь, рассматривая природу самого знака, свидетельствует, что сила его не уничтожается их тщеславием. Ибо выше он говорил, что если и есть некая благодать в знаке обрезания, она полностью изничтожена неблагодарностью иудеев. Ныне же снова вопрошает он, что надобно разуметь по этому вопросу. И здесь присутствует некое умолчание. Потому что выражает он меньше того, что сам подразумевает. Ибо мог бы справедливо сказать, что большая часть народа отвергла завет Божий, но поелику это было бы весьма оскорбительно для слуха иудеев, то, дабы смягчить суровость, говорит он лишь о некоторых.

Неверность их. **Καταργεῖν** в собственном смысле значит делать недействительным и незаконным, что весьма подходит для смысла настоящего предложения. Ибо апостол толкует не только о том, противостоит ли неверность людей Божией верности, чтобы пребывать ей твердой и незыблемой в самой себе, но и о том, будет ли сие препятствовать ее действительности среди самих этих людей. Итак, смысл таков: Хотя многие

иудеи и являются нарушителями завета, неужели их неверность отменит завет Божий, так чтобы он не принес в них никакого плода? Отвечает апостол: невозможно, чтобы по человеческой превратности лишилась твердости истина Божия. Посему сколько бы людей ни попирало завет Божий и не клеветало на него, он все равно будет оставаться действенным и осуществлять свою силу; если и не во всех, то, по крайней мере, в самом народе. Сила же его состоит в том, чтобы процветала среди них благодать Божия и благословение Его к вечному спасению. А этого не может быть, если обетование не принимается с верою, так чтобы завет был подтвержден с обеих сторон. Итак, апостол говорит, что в народе всегда сохранялись отдельные люди, которые, сохраняя веру в обетование, не лишились привилегий завета.

4) *Бог верен.* Что бы ни думали другие, я считаю это доказательством, исходящим из необходимости противоположного, коим Павел устраняет предыдущее возражение. Ибо, если эти две вещи стоят и падают одновременно, и даже с необходимостью сочетаются одна с другой, то есть, чтобы Бог был истинным, а человек лживым, отсюда следует, что истине Божией не мешает человеческая неверность. Ибо если бы ныне не противопоставил он два этих принципа, напрасно старался бы показать впоследствии, каким именно образом Бог является праведным, утверждая праведность Свою на нашей неправедности. Поэтому смысл здесь однозначен: верность Божия не только не извращается вероломством людей, но и сияет из-за него еще ярче. **Бога** же апостол называет **верным** не только потому, что готов Он хранить верность Своим обещаниям, но и потому, что на деле исполняет все, о чем говорил. Говорит, что слова Божие скоро становятся делом. Напротив, человек является лживым не только потому, что часто нарушает данное слово, но и потому, что по природе желает обмана и избегает истины. Первое утверждение – главная аксиома всей христианской философии. А второе взято из Псалма 116:11, где Давид признается, что ни в человеке, ни от человека не происходит ничего твердого. Место же сие весьма знаменательно и содержит необходимое нам утешение. Ибо зная, какова извращенность людей в их отвержении и презрении ко слову Божию, можно было бы усомниться в неизменности последнего, если бы не сказали нам, что верность Божия не зависит от неверности людской. Но как тогда это согласуется с тем, что сказано немного после, а именно, что для действительности обетования Божия требуется принимающая его людская вера? Ибо вера противоположна обману. Вопрос этот кажется весьма запутанным, но разрешается он без всякого труда. Господь, пользуясь неверностью людей, которая старается помешать Его собственной верности, пролагает путь этой верности через супротивное, дабы восторжествовать ей еще более явно. И делает Он это, исправляя в избранных Своих врожденную порочность природы и покоряя Себе тех, кто ранее казался необузданным. Далее, здесь идет речь о пороке природы, а не о благодати Божией, служащей врачевством от пороков.

Ты праведен. Смысл таков, что истина Божия не только не разрушается от нашей лживости и вероломства, но еще больше явствует и сияет на их фоне. Подобно этому и Давид свидетельствует, что, поелику сам он – грешник, Бог всегда будет праведным и правым судьей⁵³, каков бы ни был Его приговор, одолевающим все козни нечестивых, которым хотелось бы оклеветать Его справедливость. Под словами же Божиими Давид понимает суды, вершимые над нами Богом. Ибо, хотя многие разумеют здесь обетования Божии, их толкование весьма натянуто. Итак, эта часть предложения не является целевой, не содержит она в себе и долго ожидаемого заключения, но указывает на следствие в таком вот смысле: Тебе согрешил я, поэтому по праву можешь Ты подвергнуть меня каре. То же, что Павел процитировал Давида в прямом и очевидном смысле его слов, подтверждает добавленное им возражение: Каким образом праведность Божия пребудет целостной, если ее выявляет наша неправедность? Ибо напрасно (как сказал я выше) и несвоевременно тревожил бы Павел сомнением этим своих читателей, если бы Давид не имел в виду то, что Бог по чудесному провидению Своему даже из грехов наших извлекает похвалу для Своей славы. Вторая часть предложения звучит по-еврейски так: И чист в суде Твоем. Фраза эта⁵⁴ означает то, что Бог во всех Своих судах достоин хвалы, как бы ни протестовали нечестивые и ни пытались своей клеветой ниспровергнуть Его славу. Однако Павел следовал здесь греческому переводу, более подходящему для настоящей цели. Ибо знаем мы, что апостолы, цитируя Писание, часто делали это весьма свободно, поелику достаточно им было сохранить смысл. Так что у них не было чрезмерного почтения к отдельным словам. Посему надобно цитату эту применять к настоящему случаю. Если любые грехи смертных необходимо служат проявлению Божией славы, а Сам Он наилучшим образом прославляется в Своей истине, отсюда следует, что и человеческое тщеславие скорее служит подтверждению, нежели извращению Его славы. Хотя слово *κρίνεισθαι* может иметь и активный и пассивный залог, я не думаю, что греки перевели Его в пассивном залоге против пророческого смысла.

5. Если неправда наша открывает правду Божию, то что скажем? Не будет ли Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). 6. Никак. Ибо иначе как Богу судить мир? 7. Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? 8. И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто так мы учим? Праведен суд на таковых.

⁵³ Оправдается.

⁵⁴ Может быть понята как в активном, так и в пассивном залоге.

(5. *Что если неправедность наша открывает праведность Божию, что скажем? Неужели Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? говорю как человек.* 6. *Никак. Ибо как Богу судить мир?* 7. *Ибо, если верность Божия моею лживостью возвышается к славе Божией, за что еще и я судим как грешник?* 8. *И не (как некоторые злословят нас и как говорят, будто мы учим) будем ли делать зло, чтобы вышло добро? На каковых праведен суд.)*

5) *Если неправда наша.* Хотя здесь имеется отход от основной мысли повествования, апостолу необходимо было вставить это место. Дабы не казалось, что дал он злым повод к злословию, поелику знал, что они им непременно воспользуются. Ибо используя всякий случай обеславить Евангелие, они основывали клевету свою на этих словах Давида. Ведь если Бог не ищет от людей ничего, кроме Собственной славы, почему обращает внимание на их проступки, ежели, согрешая, они, тем самым, Его прославляют? Он, конечно же, несправедливо оскорбляется, если причиной Его гнева служит то, что Его же и прославляет. Не подлежит сомнению, что клевета сия была общераспространенной и сильно истрепанной, о чем вскоре будет сказано еще раз. Итак, Павел не позволил незаметно пройти этой клевете. И чтобы никто не думал, будто выражает он здесь свои мысли, оговаривает, что выступает от лица нечестивых, хотя⁵⁵ о разуме человеческом упоминает он лишь одним словом, коим намекает, что этот разум всегда противится премудрости Божией. Ибо говорит он здесь не от лица нечестивого, а от лица просто человека. И вполне здраво, поелику все тайны Божии суть парадоксы для нашей плоти. Но дерзость ее такова, что не колеблется она восставать против них, и, чего не понимает, на то кичливо набрасывается. Из этого мы научаемся, что ежели хотим постичь сии тайны, должны прежде всего приложить силы к тому, чтобы, отказавшись от собственного разумения, полностью предать самих себя в послушание слову. Слово же “гнев”, вообще обозначающее суд, здесь относится к наказанию. И смысл таков: Неужто несправедлив Бог, отмщающий за преступления, которые выявляют Его же праведность?

6) *Никак.* Дабы обуздать богохульство, он отвечает на возражение сие не прямо, а начинает⁵⁶ с того, что показывает его нечестие, дабы не казалась религия христианская вовлеченной в такие нелепости. И это несколько жестче, чем если бы он просто отверг это возражение. Ибо апостол хочет сказать, что неблагоприятное сие речение достойно ужасания, а не выслушивания. И тут же переходит к опровержению, но не прямому, а косвенному. Ибо не изобличает клевету полностью, а говорит лишь, что возражение сие абсурдно. Далее, в качестве доказательства обращается он к самой должности Бога и доказывает следующее: **Бог будет судить мир**, значит, Он не может быть неправеден. И сие сказано не о простом всевластии Божиим (как утверждают некоторые), а⁵⁷ о Его действительной власти, блистающей во всех Его делах и свершениях. Апостол как бы говорит: Обязанность Бога – судить мир, то есть привести его в соответствие со Своей праведностью и упорядочить все, что в нем неупорядоченно. Итак, ни о чем не может Он судить неправедно. Кажется, что здесь имеется намек на место из Моисея, Быт.18:25, где Авраам молил Бога не предавать Содом полной гибели. Не подобает, говорил он, чтобы Ты, имеющий судить землю, погубил праведного с нечестивым. Это вовсе не свойственно Тебе и не может с Тобой приключиться. Похожее место имеется и у Иова 34:17: Неужели ненавидящий суд может господствовать? Ибо люди часто оказываются неправыми судьями из-за того, что либо не по праву присвоили себе власть, либо лишились от нее рассудка, либо испортились сами по себе. Однако в Боге нет ничего такого. Итак, поелику Он судья по природе, необходимо также, чтобы был Он и праведен, ибо не может отречься от Самого Себя. Значит, Павел доказывает здесь от невозможного, что не подобает обвинять в несправедливости Бога, сущности и бытию Которого принадлежит правильно управлять миром. Хотя сие учение Павла простирается на все божественное правление, я не отрицаю, что оно особо относится к последнему суду, поелику только тогда твердо восстановится правый порядок. А ежели хочешь ты прямого опровержения, обуздывающего сие богохульство, то понимай так: не по самой природе беззакония происходит то, что оно еще больше выявляет праведность Божию, но по благодати Божией одолевается наша злоба, дабы обратилась она скорее к противоположной цели, нежели к той, к которой стремится.

7) *Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью.* Не сомневаюсь, что данное возражение приводится здесь от лица нечестивых. Ибо оно как бы толкует предыдущее и должно было быть с ним связано, если бы апостол, движимый негодованием, не прервал тогда свою речь на середине. Смысл таков: Если из нашей лживости еще больше явствует и неким образом утверждается истина Божия, откуда Ему воздается еще большая слава, то не справедливо, чтобы карался за грех тот, кто являлся служителем Божией славы.

8) *И не делать ли нам.* Данное предложение неполно, в нем надо разуместь нечто невысказанное. Полным оно будет, если переделать его так: **И почему бы не сказать скорее (как некоторые нас поносят), что**

⁵⁵ И.

⁵⁶ Во-первых, обличает.

⁵⁷ В действительности.

следует делать зло, чтобы вышло добро? Апостол не удостоивает ответом сию нечестивую клевету, которую, однако, можно опровергнуть великолепным доводом. Апостол дал лишь набросок ответа: Если Бог прославляется от нашей неправедности, а ни к чему так не подобает стремиться человеку в своей жизни, как к тому, чтобы возвеличить славу Божию, значит, надо грешить во славу Его. Но опровержение уже готово: Зло само по себе не может породить ничего, кроме зла. То же, что через наш порок проявляется слава Божия, это дело не человека, но Бога, Который, будучи дивным зодчим, знает, как покорить и направить в иное русло нашу злобу, дабы вопреки задуманной нами цели обратить ее во славу Себе. Бог заповедал нам то дело, коим хочет он в нас прославиться, а именно: благочестие, состоящее в послушании слову. Тот же, кто преступает сию черту, не чтит Бога, а скорее пытается Его обесчестить. То же, что происходит все по другому, следует приписывать Божию провидению, а не человеческой извращенности, которая всегда стремится не то что повредить, а даже ниспровергнуть величие Божие.

Подобным же образом это ставится в упрек и нам. Удивительно, что несмотря на то, как почтительно рассуждает Павел о тайных судах Божиих, и несмотря на ту степень бесстыдства, до какой дошли Его враги, чтобы на них клеветать, никогда не было еще в рабах Божиих такого благочестия и бдительности, чтобы обуздать эти нечистые и ядовитые языки. Итак, далеко не ново, что сегодня учение наше (о котором и сами мы знаем, что оно есть чистое Евангелие Христово, и свидетельствуют об этом с нами все ангелы и верные) противники наши обременяют столькими ложными обвинениями и делают столь ненавистным. Ничего нельзя придумать знаменательнее того, что, как читаем мы, было вменено самому Павлу. И какую же зависть вызывала его проповедь у невежд. Итак, будем же терпеть то, что истину, которую мы проповедуем, нечестивые искажают путем клеветы. И не прекратим поэтому блюсти наше простое исповедание, ибо в нем достаточно силы, чтобы ниспровергнуть и уничтожить всю их ложь. В остальном же, по примеру апостола, да будем и сами мы противостоять злобным сплетням, чтоб не безнаказанно злословили Создателя беспутные и потерянные людишки.

Праведен суд на таковых. Некоторые понимают это предложение в активном смысле, будто Павел соглашается с ними в абсурдности того, о чем они говорят, дабы евангельское учение не считалось связанным с подобными парадоксами. Однако мне больше нравится пассивный смысл. Ибо не подобало апостолу попросту согласиться с подобным нечестием, скорее заслуживающим сурового опровержения. Это, по моему мнению, и делает Павел. Порочность же их достойна осуждения по двум причинам: во-первых, за то, что такое нечестие могло им прийти в голову и даже вызвать у них согласие; а во-вторых, за то, что дерзнули они состряпать отсюда клевету на Евангелие.

9. Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом.

(9. Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом.)

9) *Итак, что же?* После отступления возвращается он теперь к основной своей теме. И⁵⁸, дабы иудеи не позволили себе обманываться, прочтя его слова о том достоинстве, коим они превозносились над язычниками, ныне, наконец, разрешает он вопрос, действительно ли они в чем-либо превосходят прочие народы? Хотя и кажется, что по виду его ответ несколько противоречит предыдущему утверждению (поелику теперь лишает он всякого достоинства тех, кому прежде придавал столь многое), однако здесь нет никакого противоречия. Ибо те привилегии, которыми по его признанию выделялись иудеи, находятся вне их, то есть в благодати Божией, а не в их заслуге. Здесь же он рассуждает об их собственном достоинстве, могут ли они прославляться в самих себе. Итак, здесь сходятся оба утверждения, так что одно следует из другого. Ибо, превознося их прерогативы и помещая их в одних лишь благодеяниях Божиих, он, тем самым, показывает, что нет у них ничего своего. Откуда можно вывести и то, что он отвечает им теперь. Ибо, если их главное преимущество состоит в том, что в их среде пребывало слово Божие, а его они имели вовсе не по своей заслуге, то, следовательно, ничего уже им не остается, чем бы могли они гордиться пред лицом Божиим. Заметь же святую скромность апостола: говоря об их преимуществе, он ведет речь от третьего лица. Ныне же, желая лишить их всего, причисляет и себя к их числу, дабы не подумали они, что он хочет их оскорбить.

Ибо мы уже доказали. Греческое слово *απισθαί*, употребляемое здесь Павлом, в собственном смысле принадлежит судопроизводству. Поэтому⁵⁹ его можно перевести как “доказали”. Ведь говорят, например, что обвинитель доказал действительное наличие преступления, так что готов убедить и других свидетельствами и подтверждениями. Апостол же призывает весь род человеческий на суд Божий, дабы

⁵⁸ И рассмотрев все то, чем кичились иудеи перед язычниками, и показав, какое поимели они с этого достоинство.

⁵⁹ Следовательно.

всему ему вынести один осудительный приговор. И напрасно некоторые возражают, что апостол здесь не столько обвиняет, сколько доказывает. Ибо истинным бывает лишь то обвинение, которое опирается на твердые и веские доказательства. Подобно тому, как и Цицерон в одном месте различает между обвинением и изобличением. Далее, быть под грехом означает то же, что и осуждаться пред Богом за грехи или пребывать под проклятием, полагающимся за грех. Ибо, как праведность влечет за собой прощение, так и за грехом следует осуждение.

10. Как написано: нет праведного ни одного; 11. нет разумевающего; никто не ищет Бога; 12. все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. 13. Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. 14. Уста их полны злословия и горечи. 15. Ноги их быстры на пролитие крови; 16. разрушение и пагуба на путях их; 17. они не знают пути мира. 18. Нет страха Божия перед глазами их.

(10. Как написано: нет кого-либо праведного, ни одного; 11. нет разумевающего; нет ищущего Бога; 12. все совратились с пути, до одного сделали негодны; нет делающего добро, нет ни одного. 13. Отверстый гроб – гортань их; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. 14. Коих уста их полны злословия и горечи. 15. Быстры ноги их на пролитие крови; 16. разрушение и пагуба на путях их; 17. И пути мира не ведают. 18. Нет страха Божия перед глазами их.)

10) Как написано. До сего момента для обличения людей в их неправедности он приводил доводы разума. Теперь же начинает аргументировать, основываясь на авторитете, что у христиан является надежнейшим видом доказательства, ежели авторитет этот признается за одним лишь Богом⁶⁰. И пусть церковные учителя сами научатся отсюда, каким должно быть их служение. Ибо, если Павел не утверждает здесь ни одну догму, которую не мог бы подтвердить твердым изречением Писания, то, тем более, на это не следует покушаться тем, кому не поручено ничего, кроме евангельской проповеди, воспринятой от Павла и его преемников.

Нет праведного. Кажется, что апостол, цитируя больше по смыслу, чем дословно, прежде чем переходить к подробностям, вначале формулирует итог всего, что, по словам пророка, можно сказать о человеке, а именно: нет праведного ни одного. А затем перечисляет по отдельности плоды сей неправедности.

11) Во-первых, то, что нет никого⁶¹ разумеющего. Неразумие же доказывает тем, что никто не ищет Бога. Ибо суетен тот человек, в котором нет познания Божия, каким бы образованием он ни был наделен. Более того, науки и искусства, сами по себе добрые, лишённые этого основания, оказываются исполненными суеты.

12) Добавлено также: **нет того, кто делал бы добро**, чем подразумевается, что утрачено ими чувство человечности. Ибо, как лучшими связывающими нас узами является познание Бога (поелику, будучи общим отцом всех, Он наилучшим образом всех примиряет, вне же Его присутствуют одни лишь раздоры), так за неведением Его следует бесчеловечность, когда каждый, презрев остальных, любит и лелеет [только] себя.

13) Против таковых сказано: гортань их – отверстый гроб, то есть пропасть, в которой погибают люди. И это больше, чем если бы он сказал *ἀνθρῶποφάγους*. Поелику нетерпимо и уродливо, чтобы гортань человеческая была столь бездонна, чтобы была достаточной для поглощения и засасывания всего человека. **Языки их обманчивы**, а губы намазаны ядом, – все эти фразы означают то же самое.

14) Добавлено также, что **уста их полны злословия и горечи**; и порок этот, хоть и противоположен предыдущему, однако в такой же степени дышит злобой и коварством. Ибо, ежели говорят они сладко, то обманывают, и под лестью своей скрывают яд. А ежели выявляют то, что сокрыто в их душе, то выходит оттуда и горечь их и злословие.

16) И весьма кстати прибавлено красивейшее изречение из Исаии: **разрушение и пагуба на путях их**. Ибо имеется состояние души, превосходящее озверение варваров, которое, на что ни обратится, все губит и опустошает, каким и описывает Плиний Домициана.

17) Отсюда следует, что **не ведают они пути мира**, поелику привыкли к хищениям, насилию, неправде, жестокости и увечью, ничего не умеют желать по-дружески и с любовью.

⁶⁰ За свидетельством одного Бога.

⁶¹ Во-первых ... отсутствие.

18) И наконец⁶², в завершение заново, но другими словами, повторяется то, о чем мы сказали вначале, а именно, что из небрежения Богом проистекает всякая порочность. Ибо, как начало мудрости – страх Господень, там, где от него отступают, не остается ничего правого и искреннего. Как является он уздой, сдерживающей наши пороки, так и по устранению его пускаемся мы во всякую греховную вседозволенность. И дабы не показалось кому-либо, что свидетельства сии приведены не вполне подходяще, рассмотрим⁶³ те отдельные места, из которых они взяты. Давид в 14-м Псалме, стих 1, говорит: извращенность людей такова, что Бог не может обнаружить ни одного праведника, даже рассмотрев всех по отдельности. Итак, следует, что язва сия тяготит весь человеческий род, поелику от взора Божия ничего не может утаиться. В конце же псалма говорит он об искуплении Израиля, однако тут же показывает, каким именно образом и до какой степени святые изымаются из этой напасти. В других псалмах жалуется он о нечестии своих врагов, неким образом оттеняя в себе и своих людях грядущее Христово царство. Поэтому под противниками его здесь представлены все те, кто, будучи чужд Христа, не водятся Его Духом. Исаия говорит об Израиле столь же ясно. Однако обвинения его много больше подходят язычникам. Так что же? Нет сомнения, что словами сими описана вся человеческая природа, дабы увидели мы, каким человек предоставлен был самому себе. Ведь Писание свидетельствует, что таковы все, кто не возрожден по благодати Божией. И положение святых было бы не лучше, если бы порочность эта не была в них исправлена. Дабы же помнили они, что никак не отличаются от других по природе, чувствуют они и в себе семена этих дел, чувствуют их в остатках плоти своей (коиными всегда обуреваются), и подобные плоды они производили бы всегда, если бы не мешало умерщвление, за которое должны они благодарить Господне милосердие, а не свою природу. Далее, то, что не все перечисляемые здесь пороки обнаруживаются в каждом человеке, вовсе не мешает законно приписывать их человеческой природе, как мы уже выше указывали.

19. Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен перед Богом, 20. потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех.

(19. Знаем же мы, все что говорит закон, говорит к тем, кто состоит под законом, чтобы заградились всякие уста, и весь мир стал виновен перед Богом. 20. Потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо через закон – познание греха.)

19) Но мы знаем. Оставив язычников, обращает он эти слова⁶⁴ непосредственно к иудеям, покорить которых было много важнее, поелику они, не менее язычников лишённые истинной праведности, прикрывались заветом Божиим, как будто для святости их было достаточно того, что по избранию Божию отделены они были от остального мира. И апостол приводит уловки иудеев, весьма среди них популярные. Ибо все, что в законе говорилось против всего рода человеческого, привыкли они относить к одним язычникам, словно сами были изъяты из общего порядка. И они были бы таковыми, если бы не утратили своего положения. Итак, им мешало превратное и ложное представление о собственном достоинстве, так что они относили к одним язычникам то, что подходило также и к ним. Павел же упреждает это и доказывает из Писания, что они не только смешаны с остальными, но и в особом смысле несут на себе этот суд. Посмотрим же, как прилежно отвергает апостол их возражения⁶⁵. Ибо кому еще дан был закон как не иудеям⁶⁶, и наставлению кого еще он должен был служить? Итак, то, что упоминает закон об остальных, сие делает как бы случайно, или, как говорят, *παρεργον*; учение же свое адресует он прежде всего своим собственным ученикам. Посему и говорит апостол, что под законом находятся иудеи, те, для которых закон и предназначался. Отсюда следует, что к ним главным образом относятся и пророчества, содержащиеся в законе⁶⁷, и весь ветхий завет.

Так что заграждаются всякие уста. То есть, чтобы пресеклась всякая попытка извинения. Метафора сия взята из судебного делопроизводства, когда обвиняемый, ежели имеет что сказать в собственное оправдание, требует предоставить ему слово, чтобы очиститься от обвинений. Если же осуждается он своею совестью, молчит и молча ожидает своего осуждения, уже осужденный собственным молчанием. Тот же смысл имеют и слова, сказанные Иовом, 39:34: Полагаю руку мою на уста мои. Ибо говорит, что даже если и остается у него некая возможность извинения, вверяет он себя приговору Божию, не заботясь более о том, чтобы оправдаться самому. Следующая фраза содержит толкование предыдущей. Ибо заграждаются уста

⁶² Обратим внимание.

⁶³ Посмотрим.

⁶⁴ Поелику первые достаточно облеченные уже не имели, что возразить, а вторые, даже облеченные, покорялись неохотно.

⁶⁵ Кои мешали иудеям правильно познать свое состояние. Дабы не оправдывались они тем, что пророчества относятся к одним скверным язычникам, апостол упреждает их возражение и показывает из Писания, что увещевания сии обращены именно к ним.

⁶⁶ Итак, они первые научаются законом.

⁶⁷ Под именем закона.

того, кто так повязан сетями осуждения, что уже не может из них выбраться. Кроме того, молчать пред лицом Божиим означает трепетать от величия Его, и сделаться немым, словно будучи пораженным Его блеском.

20) *Потому что делами закона.* О каких именно делах закона здесь говорится, является спорным даже среди ученых. Ибо одни толкуют обо всем соблюдении закона, другие относят это к одним обрядам. Златоуста, Оригена и Иеронима к первому мнению подвигло само слово “закон”. Ибо в этом добавлении по их мнению содержится особое указание, дабы сказанное не разумелось о каких угодно делах. Но разрешение сего сомнения весьма просто. Поелику дела до той степени праведны пред Господом, до какой стремимся мы воздавать Ему через них почитание и послушание, то, чтобы еще яснее лишить силы оправдания все дела вообще, апостол называет те из них, которые в наибольшей степени могли бы оправдывать, если бы это вообще было возможно. Ибо закон есть нечто такое, что содержит обетования, вне которых никакое наше дело не стоит чего-либо пред Богом. Итак, видишь, по какой причине Павел говорит здесь о делах закона: по той именно, что через закон делам придается ценность. Не утаилось сие и от схоластов, среди которых царило общее мнение, что дела заслуживают нечто не по внутреннему своему достоинству, а в силу установления Божия. И хотя заблуждались они, не видя, что дела всегда оскверняются пороками, лишаящими их заслуги, однако же верен тот их принцип, что заслуга всякого дела зависит от добровольного обетования закона. Итак, разумно и правильно то, что не рассуждает Павел о делах вообще, но явно и открыто говорит о соблюдении закона, о чем и идет главным образом речь. Толкования же других ученых мужей, приводимые на это предложение, непозволительно пространны. Они думают, что упоминая об обрезании, апостол хочет сказать, что имеет в виду только обряды. Но почему именно Павел говорит об обрезании, мы уже объяснили. Ибо никто кроме лицемеров не хвалится упованием на дела. Мы же знаем, что они хвалятся только внешней личиною. Затем обрезание, по их мнению, служило неким введением в праведность по закону. Итак, казалось им, что оно – дело первостепенной важности, и даже основание всей праведности по делам. То же, что [наши противники] приводят из послания к Галатам, где Павел, толкуя о том же предмете, направляет острие критики на одни обряды, так же не достаточно надежно для того, что они хотят доказать. Ведь несомненно, что Павел спорил с теми, кто обманывал народ ложным упованием на обряды. И чтобы пресечь зло, он не останавливается на одних обрядах и не обсуждает особо их достоинство, но говорит обо всем законе. И это явствует из различных мест, которые все толкуют о том же самом. Таким же был и вопрос, обсуждаемый учениками в Иерусалиме. Мы не без причины считаем, что Павел говорил здесь обо всем законе. Ибо нам помогает сама нить рассуждения, которой он следовал до сей поры и будет продолжать следовать в будущем. Также и другие многочисленные места не допускают иного толкования. Итак, утверждение это – что соблюдением закона никто не достигнет праведности – следует помнить паче всего. Причину же апостол указал ранее и повторяет ее снова: поелику все, сообщая обличенные в преступлении, законом обвиняются в неправедности. Эти же две вещи противоречат друг другу (как подробнее увидим мы после): объявляться праведным по делам и объявляться виновным вследствие преступления. Слово же “плоть”, без особого примечания, означает всех людей, если только оно не несет какого-то более общего обозначения. И так фраза получается выразительнее, как если бы было сказано “все смертные”, вместо “все люди”, что можно прочесть и у Галлия.

Ибо законом. Здесь апостол от противного доказывает, что от закона не придет к нам праведность, поелику закон обличает нас в грехе и осуждении. Ведь из одного и того же источника не происходят и жизнь, и смерть. И поскольку рассуждает он от противного – что не получим мы праведности от закона, – следует знать⁶⁸: мы никогда не поймем этого доказательства, ежели не будем считать навечно связанными и нераздельными две вещи: закон, показывая человеку его грех, тем самым лишает его надежды на спасение. Сам по себе [закон], направляя к оправданию⁶⁹, является путем к спасению. Но преуспеть ему в этом мешает наша порочность и испорченность. Так что необходимо добавить следующее: всякий, обличенный в грехе, лишается оправдания. Ибо глупо воображать вместе с софистами половинное оправдание, так чтобы дела отчасти оправдывали; но [надобно сказать], что вследствие человеческой порочности закон полностью бессилен.

21. *Но ныне, независимо от дел закона, явилась праведность Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки,* 22. *праведность Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих.*

(21. *Ныне же, без закона, явилась праведность Божия, подтвержденная свидетельством закона и пророков,* 22. *Праведность, говоря, Божия через веру в Иисуса Христа, во всех и на всех верующих.)*

21) *Но ныне, независимо от дел закона.* Возникает вопрос, по какой причине называет он праведностью Божию ту праведность, которую получаем мы через веру. Потому ли, что одна она устоит перед Богом, или потому, что Господь дарит ее нам по Своему милосердию. Поскольку и то, и другое толкование вполне

⁶⁸ То же ... что не происходит ... разумеи, что у закона есть лишь одно следствие ... доказывает.

⁶⁹ Жизни.

подходит, мы не можем никакому из них отдать предпочтение. Итак, та праведность, которую Бог сообщает человеку и которую одну⁷⁰ принимает и признает праведностью, называется явленной без закона, то есть, без помощи закона, чтобы под законом разумели мы его дела. Ибо не подходит объяснять эти слова, как относящиеся к учению, которое тут же объявляет он свидетелем благодатной праведности через веру. Что же касается мнения тех, кто ограничивает слова эти одними обрядами, то несколько после я покажу, сколь оно пусто и выхолощено. Итак, остается нам уразуметь: заслуги дел [полностью] исключены. И мы видим, что апостол не примешивает дела к милосердию Божию, но, изгладив всякое упоминание о делах, поставляет на вид одно это милосердие.

Мне известно, что Августин толковал это место по-другому, думая, что праведность Божия – это благодать возрождения, и считал ее данной даром потому, что Господь обновляет Духом Своим тех, кто сам по себе ничего не заслуживает. Он также исключает из этой праведности дела закона, то есть такие дела, которыми люди сами по себе без возрождения стараются заслужить что-либо пред Богом. Мне также хорошо известно, что некоторые из новых умников спесиво превозносят сие учение, словно открытое им только сегодня. Однако из контекста вполне явствует, что апостол охватывает здесь все без исключения дела, даже те, которые Господь совершает в своих [людях]. Ибо несомненно, что Авраам уже был возрожден и водим Духом Божиим в то время, когда, как сказано, оправдался он не по своим делам. Итак, исключает апостол из оправдания человека не только дела нравственно добрые (как их обычно называют), и те, которые происходят по внушению природы, но и все те, которые могут иметь верующие люди. Затем, если определение праведности через веру состоит в следующем: Блаженны те, кому отпущены беззакония, тогда здесь идет речь не о том или ином виде дел, но, по устранению заслуги всяких дел, причину праведности называется одно лишь отпущение грехов.

Некоторые считают, что одно вполне согласуется с другим: что человек оправдывается верою по благодати Христовой, и что, тем не менее, он оправдывается делами, которые происходят из духовного возрождения, поелику Бог даром обновляет нас, и мы принимаем Его дар верою. Но Павел ставит здесь совсем иной принцип: совесть никогда не будет спокойна, доколе не успокоится в одном только милосердии Божиим. Поэтому в другом месте, сказав, что Бог явился во Христе оправдывающим людей, тут же объясняет, как именно оправдывающим, а именно: не вменяя им грехи их. Так же и в Послании к Галатам (3:12) потому противопоставляет он закон вере в отношении оправдания, что первый обещает жизнь лишь тем, кто исполняет веленное. А закон заповедует не только буквалистскую личину внешних дел, но и искреннюю любовь к Богу. Итак, следует, что к праведности по вере не примешана никакая заслуга дел. Откуда явствует, сколь глупа уловка говорящих, что мы оправдываемся во Христе потому, что обновляемся Духом, дабы быть членами тела Христова. [Напротив], мы оправдываемся верою потому, что верою прививаемся к Христову телу, оправдываемся даром потому, что Бог ничего не находит в нас, кроме греха. Ибо, потому во Христе, что не в нас. Потому верою, что на одно милосердие Божие и на Его благодатные обетования следует нам положиться. Потому даром, что Бог примиряет нас с Собою, изгладив наши грехи. И нельзя сводить все это к началу праведности, как мечтают некоторые. Поелику определение то: **блаженны те, кому отпущены беззакония**, относилось к Давиду тогда, когда уже долго упражнялся он в почитании Бога. И также Авраам после тридцатого года по своему призванию, хотя и представлял собою редкий пример святости, не имел дел, коими мог бы хвалиться пред Богом. Поэтому ему и вменилось в праведность то, что уверовал он в обетование. И Павел, сказав, что Бог оправдывает людей, не вменяя им грехи их, цитирует слова, ежедневно повторяемые в церквах. Мир же совести, возмущаемой лицемерием своих дел, не относится к одному только дню, но должен длиться всю жизнь, откуда следует, что мы остаемся праведными вплоть до своей смерти, если только взираем на одного лишь Христа, в Котором нас и усыновил, и ныне продолжает принимать Бог.

Таким же образом опровергается клевета тех, кто обвиняет нас во лжи, поелику по нашим словам в Писании говорится, что оправдываемся мы одной верою, однако же в нем нигде не обнаруживается это исключющее слово. Но ежели наше оправдание происходит без закона и вне нас самих, почему же не приписать его одному лишь милосердию Божию? А если принадлежит оно одному милосердию, то, значит, и одной лишь вере. Слово “ныне” можно понимать в противопоставительном смысле, так чтобы оно не относилось ко времени: подобно тому, как часто говорим мы “уже” вместо “однако”. Если же хочешь, чтобы оно относилось ко времени (с чем охотно соглашусь, чтобы не показалось, будто я уваливаю), то в нем, все же, следует разуметь не одно лишь упразднение обрядов. Ведь цель апостола состояла в том, чтобы путем сравнения возвеличить благодать, коей превосходим мы отцов наших. Поэтому смысл таков: проповедью Евангелия после явления Христа во плоти открыта была праведность по вере. Откуда, однако, не следует, что до пришествия Христова она была сокрыта. Ибо здесь надобно рассмотреть двойственное ее явление: прежнее во время ветхого завета, состоящее в слове и таинствах; и нынешнее – во время нового, имеющее свое исполнение во Христе помимо обетований и обрядов; и этому второму принадлежит большая ясность как раз благодаря Евангелию.

⁷⁰ Как праведность.

О которой свидетельствуют. Сие добавляет апостол, дабы не показалось, что Евангелие, даром наделяя людей праведностью, тем самым воюет с законом. Итак, как ранее отрицал он, что праведность по вере нуждается в помощи закона, так и ныне утверждает, что она подтверждается его свидетельством. Из того же, что закон свидетельствует о данной даром праведности, явствует, что не для того дан он был людям, чтобы учить их оправдываться делами. Следовательно, извращают его те, кто приписывает ему подобную цель. Далее, если хочешь услышать доказательство этого утверждения, рассмотри по порядку все Моисеево учение, и обнаружишь, что человек, изначально изгнанный из царствия Божия, черпал надежду на восстановление свое не иначе как из евангельских обетований о благословенном семени, кое по пророчеству должно было поразить змия в голову, и в котором возвещалось благословение для народов. В заповедях обнаружишь ты доказательство твоего нечестия, а из жертв и приношений научишься тому, что очищение есть только во Христе. Если же перейдешь к пророчествам, то откроешь яснейшие обетования незаслуженного милосердия, о чем подробнее смотри в наших Наставлениях.

Правда Божия. В немногих словах показывает он, каково то оправдание, которое основывается на Христе и принимается через веру. И, снова упоминая имя Божие, он, кажется, делает Бога не только одобряющим праведность, но и автором праведности, о которой идет речь; то есть, что происходит она от Него Одного, или что происхождение ее с небес, а явление для нас во Христе Иисусе. Посему, когда спрашивают об этой праведности, надобно придерживаться следующего порядка. Во-первых, причина нашего оправдания относится не к человеческому суду, а к судилищу Божию, где не принимается никакая праведность, кроме совершенного и абсолютного повиновения закону, что легко доказать из обетований и угроз. Из того же, что нет никого из людей, кто бы соответствовал столь возвышенной святости, следует, что все лишены праведности в самих себе. И тогда надобно, чтобы пришел на помощь Христос, Который, будучи единственным праведником и передавая нам Свою праведность, делает праведными и нас самих. Теперь ты видишь, что праведность по вере есть праведность Христова. Итак, тому, что мы оправдываемся, производящей причиною служит милосердие Божие; материальной причиною служит Христос; а слово с верою служит причиною инструментальной. И потому говорится, что вера оправдывает, что является она орудием принятия Христа, в Котором одном нам и сообщается праведность. А после того, как стали мы причастниками Христовыми, уже не только мы сами являемся праведными, но и дела наши считаются праведными пред Богом. И потому именно, что все, что только есть в них несовершенного, изглаживается кровью Христовой. Обетования же, которые были условными, исполняются в нас той же самой благодатью, и посему Бог вознаграждает дела наши так, словно они совершенны, и только потому, что недостаток их покрыт благодатным прощением.

Во всех и на всех верующих. Здесь повторяет он то же самое в разной форме для усиления смысла, дабы яснее выразить то, о чем мы уже слышали, а именно: что требуется одна лишь вера, и что верующие не различаются⁷¹ внешними признаками, так что не имеет значения, язычники они или иудеи.

Ибо нет различия, 23. потому что все согрешили и лишены славы Божией, 24. получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, 25. которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, 26. во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.

(Ибо нет различия, 23. Потому что все согрешили и лишены славы Божией, 24. оправданные даром, по благодати Его через искупление во Христе Иисусе, 25. которого Бог предложил в умилостивление, через веру, в Крови Его, для показания праведности Своей ради прощения грехов, 26. существовавших прежде, при долготерпении Божиим, к показанию праведности Своей в настоящее время, чтобы был Он праведным и оправдывающим того, кто от веры в Иисуса.)

Ибо нет различия. Здесь он всем без исключения приписывает необходимость искать праведность во Христе. Как бы говорит: нет иного пути для достижения праведности, так чтобы одни оправдывались так, а другие – иначе, но все [должны оправдываться] через веру, поелику все являются грешниками, и потому нет у них ничего, чем бы хвалиться пред Богом. И принимает он за⁷² данное, что, когда придут люди на судилище Божие, то всякий, сознающий за собой грех, будет из-за позора своего смущен и потерян, так что никакой грешник не сможет вынести взгляда Божия, как и видим мы на примере Адама⁷³. И еще приводит он в подтверждение довод от противного. Отметим же, что следует из него. Поелику все суть грешники, Павел заключает, что все лишены похвалы праведности. Итак, по учению его нет иной праведности, кроме

⁷¹ Между собой.

⁷² Ведь всем грешникам прилежит смущение и позор пред престолом Божиим, так что совесть, смущенная от своего греха, не сможет вынести взгляда Божия.

⁷³ Видим в Адаме. Заметь, что следует из этого довода, исходящего от противного.

совершенной и безупречной. Ибо, если была бы какая-то половинчатая праведность, грешника не следовало бы совершенно лишать славы. Чем достаточно опровергается так называемая теория частичной праведности. Ибо, если бы было верно, что мы частично оправдываемся делами, а частично по благодати Божией, не имел бы силы аргумент Павла, состоящий в том, что все лишены славы, поскольку все являются грешниками. Итак, несомненно, что там, где есть грех, нет никакой праведности, покуда не упразднит его проклятия Христос. И это же сказано в Гал.3:10: Все, находящиеся под законом, подвержены проклятию, от которого нас избавляет благодеяние Христово. Славой же Божией называет он ту, которая имеет место у Бога, как и говорится у Иоанна (12:43): Возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию. И так обращает он нас от одобрения человеческих зрителей к небесному суду.

24. *Получая оправдание даром (оправданные даром).* Причастие поставлено здесь вместо глагола по обыкновению греческого языка. Смысл таков: поелику людям самим по себе не остается ничего, кроме как погибнуть изобличенными⁷⁴ праведным судом Божиим, то оправдываются они даром по Его милосердию. Ибо в этом несчастье им на помощь приходит Христос и сообщает Себя верующим, дабы в Нем обрели они все, что им недостает. И, возможно, в Писании нет более выразительного места, выявляющего силу сей праведности. Ибо апостол показывает, что производящей его причиной является милосердие Божие, материальной – Христос со Своей кровью, формальной или инструментальной – вера, зачатая от слова, а целевой – слава божественной справедливости и благодати. Касательно производящей причины, говорит он, что оправданы мы даром по Его благодати. И так дважды повторяет, что все принадлежит Богу, и ничего – нам. Было бы достаточно противопоставить благодать заслугам, однако, дабы не вообразили мы половинчатое оправдание, еще яснее выразил он свою мысль через повторение, и одному божественному милосердию присвоил совершение того оправдания, которое разрывают на части и уродуют софисты, не желая признаваться в собственном бессилии.

Искуплением. Материя же нашей праведности состоит в том, что Христос послушанием Своим удовлетворил правосудию Отца и избавил нас, вместо нас покорившись тирании смерти, в плену которой мы и находились. Ибо умилованием принесенного Им жертвоприношения уничтожена была наша вина. И этим прекрасно опровергается толкование тех, кто желает считать праведность неким качеством. Ибо, если потому считаемся мы праведными перед Богом, что искуплены за плату, несомненно, что заимствуем извне то, что отсутствует в самих нас. И тут же Павел яснее разъясняет то, на что способно сие искупление и к чему оно предназначается: а именно, к тому, чтобы примирились мы с Богом. Ибо Христа зовет он умилованием или (что, кажется, уместнее, дабы был намек на ветхий прообраз) – жертвой умилования. И каков же смысл, если не тот, что праведны мы постольку, поскольку Христос умилировал к нам Отца.

25. *Которого предложил.*⁷⁵ Поелику греческое слово *πρότιθεναι* иногда означает назначать, а иногда выставлять на показ, то ежели принимается первое его значение, значит Павел ссылается на незаслуженное милосердие Божие, состоящее в том, что Христос назначен был нашим Посредником, умилившим к нам Отца жертвою Своей смерти. Ибо не каким-то обыденным проявлением милости было то, что Бог взыскал все средства, чтобы снять с нас проклятие. И несомненно это место кажется весьма соответствующим другому: Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного. Хотя, если принять другое толкование, останется тот же самый смысл: Бог в должное время выставил на обозрение Того, Кого ранее Сам назначил Посредником. В слове же *ἱλαστήριον* хорошо усмотреть намек на ветхозаветную умиловательную жертву. Ибо во Христе на деле было явлено то, что там лишь предызображалось. Однако, поскольку нельзя отвергнуть и другого мнения, я не возражаю, если кто захочет истолковать сие попроще. То же, что прежде всего хотел сказать здесь Павел, четко выявляется из его же слов: Бог без Христа всегда разгневан на нас, а мы оправдываемся через Него, когда принимаемся в Его праведность. Ибо Бог не отвергает в нас дело Своих же рук, то есть то, что сотворены мы были людьми, но отвергает в нас нечистоту, угасившую свет Его образа. Там же, где очищение Христово стерло с него грязь, Он любит и приветствует нас как подлинное Свое произведение.

В жертву умилования в Крови Его. Мне больше нравится дословно привести то, что сказал Павел. Ведь кажется, что все это говорится в одном контексте: Бог умилился к нам, и в Крови Христовой имеем мы прилежащее нам упование. Упомянув же об одной крови, не хотел он тем самым исключить остальные части искупления, но скорее под одной частью подразумевал целое. Назвал же Кровь постольку, поскольку в ней имеем мы омовение. Так что, через часть означает здесь все искупление наше. Ибо, сказав выше, что Бог умиротворился во Христе, теперь добавляет, что результат сего принимается нами через веру, а также то, что вера наша должна смотреть прежде всего на Христа.

⁷⁴ Обличенными.

⁷⁵ Здесь "предложить" означает не вывести вперед или выставить напоказ, а предназначить и предустановить, дабы к благодати Божией отнесли то, что использовал Он все средства для помощи нам в нашей беде.

*В прощении грехов (ради прощения).*⁷⁶ Причинный предлог дает здесь такой смысл, как если бы апостол сказал: для прощения, или с целью того, чтобы уничтожить грехи. И толкование сие еще раз подтверждает то, о чем я говорил уже несколько раз: что люди оправдываются не потому, что на самом деле являются [праведными], а посредством вменения [им праведности]. Ибо разными словами пользуется он, чтобы еще яснее выразить ту же самую мысль: ничто в этой праведности не относится к нашим заслугам. Поскольку, ежели получаем мы ее через отпущение грехов, то заключаем из этого, что эта праведность вне нас. Затем, если само⁷⁷ это отпущение происходит лишь по благодати Божией, ниспровергается всякая⁷⁸ наша заслуга. Однако можно спросить⁷⁹, почему ограничивает он прощение одними прошлыми преступлениями. Хотя место сие толкуется по-разному: мне представляется вероятным, что Павел имеет здесь в виду умилоствления, предписанные законом, каковые, будучи свидетельством умилоствления грядущего, никак не могли умилоствить Бога. Похожее место есть в Послании к Евреям 9:15, говорящее, что через Христа осуществлено было искупление грехов, совершенных во время ветхого завета. Однако не надо понимать так, что смертью Христовой были изглажены лишь те грехи, которые относились к предыдущему времени, каковое безумие некоторые фанатики по неразумию своему извлекли из сих слов. Ибо Павел учит лишь тому, что вплоть до смерти Христовой не было внесено той платы, которая бы умилоствила Бога. И сие не было осуществлено и исполнено прообразами, предписанными законом. Посему истина удержана была до полноты времен. Далее, та же самая природа имеется и у тех грехов, которые ежедневно навлекают на нас вину, поскольку за них всех принесено было одно умилоствление. Некоторые же, чтобы избежать сей нелепости, говорили, что потому отпускаются только прошлые грехи, чтобы не казалось, будто дана свобода грешить в будущем. И верно, что прощение дается лишь уже совершённым грехам, однако не потому, что плод искупления погибает, если грешим мы впоследствии, как безумствовал Новат со своею сектою, а потому, что таково евангельское устройство, в котором суд и гнев Божий прилежит собирающемуся согрешить, а милосердие – уже согрешившему⁸⁰. В остальном приведенный мною смысл несомненно подлиннен. Добавленное же им, что отпущение сие произошло в **долготерпении**, некоторые относят⁸¹ просто к кротости Божией, коей Он сдерживает Свой суд и не разрешает ему возгореться на нашу погибель, покуда, наконец, не примет нас по Своей благодати. Однако скорее всего здесь усматривается молчаливое упреждение. Дабы кто-нибудь не сказал, что благодать сия явилась слишком поздно, Павел и учит о некоем роде долготерпения.

26) *Для показания.* Повторение сей фразы не лишено выразительности, о которой Павел позаботился, поскольку была она весьма уместной. Ведь нет ничего, в чем труднее было убедить человека, нежели в том, чтобы, отказав себе во всем угодном Богу, угодное это относил он лишь к Нему Одному. Хотя новое подтверждение сие приводится [прежде всего] для раскрытия глаз иудеям.

В настоящее время. То, что было неизменным во все времена, относит он ко дню явления Христова⁸² и делает это обоснованно. Ибо то, что прежде познавалось неясно и прикровенно, Бог теперь явно возвестил в Своем Сыне. И так пришествие Христово оказалось временем благоволения и днем спасения. Ибо во все века Бог давал некое свидетельство Своей праведности, но когда воссияло само солнце праведности, все стало много яснее. Итак, следует отметить здесь сравнение ветхого и нового заветов. Поелику лишь тогда открылась ясно праведность Божия, когда явлен был Христос.

Да явится Он праведным. Сие есть определение той праведности, которая, по его словам, явилась с приходом Христа, как и в первой главе он учил о ней, что явилась она в Евангелии. И говорит он, что праведность эта основывается на двух вещах. Первое: Бог является праведным не как один из многих, а как Тот, Кто содержит в Себе всю полноту праведности. Ибо твердая и незыблемая слава, должная Ему, воссылается не иначе как Тому, Кто один заслуживает имя праведного, по уличению в неправедности всего человеческого рода. Второе же обстоятельство усматривает он в сообщении праведности, поелику Бог

⁷⁶ Предлог **δια**, если позволено, я хотел бы перевести как “через”: ибо если понять его в смысле причины, смысл будет поверхностным.

⁷⁷ Же.

⁷⁸ Человеческая.

⁷⁹ Тем же, что назначает отпущение лишь грехам, совершенным прежде, никак не потворствует заблуждению новатиан, лишивших христиан надежды на прощение, если они снова грешат после своего крещения.

⁸⁰ Означает же апостол, что прощение, кое Господь дарует грешникам, всегда относится к прошлому, дабы не казалось, что потому примирил Он нас с Собою кровью Христовой, чтобы затем грешили мы свободнее. Ибо примиряет Он нас потому, что мы уже являемся грешниками, отделенными от Него своей испорченностью.

⁸¹ То это некоторые относят.

⁸² Ибо ранее открыта была праведность сия в обетованиях и таинствах. Тогда же обетования эти и таинства обрели свое исполнение, поелику утвердились и подтвердились в Нем.

сокровища Свои не держит у Самого Себя, но изливает их на людей. Итак, в нас сияет праведность Божия, поскольку Он оправдывает нас верою во Христа. Ибо напрасно был бы Христос дан для праведности, если бы обладание этой праведностью не было от веры. Откуда следует, что все сами по себе неправедны и пребывают погибшими, доколе не придет к ним помощь с небес⁸³.

27. Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено. Каким законом? Законом дел? Нет, но законом веры. 28. Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона.

(27. Итак, где же похвальба? Исключена. Каким законом? Дел? Никак, но законом веры. 28. Итак, утверждаем мы, что человек оправдывается верою без дел закона.)

27. Где же то, чем бы хвалиться?⁸⁴ После того, как твердыми доводами отводил он людей от упования на свои дела, попрекает их теперь за тщеславие. И фраза сия весьма необходима, поскольку не достаточно было просто учить, если бы Дух Святой не сверкал [как молния] к низложению нашей гордыни. Говорит же, что гордыня несомненно исключена, поелику ничего не можем мы сделать от себя такого, что было бы достойно одобрения или похвалы от Бога. Так что⁸⁵, ежели сущность хвалы есть заслуга, по соответствию ли⁸⁶, или по достоинству, которой человек располагал бы к себе Бога⁸⁷, то и то, и другое, как видишь, полностью ниспровергается. Поелику здесь идет речь не о преуменьшении или скромности – Павел не оставляет человеку даже капли [похвалы]. Затем, если через веру устраняется похвальба делами, так что нельзя в чистоте проповедовать веру, не относя все к милосердию Божию и прямо лишая человека всякой славы, то отсюда следует, что для приобретения праведности нам не помогут никакие дела.

Законом дел? Как же апостол отрицает здесь, что законом исключены всякие наши заслуги, ежели ранее вывел⁸⁸ он из закона наше осуждение? Ибо если всех нас приговаривает он к смерти, какую славу можем мы из него почерпнуть? Не скорее ли покрывает он позором тех, кто лишен всякой славы? Однако апостол показал тогда, что грех становится явным от повеления закона, поелику все мы отошли от его соблюдения. Здесь же понимает он то, что, ежели праведность была бы в делах закона, слава наша вовсе не была бы исключена. Однако поскольку принадлежит она одной лишь вере, поэтому и нельзя ничего приписывать нам самим. Ведь вера все принимает от Бога, и ничего не приносит Ему, кроме смиренного исповедания нищеты. Следует также отметить тщательное противопоставление веры и дел, в котором дела понимаются обобщенно без какого-либо уточнения. Итак, не только об обрядах, не только о внешнем виде дел рассуждает здесь апостол, но охватывает всякие заслуги дел, какие только можно себе представить. Имя же закона присваивается вере в несобственном смысле, но это никак не затемняет смысл его слов. Ибо он понимает то, что, когда приходят к правилу веры, низлагается всякая слава дел, и как бы говорит: праведность дел восхваляется в законе, но у веры есть свой закон, не оставляющий никакой праведности делам, каковы бы те ни были.

28) *Ибо мы признаем.* Теперь формулирует он главное утверждение, как уже вполне несомненное и изъясненное. Ибо премного проясняется оправдание верою, если прямо исключаются всякие дела. Поэтому ни в чем противники наши не трудятся так усиленно, как в том, чтобы смешивать веру с заслугами дел. Они признают, что человек оправдывается верою, но не только ею одной, и силу оправдания придают еще и любви, хотя на словах уступают ее вере. Однако Павел утверждает здесь, что оправдание дается столь незаслуженно, что вполне ясно показывает: невозможно, чтобы оно как бы то ни было сочеталось с достоинством дел. Почему же он говорит о делах закона, я уже сказал ранее, а также показал, как смешны те, кто ограничивает их обрядами. Выхолощено то толкование, которое дела закона принимает за дела, совершенные по букве без Духа Христова. Скорее этот эпитет означает то же, что и “имеющие заслугу”, поелику относится к награде, обещанной в законе. Сказанное же у Иакова, что не только верою, но и делами

⁸³ Итак, праведности Божией не будет дано твердого и незыблемого свидетельства, если не признаем мы, что она одна достойна подобной чести, осудив при этом всех людей в неправедности. Ибо апостол хочет сказать, что одного лишь Бога следует провозглашать праведным. Затем, величие праведности и благодати выявляется в том, что Бог изливает эту праведность также и на людей. Ибо все, кто только ни есть праведен, оправдались не иначе как только от веры во Христа. Ведь в противном случае все они остались бы неправедными. Итак, оправдываются они потому, что считаются праведными, даже если не таковы на самом деле, когда вменяется им в праведность послушание Христово.

⁸⁴ Великая фраза, коей обличает апостол тщеславие наше, которое прежде уже ниспроверг многими доводами.

⁸⁵ Итак.

⁸⁶ Как ... так.

⁸⁷ Считался бы располагающим.

⁸⁸ Показал.

оправдывается человек, никак не противоречит предыдущему утверждению. Их можно легко примирить⁸⁹, приняв во внимание вопрос, о котором там рассуждает Иаков. Ибо он состоит не в том, как люди обретают праведность у Бога, но в том, каким образом они доказывают свою праведность [другим]. Ибо он опровергает лицемеров, напрасно хвастающихся видимостью своей веры. Итак, тяжелой ошибкой будет не замечать, что слово “оправдывать” у Иакова значит иное, нежели у Павла, поскольку рассуждают они о разных вопросах. Также и имя веры без сомнения является многозначным. Так что следует принять во внимание эту двойную соименность, чтобы вынести на сей счет правильное суждение. Из контекста явствует, что Иаков не хотел сказать ничего другого, кроме только того, что человек не становится праведным с помощью вымышленной или мертвой веры, если при этом не подтвердит свою праведность делами, о чем подробнее смотри в наших Наставлениях.

29. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, 30. потому что один Бог, Который оправдывает обрезанных по вере и необрезанных через веру.

(29. Неужели Бог есть Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, 30. потому что один Бог, Который оправдывает обрезанных от веры и необрезанных через веру.)

29) *Неужели Бог есть Иудеев.* Второе утверждение состоит в том, что праведность эта относится к иудеям не более, чем к язычникам. Это⁹⁰ следовало заявить с большой настойчивостью для того, чтобы распространить на всю землю царство Христово. Итак, апостол не спрашивает просто, является ли Бог творцом язычников, что не подлежало спору, но он спрашивает: не хочет ли Бог объявить Себя также и их спасителем. Ибо после того, как уравнил Он весь человеческий род и низвел его до одинакового состояния, стало ясно, что, если и есть какое-либо различие между людьми, оно происходит от Бога, а не от тех, у кого все одинаково. Так что, если истинно, что Бог хочет сделать причастниками Своего милосердия все народы земли, то спасение, и праведность необходимая для спасения, простирается на них всех. Поэтому, говоря о Боге, он здесь имеет в виду то взаимное⁹¹ отношение, которое часто упоминается в Писании: Я буду вам Богом, а вы будете Мне народом. Ибо то, что Бог избрал Себе на время особый народ, не устраняет закона природы, что все созданы по образу Божию и введены в мир в надежде на блаженную вечность.

30). *Который оправдывает ... необрезанных.* То, что апостол говорит, что одни оправдываются от веры, а другие через веру, кажется вызвано нуждою разнообразить речь, повествуя об одном и том же, дабы упредить глупость иудеев, утверждавших о разнице между собою и язычниками, в то время как причина оправдания для них была абсолютно такой же. Ибо если одной лишь верою участвуют люди в сей благодати, вера же в обоих одна и та же, то смешно проводить различие при подобном сходстве. Итак, думаю я, что в словах его присутствует некая ирония. Он как бы говорит: Если кто хочет установить различие между язычником и иудеем, то пусть видит его в том, что второй от веры, а первый через веру обретает праведность. Если только не покажется более уместной мысль, что потому иудеи оправдываются от веры, поскольку рождаются наследниками благодати, и право на усыновление передается им от отцов, а язычники потому оправдываются через веру, что для них завет является чем-то новым.

31. Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак, но закон утверждаем.

(31. Итак, мы отменяем закон верою? Никак, но закон утверждаем.)

31. *Итак, мы уничтожаем.* Там, где закон противопоставляется вере, плоть сразу же начинает подозревать некое противоборство, как будто одно противоречит другому. Особенно легко возникает это ложное представление среди тех, кто, напитанный извращенным пониманием закона, ищет в нем не чего иного как праведности по делам, упуская из виду обетования. И не только Павел пользовался из-за этого дурной славой среди иудеев, но и Сам Господь подвергся поношению, будто бы Он всю Свою проповедь стремился ниспровергнуть закон. Отсюда следующее Его заявление: не нарушить пришел Я закон, но исполнить. Причем подозрение сие относилось как к обрядам, так и ко нравственности. Поелику же Евангелие полагает конец моисеевым обрядам, оно, как думают некоторые, стремится уничтожить моисеево служение. А поскольку упраздняет всякую праведность по делам, считается, что противоречит оно многочисленным свидетельствам закона, где Сам Господь говорит, что предписывает [в законе] путь праведности и спасения. Поэтому данное извинение Павла я понимаю относящимся не отдельно к обрядам, и отдельно к нравственным (как называют их) заповедям, а ко всему закону. Ибо нравственный закон воистину подтверждается и утверждается верою во Христа; ведь для того он и был дан, чтобы привести ко

⁸⁹ Обратив внимание на двойную соименность. Поелику слово “оправдание” у Иакова используется не в смысле вменения, а в смысле объявления и свидетельства о праведности; вера же имеется в виду неподлинная и признается в качестве уступки.

⁹⁰ Что.

⁹¹ Двустороннее.

Христу человека, обличенного в собственной несправедливости. Без этого бессмыслен⁹² и сам закон, и напрасно требует он чего-то правильного от людей. Ведь он не может ничего иного, разве что еще больше возбудить похоть, тем самым навлекая на человека еще большее осуждение. Когда же приходят ко Христу, вначале обретают в Нем совершенную праведность закона, которая становится нашей через вменение. Затем обретают в Нем освящение, коим преображаются сердца наши к соблюдению закона, пусть и несовершенному, но соответствующему⁹³ поставленной цели. Так же следует рассуждать и об обрядах, кои прекратились и упразднились с приходом Христа, однако, несмотря на это, воистину в Нем подтверждаются. Ибо если оценивать их самих по себе, они пустые и туманные образы, и лишь тогда имеют они в себе нечто твердое, когда направлены к лучшей цели. Итак, в том обретают они свое высшее подтверждение, что учат: истина их воспоследует лишь во Христе. Так и мы должны проповедовать Евангелие, чтобы учением нашим утверждался закон. Но утверждался лишь с той твердостью, которая подкреплена верою во Христа.

Глава 4

1. Что же скажем, Авраам, отец наш, приобрел по плоти? 2. Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. 3. Ибо что говорит Писание? Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность.

(1. Итак, что скажем мы, Авраам, отец наш, приобрел по плоти? 2. Ибо, если Авраам оправдался от дел, имеет, чем бы хвалиться, но не пред Богом. 3. Ибо что говорит Писание? Поверил Авраам Богу, и вменилось ему в праведность.)

1) *Что же скажем.* Подтверждение здесь берется из примера, который достаточно надежен, поелику все подходит в нем как в отношении дела, так и в отношении лица. Ибо Авраам есть отец верных, которому всем нам надлежит уподобиться, и не много⁹⁴, а лишь одно основание праведности имеется для всех нас. Во многих же других отношениях пример сей не был бы достаточен для установления общего правила. Однако, поскольку в лице Авраама было предложено как бы зеркало и пример той праведности, которая относится ко всей Церкви, то Павел заслуженно написанное о нем одним приспособляет ко всему телу Церкви, и одновременно обуздывает иудеев, кои охотнее всего хвалились тем, что выставляли себя сынами Авраама. Ибо себе самим никогда не осмелились бы присвоить они святость большую, чем была у их святого патриарха. И поелику явствует, что оправдался он даром, пристыженные потомки его, претендующие на праведность по закону, должны с необходимостью умолкнуть.

По плоти? Поелику в тексте Павла между этими словами и именем патриарха вставлен глагол **εὐρηκέναι**: Что скажем мы, Авраам, отец наш, приобрел по плоти? То некоторые толкователи понимали вопрос так: что по плоти приобрел Авраам? И если кому нравится сие толкование, то смыслом этих слов будет: “что приобрел он по природе, или сам по себе”. Однако, вероятно, что слова сии в качестве эпитета соединяются со словом “отец”. Ибо помимо того, что привыкли мы впечатляться от близких нам примеров, здесь снова прямо именуется то родовое достоинство, которым чрезмерно хвалились иудеи. И некоторые считают, что прибавлено сие как бы с презрением, в каковом смысле отдельные люди зовутся сынами Авраама, не будучи ни духовными, ни законными [его потомками]. Я же думаю, что слова сии употреблены прежде всего ради иудеев, поелику почетнее быть сынами Авраама по природе и плотскому происхождению, чем просто по усыновлению, каковы все другие верующие. Итак, уступает он иудеям кровные узы, однако лишь для того, чтобы еще больше их попрекнуть, да не отходят они от примера своего отца.

2) *Если Авраам.* Здесь имеется неполное рассуждение, которое можно свести к следующему: Если Авраам оправдался делами, то он может хвалиться своей заслугой. Однако нет у него того, чем бы хвалиться пред Богом. Следовательно, он оправдался не делами. Посему слова “но не пред Богом” являются меньшей посылкой силлогизма. К ним следует добавить вывод, о котором я только что сказал, хотя у Павла он и не выражен явно. Под хвалением имеется в виду то, когда претендуют на что-либо свое, чему положена награда на судилище Божиим. И видя, что похвала сия отобрана даже у Авраама, кто же из нас дерзнет присвоить себе хоть бы каплю сей похвалы?

3) *Ибо что говорит Писание?* Здесь имеется доказательство меньшей посылки, где апостол отрицает, что Авраам имел основания для похвалы. Ибо, ежели Авраам оправдался от того, что верою принял благодать Божию, отсюда следует, что не было у него никакой славы, поелику ничего не принес он своего, кроме признания собственной беды, взыскающего милости. Ведь установленным считает апостол, что праведность

⁹² Не исполняется.

⁹³ Согласному.

⁹⁴ Добавляет же, что является он отцом иудеев по плоти, чтобы больше затронуть их сердца. Ибо привыкли мы впечатляться от близких нам примеров.

по вере есть как бы помощь и убежище для грешника, лишенного собственных дел⁹⁵. Ибо, ежели есть какая праведность в законе или делах, она пребывает в самих людях. Верою же заимствуют то, чего лишены сами. Прочитанное место взято из Быт.15:6, где слово “поверил” следует относить не к чему-либо конкретному, а ко всему завету спасения и благодати усыновления, которую Авраам, как сказано, воспринял верою. Ибо обетование сие относилось ко грядущему семени, но основано оно было на безвозмездном усыновлении. Следует же отметить, что ни спасение не обещается без благодати Божией, ни благодать Божия не обещается без спасения. И еще: не призываемся мы к благодати Божией или к надежде спасения без того, чтобы одновременно не предлагалась нам и праведность. Установив сие, можно увидеть, как не следуют началам богословия те, кто думает, будто Павел искажил здесь свидетельство Моисея. Поелику обетование там особо [адресуется Аврааму], они думают, что Авраам и поступил правильно, уверовав в него, и именно поэтому получил от Бога одобрение.

Однако в том заблуждаются, что, во-первых, не обращают внимания на то, что слово “поверил” относится ко всему содержанию, и посему не должно ограничиваться чем-то одним. А главным образом заблуждаются в том, что не исходят из свидетельства Божией благодати. Но Бог поступил так, дабы уверить Авраама в Своем усыновлении и отческом благоволении, под которым разумеется вечное спасение Христово. Посему Авраам, уверовав, не принял ничего, кроме предложенной ему благодати, дабы не сделать ее напрасной. И если это вменяется ему в праведность, отсюда следует, что стал он праведным не иначе как уповая на благодать Божию и надеясь получить от Него все. Ибо Моисей говорит не о том, что думали об этом человеке, но о том, каким он предстал пред престолом Божиим. Итак, Авраам принял в предложенном ему обетовании благодать Божию, коей, как понял он, сообщалась ему праведность. И необходимо для установления праведности уразуметь сию связь между обетованием и верою. Ибо между нами и Богом то же самое отношение, какое имеется между дарителем и тем, кого он одаривает. Ибо не иначе получаем мы праведность, нежели познаем верою, что вошли в обладание ею так, как дается она нам в евангельском обетовании. А как следует примирять с этим место из Иакова, кажущееся несколько противоречащим всему сказанному, об этом я уже писал выше, и после объясню подробнее, ежели даст Господь. Обратим лишь внимание на то, что оправдываются те, кому вменяется праведность, и эти две вещи рассматриваются Павлом как синонимичные. Откуда заключаем, что вопрос не в том, каковы люди сами по себе, но в том, как рассматривает их Бог. Не то утверждается, что чистота совести и целомудрие жизни отделяются от благодатного благоволения Божия, но то, что там, где ищут причину, почему Бог любит нас и признает за праведных, необходимо обратиться ко Христу, Который Один облакает нас в Свою праведность.

4. Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. 5. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность.

(4. Причем тому, кто делает, воздаяние вменяется не по милости, но по долгу. 5. Тому же, кто не делает, но верит в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность.)

4) *Воздаяние делающему.* Делающим называет он не того, кто отвержен добрым делам, каковое прилежание должно иметь место во всех делах Божиих, но того, кто заслуживает что-либо своими делами. А не делающим называет того, кому ничего не полагается по заслугам. Ибо не хочет он, чтобы верные были нерадивы, но лишь запрещает им быть наемниками, испрашивающими у Бога нечто как причитающееся им по долгу. Уже прежде сказали мы о том, что не толкуется здесь, какую жизнь должны мы вести, а отыскивается причина спасения. Доказывается же от противного, что Бог не воздает нам праведность, как нечто должное, но вменяет ее как принятую нами. И я согласен с Буцером, который показал, что доказательство здесь опирается не на какое-то отдельное слово, а на все предложение, и равносильно следующему: Если бы был кто-либо, заслуживший нечто своими делами, то заслуженное им не вменялось бы ему даром, но воздавалось как должное. Вера же вменяется в праведность не потому, что предъявляет какую-либо нашу заслугу⁹⁶, но потому, что принимает благодать Божию. Итак, праведность не причитается нам, но дается даром. Ибо, поелику Христос по милости оправдывает нас через веру, Павел всегда усматривает в этом нашу нищету. Ведь во что еще мы верим, если не в умилоствление Христово, в то, что Он примирил нас с Богом? То же самое читаем мы и в Послании к Галатам 3:11: что от закона не оправдается никто, ибо праведный верою будет жить. Однако закон не от веры, но тот, кто исполнит его, будет жить им. Поелику же закон обещает награду за дела, отсюда апостол заключает, что праведность по вере, будучи данной даром, не согласуется⁹⁷ с тою праведностью, которая от дел. Что не имело бы места, если бы вера оправдывала, взирая на дела. И следует тщательно уразуметь эти сопоставления, коими совершенно исключается⁹⁸ всякая заслуга.

⁹⁵ Место сие из Быт.15, где сказано, что верою принял он обетования Божии, коими сам был принят в завет спасения по посредничеству благословенного семени.

⁹⁶ Что-либо заслуживает.

⁹⁷ С праведностью.

⁹⁸ Изгоняется.

5) *Верующему в Того*. Перифраз, полный глубокого смысла, которым выражает он природу и веры и праведности. Ибо ясно говорит, что вера приносит нам праведность не постольку, поскольку является заслуживающей добродетелью, но поскольку обретает для нас благодать Божию. Ибо он не только объявляет Бога дарителем праведности, но и осуждает нас в неправедности, чтобы нашу нищету восполнило Божие богатство. Вкратце, никто не придет к праведности по вере, если сам по себе не является нечестивым. Ибо данный перифраз означает лишь то, что вера украшает нас чужой праведностью, испрошенной для нас у Бога. И здесь снова говорится, что оправдывает нас Бог, поскольку даром прощает Он грешников и, упраздняя⁹⁹ нашу неправедность Своим милосердием, соизволяет возлюбить тех, кого по праву мог бы возненавидеть.

6. Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: 7. Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. 8. Блажен человек, которому Господь не вменит греха.

(6. Так и Давид определяет блаженство человека, которому Бог вменяет праведность без дел: 7. Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. 8. Блажен муж, которому Господь не вменит греха.)

6) *Так и Давид называет*. Отсюда видим мы, сколь дешевой является клевета тех, кто ограничивает дела закона одними обрядами, хотя теперь говорит он о делах вообще, без какой-либо конкретизации, о тех делах, которые ранее называл делами закона. Если никто не может возразить, что простое и не ограниченное утверждение, имеющееся в данном месте, должно разумеаться о всех делах вообще, то данный принцип обязан иметь силу и во всем споре. Ибо ничто так не сомнительно, как придавать одним обрядам силу оправдывать, в то время как Павел исключает все дела вообще. Сюда же относится и противоположное утверждение, что Бог оправдывает людей, не вменяя грехи, коими словами научаемся¹⁰⁰, что праведность для Павла есть не что иное, как отпущение грехов. А затем, что данное отпущение дается даром, поелику вменяется без дел, что и означает само слово “отпущение”. Ибо не тот кредитор отпускает, которому отдан долг, но тот, кто по чистой щедрости прощает этот долг. Пусть теперь придут те, кто учит, что прощение грехов достигается удовлетворениями, и скажут нам: из чего Павел выводит аргумент для утверждения данной даром праведности? Ибо как им согласовать свое мнение с мнением Павла? Они говорят, что делами приносит удовлетворение справедливости Божией, с помощью чего испрашиваем мы прощение грехов.

Вопреки сему утверждается, что праведность по вере дается даром и без дел именно потому, что зависит она от прощения грехов. Безусловно, порочным было бы рассуждение это, если бы в отпущение грехов вмешались какие-нибудь дела. Не меньше рассеивают придуманную схоластами нелепость о половинном отпущении и приведенные апостолом пророческие слова. Ведь схоласты пустословят, что по отпущению вины, Бог удерживает за грешниками наказание. Пророк же заявляет, что грехи не только покрыты, то есть, устранены с глаз Божиих, но и добавляет, что они не вменяются. Как можно помыслить, что Бог приговаривает к наказанию за то, что Он же Сам не вменяет? Итак, остается наше спасительное утверждение, что тот, кто очищен пред Богом незаслуженным прощением своих грехов, оправдывается верою. Кроме того, отсюда можно заключить, что данная даром праведность продолжается в течение всей нашей жизни. Ибо, когда Давид, отягощенный повседневными муками совести своей, возгласил сии слова, то, определенно, говорил он о своем личном опыте. Однако к тому времени он уже многие годы почитал Бога. Итак, после большого преуспевания, заключив, что несчастны все, кто призывается к божественному суду, заявляет он, что путь к блаженству открыт только там, где Господь принимает нас по благодати, не вменяя нам наши грехи. Так ясно опровергается измышление тех, кто пустословит, что праведность по вере является лишь начальной праведностью, дабы затем верные удержали эту праведность с помощью дел, ту праведность, которую ранее приобрели без всяких заслуг. То же, что о делах иногда говорится, что они вменяются в праведность, и приводятся также иные виды блаженства, никак не противоречат Павлу.

Возьмем Псалом (106:30): Финеесу, священнику Божию, было вменено в праведность то, что казнив блудника и блудницу, снял он поношение с Израиля. Слышим мы, что человек сделал нечто хорошее, но знаем, что никто не оправдывается только одним поступком. Ибо требуется совершенное и абсолютно полное послушание, как и гласит обетование: кто исполнит сие, жить будет этим. Как же вменилось ему в праведность отпущение сие? Конечно же надо было ему прежде оправдаться по благодати Божией. Ибо кто уже облечен в праведность Христову, имеют Бога умиловленным не только к себе самим, но и к своим делам, пятна и изъязны которых покрывают они чистотой Христовой, дабы не взошли они перед взором

⁹⁹ Потому оправдываемся мы, что искренне верим в то, что Бог прощает нам наши грехи. И что какого бы гнева и мщения ни были мы достойны, Он к нам, тем не менее, милостив. Ибо перифраз сей следует рассматривать в контексте.

¹⁰⁰ Кроме того.

Божиим. Откуда дела их, уже не запятнанные никакими пороками, признаются праведными. И не иначе как по снисхождению угодно Богу какое-либо человеческое дело. Посему зная, что праведность по вере есть единственная причина того, что дела твои считаются праведными, смотри, сколь глуп аргумент тех, кто заявляет: поскольку праведность приписывается делам, значит, принадлежит она не одной лишь вере. Я же противопоставляю им непобедимый довод, что все дела будут осуждены как неправедные, если человек не оправдывается одною верой.

То же самое относится и к блаженству. Блаженными провозглашаются те, кто боится Господа, ходящие путями Его, размышляющие над законом Его день и ночь. Однако, поскольку никто не делает этого с подобающим совершенством, так чтобы полностью исполнить заповедь Божию, все подобного рода благословения являются недействительными, покуда не получаем мы искупления, очищенные отпущением грехов. Однако так, что становимся восприимчивыми к тому блаженству, которое Господь обещает рабам Своим, прилежным в законе и добрых делах. Итак, праведность по делам есть следствие праведности по вере. И блаженство от дел есть следствие того блаженства, которое основано на отпущении грехов. Если же причина не должна и не может упраздниться своим следствием, напрасно трудятся те, кто стремится делами ниспровергнуть праведность веры. Однако почему нельзя (скажет кто-нибудь) доказывать этими свидетельствами, что человек оправдывается и становится блаженным именно от дел? Ибо слова Писания не более выразительно говорят о том, что человек оправдывается верою и получает блаженство по милости Божией, чем о том, что все это он обретает делами. Однако здесь¹⁰¹ следует принять во внимание как причинную связь, так и устройство Божией благодати. Ибо нет места ничему из того, что возвещается о блаженстве или праведности по делам, ежели не будет этому предшествовать и не наполнит собой всё одна только праведность по вере. Вторую надобно возвышать и утверждать, дабы первая, словно плод ее, развивалась из нее и прорастала.

9. Блаженство сие относится к обрезанию, или к не обрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. 10. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания.

(9. Итак, блаженство сие только лишь к обрезанию подобает, или также и к не обрезанию? Ибо мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. 10. Как же она вменилась? Когда он был в необрезании, или в обрезании? Не в обрезании, а в необрезании.)

Поелику упоминаются здесь лишь обрезание и необрезание, многие по незнанию заключают, что вопрос стоит не о чем ином, как о том, что обрядами закона не обрести праведности. Однако подобает обратить внимание на то, с какого рода людьми спорит здесь Павел. Ибо знаем мы, что лицемеры, претендуя на имеющую заслугу дела, на самом деле, прикрываются лишь наружной личиною. Также обстояло дело и с иудеями, которые грубым злоупотреблением закона стали чуждыми истинной и надежной праведности. Павел же сказал, что никто не блажен, кроме того, кого Бог примиряет с Собой по незаслуженной милости. Откуда следует, что прокляты все, дела которых приходят на суд. В настоящей главе уже говорилось, что человек оправдывается не собственным достоинством, а милосердием Божиим. Однако этого не достаточно, ежели отпущение грехов не предшествует всем делам, из которых первое – это обрезание, вводившее иудейский народ в послушание Богу. Посему переходит он к доказательству сего факта. Будем же всегда помнить о том, что обрезание здесь рассматривается¹⁰², как начальное (так сказать) дело законнической праведности. Ибо иудеи хвалились им не как символом благодати Божией, но как имеющим заслугу через соблюдение закона. Поэтому и возносили они себя над остальными, словно больше угождали величию Божию. Уже видели мы, что спор идет не об одном обряде, но что одним словом охватывается все, что только относится к делам закона, то есть, все то, чему полагалась бы награда. Потому же обрезание упоминается здесь особым образом, что является оно основанием законнической праведности. Однако Павел исходит от противного. Если праведность Авраама состоит в отпущении грехов (что он считает бесспорным), которое Авраам обрел до обрезания, отсюда следует, что отпущение грехов дается не по предшествующим заслугам. Смотри же, как доказывает он здесь, исходя из порядка причины и следствия. Ибо причина всегда предшествует своему следствию. Однако праведность предшествовала обрезанию Авраама.

11. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилась праведность, 12. и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании

(11. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которая была в необрезании, чтобы быть ему отцом всех верующих через необрезание, чтобы и им вменилась праведность, 12. и отцом

¹⁰¹ Дела Божия.

¹⁰² Упоминается.

обрезания, не тех, кто суть только от обрезания, но ходящих по следам веры, которая была в необрезании у отца нашего Авраама..)

11) *И знак обрезания он получил.* Здесь апостол, как бы упреждая, показывает, что обрезание, несмотря на то, что оно не оправдывает, не является, вместе с тем, пустым и излишним. Ведь есть у него иное славное употребление – обозначать и словно удостоверять собою праведность по вере. Между тем, исходя из цели его, он показывает, что оно не есть причина праведности. Ибо обрезание стремится подтвердить праведность веры, ту, которая уже была получена в необрезании. Следовательно, оно ничего не отнимает от этой праведности и ни в чем ей не противоречит. Здесь имеем мы замечательное место об общей пользе таинств. Ибо они суть (по свидетельству Павла) печати, коими и обетования Божии запечатлеваются в сердцах наших, и удостоверяется Его благодать. И все же¹⁰³ ничем не помогают они сами по себе. Однако Бог, восхотевший, чтобы они были орудиями Его благодати, делает их по тайной благодати Духа Своего полезными для избранных. И хотя для отверженных они лишь мертвые и бесполезные образы, всегда удерживают они силу свою и природу. Поелику, если неверие наше и лишает нас их плода, не уничтожает оно, однако, истину Божию. Поэтому неизблемым остается то, что священные символы суть свидетельства, коими Бог запечатлевает в сердцах наших Свою благодать.

О символе же обрезания следует особо сказать то, что оно представляет нам двойственную благодать Божию. Ведь Бог обещал Аврааму благословенное семя, от которого для всего мира изойдет надежда на спасение. Отсюда и следующее обетование: Буду тебе Богом. Итак, в сей знак включено незаслуженное примирение с Богом. И аналогия требовала, чтобы верные взирали в нем на обетованное семя. Со своей же стороны Бог требовал целомудрия и святости жизни, показывая этим символом, как этого достичь, а именно: если в человеке обрезывается то, что рождено от плоти, поелику вся природа его порочна. Итак, наставлял Он Авраама внешним знаком, дабы духовно обрезал он порочность плоти своей, на что Моисей намекает также и во Второзаконии 10:16. И чтобы дать понять, что дело это не человека, а Бога: восхотел, чтобы обрезывались беспомощные дети¹⁰⁴, которые по возрасту своему не могли сами исполнить эту заповедь. Так не умолчал Моисей о том, что духовное обрезание есть дело силы Божией¹⁰⁵. Как и читаем мы во Второзаконии 30:6: Обрежет Господь сердце твое. Пророки же впоследствии еще яснее это изъяснили. Итак, как ныне у крещения, так и ранее у обрезания были две составные части: ибо возвещает оно как новизну жизни, так и отпущение грехов. Впрочем, то, что на примере Авраама обрезание последовало за праведностью, не всегда имеет место в таинствах, как явствует сие в Исааке и его потомках. Однако Бог восхотел единожды произвести подобный пример, дабы кто-нибудь не приписал праведности внешним символам.

Так что стал отцом. Заметь, как обрезание Авраама подтверждает нашу веру в дарованную праведность. Ибо оно есть запечатление праведности по вере, дабы и нам верующим вменилась эта праведность. Так, приведя один этот пример, Павел обращает против противников своих то, что они могли бы ему возразить. Ибо, если сама истина и сила обрезания имеет место и в необрезании, нет того, чем иудеи возносились бы над язычниками. Однако могло возникнуть сомнение, не должны ли и мы по примеру Авраама подтверждать праведность свою этим же символом? Тогда почему же апостол упустил об этом сказать? Потому именно, что счел вопрос достаточно проясненным из того, что уже сказал. Ибо если допустить¹⁰⁶ следующее утверждение: обрезание может лишь запечатлеть благодать Господню, отсюда следует, что ныне оно излишне для нас, ведь есть уже у нас заменяющий его божественно установленный символ. Поелику же там, где имеется крещение, уже нет пользы от обрезания, не хотел апостол понапрасну спорить о том, о чем никогда не было разногласий, а именно: почему в язычниках не запечатлевалась праведность по вере, если уподобились они Аврааму? Верить через необрезание как раз и означает, что язычникам, довольным своей судьбой, не было велено творить на себе знак обрезания. Так что предлог *διὰ* здесь поставлен вместо *εὔ*.

12) *Не только принявших обрезание (не тех, кто суть только от обрезания).* Глагол “быть” здесь означает “считаться”. Ибо обуздывает здесь апостол плотских сынов Авраама¹⁰⁷, кто, не имея ничего, кроме внешнего обрезания, самонадеянно им хвалились. Ибо небрегли они тем, что было важнее, а именно: подражать вере Авраама, коей одной обрел он спасение. Отсюда явствует, сколь старательно различает апостол веру от таинства: не только чтобы кто-нибудь не довольствовался вторым, не имея первого, как

¹⁰³ Ничем не полезны они без Духа, однако через них, словно через орудия, Бог раздает силу Духа Своего. О самой же печати обрезания следует особо сказать, что представляет оно нам обетование и заповедь. Ведь Господь обещает благословенное семя, по ходатайству которого будет Он Богом Аврааму и его семени. Добавляет же знак, чтобы иметь подходящую аналогию.

¹⁰⁴ Повелел быть этому знаку на беспомощных детях.

¹⁰⁵ Не скрыл то, что это благодеяние.

¹⁰⁶ Принять.

¹⁰⁷ То есть тех.

будто этого достаточно для оправдания, но и для того, чтобы одна лишь вера исполняла собой все. Ибо говоря, что иудеи, бывшие обрезанными, оправдываются, он делает оговорку: тогда только, когда подражают они Аврааму своей верою. Ибо что хочет от необрезания вера, кроме, разве, того, чтобы ясно показать: она одна достаточна без всякой посторонней помощи? Итак, надобно остерегаться, дабы кто, уполовинивая, не измыслил бы сразу две причины оправдания. И точно так же опровергается догма схоластов о различии таинств ветхого и нового заветов: первые они лишали силы оправдывать, а вторым придавали эту силу. Однако, если Павел правильно рассуждает, доказывая, что обрезание не оправдывает, из того, что Авраам оправдался верою, то ведь и перед нами стоит тот же вопрос: так что и мы должны отрицать, что крещение оправдывает людей, когда оправдываются они той же самой верою, что и Авраам.

13. Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его обетование — быть наследником мира, но праведностью веры.

(13. Ибо не через закон даровано Аврааму и семени его обетование, чтобы быть ему наследником мира, но через праведность веры.)

13) *Ибо не законом.* Здесь он еще яснее выражает¹⁰⁸ антитезис между законом и верою, о котором уже говорил ранее. И надобно тщательно его взвесить; потому что, если вера ничего не заимствует от закона для того, чтобы оправдывать, мы сразу же поймем, что взирает она лишь на милосердие Божие¹⁰⁹. Измышление же тех, кто хочет относить сказанное к обрядам, нетрудно опровергнуть. Поелику, ежели дела добавляли бы что-нибудь к праведности, было бы сказано скорее так: не через писанный закон, но через закон природный. Однако Павел противопоставляет здесь обрядам не духовную святость жизни, но веру и ее праведность. Итак, смысл состоит в том, что Аврааму обетовано было наследие не потому, что заслужил он этого соблюдением закона, но потому что достиг его верою. И, безусловно, (как вскоре скажет и сам Павел) лишь тогда обретают люди твердый мир совести, когда чувствуют: даром дается [им] то, что не положено по долгу. Отсюда следует также, что благодеяние сие обще и для язычников и для иудеев¹¹⁰, благодеяние, причина которого относится и к тем, и к другим. Ибо, если на одной лишь благодати Божией основано спасение людей¹¹¹, то по мере сил своих преграждают путь этой благодати те, кто исключает из нее язычников.

*Быть наследником мира*¹¹². Поелику здесь идет речь о вечном спасении, кажется, что апостол несколько необдуманно обращает внимание читателей к миру. Однако под этим словом разумеется то восстановление, которое следует ожидать от Христа. Особенно восстановление полноты жизни, ведь надобно исправить падший статус мира сего. Поэтому апостол и объявляет Христа в Послании к Евреям 1:2 наследником всех благ Божиих. Ведь усыновление, которое получили мы по Его благодати, восстановило для нас то наследие, от которого отпал Адам. Поелику же под образом Ханаанской земли Аврааму была предложена не только надежда на небесную жизнь, но и твердое Божие благословение, апостол по праву учит, что обещано было ему обладание миром. И благочестивые некоторым образом вкушают его еще в этой жизни, поелику каким бы бедствиями и тяготами они не обременялись¹¹³, так как со спокойной совестью пользуются они тем, что Бог создал для их же пользы, и наслаждаются по Его же милости и воле земными благодеяниями не иначе как залогом жизни вечной, то и не мешает им бедность их по праву признавать своим небо, землю и море. И наоборот, хотя нечестивые и увлекаются за мирскими богатствами, ничего не могут назвать они своим, более того, все достают они как бы воруя, поелику пользуются этим по проклятию Божию¹¹⁴. Великое же утешение дается благочестивым в их нищете, из-за того, что живя скромно, они ничего, однако, не крадут, но законно принимают все из руки их небесного Отца, покуда не войдут в полное обладание наследия своего, и славе их будет служить все творение. Ибо для этой цели обновятся небо и земля, присущим им способом иллюстрируя славу царствия Божия.

14. Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование; 15. ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления.

¹⁰⁸ Устанавливает.

¹⁰⁹ Если никак не смотрит она на закон. Знаменательное место для твердого утешения душ благочестивых, слышащих, что обетования Божии просты и безвозмездны. Одновременно показывает он, каким образом.

¹¹⁰ Обетование дано по той же самой причине, имеющей место и в тех, и в других.

¹¹¹ Которые отказывают в общении какому-либо народу, стремятся помешать благодати Божией.

¹¹² Никогда это обетование не исполнялось буквально, земля Ханаанская была прообразом наследия верных, охватывающего небо и землю, море и все творение.

¹¹³ Однако по благословию Божию пользуются творением во спасение себе и не злоупотребляют им как чужим, а владеют по праву, как своим, которое неверные...

¹¹⁴ Войдут в полное владение, когда, стремясь ко славе Божией, будут иметь все творение служащим их славе.

(14. Если те, кто от закона, суть наследники, то напрасной стала вера, упразднено обетование; 15. ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления.)

14) *Если утверждающиеся на законе.* От невозможного и абсурдного доказывает здесь апостол, что Аврааму не было обещано по законническому соглашению или по предвидению его дел то, что обрел он по благодати Божией. Поелику, ежели было бы поставлено условие, что Бог удостоивает усыновления лишь тех, кто этого заслуживает или исполняет закон, тогда никто не смел бы надеяться, что это относится лично к нему. Ибо кто сознает за собой такое совершенство, чтобы счесть, что наследие полагается ему по праведности закона. Итак, напрасной стала бы вера, поелику невозможное условие не только оставило бы души в неизвестности, но и внушило бы им страх. Таким образом, упразднилась бы цель обетования, ибо не приносит она пользы, если не принимается верою. И если бы противники наши захотели услышать один лишь этот довод, спор между нами решился бы без труда. Ведь апостол считает несомненным, что обетования Божии¹¹⁵ не имеют действительности, ежели мы не принимаем¹¹⁶ их с твердым душевным упованием. Что же произойдет, если спасение людей будет основано на соблюдении закона? Тогда совесть не будет иметь никакой уверенности, но, мучимая¹¹⁷ постоянным беспокойством, впадет в отчаяние. И само обетование станет напрасным, лишенное своего плода, ведь исполнение его будет зависеть от чего-то невозможного. Пусть же придут те, кто учит несчастный народ, что заслуживать спасение надобно делами, и скажут нам: почему же тогда Павел ясно возвещает, что ежели принимать во внимание дела, обетование упразднится. Однако с первого взгляда ясно следующее: вера обратится в ничто, если опорой для людей станут дела. Ибо отсюда мы научаемся, какова должна быть вера, и какова праведность по делам, на которую могли бы положиться люди. Ведь апостол учит, что вера погибает, если душа не успокоится в благодати Божией. Итак, верою не является простое признание Бога или Его истины, а также убеждение в том, что Бог есть, и что слово Его истинно; но вера – это твердое знание о божественном милосердии, почерпнутое из Евангелия, которое дает совести мир и покой в присутствии Божиим. Следовательно, суть такова: Если спасение¹¹⁸ содержится в соблюдении закона, душа не может как-либо на него уповать. Более того, всякие обетования Божии, предлагаемые нам, становятся бездейственными. Посему наше положение достойно плача и сетования, ежели мы полагаемся на дела, ища в них причину и несомненность спасения.

15) *Ибо закон производит гнев.* Подтверждение предыдущего предложения от противоположного воздействия закона. Ибо, поскольку закон не производит ничего, кроме мщенья, не может он приносить благодать. Благим и целомудренным людям он показывал бы путь жизни. Однако, поелику заповедует, что надобно делать порочным и нечестивым, не давая им при этом сил исполнить повеленное, то и делает их виновными перед судилищем Божиим. Ибо такова порочность природы нашей, что, чем больше научаемся мы, что есть благо и справедливость, тем более открыто и надменно восстает наше нечестие, и так¹¹⁹ еще больше отягощается для нас Божий приговор. Под гневом разумеи здесь суд Божий, который иногда и означает этим словом. Те же, кто толкует так, будто закон возбуждает в грешнике гнев, поелику ненавидит и проклинает он законодателя, видя, что тот противится его похоти, говорят хоть и остроумно, но не в соответствии с контекстом. Ибо Павел хочет лишь показать, что от закона прилежит всем нам¹²⁰ осуждение, что явствует из общего употребления¹²¹ данного слова, а также из приведенного им тут же довода.

Где нет закона. Второе доказательство, подтверждающее сказанное им ранее. Ибо иначе осталось бы неясным, как от закона воспламеняется на нас гнев Божий. Причина же в том, что от познания праведности Божией, воспринятой¹²² через закон, чем больше мы грешим против Бога, тем меньше остается у нас извинений. Поелику по заслугам более суровому наказанию подлежит тот, кто презрел познанную им волю Божию, чем тот, кто нарушил ее по неведению. Апостол не говорит о простом нарушении справедливости, от которого никто не застрахован, а называет преступлением то, когда душа, узнавшая, что угодно Богу, и что Ему не угодно, добровольно и осознанно преступает положенные ей Богом пределы... Одним словом, преступление здесь не просто проступок, а надменная целенаправленность в нарушении справедливости. Слово *οὐ*, которое я здесь считаю за наречие, другие понимают как относительное местоимение. Однако прежний перевод подходит больше и более употребителен¹²³. Но какому бы чтению ни следовать, смысл

¹¹⁵ Благодеяние.

¹¹⁶ Воспринимаем.

¹¹⁷ Тяготимая.

¹¹⁸ Благо спасения.

¹¹⁹ И таким образом.

¹²⁰ Прилежит людям.

¹²¹ Понимания.

¹²² Познанной.

¹²³ Слово, которое другие кодексы переводят, как “которого”. Данное различие происходит от сходства греческих слов *οὐ* и *οὗ*.

один и тот же: тот, кто не наставлен в писаном законе, тот, если грешит, не повинен в столь тяжком преступлении, в котором обличается тот, кто с надменностью нарушил известный ему закон.

16. Итак по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем нам 17. (как написано: Я поставил тебя отцом многих народов) пред Богом, Которому он поверил, животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее.

(16. Потому по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всего семени, не только для того, которое от закона, но и для того, которое по вере Авраама, который есть отец всем нам 17. (как написано: Я поставил тебя отцом многих народов) пред Богом, Которому он поверил, животворящим мертвых и называющим несуществующее словно существующее.)

16) *Итак по вере.* Завершение довода, который можно кратко изложить так: Если по делам приходит¹²⁴ к нам спасительное наследие, иссякла бы вера и упразднилось бы обетование. Однако и то, и другое должно стоять твердо. Следовательно, все это приходит к нам через веру, так что уверенность¹²⁵ ее, основанная на¹²⁶ одной лишь благодати Божией, достигает безошибочного результата. Смотри же, как апостол, основывая веру на незыблемой уверенности, считает колебания и сомнения неверием, которым и отменяется вера, и упраздняется обетование. Однако именно сомнением и является то, что схоласты зовут нравственным предположением, которое они ставят на место веры.

*Чтобы было по милости*¹²⁷. Здесь апостол, во-первых, показывает, что вере не предлагается ничего, кроме чистой благодати. Она и является, как обычно говорят, ее предметом. Ибо, ежели смотрела бы она на дела, Павел необоснованно заключил бы о незаслуженности всего, что получает она от Бога. И снова повторяет он другими словами: Если благодать есть то, что получаем мы по вере, отпадает всякое рассмотрение дел. Однако любое оставшееся сомнение разрешает то, что следует за этим, а именно: лишь тогда обетование стоит твердо, когда опирается на одну благодать Божию. Ибо словом сим Павел подтверждает: покуда люди основываются на делах, они пребывают в сомнении, поскольку лишают себя плода обетования. Отсюда можно сразу же заключить, что благодать понимается здесь не как дар возрождения, о чем толкуют многие, а как незаслуженное благоволение. Ведь, поскольку возрождение никогда не бывает совершенным, оно не было бы достаточным для спасения людских душ и само по себе не дало бы силу обетованию.

Не только по закону. Данная фраза, в другом месте означающая худых ревнителей закона, принимающих на себя его иго и гордящихся упованием на него, здесь означает просто иудейский народ, которому был вверен закон Божий. Ибо все находящиеся под владычеством закона пребывают также под его проклятием, как о том учит Павел. Поэтому они, безусловно, исключены из причастности благодати. Итак, означает он здесь не рабов закона, отвергающих Христа из-за приверженности делам, а просто иудеев, воспитанных в законе и принявших Христа. Впрочем, чтобы предложение стало яснее, понимай его так: Не только тем, кто суть от закона, но и всем, кто подражает вере Авраама, даже если и не имеют они закона.

Который есть отец всем нам. Относительное местоимение имеет здесь значение причины. Ибо апостол хочет доказать, что и язычники причастны сей благодати, поелику тем же обетованием, которым наследие было обещано Аврааму и его семени, язычники также были включены в состав этого семени. Ведь Авраам считается отцом не одного народа, но многих народов, чем¹²⁸ предзнаменовано будущее распространение благодати, ограниченной тогда одним лишь Израилем. Ибо, если бы на язычников не распространялось обещанное благословение, не могли бы они считаться семенем Авраама. Глагол прошедшего времени, по обычному словоупотреблению Писания, означает здесь определенность божественного совета. Ибо, ежели тогда это еще и не было ясно, но, поскольку Господь уже так определил, Авраам воистину зовется отцом многих народов. Свидетельство Моисея приведено здесь в скобках, чтобы не разрывать предложения: **Который есть отец всех нас пред Богом.** Ибо надобно было одновременно объяснить, какова форма сего родства, дабы иудеи не хвалились плотским своим происхождением. Итак, апостол говорит, что Авраам является отцом пред Богом, что означает то же, как если бы он назвал его духовным отцом. Ибо право сие пришло к нему не от плоти, а от обетования Божия.

¹²⁴ Посылается.

¹²⁵ Несомненность.

¹²⁶ В.

¹²⁷ Здесь имеем мы определение предмета нашей веры. Ибо, ежели все, что достигаем мы через веру, является благодатью, значит, отвернувшись от дел, смотрит она на одно лишь незаслуженное благоволение Божие.

¹²⁸ Чем означает, что благословение не будет ограничено одним Израилем, но распространится на все народы.

17) *Которому он поверил, животворящим мертвых.* Здесь кратко описывается сущность Авраамовой веры, дабы по примеру Его затем перейти к язычникам. Ибо путь, которым достиг он исполнения обетований, был воистину чудесен, ведь услышал он их из уст Господних еще тогда, когда не было никакого внешнего знака. Семя обещалось ему как живому, но сам он был почти мертв. Итак, надобно было воздвигнуть ему потомство той самой силою Божией, которая животворит мертвых. Тогда уже нет ничего абсурдного в том, что и язычники, сами по себе сухие и мертвые [ветви], прививаются к тому же сообществу. Ибо кто будет отрицать, что они способны к восприятию благодати, тот сделает несправедливость самому Аврааму. Потому что вера его успокоилась в той мысли, что неважно, мертв или нет тот, кого Господь призывает к жизни, ведь для Говорящего¹²⁹ вполне легко силою Своей восстановить и мертвых. Здесь кроме того видим мы прообраз нашего вселенского призвания, когда пред очами нашими выставляется возрождение; причем не в природное состояние, а в надежду будущей жизни, поелику, когда призываемся мы Господом, возникает как бы из ничего. Даже если и кажется, что не имеем мы в себе ни капли блага, кое сделало бы нас пригодными к царствию Божию. И чтобы стали мы способны услышать призвание Господне, надобно нам полностью умереть для самих себя. Сие и есть условие призвания, чтобы те, кто мертв сам по себе, были воскрешены Господом; и те, кто суть ничто, начинают быть чем-то по Его силе. Глагол же “призвать” не следует ограничивать одной проповедью, но по обычаю Писания надобно разуметь его в смысле “восстанавливать”, для большего выражения силы Божией, Который одним движением воли восстанавливает кого хочет.

18. Он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов, по сказанному: “так многочисленно будет семя твое”.

(18. Он, помимо надежды, поверил сверх надежды, чтобы быть отцом многих народов, по сказанному: “таково будет семя твое”.)

18) *Он, сверх надежды.* Если читать таким образом, смысл будет следующий: когда еще не было¹³⁰ никакого подтверждения, больше того, когда все восставало против, Авраам не переставал верить. И, действительно, ничто так не противостоит вере, как обращать большое внимание на внешний вид, чтобы из него черпать основание для своей веры. Можно, однако, читать и так: “сверх надежды”, и сие подходит больше. Апостол как бы говорит: Авраам верою своей превзошел все, что только можно помыслить. Ибо ежели вера не взлетает ввысь на небесных крыльях, презирая всякое плотское помышление, всегда суждено ей погрязать в тяготах мира сего. Поскольку же Павел дважды употребляет здесь слово “надежда”, то вначале означает им то подтверждение, которое можно получить от природы и плоти, а потом и вера, данная Богом, в таком вот смысле: когда еще не было оснований для надежды, он с надеждою положился на обетования Господни и счел достаточным для надежды то, что сам Господь обещал ему это, какой бы невероятной ни была сама по себе эта вещь.

По сказанному. Сие хорошо относить ко времени самого Авраама. Ибо апостол хочет сказать, что Авраам¹³¹ не изнемог, будучи толкаем к отчаянию многими искушениями, и обратил душу свою к тому, что было ему обещано: Семя твое сравняется со звездами небесными и песком морским. Так что, апостол намеренно приводит краткое свидетельство, дабы побудить нас к чтению Писаний. Потому что апостолы всегда благочестиво заботились о том, чтобы мы прилежнее исследовали сие Писание.

19. И, не изнемогиши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; 20. не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу 21. и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное. 22. Потому и вменилось ему в праведность.

(19. И, не изнемогиши в вере, он не помышлял, что тело уже омертвело, ведь было ему почти сто лет, и омертвела утроба Саррина; 20. не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу 21. и будучи твердо уверен, что Он силен и исполнить обещанное. 22. Потому и вменилось ему в праведность.)

19) *И, не изнемогиши в вере.* Если угодно, можно, опустив все остальное, перевести это так: Не поколебавшись верою, он не счел тело свое мертвым. Однако это ничего не добавляет к смыслу. Ведь здесь апостол говорит о том, что именно могло помешать или даже¹³² отвратить Авраама от веры в обетование. Ибо семя от Сарры обещалось ему тогда, когда по природе он уже не был способен к рождению, и Сарра

¹²⁹ Когда говорит Господь.

¹³⁰ Не имелось.

¹³¹ Среди многих искушений к отчаянию, дабы быть причастным благословению Божию.

¹³² И.

уже не могла зачать. Все, что только было вокруг или в нем самом, противилось исполнению¹³³ обетования. Итак, чтобы дать место истине Божией, отвернулся он от того, что представляло его взору, и как бы забыл самого себя.

Однако не следует разуметь так, что он совершенно не думал о неспособности тела своего, поелику Писание свидетельствует против этого и утверждает, что он думал про себя так: Неужели столетнему старику родится сын? И Сарра, будучи девяноста лет, родит? Однако, поскольку отставив мысли сии, предал разум свой Господу, апостол и говорит, что он не посчитал. И, конечно же, больше твердости было в том, чтобы отвлечься от того, что было перед глазами, нежели в том, чтобы никогда ни о чем подобном не думать. То же, что тело Авраамово до благословения Господня было по возрасту не способным к рождению, достаточно ясно сказано как здесь, так и в Быт. 17 и 18, так что никак нельзя допустить мнение Августина, который думал, что препятствие заключалось в одной лишь Сарре. И не должна заботить нас абсурдность возражения, заставившего его прибегнуть к подобному решению. Ведь он посчитал смешным, что Авраам назывался бесплодным в сотый год своей жизни, если немного спустя смог родить столь многих детей. Ибо тем более сделал Бог знаменитой силу Свою, что тот, кто раньше был подобен сухой и бесплодной ветви, расцветши по небесному благословию, не только оказался достаточен для порождения Израиля, но и, словно вернувшись к юношескому возрасту, возымел силу породить и других.

Но кто-нибудь возразит, что не против природы будет¹³⁴, если муж в таком возрасте даст потомство. И хотя я не признаю сие за знамение, немногого недостает ему до чуда. Затем подумай, сколькими трудами, тяготами, путешествиями, трудностями был всю жизнь мучим сей святой муж, и тогда надо будет признать, что сломлен он был не столько возрастом, сколько истощен трудами. Наконец, тело его зовется бесплодным не в абсолютном, а в сравнительном смысле. Ибо не подобало¹³⁵, чтобы тот, кто, будучи расцвете сил, не смог родить, теперь истощившись, оказался к сему пригоден. То же, что апостол добавляет “не изнемог в вере”, разумея так: не поколебался он, как привыкли мы делать в сомнительных делах. Ибо слабость веры бывает двойственной: одна, которая покоряясь противным обстоятельствам, заставляет нас отпасть от силы Божией, и другая – которая рождается от несовершенства, однако же не уничтожает саму веру. Ибо и ум никогда не бывает до такой степени просвещенным, чтобы не оставались в нем остатки неведения, и душа никогда не бывает столь утвержденной, чтобы не обуревали ее многие сомнения. Итак, с этими пороками плоти – неведением и сомнением – у верных происходит постоянное сражение, в котором вера их тяжко страдает и терпит нападки, однако же одерживает верх, дабы оказались они непоколебимыми в самой ее слабости.

20) *В обетовании Божиим.* Хотя здесь я не следую древнему переводу и Эразму, моя версия также не лишена оснований. Ибо, кажется, что апостол хотел сказать следующее: Авраам не стал допытываться в неверии, может ли Господь дать то, что обещал. Ведь сомневаться в чем-либо в собственном смысле означает отвергать что-либо в неверии и не соглашаться¹³⁶, откуда сие не будет полностью доказано и не предстанет вполне вероятным. Авраам же спросил: как может это произойти? И сие был вопрос дивящегося, подобно тому как спрашивала и дева Мария, когда выпытывала у ангела, как произойдет то, о чем он ей возвестил. Итак, святые, когда возвещается им о делах Божиих, величие которых превосходит их восприятие, впадают в удивление¹³⁷, однако же сразу переходят от него к восприятию силы Божией; нечестивые же, выпытывая, насмеваются и отвергают это словно некую басню. Каковы были и иудеи, спрашивавшие Христа, как Он может дать плоть Свою в качестве пищи. По сей причине Авраам не попрекается за то, что рассмеялся и спросил, как мужу ста лет и жене девяноста лет от роду может родиться сын. Поелику в своем удивлении признавал он, тем не менее, силу Божию. Напротив, в Сарре похожий смех и вопрос был достоин упрека, поелику намекал он на тщетность обетования Божия. Если же применить все это к настоящему случаю, будет очевидно, что оправдание Авраама имело такое же происхождение, как и оправдание язычников. Итак, иудеи превозносятся над отцом своим, ежели отвергают как абсурд призвание язычников. Также будем помнить, что у всех нас такое же положение, какое было и у Авраама. Все окружающее нас противится обетованию Божию. Обещается бессмертие, а мы окружены смертью и тлением. Бог обещает считать нас праведными¹³⁸, а мы пребываем в грехах. Бог свидетельствует, что милостив к нам и благоволит нам, а внешние знамения угрожают нам судом. Итак, что же делать? Подобаает нам закрыть на все сие глаза, дабы это не помешало нам и не удержало от веры в правдивость Божию.

¹³³ Осуществлению.

¹³⁴ Было бы.

¹³⁵ Не приличествовало.

¹³⁶ Не допускать.

¹³⁷ Недоумение.

¹³⁸ Праведниками.

Но пребыл тверд. Сие противопоставляется предыдущему утверждению, где¹³⁹ говорится, что он не изнемог в вере. Апостол как бы сказал: Авраам постоянством и силою веры своей победил неверие. Ибо никто не выйдет из сей битвы победителем, если не заимствует силу и вооружение у слова Божия. Добавляет же, **воздал славу Богу**, чтобы показать: нельзя воздать Богу большую славу, нежели запечатлев верою Его правдивость. И наоборот, нельзя нанести Ему большего¹⁴⁰ бесчестия, нежели отвергнуть предложенную Им благодать и отказать в авторитете слову Его. Поэтому в поклонении Ему самым важным является с послушанием принять все обетования. И истинная религия начинается с веры.

21) *Что силен.* Поелику все признают силу Божию, кажется, что Павел не сказал ничего особенного о вере Авраама. Однако опыт показывает, что ничто не является таким редким и трудным, как воздать силе Божией заслуженную честь. Ибо нет такого легкого и малого препятствия, чтобы плоть не считала его мешающим деснице Божией. Отсюда даже в самых малых искушениях покидает нас вера в обетования Божии. Прежде испытаний никто (как уже сказано) не отрицает, что Богу все возможно, однако, как только встречается что-нибудь такое, что мешает ходу Божиих обетований, мы сразу же отказываем Богу в могуществе. Поэтому, дабы утвердить среди нас Его право и честь, если уж дело дошло до сравнения, необходимо твердо установить: сила Его не меньше способна преодолеть все препятствия мира, чем сияние солнца рассеять любую облачность. Ибо всегда, когда колеблемся мы относительно обетований, имеем обыкновение оправдываться, говоря, что ни в чем не отказываем силе Божией. Поелику причина колебаний¹⁴¹ не в том, что Бог охотнее обещает, чем дает, что было бы извращением и открытым богохульством, а в той ущербности, которую мы в себе чувствуем. Однако же не достаточно возвышаем мы силу Божию, если думаем, что она слабее наших пороков.

Итак, вера должна смотреть не на нашу немощь, несчастье и ущербность, но всецело взирать на одну только божественную силу. Ибо, ежели опиралась бы она на нашу праведность и достоинство, никогда бы не пришла к¹⁴² тому, чтобы уповать на Божию силу. И сие есть свидетельство неверия нашего, о котором недавно шла речь: когда силу Господню меряем мы собственной меркой. Ибо вера не думает, что Бог может сделать все, что хочет, но так, что в промежутке между делами сидит в бездействии. Скорее она созерцает Его могущество в постоянном действии, особенно прилагая это могущество к исполнению Его же слова, дабы явна была десница Божия в исполнении всего, что изрек Он устами Своими. И дивлюсь я тому, что Эразм предпочел поставить здесь относительное местоимение мужского рода. Ибо, даже если смысл от этого не меняется, следовало ближе держаться греческого текста Павла. Знаю, что глагол употреблен в пассивном залоге, однако жесткость речи следует здесь несколько смягчить¹⁴³.

22) *Потому и вменилось ему*¹⁴⁴. Отсюда становится еще очевиднее, почему и как вера принесла праведность Аврааму, а именно, потому что, положившись на слово Божие, не отверг он обещанной благодати. И следует постоянно помнить и держаться этой связи между верою и словом. Ибо вера не может принести больше, чем берет она от слова. Поэтому тот, кто, поимев лишь общее и смутное знание, называет Бога правдивым, не становится тут же праведным, если не полагается одновременно на обетование благодати.

23. *А впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, 24. но и в отношении к нам; вменится и нам верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, 25. Который предан был за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.*

(23. *И не ради него одного написано, что вменилось ему, 24. но и ради нас, которым вменится, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, 25. Который предан был вследствие наших грехов и воскрес вследствие нашего оправдания.*)

23) *А впрочем не в отношении к нему одному написано.* Поелику доказательство, заимствованное от примера (как уже сказали мы выше), не всегда является твердым, то, чтобы не возникло у кого сомнения, Павел теперь открыто утверждает, что в лице Авраама был дан пример общего оправдания, относящегося ко всем. В этом месте мы научаемся, как надо пользоваться примерами из Писания. Ведь язычники правильно

¹³⁹ Там, где.

¹⁴⁰ Тяжелее Его обесчестить, чем неверием и неопределенностью. Итак, поклонение совершенно не надежно, если не основано на твердыне веры.

¹⁴¹ Причиной не является ущербность божественной силы.

¹⁴² Не прилеплялась к тому.

¹⁴³ Греческие кодексы разногласят здесь в относительном местоимении. Одни ставят его в мужском роде, другие – в среднем. Мужской относится к Богу, средний – к обетованной вещи. Пусть же читатель изберет, что ему больше нравится, поскольку и то, и другое имеет похожий смысл.

¹⁴⁴ Дабы не подумал кто, что Авраам оправдался просто оттого что поверил в правдивость Божию, и в то, что слово Его истинно, апостол добавляет, что достиг он спасения лишь потому, что принял обетование праведности.

говорят, что история – учительница жизни. Однако от той истории, которая передается ими, никто не получит надежной пользы. И одно лишь Писание по праву претендует на подобное учительство. Во-первых, оно предписывает общие правила, по которым проверяем мы всякую историю, служит ли она нашей пользе. Затем, оно ясно различает, чему следует подражать, а чего остерегаться. Кроме того, есть у него и особое учение, о котором говорит оно постоянно, состоящее в том, чтобы показать провидение Господне, Его праведность и благость в своих, и суды Его в отверженных. Итак, то, что читается об Аврааме, написано по словам Павла не ради него. Ибо не важно то, что относится к призванию отдельного конкретного лица, но описывается здесь причина достижения праведности, которая одна и та же для всех и во все времена. И кроется она в общем Отце всех верующих, на Которого подобает взирать всем.

Посему, ежели священные истории подобает исследовать благочестиво, будем помнить, что надо читать их так, чтобы поиметь от них плод надежного учения. Частично наставляют они нас в жизненном пути, частично укрепляют нашу веру, частично возбуждают в нас страх Господень. Для образа жизни подходит подражание святым, ежели учимся мы от них трезвости, чистоте, любви, терпению, умеренности, презрению к миру и иным добродетелям. А помощь Божия, всегда пребывавшая с ними, служит укреплению нашей веры. Утешение же приносит защита и отеческая забота¹⁴⁵, которую Бог постоянно проявлял к ним во всех тяготах и невзгодах. Будут помогать нам также суды и наказания Божии, падавшие на преступников, ежели внушают они страх, исполняющий сердца наши почтением и благочестием¹⁴⁶. Добавляет же апостол: **не ради него одного**, и намекает¹⁴⁷ тем самым, что и для него было сие написано. Поэтому некоторые думают: во славу Авраама упомянуто о том, что достиг он верою¹⁴⁸, поелику Господь хочет удостоить вечной памяти рабов¹⁴⁹ Своих. Как говорит Соломон (Прит.10:7), имя их будет благословенно. Однако, что если понять это проще? Не ради него одного, то есть не так, будто было это привилегией лишь его одного, а другим не следует этому подражать. Скорее же относится сие к нашему научению, ведь и нам надлежит оправдаться на том же основании.

24) *Верующим в Того*¹⁵⁰. Что означают сей перифраз, я говорил выше. Его вставил Павел для того, чтобы по-разному в разном контексте обозначить сущность веры, не последняя часть которой состоит в воскресении Христовом, ипостаси нашей грядущей жизни. Если бы просто сказал он, что веруем мы в Бога, не было бы столь ясно, какое отношение имеет это к достижению праведности. Однако указывая на Христа и предлагая в Его воскресении надежный залог будущей жизни, открыто показывает, из какого источника проистекает вменение праведности.

25) *Который предан был*. Здесь излагает он и иллюстрирует то же учение, о котором я уже говорил. Ибо для нас важно, чтобы апостол не только направил все помышления наши ко Христу, но и ясно показал, как приобрел Он для нас спасение. Хотя Писание – там, где говорит о нашем спасении, – помещает его в одной лишь смерти Христовой, апостол распространяется здесь шире. Ибо, поскольку его намерением было яснее выразить причину спасения, называет он две составляющие его части. Во-первых, говорит, что смертью Христовой заглажены были грехи, а затем, что воскресением Его порождена была праведность. Итог же таков: там, где держимся мы плода смерти и воскресения Христова, имеется все для достижения полной праведности. Ибо нет сомнения, что, отделив смерть от воскресения, приспособливает он речь к нашему скудоумию, поелику истинно и то, что послушанием Христовым, выказанном в Его смерти, порождена была наша праведность. Как и будет учить апостол в следующей главе. Однако, поскольку Христос после Своего воскресения явил то, что приобрел Своей же смертью, различение сие вполне поучительно, а именно: от жертвы, загладившей грехи, наше спасение поимело начало, а от воскресения обрело совершенство. Ибо начало праведности состоит в том, что она примиряет нас с Богом, завершение же – в том, что по упразднению смерти воцаряется жизнь. Итак, Павел хочет сказать, что удовлетворение за грехи принесено было на кресте¹⁵¹. Потому что Христу, чтобы восстановить нас в благоволении Отчем, надо было сперва упразднить нашу вину, что не могло произойти, если бы от нашего имени не понес Он того наказания, которое сами мы не смогли бы понести¹⁵². Ибо на Нем было наказание мира нашего, как говорит Исаия (53:5). Называет же Христа преданным, а не умершим, для того, чтобы умиловительство зависело от вечного благоволения Божия, восхотевшего примириться именно таким способом¹⁵³.

¹⁴⁵ Все устроение дел Божиих относительно рабов Его.

¹⁴⁶ Чтобы страхом его исполнились сердца наши.

¹⁴⁷ Внушает.

¹⁴⁸ Что выпало ему.

¹⁴⁹ Верных.

¹⁵⁰ Выше сказал я, что этим парафразом ... означает.

¹⁵¹ Смертью Христовой.

¹⁵² Ибо, когда были мы должниками Бога, Он, чтобы восстановить нас в благодати, понес от нашего имени то, чего мы не смогли бы понести сами.

¹⁵³ Впрочем, поелику не достаточно было понести на Себе проклятие греха и покориться гневу Божию, если бы не вышел Он победителем проклятия и ходатайством Своим не примирил бы Бога, угасив Его гнев,

Воскрес для оправдания. Поелику не достаточно было Христу покориться гневу и суду Божию, и понести положенное грехам нашим проклятие, если бы не вышел Он его победителем и, будучи принят в небесную славу, ходатайством Своим не примирил с нами Бога; воскресению Его, в котором поглощена была смерть, справедливо приписывается сила оправдывать. Не потому, что крестная жертва, коей были мы примирены с Богом, ничего не прибавила к праведности, а потому, что в новой жизни яснее проявляется совершенство сей благодати. Впрочем, не могу я согласиться с теми, кто вторую часть предложения относит к обновлению жизни, потому что апостол еще не начал об этом говорить. Так что, обе части предложения, безусловно, относятся к одному и тому же. Посему, ежели оправдание означает здесь обновление, значит сказано, что умер Он ради грехов в том смысле, что приобрел для нас благодать умерщвления плоти, с чем никто не согласится. Поелику, как сказано, что умер Он ради грехов, поскольку, понеся в смерти Своей наказание за грехи, избавил нас от нашей собственной смерти, так и теперь говорится, что воскрес для оправдания нашего, поскольку воскресением Своим восстановил для нас непреложную жизнь. Сначала был Он поражен десницею Божией, дабы от лица грешника испытать несчастье, навлекаемое грехом, а затем вознесен был в царствие жизни, дабы одарить¹⁵⁴ своих людей праведностью и жизнью. Итак, до сих пор говорилось о вменении праведности, и апостол подтверждает это тем, что следует в ближайшей главе.

Глава 5

1. Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, 2. через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией.

(1. Итак, оправдавшись от веры, мы имеем мир у Бога через Господа нашего Иисуса Христа, 2. через Которого верою возымали мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся о надежде на славу Божию.)

1) *Итак, оправдавшись.* Апостол начинает здесь иллюстрировать то, что прежде сказал о праведности по вере. Так всю эту главу предназначил он для усиления своего свидетельства, однако равную силу имеет она как для изъяснения, так и для подтверждения уже сказанного. Ибо прежде сказал, что вера упразднится, ежели праведность ищется в делах, поелику души будут тогда мучить вечное беспокойство, ведь не смогут они найти в себе ничего утешительного. Теперь же от противного учит тому, что покой и мир утверждаются там, где достигли мы праведности верою.

Имеем мир. Это особый плод праведности по вере. Ибо ежели кто захотел бы успокоить совесть свою делами (что наблюдается в мирских и невежественных людях), напрасными были бы усилия его. Так что, либо исполнена душа пренебрежения и забвения о суде Божию, либо исполнена она трепета и страха, покуда не успокоится во Христе. Ибо Он один есть наш мир. Итак, мир совести означает здесь спокойствие, которое рождается от ощущения того, что Бог с нами примирился. Такого спокойствия нет ни у фарисея, ложно уповающего на дела, ни у закоренелого грешника, который не успокаивается, опьяненный сладостью пороков. Ибо, хотя ни тот, ни другой не ведут открытой войны, как делает тот, кто мучим ощущением греха, однако, поскольку неправильно приступают они к судилищу Божию, не имеют они и согласия с Богом. Ибо упорство совести есть как бы уход от Бога. Поэтому мир по Богу противопоставляется спокойствию одурманенной плоти. Поелику он приходит вначале, прежде чем кто-либо сможет даже помыслить о жизни. Никто не выстоит бестрепетно перед Богом, если не ощутит незаслуженное с Ним примирение. Так как, доколе Бог нам судья, всем надлежит страшиться и трепетать. Что несомненно доказывает, что противники наши попусту болтают, когда присваивают праведность делам. Ибо вывод Павла полностью зависит от той посылки, что несчастные души всегда испытывают страх, пока не успокоятся в благодати Христовой.

2) *Через Которого ... получили мы доступ.* Потому что примирение наше с Богом основано на Христе. Ибо только Он есть возлюбленный Сын; мы же все по природе чада гнева. Однако благодать сия сообщается нам через Евангелие, поелику оно — служение примирения, и его благодеянием мы некоторым образом входим в царствие Божие. Так что, заслуженно выставляет Павел перед очами нашими надежный залог благодати Божией во Христе Иисусе, дабы лучше отвлечь нас от упования на дела. И уча словом "доступ", что начало нашего спасения происходит от Христа, исключает он всякое приготовление, которым глупые люди думают обратит к себе Божие милосердие. Он как бы говорит: Христос приходит и протягивает нам руку без каких-либо наших предшествующих заслуг. А затем тут же добавляет: по той же самой благодати происходит и то, что пребывает в нас твердое и незыблемое спасение. И этим хочет он сказать, что стойкость основана не на

справедливо приписывается сила оправдывать воскресению, в котором поглощена была смерть и возведено благоволение Отчее.

¹⁵⁴ ... Даровать своим людям жизнь.

нашей силе и не на нашем старании, а на одном лишь Христе. Хотя, говоря¹⁵⁵, что мы стоим, тем самым намекает, сколь глубокие корни должно пустить Евангелие в сердцах благочестивых, чтобы, укрепленные его истиной, выстояли они перед всеми кознями дьявола и плоти. Показывает он этим словом, что вера – это убеждение не текучее или мимолетное, а твердое и глубоко коренящееся в душе, так что остается на всю жизнь. Итак, тот, кто неожиданно подвигается к вере, еще не имеет ее настолько, чтобы числиться среди верных. Ее имеет лишь тот, кто постоянно и обоими (так сказать) ногами стоит на положенном ему от Бога уделе, чтобы все время прилепляться ко Христу.

И хвалимся надеждою. Отсюда и возникает надежда на будущую жизнь. И не только возникает, но и дерзает ликовать, поелику стоим мы, словно заложив фундамент на благодати Божией. Ибо смысл сказанного Павлом следующий: хотя верные и странствуют ныне по земле, однако упованием своим возносятся на небеса, дабы в спокойствии лелеять надежду на грядущее наследие. И здесь опровергаются два вреднейших догмата софистов: тот, коим повелевают христианам довольствоваться нравственным предположением относительно оказанной им благодати Божией, и тот, коим утверждают, что никто не может быть уверен в конечной стойкости. Но если нет твердого понимания настоящей, и нет несомненного убеждения в будущей стойкости, кто посмел бы хвалиться? Ведь надежда на славу Божию воссияла нам через Евангелие, свидетельствующее, что мы причастники божественной природы. Ибо, когда увидим Бога лицом к лицу, будем Ему подобны (2Пет.1:4, 1Ин.3:2).

3. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, 4. от терпения опытность, от опытности надежда, 5. а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.

(3. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что скорби производит терпение, 4 терпение же опытность, а опытность – надежду, 5. а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.)

3) *И не сим только.* Дабы кто не возразил в насмешку, что христиане со всею славою своей, тем не менее, каким-то образом мучаются и мнутятся – что далеко отстоит от истинного счастья, апостол упреждает сие возражение и возвещает, что благочестивым не только ничего не мешает быть блаженными, но что слава их даже возрастает от всех этих невзгод. Для доказательства чего, рассуждает он от следствия к причине, и изящно пользуется градацией, с помощью которой заключает: все тяготы, переносимые нами, обращаются нам во спасение и благо. Говорит же, что святые хвалятся в скорбях, не в том смысле, что не боятся они и не избегают противных им вещей, или что никак не тяготеют их горечью (ибо не родится терпение, если не будет ощущение горечи), а в том, что, страдая и воздыхая не лишены они, однако же, сильнейшего утешения. Того утешения, что знают: десница милостивого Отца обращает им во благо все, что они переносят. И потому заслуженно могут они хвалиться. Ибо везде, где явно спасение, присутствует основание для похвалы.

Итак, научаемся мы отсюда, какова цель наших скорбей, если выпадают они на долю сынов Божиих. Ибо должны они приучать нас к терпению, а если не научат, дело Божие окажется тщетным и напрасным из-за нашей порочности. Откуда апостол доказывает, что противные вещи не мешают славе благочестивых, если, терпеливо их перенося, чувствуют они помощь Божию, питающую и укрепляющую их надежду. Итак, те, кто не научился терпению, никак не преуспели [на своем пути]. И не мешает то, что в Писании имеются отдельные полные отчаяния жалобы святых. Ибо время от времени Господь так обуздывает и умиряет своих людей, что едва позволяет им вздохнуть и вспомнить об утешении. Однако сразу же возвращает к жизни тех, кого прежде погрузил во мрак смерти. Так всегда исполняется в них то, о чем говорит Павел (2Кор.4:8): Отовсюду притесняемы, но не стеснены, в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся, гонимы, но не оставлены, низлагаемы, но не погибаем.

От скорби терпение. Не от природы скорби, поелику видим мы, что значительная часть людей провоцируется ею к роптанию¹⁵⁶ на Бога и даже к проклинанию Бога. Однако же, там, где место превозношения занимает¹⁵⁷ внутреннее смирение, внедренное через Дух Божий и внушаемое Им же утешение, там скорби становятся орудием для порождения терпения, – те самые скорби, которые в ожесточенных могут возбудить лишь негодование и ропот.

4) *От терпения опытность.* Иаков, кажется, следует иному порядку в подобном перечислении. Поелику говорит, что от опытности происходит терпение. Однако все придет в согласие, если по-разному понимать данное слово. Ибо Павел опытностью считает испытанность, которую верные обретают под надежной

¹⁵⁵ Сказав.

¹⁵⁶ Попреку.

¹⁵⁷ Займет.

божественной защитой, когда, радуясь этому вспомоществованию, преодолевают они все невзгоды. А именно: терпеливо их перенося, становятся они непоколебимыми и познают, на что способна Божия сила, которая, как Он обещал, всегда пребудет с Его людьми. Иаков же тем же самым словом означает саму скорбь, по обычному словоупотреблению Писания. Поелику через скорби Бог испытывает и проверяет своих людей. Итак, что касается настоящего места, сказано, что тогда преуспеем мы в терпении, когда поймем, что утверждается¹⁵⁸ оно силою Божией, и так возымеем впредь надежду, что никогда не покинет нас благодать Божия, всегда помогавшая нам в наших нуждах. И поэтому добавляет, что из опытности происходит надежда, поелику оказались бы мы неблагодарными, получив столькие благодеяния, если бы от воспоминания о них не укрепляли свою надежду на будущее.

5) *А надежда не постыжает.* То есть, несомненно приведет ко спасению. Откуда явствует, что Господь с той целью упражняет нас противными обстоятельствами, чтобы шаг за шагом продвигать спасение наше. Итак, несчастья не могут сделать нас несчастными, ведь они некоторым образом способствуют нашему блаженству. Так доказывается то, о чем апостол говорил ранее: что у благочестивых есть повод хвалиться во всяких скорбях.

Потому что любовь Божия. Я отношу сие не только к ближайшему слову, но и ко всему предшествующему предложению. Для того скорби приучают нас к терпению, а терпение порождает опыт божественной помощи, чтобы еще больше воодушевить нас к надежде. Поелику, как бы ни скорбели мы и ни казались себе пропавшими, не перестаем, однако, чувствовать Божие к нам благоволение, которое поставляет обильнейшее утешение, много большее, чем если бы во всем имели мы успех. Ведь как при божественном гневе то, что кажется по виду счастьем, оказывается бедою, так и по умиловлению Бога невзгоды несомненно оборачиваются¹⁵⁹ для нас успехом и радостью. Ведь все должно служить воле Творца, Который ради отеческого к нам благоволения (как снова скажет Павел в главе 8) все крестные муки обращает нам во спасение. Сие же знание Божией к нам любви внушается сердцам нашим Духом Божиим. Ибо сокрыто от слуха, взгляда и помышления людского, какие блага приготовил Бог Своим почитателям. И один лишь Дух способен это открыть. Большое ударение при этом делается на глагол “излилась”. Ибо он означает до того обильное откровение любви Божией, что сердца наши как бы переполняются ею. Так, излившись повсюду, она не только смягчает нашу грусть в невзгодах, но и, словно приятную приправу, заставляет нас любить сами скорби. Кроме того, он говорит, что Дух нам дан, то есть дарован по незаслуженной благодати, а не воздан за наши заслуги. Подобно тому, как справедливо заметил и Августин, который, однако, несколько увлекся, истолковывая любовь Божию. Ее он толкует так, что мы с постоянством переносим невзгоды и по этой причине укрепляемся в надежде, и все потому, что возрожденные Духом любим Бога. Благочестивое мнение, однако это не то, что хотел сказать Павел. Ибо любовь здесь понимается не в активном, а в пассивном смысле. Безусловно, он учил здесь не чему иному, как тому, что истинный источник любви именно в том, что верные убеждены в любви к ним Бога. Причем они не поверхностно затронуты этой любовью, а совершенно ею проникнуты.

6. Ибо Христос, когда мы были еще немощны, в определенное время умер за нечестивых. 7. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. 8. Но Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. 9. Посему, тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева.

(6. Ибо Христос, когда мы в определенное время были еще немощны, умер за нечестивых. 7. Ибо едва ли кто умрет за праведника; ибо за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. 8. Но Бог свою любовь к нам доказывает тем, что, когда мы были еще грешниками, Христос умер за нас. 9. Итак, тем более, оправданные ныне Кровию Его, спасемся Им от гнева.)

6) *Ибо Христос, когда мы были еще немощны.* При переводе не посмел я переделать предложение так, чтобы слова “в определенное время” отделить от слов “мы были еще немощны”, хотя это и больше подходило по смыслу. Довод здесь исходит от большего к меньшему, о чем подробно будет сказано далее. Хотя нить речи здесь не вполне отчетлива, неупорядоченная структура предложения никак не меняет смысла. Если Христос, говорит апостол, смиловался над нечестивыми, если примирил Он с Отцом тех, кто был врагами, если соделал все это силою Своей смерти, то, тем более, легче Ему теперь уберечь уже оправданных и сохранить в благодати тех, кто в ней уже восстановлен, особенно, поскольку ныне к действительности смерти Его прибавляется и всемогущие жизни. Время же немощи некоторые разумеют так, что в это время Христос начал являться миру, а люди зовутся немощными потому, что, будучи под водительством закона, подобны были несмышленным детям. Я же отношу сие к каждому из нас. А время имеется в виду то, которое предшествует примирению каждого из нас с Богом. Ведь, как все мы рождаемся чадами гнева, так и удерживаемся в том же самом проклятии, покуда не становимся причастниками Христа. И немощными

¹⁵⁸ Пребывает.

¹⁵⁹ Выходят.

называет апостол тех, кто не имеет в себе ничего, кроме пороков. Ибо их немного спустя зовет он нечестивыми. И вовсе не ново то, что слово “немошные” употребляется в этом смысле. Так апостол называет немощными постыдные части тела (1Кор.12:22), и немощным зовет присутствие тела, не имеющего никакого достоинства (2Кор.10:10). Так что, подобное обозначение впоследствии чаще будет нам встречаться. Итак, когда мы были еще немощны, то есть, не достойными и не пригодными к тому, чтобы Бог на нас призрел, в это самое время Христос умер за нечестивых. Поелику начало благочестия есть вера, которой были чужды все, за которых Он умер, что также¹⁶⁰ применимо и к древним отцам, которые достигли праведности еще до того, как Он умер. Ибо черпали сие благодаяние от Его будущей смерти.

7) *За праведника.* Слово ὑἆρ вынужден я истолковывать скорее утвердительно, чем в смысле причины. Предложение, таким образом, означает следующее: среди людей несомненно весьма редко встречается, чтобы кто-нибудь пошел на смерть за праведника, хотя иногда такое и случается. Однако согласиться с тем, чтобы кто-нибудь захотел умереть за нечестивого, никто бы не решился. И именно это сделал Христос. Так смысл усиливается здесь путем сравнения, поелику нет среди людей подобного примера любви, примера того, что соделал ради нас Христос.

8) *Доказывает.* Поскольку слово συνἰδῆται имеет неоднозначный смысл, лучше будет в настоящем случае понимать его, как “подтверждает”. Ибо намерение апостола состояло не в том, чтобы побудить нас к благодарению, а в том, чтобы укрепить наше упование и душевную уверенность. Итак, подтверждает, то есть делает твердой и несомненной Свою любовь к нам, поелику не пощадил Сына Своего Христа ради спасения нечестивых. Ибо в том и открывается Его любовь, что подвигнутый ею Он прежде возлюбил нас, как говорит о том Иоанн. Грешниками же зовутся здесь (как и во многих других местах) те, кто полностью порочен и предан греху; см., например, Ин.9:31. Бог не слышит грешников, то есть преступных и злых людей. Так зовется грешницей та женщина, жизнь которой позорна. И сие лучше явствует из противопоставления, которое тут же следует: **оправданные кровию Его**. Ибо, противопоставляя эти две вещи, он называет оправданными тех, кто избавлен от вины греха. Следовательно, грешники суть те, кто осужден по своим злым делам. Итог таков: если Христос приобрел праведность для грешников, то, тем более, защитит Он от гибели уже оправданных. И так применяет он сравнение большего с меньшим к своему учению. Ибо не достаточно было бы однажды обрести для нас спасение, если бы Христос не сохранил его до конца неповрежденным и незыблемым. Апостол и хочет сказать: не следует бояться, что Христос посередине остановит путь своей благодати. Ибо от того, что примирил Он нас с Отцом, положение наше таково, что благодать Его к нам день ото дня укрепляется и растет.

10. Ибо, если будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.

(10. Ибо, если будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.)

Это объяснение предыдущего предложения, в котором смысл усиливается от сравнения между жизнью и смертью. Врагами, говорит, были мы [Богу], когда ради умилоствления Отца Христос выступил как наш Посредник. Ныне же мы друзья посредством Его примирения. Если же смогла соделать это смерть, то тем более действенной и могущественной окажется жизнь. Итак, имеем мы превосходное свидетельство, подтверждающее для душ наших спасительное упование. Говорит же, что мы сыны, примиренные с Богом через смерть Христову, поелику смерть эта была жертвой умилоствления, коей Бог примирился с миром, как и учил он в четвертой главе. Однако кажется, что здесь апостол воюет сам с собой. Ибо, если смерть Христова была залогом божественной любви к нам, отсюда следует, что мы уже тогда были Ему угодны. Однако же здесь называет он нас врагами. Отвечаю: поскольку Бог ненавидит грех, мы также были Ему ненавистны, потому что были грешниками. Однако, поскольку по тайному совету привил Он нас к телу Христову, то и прекратил нас ненавидеть. Но сие восстановление в благодати было нам неизвестным, покуда не пришли мы к ней верою. Так сами по себе всегда были мы врагами, пока Христова смерть не примирила нас с Богом. Однако следует отметить различие между [тем, какие мы сами по себе, и тем, какие мы по отношению к Богу]. Ибо не иначе познаем мы незаслуженную благодать Божию, как узнав, что не пощадил Он Сына Своего Единородного ради любви к нам, причем еще тогда, когда между Ним и нами царила вражда. И наоборот, не достаточно почувствуем мы благодаяние смерти Христовой, если не будет оно началом нашего примирения с Богом, дабы, убедились мы, что по совершению умилоствления ныне милостив к нам Тот, Кто прежде был враждебен. Так, когда принятие в благодать приписывается Христовой смерти, смысл таков, что именно тогда снята была с нас вина, которой мы были подвержены.

11. И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

¹⁶⁰ Даже если посмотреть.

(11. И не только это, но и хвалимся в Боге чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.)

Теперь апостол переходит к следующей ступени нашего хваления. Ибо, когда хвалимся мы, что Бог является нашим Богом, всякое благо, которое только можно пожелать и вообразить, проистекает к нам из этого источника. Ибо Бог не только высшее из всех благ, но и содержит в Себе их, все вместе и каждое в отдельности. Сделался же Он нашим через Христа. Итак, по дару веры происходит с нами то, что нет ничего такого, что не доставало бы нам для счастья. И апостол не напрасно столько раз повторяет о примирении. Он делает так, чтобы мы, во-первых, научились обращать свой взор ко смерти Христовой всегда, когда речь идет о нашем спасении; а затем, чтобы знали мы: упование надобно помещать лишь в умилоствлении наших грехов.

12. Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили. 13. Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. 14. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.

(12. Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что все согрешили. 13. (Ибо вплоть до закона грех был в мире; грех же не вменяется, когда нет закона). 14. Однако смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими по подобию преступления Адама, который есть образ будущего.)

12) *Посему.* Теперь начинает он усиливать то же самое учение путем сравнения противоположностей. Ибо если Христос пришел потому, чтобы избавить нас от беды, в которую впал Адам и увлек за собою всех своих потомков, то нельзя ясно представить себе, чем мы обязаны Христу, если прежде не будет показано, что мы потеряли в Адаме, даже если и не все схоже в том и другом случае. Поэтому Павел делает некоторое уточнение, которое прояснится в своем месте, и мы, кроме того, отметим те различия, которые будут нам встречаться. Причем речь апостола несколько туманна из-за непоследовательности, поелику в сравнении его не выражено то, что отвечает предыдущему члену. Однако мы попытаемся согласовать то и другое, когда об этом пойдет речь.

Грех вошел в мир. Заметь, каков здесь порядок: ведь грех, по его словам, предшествует, а уже из него следует смерть. Ибо имеются такие, кто заявляет, что мы так погибли из-за греха Адама, как если бы пострадали не по своей вине, и лишь потому, что только он один согрешил. Однако Павел ясно говорит, что грех распространился на всех, на ком лежит его вина. А затем еще настойчивее говорит об этом, когда приводит немного спустя основание, почему все потомство Адама подлежит власти смерти. Потому говорит, что все мы согрешили. Далее, согрешить означает здесь быть испорченными и порочными. Ибо та природная испорченность, которую наследуем мы от материнской утробы, даже если и не скоро приносит свои плоды, является, однако, грехом пред Господом и заслуживает Его отмщения. И это есть то, что зовется первородным грехом. Ибо как с первого дня своего сотворения Адам и для себя и для потомства своего получил дары божественной благодати, так и, отпав от Господа, испортил, повредил и погубил в себе нашу же природу. Отторгнутый же от подобия Божия, не мог породить он ничего, кроме подобного себе. Итак, все мы согрешили, поелику все наделены природной испорченностью, а значит, являемся несправедливыми и извращенными. Ибо глупо то толкование, которым некогда пелагиане пытались обойти слова Павла, что, дескать, грех через подражание перешел от Адама на весь человеческий род. Ведь в таком случае Христос был бы только образцом праведности, а не ее причиной. Затем, ясно, что здесь не идет речь об актуальном грехе, ведь если каждый сам делает себя виновным, зачем Павел сравнивает Адама со Христом? Итак, следует, что говорится здесь о врожденной и наследственной порочности нашей.

13) *И до закона.* Сия оговорка включает в себя некое упреждение. Ибо, кажется, что нет преступления без закона. Так что, можно усомниться, был ли до закона грех? То же, что был он после закона, несомненно, и вопрос касается лишь времени, предшествовавшего закону. Итак, апостол отвечает, что хотя бы Бог и вынес приговор еще до написания закона, род человеческий даже тогда был бы проклят, и притом от утробы матери. Посему тем более¹⁶¹ не свободны от осуждения за грех те, кто до обнародования закона жил преступно и порочно. Ибо всегда был Бог, Которому полагалось поклонение, и всегда существовало некое правило справедливости. И сие толкование до того ясно и прозрачно, что уже само по себе достаточно опровергает противные мнения.

Грех же не вменяется. Без проклятия закона мы некоторым образом дремлем в своих пороках. И хотя знаем, что поступаем дурно, подавляем, однако, насколько можем, врожденное понятие о зле, или, по

¹⁶¹ Никак.

крайней мере, забываем о нем. Когда же закон обличает и проклинает, то он словно пробуждает нас, чтобы вернулись мы к помышлениям о суде Божиим. Итак, апостол хочет показать, какова развращенность человека, когда тот не пробуждается законом, отказывается различать между добром и злом, и спокойно потворствует себе, словно суда Божия нет вовсе. [То же, что и без закона] вменяются людям преступления, свидетельствует наказание Каина, потоп, коим разрушен был весь мир, уничтожение Содома, кара, постигшая фараона и Авимелеха, и, наконец, казни Египтян. Люди также вменяют друг другу преступления, и сие явствует из многочисленных жалоб и судебных исков, коими одни обвиняют в несправедливости других, а также из защитительных объяснений, коими, наоборот, стремятся обелить свои дела. Так что, много можно привести примеров, подтверждающих, что все отдают себе отчет в добре и зле. Однако, как правило, люди потворствуют своим злодеяниям и не видят в них никакого греха, если не вынудить их к этому. Поэтому, говоря, что без закона грех не вменяется, апостол выражается в сравнительном смысле. Поелику там, где жало закона никого не уязвляет, люди погружаются в бесчинства. Так что, Павел разумно вставил предложение сие, чтобы иудеи научились отсюда, какова вина тех, кого открыто осуждает закон. Ибо, если не свободны от наказания и те, кого Бог никогда не призывал на свое судилище, то что будет с иудеями, которым закон подобно глашатаю возвестил о вине и даже об осуждении? Также можно привести и другую причину, почему ясно говорит апостол, что грех царствовал и до закона, однако не был вменяем. Потому именно, чтобы знали мы: причина смерти происходит не от закона, но лишь показывается законом. Итак, возвещает, что сразу же после падения Адама, все были погублены, хотя закон и не возвестил еще о гибели. Если же перевести частицу *δε* как “хотя”, то предложение зазвучит лучше. И смысл будет таков: хотя люди и потворствуют себе, не могут избежать они суда Божия, даже когда закон их не обличает.

*Смерть царствовала от Адама.*¹⁶² Здесь он еще яснее говорит, что людям не принесло пользы, что от Адама до провозглашения закона бесчинствовали они¹⁶³ в спокойствии и безопасности, забыв о различии между добром и злом (до того похоронено было знание о грехе без обличения закона), потому что грех, тем не менее, процветал во осуждение им всем. Поэтому уже тогда царствовала смерть, ибо слепота и упорство человеческое не могут подавить божественный суд.

14) *И над не согрешившими.* Хотя место сие обычно понимается, как относящееся к младенцам, которые, будучи невиновными в актуальном грехе, погибают из-за греха первородного, я предпочитаю относить его вообще ко всем тем, кто согрешил без закона. Ибо предложение сие надобно связать с предыдущим, где было сказано: те, кто был лишен закона, не вменяли себе греха. Итак, они не согрешили по подобию преступления Адама, поелику воля Божия не была открыта им в надежном слове, как была открыта ему. Ибо Адаму Господь запретил касаться плода познания добра и зла, а этим Он не дал никакой иной заповеди, кроме свидетельства совести. Значит, апостол захотел намекнуть на то, что из-за сего различия между Адамом и его потомством последнее не освобождается от осуждения. И младенцы также включаются в этот общий список.

Который есть образ будущего. Эта фраза замещает собой вторую часть предложения. Ибо видим мы, что, хотя первая часть сравнения ясно выражена, вторая часть как бы опущена. Итак, должно понимать сие, как если бы было написано: как через одного человека грех вошел в мир, и через грех смерть, так через одного человека возвратилась праведность, а через праведность и жизнь. И не удивительно, что сказал он, что Адам несет в себе прообраз Христа. Ибо даже в самых противоположных вещах всегда имеется некое подобие. Как грехом Адама все мы погибли, так и праведностью Христовой все восстановились. Посему подобающе назвал он Адама прообразом Христа. Заметь же, что Адам не зовется образом греха, а Христос – образом праведности, как если бы предварили они нас лишь своим примером. Но один сопоставляется с другим, дабы не безумствовать¹⁶⁴ тебе подобно Оригену, увлекаясь гибельным заблуждением. Ибо рассуждает он о порочности рода человеческого с позиций философских и мирских, а благодать Христову не только ослабляет, но и совершенно уничтожает. Тем более неизвинителен Эразм, столь сильно старавшийся оправдать подобное безумство.

15. *Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих.*

(15. *Но не как преступление – дар благодати. Ибо если преступлением одного умерли многие, то тем более благодать Божия и дар Божий по благодати, принадлежавший одному Человеку, Христу, преизбыточествует во многих.*)

¹⁶² Как бы то ни было.

¹⁶³ Люди.

¹⁶⁴ Гибельно.

Но ... не как преступление. Здесь следуют уточнения, относящиеся к предыдущему сравнению, в которых апостол не столь уж сильно занят перечислением всех различий между Адамом и Христом, но упреждает заблуждения, в которые, иначе, можно было бы легко впасть. Мы же добавим то, чего недостает сему изъяснению. Много раз повторяя о различии, апостол, однако, во всех этих повторениях выпускает кое-какие нужные слова, что является пороком речи, но от этого никак не умаляется величие небесной премудрости, возвещаемой нам через апостола. Скорее, наоборот, по исключительному провидению Божию произошло так, что в неизысканных и смиренных словах передаются нам возвышенные тайны, дабы вера наша опиралась не на силу человеческого красноречия, а на одну лишь духовную мощь. Здесь он еще не говорит конкретно о причине данного уточнения, но просто учит избытку приобретенной через Христа благодати, превосходящей то осуждение, которое навлек на нас первый человек. То же, что многие думают, будто апостол здесь занимается доказательством, не знаю, насколько будет убедительным для других. Вполне здраво можно было бы заключить, что если падение Адама для многих принесло такую погибель, то, тем более, благодать Божия будет действенной для блага многих. Ведь общепризнанно, что Христос более могуществен для спасения, чем Адам для погибели. Но, поскольку не могут они опровергнуть и тех, кто понимает сие иначе, и то, и другое мнение, думаю я, можно оставить на выбор читателя. Ведь то, что следует сразу же за этим, нельзя считать логическим выводом, однако же тема остается все той же. Откуда вполне вероятно, что Павел просто уточняет, или смягчает оговорками то, что ранее сказал о сходстве между Адамом и Христом. Заметь же, что здесь многие не сравниваются со многими (ибо речь не идет о числе людей), но, поскольку грех Адама погубил многих, то и праведность Христова, рассуждает он, не менее сильна для спасения многих. То же, что говорит: **погибли мы по преступлению одного**, понимай так: от него во всех нас перешла та испорченность. Ибо мы не так погибам по его вине, как будто сами лишены вины, но, поскольку грех его является причиной нашего греха, Павел и приписывает Адаму нашу погибель. Грехом же нашим называю тот, который нам врожден и с которым мы появляемся на свет.

Благодать Божия и дар по благодати одного человека. Благодать здесь противопоставляется преступлению, а дар, происходящий из благодати, – смерти. Так что благодать означает здесь чистую благость Божию, или незаслуженную любовь, образец которой был явлен во Христе, пособляющем нам в нашем несчастье¹⁶⁵. Дар же есть приходящий к нам плод милосердия¹⁶⁶, а именно: примирение, коим достигаем мы жизни и спасения, праведность, обновление жизни, и все в этом роде. Откуда¹⁶⁷ видим, сколь невежественно определяют благодать схоласты, считая ее не чем иным, как качеством, внедренным в человеческие сердца. Ибо благодать в собственном смысле пребывает в Боге, в нас же обретаются ее последствия. Называет же благодать принадлежащей одному человеку Христу, поелику Отец поставил Его источником, от полноты Которого черпают все. Так апостол учит, что вне Христа нельзя найти даже капли жизни, и восполнение нищеты и ущербности нашей может быть лишь тогда, когда Он уделит нам нечто от Своего изобилия.

16. И дар не как суд за одного согрешившего; ибо суд за одно преступление – к осуждению; а дар благодати – к оправданию от многих преступлений.

(16. И дар не как через одного согрешившего; ибо суд от одного – к осуждению; дар же – к оправданию от многих преступлений.)

Здесь мы видим причину особой оговорки, что вина за одно преступление оказалась достаточной для осуждения всех нас, но благодать, или скорее, незаслуженный дар действителен для оправдания от многих преступлений. Ибо это – декларация ближайшего предложения, ведь он еще не сказал явно, чем именно Христос превосходит Адама. Установив же сие различие, он показывает, сколь нечестиво мыслят те, кто учит, что во Христе мы не обретаем ничего, кроме избавления от первородного греха и порчи, унаследованной от Адама. Добавь к этому, что под теми многими преступлениями, от которых по свидетельству его нас освобождает Христово благодеяние, разумеются не только те, которые кто-либо совершил до своего крещения, но и те, коими святые ежедневно навлекают на себя новую вину¹⁶⁸, и за которые они заслуженно подверглись бы осуждению, если бы постоянно не помогала им сия благодать. Противопоставляя же суд дару, первым обозначает он суровость, а вторым – незаслуженное прощение. Ибо от суровости происходит осуждение, а от прощения – избавление от кары, или же (что то же самое), если бы Бог поступал с нами по справедливости, все бы мы погибли, но Он даром оправдывает нас во Христе.

17. Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа.

¹⁶⁵ Коим избавляется от несчастья.

¹⁶⁶ Божественной благости.

¹⁶⁷ Так можешь ты видеть, как плохо определили благодать схоласты.

¹⁶⁸ Оскверняют себя.

(17. Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа.)

Здесь апостол добавляет общую оговорку, на которой усиленно настаивает. Ибо намерение у него не в том, чтобы изъяснять отдельные части учения, а в том, чтобы сформулировать его итог. Прежде возвестил он, что сила благодати преизобилует над грехом. Отсюда он утешает и укрепляет верных и одновременно побуждает их к признанию¹⁶⁹ Божией благодати. Ибо столь частым повторением хочет сказать, что благодать Божию надобно предпочесть достоинству человека, дабы люди переложили упование с себя самих на Христа, и, восприняв Его благодать, наслаждались бы безопасностью, откуда, в конце концов, рождается благодарение. Итог же таков: поелику Христос превосходит Адама, то грех второго побеждается праведностью первого, проклятие второго устраняется благодатью первого, и смерть, произошедшая от второго, поглощается жизнью, проистекающей от первого. Впрочем, части даже этого сравнения не соответствуют друг другу полностью. Ибо апостол должен был бы сказать, что благодетель жизни еще больше царствует и изобилует через избыточность благодати, а вместо этого он говорит, что будут царствовать верные. Это означает то же, как если бы было сказано: поелику царство верных пребывает в жизни, то и царство жизни пребывает в верных. Далее¹⁷⁰, полезно будет отметить два различия между Христом и Адамом, о которых апостол умолчал не потому, что посчитал излишним их упоминать, а потому, что они никак не относились к настоящему вопросу. Первое состоит в том, что грех Адама осуждает нас не по одному лишь вменению, как если бы, чуждые греха, мы были вынуждены терпеть за него наказание, но потому и терпим мы наказание, что и сами подлежим вине, поелику испорченная в нем природа наша обличается в несправедности перед Богом. Но через праведность Христову мы иначе восстанавливаемся ко спасению. Ибо она не потому считается принятой нами, что существует внутри нас, но потому, что владеем мы самим Христом, по щедрости Отца дарованным нам со всеми своими благами. Так что, дар праведности – это не качество, коим нас наделяет Бог, как превратно толкуют некоторые, а незаслуженное вменение праведности. Другое же различие таково, что не ко всем людям переходит благодетельство Христово, подобно тому, как Адам навлек осуждение на весь свой род. И причина очевидна. Ибо то проклятие, которое наследуем мы от Адама, переходит в нас через природу, и неудивительно, что охватывает оно всю людскую массу. Но чтобы стать причастниками Христу, нам надобно привиться к Нему верою. Итак, чтобы вкусить тебе от бедственного наследия греха, достаточно быть человеком, ибо наследие это пребывает в плоти и крови. Но чтобы наслаждаться праведностью Христовой, необходимо быть верным, поелику верою обретается общение с Ним. Младенцы же сообщаются с Ним особым образом, ибо по завету имеют право на усыновление, в силу которого переходят¹⁷¹ в общение со Христом. Говорю же о детях верующих, которым адресовано обетование благодати, ибо иные не изымаются из общей участи.

18. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.

(18. Посему, как преступление одного всем человекам во осуждение, так праведность одного всем человекам в оправдание к жизни.)

Данное предложение неполно, оно станет полным¹⁷², если слова “оправдание” и “осуждение” будут поставлены в именительном падеже, как, безусловно, и следует поступить, если хочешь иметь ясный смысл. Оно является выводом из того сравнения, которое ему предшествовало. Ибо, не упоминая явно саму оговорку, оно приводит то же самое подобие. Как преступлением одного все мы стали грешниками, так и праведность Христова стала действенной для нашего оправдания, хотя апостол говорит здесь не *δικαιοσύνην*, а *δικαίωμα*, дабы внушить нам, что Христос был праведен не для Себя лично, а чтобы шире распространить ту праведность, которой Сам был наделен, и обогатить верных тем даром, который был Ему ниспослан. Делает же благодать общою для всех, поелику она выставляется на обозрение всех, а не потому что всем на самом деле дается. Ибо, если Христос и пострадал за грехи всего мира, и всем безразлично предлагается благодать Божия, не все, однако, принимают ее. И можно было бы повторить те два слова, коими он недавно пользовался: суд и благодать. И смысл был бы таков: как по суду Божию произошло то, что грех одного привел к осуждению многих, так и благодать будет действенной для оправдания многих. Оправдание жизни (по моему мнению) здесь несет смысл отпущения [грехов], которое возвращает нам жизнь, как если бы названо оно было животворным. Ибо надежда на спасение происходит от того, что Бог к нам милостив, а праведным надобно быть для того, чтобы быть Ему угодным. Итак, от оправдания происходит жизнь.

19. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.

¹⁶⁹ Осознанию.

¹⁷⁰ Впрочем.

¹⁷¹ Принимаются.

¹⁷² Было бы.

(19. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие люди грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.)

Здесь нет тавтологии, но имеется необходимая декларация ближайшего предложения. Ибо показывает он, что виною одного человека мы не так становимся повинными, что сами по себе не имеем вины. Прежде апостол говорил, что мы осуждаемся, но дабы кто-либо не приписывал себе невинности, добавил, что каждый осуждается, поелику он грешник. Затем, возвещая, что послушанием Христовым делаемся мы праведными, дает нам понять, что Христос, тем самым что принес удовлетворение Отцу, приготовил для нас праведность. Откуда следует, что праведность – это качество в самом Христе, а нами принимается то, что собственно принадлежит Ему. Одновременно изъясняет он, какова та праведность Христова, называя ее послушанием. Обратим же внимание на то, что надобно нам преподнести Богу, если хотим мы оправдаться делами, а именно: послушание закону, и не в той или другой его части, а совершенное во всех отношениях. Ибо, ежели праведник падет, не придут на память все его прежние праведные дела. Отсюда можно заключить, что напрасно думают угодить Богу те, кто сами от себя изобретают то, что Ему преподносят. Ибо есть лишь один истинный способ почитания Бога: когда мы следуем заповеданному нам и выказываем¹⁷³ послушание Его же слову. Пусть же придут те, кто самонадеянно приписывает себе праведность по делам, каковая¹⁷⁴ праведность имеет место только там, где присутствует полное соблюдение закона. Однако не подлежит сомнению, что таковое нигде нельзя обнаружить. Посему мы заключаем, что безумствуют те, кто продает Богу вымышленные ими самими дела, ценимые Им не выше навоза. Ибо послушание лучше любой жертвы.

20. Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать, 21. дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.

(20. Закон же пришел после, чтобы умножилось преступление. Там же, где умножился грех, стала преизобилывать благодать, 21. дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.)

20) *Закон же пришел.* Данный вопрос связан с тем, что сказано им прежде: до обнародования закона уже был грех¹⁷⁵, ибо услышав сие, всякий тут же задает вопросом: Зачем же тогда закон? Поэтому надо было разрешить и эту трудность. Однако поелику тогда длинное отступление было бы неуместным, апостол и отложил ответ до сей поры. И теперь как бы походя говорит, что закон пришел, дабы преизобилывал грех. Ибо не говорит он о всем употреблении и служении закона, но затрагивает лишь одну его сторону, подходящую для настоящей темы. Он учит: чтобы дать место благодати Божией, надобно лучше явить людям их губительное состояние. Ибо потерпели они кораблекрушение и до закона. Однако, поскольку думали, что все еще плывут, то и были погружены в самую пучину, дабы избавление их заблестало еще ярче, когда паче чаяния они из сей пучины исторгаются. И вовсе не абсурдно, что закон пришел отчасти и для того, чтобы еще раз осудить уже однажды осужденных. Поелику нет ничего справедливее, чем всеми способами побудить человека, и даже против воли принудить его осознать свое злополучие.

Таким образом умножилось преступление. Как обычно объясняют это место после Августина: вождение возбуждается еще сильнее, когда закон обуздывает нас правилом жизни. Поелику человеку по природе свойственно стремиться к запретному. Однако я думаю, что здесь имеется в виду лишь усиление искушенности и упорства. Ибо закон выставляет грех перед глазами человека, дабы настойчивее внушить¹⁷⁶ ему мысль о готовящемся осуждении. Так грех захватывает совесть грешника, ведь иначе люди его совсем бы не замечали. Затем те, кто прежде просто преступил пределы справедливости, теперь, по издании закона, становятся презрителями Божиего¹⁷⁷ правления, потому что им явлена была воля Божия, которую попрали они своею похотью. Откуда следует, что грех усиливается через закон, поелику тогда презируется авторитет законодателя и попирается Его величие.

Стала преизобилывать благодать. После того, как грех покорил людей, явилась столь обильная благодать. Ибо апостол учит, что величие благодати выявляется еще больше от того, что обильно излилась она именно тогда, когда преизобилывал грех, дабы не только превзойти этот разлив греха, но и полностью поглотить его. И отсюда научаемся мы: не потому в законе возвещается нам осуждение, чтобы мы в нем пребывали, но

¹⁷³ Являем.

¹⁷⁴ Каковой нет нигде, кроме.

¹⁷⁵ Нарушение праведности.

¹⁷⁶ Чтобы ему, хочешь не хочешь, внушить.

¹⁷⁷ Божиего величия, предпочтя свою волю Его воле.

чтобы, познав свою беду, обратились ко Христу, Который послан как врач для больных, избавитель для плененных, утешитель для скорбящих, отмститель за угнетенных (Иез.61:1).

21) *Дабы, как грех царствовал.* Как грех зовется жалом смерти, поелику смерть не имеет никаких прав на человека, кроме как по причине греха, так и грех выказывает силу свою через смерть. Поэтому и сказано, что он осуществляет через нее свою власть. В последней части предложения имеется некоторая избыточность, однако же весьма уместная. Простым было бы противопоставление, если бы апостол сказал: дабы праведность воцарилась через Христа. Но Павел, не довольствовавшись тем, что противоположному противопоставил противное, добавляет сюда же и благодать: дабы сильнее запечатлеть в нашей памяти, что все сие не по нашей заслуге, а по божественному благоволению. Прежде сказал он, что воцарилась сама смерть, теперь же – что передала она царство греху, являясь его целью и следствием. И сказал "царствовал" в прошедшем времени, не потому что перестал он царствовать в тех, кто рожден лишь от плоти и крови, но потому, что, разделяя между Христом и Адамом, апостол каждому из них приписывает свое собственное время. Итак, как только благодать Христова начинает в ком-то царствовать, сразу же прекращается в нем царство греха и смерти.

Глава 6

1. Что же скажем? Оставаться ли нам во грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. 2. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?

(1. Что же скажем? Будем оставаться во грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. 2. Будучи мертвыми для греха, как же еще будем в нем жить?)

1) *Что же скажем?* На протяжении всей этой главы апостол рассуждает о превратном отношении ко Христу со стороны тех, кто думает, что незаслуженная праведность даруется нам от Него без обновления жизни. Хотя он идет и дальше, приводя возражение, что благодать умножается тогда, когда люди пребывают во грехе. Ибо знаем мы: ни к чему так не склонна наша плоть, как к тому, чтобы потворствовать себе под любым предлогом. Кроме того, сатана измышляет всякие козни, коими бесславит учение о благодати, что для него вовсе не трудно. Ибо, поелику уму человеческому *παράδοξοτατον* все, что проповедуется о Христе, не должно казаться необычным, если, услышав об оправдании по вере, плоть претыкается о столькие подводные камни. Однако же следует смириться с этим, и Христа не следует подавлять потому, что для многих Он стал камнем преткновения и скалой соблазна. Ибо по какой причине Он служит погибели нечестивых, по той же самой будет воскресением для набожных. Хотя на неудобные вопросы всегда следует отвечать, дабы учение христианское не казалось вовлеченным в таковой абсурд. Далее, апостол говорит о том, что чаще всего приводилось в возражение против проповеди божественной благодати. А именно: если истинно то, что благодать Божия помогает нам тем милосерднее и щедрее, чем больше отягощаемся мы грехом, то, значит, для нас полезнее всего, погрузившись¹⁷⁸ в греховную бездну, все новыми и новыми преступлениями вызывать на себя гнев Божий. Ибо тогда мы еще больше почувствуем¹⁷⁹, что нет ничего ее желаннее. Как опровергнуть это возражение, мы увидим после.

2) *Никак.* Кажется, что апостол хотел лишь *κατὰ δεινότητα* обругать некоторых за столь неумное безумие. Однако из других мест явствует¹⁸⁰, сколь привычен ему этот ответ даже в процессе длительного рассуждения. И здесь также, немного спустя, он подробно опровергнет эту клевету, но вначале хочет отбросить ее сей уничтожающей фразой, дабы научить читателя: нет ничего более лживого, чем благодать Христову, восстановительницу нашей праведности, использовать для потворства своим порокам.

Мы умерли для греха. Здесь имеется доказательство от противного. Ибо тот, кто грешит, безусловно живет для греха. Мы же умерли для греха по благодати Христовой. Итак, ложно будет придавать силу упраздненному греху¹⁸¹. Ибо дело обстоит таким образом, что верные¹⁸² никогда не примиряются с Богом без дара возрождения. Более того, мы и оправдываемся для того, чтобы¹⁸³ затем почитать Бога чистотою жизни. И Христос не иначе омыл нас Своею кровью и умилился к нам Бога Своею жертвой, нежели как сделав нас причастниками Своего же Духа, обновляющего нас к святой жизни. Итак, более чем гнусно было бы¹⁸⁴ выворачивать наизнанку дела Божии, если под предлогом благодати, предлагаемой нам во Христе¹⁸⁵,

¹⁷⁸ Утонув.

¹⁷⁹ Благодать Божию.

¹⁸⁰ Можем узнать.

¹⁸¹ Это вовсе не повод для греха.

¹⁸² Через возрождение принимают благодать оправдания.

¹⁸³ Возрожденные ... прославили мы Господа.

¹⁸⁴ Является.

¹⁸⁵ Принятой нами во Христе.

усиливался¹⁸⁶ бы наш грех. Ибо врачество – это не лелеяние врачуемой им же болезни. Далее, здесь речь идет не о том, какими нас находит Бог, призывая в общение со Своим Сыном, но о том, какими нам надлежит быть после того, как, помиловав нас, Он даром нас же усыновляет. Ибо будущее время показывает, какая перемена должна следовать за оправданием.

3. Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? 4. Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.

(3. Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? 4. Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновлении жизни.)

3) *Неужели не знаете*¹⁸⁷. Апостол доказывает предыдущее положение, что Христос истребил грех в Своих людях, и доказывает из воздействия крещения, с которого мы начинаем путь веры. Ибо бесспорно, что во время крещения мы облакаемся во Христа, и крещаемся для того, чтобы быть с Ним одно целое. Вторым принципом был уже установлен Павлом, принцип, что мы тогда воистину прививаемся ко Христову телу, когда Его смерть приносит в нас свой плод. Более того, апостол учит, что общение с этой смертью следует прежде всего искать в крещении. Ибо там предлагается не только омовение, но и умерщвление, и гибель ветхого человека, откуда явствует: как только принимаемся мы в благодать Христову, сразу же проявляется действенность Его смерти. Что же именно означает общение со смертью Христовой – об этом читай дальше.

4) *Мы погреблись с Ним*¹⁸⁸. Апостол уже начал объяснять, что означает наше крещение в Христову смерть, хотя еще не сказал ясно: оно значит, что мы, умерев для себя, должны стать новыми людьми. Ибо заслуженно от общения в смерти переходит он к участию в жизни, поскольку эти две вещи связаны друг с другом: гибель ветхого человека через Христову смерть, чтобы воскресение Его восстановило праведность и сделало нас новыми тварями. Безусловно, поскольку Христос был дан нам для жизни, к чему еще относится наша с Ним смерть, если не к тому, чтобы воскреснуть к лучшей жизни? Поэтому¹⁸⁹ Он убивает в нас смертное не для чего иного как для того, чтобы воистину нас оживить. Далее, пусть мы знаем, что апостол не просто увещевает нас здесь к подражанию Христу, как бы говоря: смерть Христова служит примером, которому надлежит подражать всем христианам. Ибо апостол, безусловно, поднимается выше: он предлагает нам учение, из которого затем, как явствует, извлечет и ободрение. Учение же сие состоит в том, что смерть Христова действительна для истребления неправедности нашей плоти, воскресение же Его – для восстановления новой и лучшей природы, и что через крещение мы принимаемся к участию в Его благодати. Положив сей фундамент, можно будет надлежащим образом увещевать христиан, чтобы стремились они соответствовать своему призванию. И не важно, что сия добродетель не явствует во всех крещеных. Ибо¹⁹⁰, поскольку речь его обращена к верным, Павел по своему обыкновению связывает сущность и следствие с внешним знаком. Ведь мы знаем, что верою удостоверяется и утверждается все то, что Господь предлагает нам в видимом знаке. В итоге, апостол учит нас, какова природа правильно принятого крещения. Так в послании к Галатам он свидетельствует, что все крещеные во Христа, во Христа облеклись. И не удивительно, что он так говорит: ведь здесь сходятся¹⁹¹ вместе установление Господне и вера благочестивых. Ибо символы никогда не станут для нас голыми и пустыми, если наша неблагодарность и злоба не будут препятствовать¹⁹² действию благодати Божией.

Славою Отца. То есть, с великою силою, кою прославил Себя и как бы явил величие Своей славы. Посему часто в Писаниях¹⁹³ сила Божия, проявленная¹⁹⁴ в воскресении Христовом, украшается знаменательными

¹⁸⁶ Усиливался в нас грех, хотя благодать Христова царствует лишь для того, чтобы этот грех умер.

¹⁸⁷ От воздействия крещения, которое вначале вводит нас в христианскую жизнь, доказывает он свое положение, что мы мертвы для греха. Явствует, что мы крещаемся для участия во Христе, дабы в Него облечься. Поскольку же главное участие во Христе относится к Его смерти, отсюда явствует: как только принимаемся мы в Христову благодать, сразу же становимся причастниками Его смерти. Далее...

¹⁸⁸ От общения в смерти апостол переходит к общению в жизни. И сей вывод полностью обоснован, учитывая служение Христово, Который пришел не для погубления своих людей, но для их воскресения. Ибо в Нем всегда должны явствовать жизнь и спасение.

¹⁸⁹ Одновременно он начинает объяснять, какова природа сей смерти и воскресения, хотя еще ясно не сказал об этом. Вначале, чтобы не думали мы ...

¹⁹⁰ Ибо, поскольку крещение принимается законно только тогда, когда соединяется с обетованиями Божиими и их содержанием, то апостол, когда речь его обращена к верным, имеет привычку соединять символ с означаемой им истиной.

¹⁹¹ Когда рассматривается.

¹⁹² Мы мешаем.

¹⁹³ Всегда.

эпитетами – и не напрасно. Ибо столь явное упоминание несравненной силы Божией чрезвычайно способствует тому, чтобы возвеличить в наших глазах не только веру в последнее воскресение, превосходящую плотской разум, но и другие плоды, которые получаем мы от Христова воскресения.

5. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, 6. зная, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху.

(5. Ибо если мы привиты к подобию смерти Его, то будем и участниками Его воскресения, 6. зная, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам уже не служить греху.)

5) Ибо если мы соединены. Апостол подтверждает ясными доводами уже приведенный им аргумент¹⁹⁵. Ибо подобие, о котором он упомянул, уже не оставляет никакой двусмысленности: поелику привитие означает не только подражание примеру, но и тайный союз, через который мы соединяемся со Христом, так что Он, напитывая нас Своим Духом, передает нам Свою силу. Следовательно, как ветвь имеет общую жизнь и смерть с тем деревом, к которому привита, так и¹⁹⁶ мы не меньше участвуем в жизни Христовой, чем в Его смерти. Ибо ежели мы привиты к подобию Христовой смерти, то смерть эта не лишена и воскресения. Следовательно она не будет нашей без этого воскресения. Впрочем, слова сии могут истолковываться двойственно¹⁹⁷: или, что мы привиты ко Христу в подобие Его смерти, или, что мы просто привиты к подобию. Первое чтение требует, чтобы греческий дательный падеж *ομοιῶματι* имел вышеозначенное толкование. Я не возражаю, что смысл тогда будет более полным, однако, поскольку второе чтение больше подходит простоте данного высказывания, его, кажется, и следует предпочесть. Хотя различие небольшое, поелику и то, и другое имеет одинаковый смысл. Златоуст считает, что Павел “подобием смерти” означает саму смерть, как в другом месте он говорит: сделавшись подобным человекам. Я же вижу в этом слове нечто более знаменательное. Кроме того, что апостол намекает на воскресение, он, кажется, хочет дать понять, что не умираем мы как Христос естественной смертью, но что в том заключается подобие¹⁹⁸ Его смерти и нашей, что, как Сам Он умер во плоти, воспринятой от нас, так и мы умираем в нас самих, чтобы жить в Нем. Итак, это не та же самая смерть, а похожая: поелику надобно рассматривать ее как нечто среднее между окончанием настоящей жизни и аналогией духовного обновления.

Соединены (насаждены). В этой фразе кроется огромная энергия, ясно показывающая, что апостол не только ободряет, но также и учит о Христовом благодеянии. Ибо не требует он от нас ничего, что следовало бы достичь собственным упорством и прилежанием, но проповедует насаждение наше, совершенное десницею Божией. Нет причины, почему бы не попытаться тебе применить сие сравнение к каждой отдельной части. Ибо между насаждением деревьев и этим нашим духовным насаждением очевидно следующее различие: в первом черенок черпает питание от корня, сохраняя за собой природную способность производить плод, во втором же – мы не только черпаем от Христа силу и жизнь, но и из природы нашей переходим в Его природу. Так что апостол хотел лишь отметить действенность смерти Христовой, проявившейся в гибели воспринятой от нас плоти, а также действенность воскресения ради обновления в нас лучшей и духовной природы.

б) *Зная, что ветхий человек.* Ветхий человек, как и ветхий завет, зовется так по отношению к новому. Ибо начинает быть ветхим тогда, когда упраздняется¹⁹⁹ с началом возрождения. Означает же он всю ту природу, которую наследуем мы от чрева матери, которая до такой степени не способна быть в царствии Божием, что умирает настолько, насколько восстанавливаемся мы к истинной жизни. И сего ветхого человека называет сораспятым на кресте Христовом, поелику происходит это силою крестной жертвы. И конкретно указывает на крест, дабы яснее сказать, что умерщвляемся мы не иначе как от участия в Его же смерти. Ибо я не согласен с теми, кто толкует, что грех назван распятым а не умершим потому, что еще живет отчасти и процветает. Так что, это мнение хоть и является истинным, но мало подходит настоящему месту. Тело же греха, о котором апостол говорит немного спустя, означает не плоть и кости, а всю греховную массу. Ибо человек, оставленный своей природе, является как бы выплавленной из греха массой. Говорит он и о цели отпущения грехов, когда добавляет: **дабы нам не быть уже рабами греха.** Откуда следует, что мы, покуда остаемся сынами Адама и простыми людьми, так порабощены греху, что можем только грешить.

¹⁹⁴ Писание хочет, столь явно упомянув о божественной силе, утвердить веру в воскресение, которую плоть иначе приняла бы с трудом.

¹⁹⁵ Ибо через привитие мы соединяемся со Христом. Во-первых, ...

¹⁹⁶ Подобаёт. Хотя более надежен довод.

¹⁹⁷ Можно прочесть.

¹⁹⁸ Соответствие.

¹⁹⁹ Начинает упраздняться.

Привившись же ко Христу, избавляемся от сей бедственной необходимости не потому, что тут же прекращаем грешить, но потому, что в битве начинаем одолевать грех.

7. Ибо умерший освободился от греха. 8 Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, 9. зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть не имеет над Ним власти. 10. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. 11. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе Господе нашем.

(7. Ибо умерший оправдался от греха. 8 Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, 9. зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть не имеет над Ним власти. 10. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. 11. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе Господе нашем.)

7) *Ибо умерший.* Доказательство исходит из свойств или последствий смерти. Ибо ежели смерть уничтожает все действия жизни, мы, умерши для греха, должны прекратить греховные действия, которые исполняли при жизни. Слово же “оправдался” понимай как “разрешился” или “избавился” от рабства. Ибо как освобождается от уз обвинения тот, кто исполняет приговор судьи, так и смерть, освобождая нас от сей жизни, избавляет также от всех ее обязанностей. Далее, хотя среди людей нигде не встречается такого примера, нет причины считать напрасным и пустым приводимое здесь рассуждение, и нет причин отчаиваться от того, что не можешь ты найти себя среди тех, которые полностью распяли свою плоть. Ибо сие дело Божие усовершенствуется не в тот же день, в который начинается в нас, но понемногу продвигается к своей цели. Итак, знай в итоге, что, ежели ты христианин, надобно, чтобы в тебе был явлен знак привития к смерти Христовой, плод которого состоит в том, что плоть твоя становится распятой со всеми ее похотями. Впрочем, сие привитие не сводится на нет, если ощущаешь ты в себе до сих пор остатки плоти. Но размышляй старательно над аргументом Павла, покуда не достигнешь поставленной цели. Ибо лучше, ежели плоть наша будет постоянно умерщвляться, и не малая выгода бывает оттого что ее царство прекращается, уступая Святому Духу. Есть и другое привитие ко Христовой смерти, о котором апостол говорит и во 2Кор.4, и в других местах, а именно: претерпевание креста, за коим следует и участие в вечной жизни.

8) *Если же мы умерли для греха.* Это повторяет он лишь с той целью, чтобы добавить следующее за этим утверждение: Христос, однажды воскреснув, более не умирает. Этим он хочет научить нас тому, что христианам всю свою жизнь надлежит стремиться к сему обновлению. Ибо ежели должны они являть собою образ Христов в умерщвлении плоти и духе жизни²⁰⁰, а первое продолжается бесконечно, то и второе с необходимостью должно длиться вечно. Не потому, что плоть в нас умирает в один миг, как было сказано выше, но потому, что не позволительно пятиться назад в ее умерщвлении. Ибо ежели возвращаемся мы к своим мерзостям, то отрицаемся Христа, участвовать в Котором не можем кроме как через обновление жизни, подобно тому, как и Сам Он ведет нетленную жизнь.

9) *Смерть уже не имеет над Ним власти.* Кажется, апостол намекает: смерть только однажды возымела власть над Христом. Конечно, когда Он предал Себя за нас смерти, то некоторым образом попустил Себе покориться ее власти, однако с тем условием, чтобы ее скорбям невозможно было удержать Его в узах, подчинить и поглотить. Поэтому, покорившись на миг ее господству, Он на веки поглотил ее саму. Хотя, говоря проще, господство смерти относится здесь к добровольному согласию на смерть, конец которому положило воскресение. Итог таков: Христос, ныне оживляющий верных Своим Духом и тайною силой дающий им с небес новую жизнь, исхитился из власти смерти в момент воскресения, дабы сделать своих людей неподверженными ее власти.

10) *Умер однажды для греха.* Сказав, что мы по примеру Христову навечно избавлены от ига смерти, апостол ныне приспособливает к своему положению тот факт, что мы больше не подвержены тирании греха, и доказывает это от целевой причины Христовой смерти, поелику Он умер, чтобы истребить грех. Далее, из манеры его речи следует отметить, что именно подобает думать о Христе. Ибо не сказано, что Он умер для греха²⁰¹, чтобы перестать грешить, как надо думать, когда речь заходит²⁰² о нас. Но сказано так потому, что пошел Он на смерть из-за греха, дабы предлагая Себя в *ἀντίλυτρον* [выкуп; - прим. пер.], свести на нет его силу и власть. Апостол говорит, что Христос умер однажды не только потому, что, соделав²⁰³ вечное искупление единократным приношением и совершив очищение грехов Своею кровью, Он навеки освятит верующих, но и потому, что в нас также имеется подобие этой единократности. Ибо если духовная смерть и

²⁰⁰ Через оживотворение.

²⁰¹ Не.

²⁰² Разумеется, но чтобы уничтожить грех. Однажды Он умер.

²⁰³ Приобретя.

действует в нас постоянно, говорится, что в собственном смысле мы умираем лишь однажды, когда Христос, кровью Своей примирив нас с Отцом, одновременно возрождает нас силою Своего Духа.

А что живет. Будешь ли понимать это, как живет с Богом, или живет в Боге, смысл один и тот же. Ибо апостол хочет сказать, что жить в царстве Божиим нетленным и нескончаемым означает жизнь неподверженную никакой смертности, и образ сей жизни явствует в возрождении благочестивых. Здесь следует вспомнить о слове “подобие”. Ведь апостол не говорит, что мы будем жить на небесах подобно тому, как там живет Христос, но уподобляет Его небесной жизни ту новую жизнь, которую мы с момента возрождения ведем на земле. И то, что он учит: **нам надлежит умереть для греха по Его примеру**, не следует понимать так, что смерть в обоих случаях одна и та же. Ибо мы умираем для греха, когда грех умирает в нас. Но со Христом было иначе: Он Своею смертью уничтожил грех. Сказав же ранее²⁰⁴, что мы верим в общую с Ним жизнь, словом “верим” он показывает, что говорит о благодати Христовой. Ибо если бы он говорил лишь о нашем долге, то смысл был бы такой: Поелику мы умерли со Христом, то и жить должны подобным Ему образом. Слово же “верим” означает, что речь здесь идет о вероучении, которое основано на обетовании, как если бы апостол сказал:²⁰⁵ верные должны знать, что они по Христову благоденствию так мертвы по плоти, что Тот же Христос будет до конца продлевать в них новую жизнь. Будущее же время глагола “жить” относится не к последнему воскресению, а просто означает постоянное течение новой жизни, покуда странствуем мы в мире сем.

11) *Так и вы почитайте.* Здесь добавлена та аналогия, о которой я уже говорил. Ибо сказав, что Христос однажды умер для греха и²⁰⁶ вечно живет для Бога, он применяет и то, и другое к нам²⁰⁷ и увещевает нас, говоря, что мы, живя, одновременно должны и умирать именно путем отречения от греха. Однако не упускает апостол и то, что, хотя умерщвление плоти только начинается в нас, мы, однажды приняв верою благодать Христову, тем самым истребили уже жизнь греха, чтобы духовное обновление, даруемое нам Богом, вечно в нас продолжалось. Ибо если бы Христос не уничтожил в нас грех раз и навсегда, благодать Его была бы нестойкой и нетвердой. Итак, смысл слов следующий: почитайте, что дело²⁰⁸ обстоит в вас таким образом, что, как Христос однажды умер²⁰⁹ для изничтожения²¹⁰ греха, так и вы однажды умерли, чтобы перестать впредь грешить; более того, надо постоянно пребывать в том умерщвлении, которое в вас начато, покуда грех полностью в вас не истребится. Как Христос воскрес к нетленной жизни, так и вы по благодати Божией возрождены, чтобы проводить всю жизнь в святости и праведности²¹¹, поелику вечна и постоянно действенна та сила Святого Духа, которой вы возрождены. Впрочем, я предпочел бы сохранить слова самого Павла: “во Христе Иисусе”, нежели перевести с Эразмом: “через Христа”, ибо тем самым лучше будет выражено то привитие, которое делает нас со Христом единым целым.

12. Итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; 13. и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но предавайте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности.

(12. Итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; 13. и не предавайте членов ваших греху в орудия неправедности, но предавайте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности.)

12) *Итак, да не царствует.* Теперь приводит он увещевание, непосредственно следующее из его учения о нашем со Христом общении²¹². То есть, что, хотя грех и остается в нас, было бы абсурдом, если бы он процветал²¹³ и осуществлял над нами власть. Поелику над ним должна господствовать сила освящения, дабы жизнь наша сама засвидетельствовала, что мы воистину члены [тела] Христова. До этого²¹⁴ я уже говорил,

²⁰⁴ Сказав, что мы веруем, что будем жить.

²⁰⁵ В том смысле.

²⁰⁶ Ныне.

²⁰⁷ Приспосабливает. А именно, если верою мы принимаем благодать Христову, умерщвление нашей плоти будет навеки утверждено, так что его не надо будет начинать заново. Затем, что духовная жизнь, являясь божественной, будет длиться вечно. Ибо иначе в ней было бы мало надежности. Поэтому Павел всегда отсылает нас к ранее приведенному подобию.

²⁰⁸ Говорит.

²⁰⁹ То есть, в наказание за грех.

²¹⁰ Дабы умереть для греха.

²¹¹ Вечной силою Божией.

²¹² Во Христе участии.

²¹³ Не должен процветать он.

²¹⁴ Тело презрительно называет он смертным, дабы научить, что вся человеческая природа склонна к смерти. Ибо думаю я.

что слово “тело” не следует понимать как плоть, кожу и кости, но как всю (так сказать)²¹⁵ человеческую массу. И это можно определеннее установить из настоящего места: поелику вторая часть предложения, о частях тела, распространяется также и на душу. Павел так ярко описывает мирского человека, ибо порча нашей природы не оставляет нам надежду на что-либо достойное в нас самих. Так и Бог, Быт.6:3, жалуясь, что человек сделался такой же плотью, как и бессловесные скоты, не оставил ему ничего, кроме земного. На это же направлено и изречение Христа: Рожденное от плоти есть плоть. Ибо, ежели кто возразит, что природа души все же иная, ответ готов: поелику ныне мы полностью выродились, души наши привязаны к земному и так привержены телам, что уже не ведают о своем превосходстве. Наконец, природа человеческая зовется здесь телесной, поелику, лишенная небесной благодати, является лишь некой лживой тенью. Добавь к этому, что Павел презрительно зовет тело сие смертным, дабы научить, что вся человеческая природа склонна ко смерти и погибели. Называет же он грехом ту первую внедренную в души испорченность, которая подталкивает нас ко греху и от которой в собственном смысле проистекают все злодеяния и пороки. Между этим грехом и нами в середине поставляет он похоть, дабы грех занимал место царя, а похоть была как бы его указами и велениями.

13) *И не предавайте членов ваших.* Там, где грех однажды воцарился в душе, все наши части постоянно употребляются ему на службу. Поэтому здесь апостол описывает царство греха, исходя из его последствий, дабы лучше показать, что надлежит нам делать, ежели хотим сбросить с себя его иго. Использует же сравнение, взятой из военного дела, называя члены наши оружием. Как бы говорит: подобно тому, как воин всегда готовит свое вооружение, чтобы использовать его всякий раз, когда прикажет ему военачальник (и пользуется им лишь по его приказу), так и христиане должны почитать члены свои оружием духовной брани. Итак, если каким-либо членом они злоупотребляют, то совершают грех. Ведь поступили они на службу²¹⁶ Богу и Христу, чем и обязали самих себя. Итак, подобает им удаляться от всякого общения с греховным лагерем. И пусть увидят некоторые, как вредят они христианскому имени, те, члены которых, словно служки сатаны, всегда готовы на всякую гнусность. Вопреки сему апостол велит нам всецело предавать себя Богу. А именно: чтобы, удерживая помыслы свои от всякого блуждания, в которое нас вовлекают похоти плоти, взирали мы на одну лишь волю Божию, внимая Его приказам и исполнившись готовности исполнять Его заповеди. Чтобы члены наши были посвящены и отданы в Его распоряжение, и все наши душевные и телесные способности не стремились не к чему иному, кроме Его славы. И приводится причина: ведь не напрасно Господь, упразднив прежнюю жизнь, создал нас для новой, которую должны сопровождать и новые дела.

14. Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. 15. Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. 16. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности? 17. Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. 18. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности.

(14. Грех не будет над вами господствовать. Ибо вы не под законом, но под благодатью. 15. Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. 16. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или греха к смерти, или послушания к праведности? 17. Благодарение же Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от души стали послушны тому образу учения, которому предали себя. 18. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности.)

14) *Грех не должен над вами господствовать.* Здесь не надо останавливаться на том, чтобы приводить и опровергать те толкования, которые не содержат в себе даже малейшей толики истины. Но одно может считаться более вероятным, чем все остальные: оно полагает, что фраза “под законом” означает пребывание под буквою закона, не обновляющей душу. Так что быть под благодатью означает²¹⁷ освободиться Духом благодати от порочных вожделений. Однако я не вижу доказательств подобного толкования. Ибо ежели мы примем этот смысл, на что направлен тогда следующий за этим вопрос? Будем ли грешить, потому что мы не под законом? Ведь апостол никогда бы не добавил этого вопроса, если бы не понимал, что мы избавлены от строгости закона, так что Бог уже не обращается с нами по полной справедливости. Поэтому несомненно, что хочет он здесь обозначить некое освобождение от Господнего закона. Опустив же пререкания, кратко скажу, что думаю по этому вопросу.

Кажется мне, что здесь имеется утешение, коим верные укрепляются, дабы не устали они стремиться к святости из-за ощущения своего бессилия. Апостол ободряет всех употреблять способности свои на службу

²¹⁵ Употребил это слово, поелику согласно.

²¹⁶ Служение ... и обязываются.

²¹⁷ Обозначает.

праведности. И поелику несут они в себе также остатки плоти, то с необходимостью должны несколько хромать. Посему, дабы не сломались²¹⁸ они от осознания своей немощи и не пришли в отчаяние, апостол своевременно спешит им на помощь и приводит на вид утешение, почерпнутое из того, что уже не требуются от них дела, отвечающие суровой проверке закона, но Бог принимает эти дела благосклонно и милостиво, забыв про их нечистоту. Иго закона невозможно нести так, чтобы оно не сломало и не сокрушило того, кто его несет. Итак, остается, чтобы верные прибегли ко Христу и умолили Его, как защитника их свободы. Он Сам и выставляет Себя в таковом качестве. Ибо потому и покорился рабству закона, которому не был ничего должен, чтобы искупить тех, кто находился под законом, как апостол и говорит в Послании к Галатам (Гал.4:5).

Итак, не быть под законом означает не только то, что уже не повелевает нами его мертвая буква, навлекающая на нас вину, поелику не можем мы ее исполнить, но также и то, что мы уже не подвержены закону как требующему совершенной праведности и угрожающему смертью всем, кто хоть на малую толику от нее отступит. Таким же образом под благодатью разумею мы обе части искупления, то есть: отпущение грехов, коим Бог вменяет²¹⁹ нам праведность, и освящение духа, которым приготовляет²²⁰ нас к добрым делам. Противительная же частица [*ἀλλὰ* – но; - прим. пер.], думаю²²¹, помещено здесь как означающее причину, что бывает довольно часто. Апостол как бы говорит: Поелику находимся мы под благодатью, то не находимся под законом.

Теперь смысл весьма ясен. Ибо он хочет утешить нас, дабы не унывали²²² мы в добродетели, поелику еще чувствуем в себе множество недостатков. Как бы не мучались мы от жала греха, не может он покорить нас, потому что побеждаем мы его Духом Божиим, и, кроме того, находясь под благодатью, мы освобождены от строгих требований закона. Здесь надобно уразуметь, что именно апостол считает за данное, а именно, что все, кто лишен благодати Божией, удерживаются под ярмом закона и подлежат осуждению. Посему вполне допустимо рассуждать здесь от противного: что люди, покуда пребывают под законом, покорны владычеству греха.

15) *Что же?* Поелику мудрость плоти постоянно искажает тайны Божии, по необходимости апостол добавляет²²³ сей вопрос. Ибо, поскольку закон²²⁴ является правилом доброй жизни и дан людям для руководства, мы думаем, что по его отмене уничтожается всякая дисциплина, упраздняются все запреты, и уже не остается никакого различия между добром и злом. Но ошибаемся мы в том, что по упразднении закона отменяется также та праведность²²⁵, которую Бог устанавливает в законе. Ибо сие не относится к заповедям правой жизни, которые Христос не только не отменяет, но скорее подтверждает и узаконивает. И решение сего вопроса следующее: устраняется одно только проклятие, которому подвержены были все смертные, лишенные благодати. Павел же, хотя и не говорит этого открыто, однако косвенно на сие намекает.

16) *Никак. Неужели вы не знаете.* И это не только отвержение самой постановки вопроса, как думают некоторые, словно апостол хотел скорее упрекнуть за сей вопрос, нежели на него ответить. Ведь сразу же после следует²²⁶ опровержение, исходящее из природы противоположных вещей, в таком вот смысле: между игом Христовым и игом греха столь много различий, что никто не может нести их одновременно. Ежели мы грешим, порабошаем себя греху. И наоборот, верные искуплены от тирании греха, дабы служить²²⁷ Христу. Итак, невозможно им пребывать побежденными грехом. Однако нить рассуждения сего, насколько Павел ей следует, у нас еще будет время обсудить подробнее²²⁸.

Кому повинуетесь. Сие относительное местоимение равнозначно здесь слову, обозначающему причину, как можно увидеть и в других местах. Как если бы²²⁹ кто сказал: Нет такого рода преступления, который бы не совершил отцеубийца, тот, кто не усомнился соделать сие самое тяжкое преступление и безумство, приводящее в ужас даже зверей. И довод Павла частично истекает из следствий, а частично из природы

²¹⁸ Затронулись.

²¹⁹ Вменяется праведность от Бога.

²²⁰ Возрождает.

²²¹ Принимаю.

²²² Ослабли.

²²³ Дабы упредить возможное абсурдное возражение.

²²⁴ Плоть думает, что закон упорядочивает жизнь.

²²⁵ Поелику упраздняется одно лишь проклятие. Итак, апостол отвечает.

²²⁶ Добавляется.

²²⁷ Да служат. Итак, грех следует избегать.

²²⁸ Увидим подробнее.

²²⁹ Дабы.

соотнесенных вещей. Ибо, во-первых,²³⁰ ежели они повинуются, отсюда следует, что они рабы, поелику послушание их свидетельствует²³¹ о том, что обладает правом приказывать тот, кто заставляет их себе повиноваться. Сей довод исходит из последствий рабства, а из него рождается второй довод: Ежели вы рабы, то грех, наоборот, является вашим господином.

Или послушания. Здесь апостол выражается не вполне точно. Ибо, ежели хотел бы он согласовать одну часть с другой, должен был бы сказать: или послушания в жизнь. Однако, поскольку перемена слов никак не мешала уразумению сути, он предпочел именем послушания выразить сущность праведности. В чем, однако, имеется метонимия, поелику послушание обозначает здесь заповеди Божии. Поместив же слово сие без всяких прилагательных, он дал понять, что один лишь Бог и есть Тот Господин, власти Которого покоряется наша совесть. Поэтому послушание, даже без упоминания об имени Божиим, относится здесь к Богу. Ведь ни к кому другому оно не может относиться.

17) *Благодарение Богу.* Здесь мы видим, как апостол использует сравнение для подкрепления своего довода. Во-первых, – поелику надобно было наставить верующих в том, что они уже не рабы греху, – приводит он благодарение, коим учит, что принадлежит сие не их заслуге, а особому божественному милосердию. И одновременно: дабы научились они самим этим благодарением, сколь великое благодеяние оказал им Бог, и еще больше воодушевились²³² им к отвержению греха. Ибо он воздает благодарение не за то время²³³, когда еще были они рабами греха, но за последующее избавление их, когда перестали они быть теми, кем были прежде. Об этом и говорит подразумеваемое им сравнение предыдущего состояния с состоянием теперешним. Ибо апостол обуздывает клеветников благодати Христовой, показывая, что по ее устранении весь человеческий род был бы пленником греха. Когда же явила себя благодать сия, прекратилось царство греха. Отсюда можно заключить, что мы не для того избавляемся от рабства греху, чтобы и далее грешить. Поелику закон не прежде лишается своей власти, чем овладевает нами благодать Божия, дабы восстановить в нас праведность. Поэтому²³⁴ невозможно нам покоряться греху, когда царствует в нас благодать Божия. Ибо мы уже сказали ранее, что именем благодати означает здесь Дух возрождения.

Стали послушны. Здесь Павел противопоставляет сухой букве таинственную силу Духа, словно говорит: Христос лучше преображает душу изнутри, чем закон понуждает ее угрозами и страхом. Так рассыпается та клевета, которая гласит: ежели Христос избавляет нас от покорности закону, значит дается нам дозволение грешить. Ведь искупает Он своих не для необузданной вседозволенности, дабы без стеснения разыграли они, словно отпущенные на волю кони, но приводит их к законному образу жизни. Хотя Эразм и предпочел привести здесь текст согласно древнему переводу, я вынужден был сохранить слова, употребляемые Павлом, если только кто-нибудь не захочет разуть их как образ. Ибо мне кажется, что здесь означает²³⁵ яркий образ праведности, которую Христос начертывает на наших сердцах. И она отвечает предписанию закона, с которым надлежит нам соотносить наши поступки, дабы не отклонялись мы от него ни в право, ни в лево²³⁶.

18) *Освободившись же от греха.* Смысл таков: абсурдно, чтобы после освобождения кто-нибудь оставался бы в рабстве. Ибо должен он блюсти воспринятый им статус свободного человека. Итак, не подобает возвращаться нам под власть греха, от которой избавлены мы Христовым отпущением. Доказательство исходит здесь от производящей причины. А за ним следует и другое, исходящее из целевой причины. Для того искуплены вы от рабства греху, чтобы перейти в царство справедливости. Так подобает вам совершенно забыть о грехе и всей душою обратиться к праведности, к повиновению которой привел вас Христос. Следует также отметить, что никто не может служить праведности, если Бог прежде не освободит его силою и благодатью²³⁷ от тирании греха. Как свидетельствует и Сам Христос (Ин.8:36): Если Сын освободит вас, воистину свободны будете. Где же тогда то приготовление силою свободной воли, ежели начало добра проистекает из избавления, совершаемого лишь по благодати Божией?

19. *Говорю по рассуждению человеческого, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые.*

²³⁰ Ведь, говорит, кому повинуетесь, того вы и рабы.

²³¹ Говорит.

²³² Еще ревностнее отвергали грех.

²³³ Не за то, что были, а за то, что перестали быть.

²³⁴ Ибо.

²³⁵ Захотел предписание слова Божия.

²³⁶ Да не уклоняемся.

²³⁷ Милостью.

(19. Говорю по-человечески, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию, для беззакония, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности, для освящения.)

19) *Говорю по рассуждению человеческого.* Апостол говорит по-человечески не в отношении сути сказанного, а в отношении его формы. Как и Христос в Ин.3:12 говорит, что преподает им земное, хотя рассуждает при этом о небесных тайнах. Однако делает это не так торжественно, как требовало достоинство самой вещи, дабы приспособиться к восприятию неученого и тугодумного народа. Апостол говорит так, дабы лучше показать, сколь груба и нелепа та клевета, которая воображает, что свобода, порожденная Христом, дает дозволение грешить. И одновременно увещевает верных, что ничто так не абсурдно и не постыдно, как духовную благодать Христову ценить меньше, чем земное избавление. Как бы говорит: Я мог бы из сравнения греха и праведности показать вам, насколько ревностнее должны вы покоряться второй, чем покорялись первому. Но чтобы как-то снизить до вашей немощи, опускаю я это сравнение. Однако же, чтоб обойтись мне с вами с высочайшим снисхождением, я должен, по крайней мере, потребовать то, чтобы служили вы праведности не с большей леностью и прохладой, чем повиновались греху. Здесь имеется некий вид умолчания, когда мы подразумеваем нечто большее, чем выражаем словами. Апостол увещевает слушателей, что их послушание праведности должно быть тем ревностнее, чем достойнее она греха, хотя на словах он и не говорит это прямо.

Как предавали вы. То есть, поскольку ранее все члены²³⁸ ваши были готовы повиноваться греху²³⁹, то отсюда легко можно заключить, в сколь бедственном положении держала вас порочность вашей плоти. Ныне же окрылитесь и воспряньте для повиновения Богу. И пусть ныне сила к деланию добра не будет меньшей той, которая была раньше к деланию зла. Здесь апостол не соблюдает порядок противопоставления и не согласует его отдельные части, как поступает он и в 1Фес.4:7, противопоставляя святости нечистоту. Однако же смысл вполне ясен. Во-первых, являет он нам два образа: нечистоты и неправедности, из которых первый противопоставляет чистоте и святости, а второй – относится к тому вреду, который им наносится. Затем дважды повторяет имя неправедности, но в разном смысле. Вначале означает им хищения, обман, клятвопреступления и всякий род беззакония. Потом всеобщую порочность жизни, как если бы было сказано: осквернили вы ваши члены, совершая неправедные дела, так что процветает в вас царство неправедности. Праведность я толкую, как закон и правило праведной жизни, цель которой состоит в освящении, дабы верные в чистоте посвящали себя божественному поклонению.

20. Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. 21. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их смерть. 22. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. 23. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

(20. Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. 21. Какой же плод вы имели тогда в том, чего ныне сами стыдитесь? Потому что конец этого смерть. 22. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, имеете плод в святость, а конец – жизнь вечную. 23. Ибо плата за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.)

20) *Когда вы были рабами греха.* Апостол еще раз говорит о несогласии между праведностью и ярмом греха, о котором упомянул ранее. Ибо грех и праведность суть вещи настолько противоположные, что тот, кто посвящает себя одной из них, с необходимостью отходит от второй²⁴⁰. А из этого вытекает, что ежели рассматривать их по отдельности, будет яснее видно, что следует от них ожидать. Ибо различие проливает больший свет на рассмотрение природы каждой из вещей. Итак, в одном месте поставляет он грех, а в другом – праведность. И, установив между ними различие, показывает, что следует с той и другой стороны. Посему будем помнить, что апостол следующим образом доказывает здесь от противного: покуда были вы рабами греха, то были свободны от праведности, ныне же, по выпавшему вам жребию, надлежит вам служить праведности, поелику избавлены вы от ярма греха. Называет же свободными от праведности тех, кто никакой уздой послушанию не вынуждается к почитанию праведности. Такова вседозволенность плоти, которая так избавляет нас от повиновения Богу, что подчиняет одновременно дьяволу. Итак, несчастна и проклята та свобода, которая с разнузданным, или скорее безумным упорством толкает нас на погибель.

21) *Какой же плод.* Апостол не мог сильнее выразить желаемую им мысль, нежели воззвав к совести слушателей, как бы исповедав от их лица свой позор. Ибо благочестивые, как только начинают просвещаться Духом Христовым и проповедью Евангелия, с готовностью осуждают свою предыдущую жизнь, которую прожили вне Христа, и, не пытаясь как-либо оправдываться, скорее стыдятся самих себя.

²³⁸ С великой окрыленностью предоставляли себя.

²³⁹ Так же и ныне предоставьте себя на служение Богу.

²⁴⁰ Отвергнуть общение с другой.

Более того, они постоянно вспоминают о сем позоре, дабы, пристыженные таким образом, лучше и охотнее могли смиряться перед Богом. Для них не ненавистны слова апостола, когда он говорит “ныне стыдитесь”, ибо намекает на то, сколь больны мы были слепой любовью к себе, когда пребывали во тьме греха и не замечали в себе толикую грязь. И только свет Господень может открыть нам очи, дабы могли они узреть таящуюся в нашей плоти нечистоту. Итак, начала христианской философии усвоил тот, кто воистину научился не нравиться самому себе и стыдиться своего несчастья. Наконец, апостол, исходя из последствий, еще яснее показывает, насколько сильно должны стыдиться те, кто понимает, что был у самого края смертной и губительной пропасти, более того, уже вошел бы во врата смерти, если бы не был исхищен из них по милосердию Божию.

22) Плод ваш есть святость. Подобно тому, как ранее апостол установил двойственную цель греха, так же теперь он говорит о двойственной цели праведности. Грех приносит в сей жизни мучения порочной совести, а затем вечную смерть. Настоящий же плод праведности, освящение, мы собираем [уже в этой жизни], а в будущем надеемся и на жизнь вечную. Все это, ежели не глупы мы сверх меры, должно вызывать в наших душах ненависть и ужас ко греху, а также любовь и желание праведности. То же, что некоторые переводят *τελος* как “плата”, я считаю не соответствующим мысли апостола. Ибо даже если и истинно, что платим мы за грех сметной карой, однако сей глагол не будет отвечать второму члену предложения, добавленному Павлом. Ибо жизнь не называется платой за праведность.

23) *Ибо возмездие за грех*²⁴¹. Есть такие, кто думает, что Павел, сравнивая смерть с приварком, хотел сказать, сколь скудная палата полагается грешникам. Ибо у греков слово *сие* иногда означает продовольствие, выдаваемое солдатам²⁴². Но кажется, что апостол скорее обуздывает слепые желания тех, кто губительно ловит всякий повод ко греху, как человек ловит рыбу. Однако еще проще будет понимать *сие* слово как “воздаяние”, ибо смерть для отверженных есть более, чем достойное вознаграждение. Это – заключение и как бы эпилог предыдущего предложения²⁴³. Однако апостол не напрасно повторяет разными словами одну и ту же мысль: но, удвоив наш страх, хочет сделать грех еще более отвратительным.

А дар Божий. Заблуждаются те, кто понимает *сие* предложение так: жизнь вечная есть дар Божий, словно праведность здесь является субъектом, а дар Божий – предикатом, ведь смысл здесь никак не связан с предикацией. Однако апостол, научив уже, что грех не порождает ничего, кроме смерти, теперь добавляет, что дар Божий, то есть наше оправдание и освящение, приносит нам блаженство вечной жизни. Или если тебе угодно, подобно тому как смерть является причиной греха, праведность, которая даруется нам через Христа, восстанавливает для нас вечную жизнь. Однако отсюда также следует надежнейший вывод: все наше спасение принадлежит благодати Божией и Его чистому благоволению. Ибо иначе апостол мог бы сказать, что плата за праведность – жизнь вечная, чтобы одна часть предложения соответствовала другой. Однако он знал, что даром Божиим, а не нашей заслугой является то, что обретаем мы праведность. И *сие* вовсе не обычный дар, ибо примиряемся мы с Богом, облеченные в праведность Его Сына, и возрождаемся к святости силою Духа. Поэтому и добавил он – “во Иисусе Христе”, дабы отвлечь нас от всякого рассмотрения собственного достоинства.

Глава 7

1. Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? 2. Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества. 3. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, выйдя за другого. 4. Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.

(1. Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? 2. Женщина, подчиненная мужу, привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона мужа. 3. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, дабы не быть прелюбодейцею, выйдя за другого. 4. Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.)

²⁴¹ Итак, я никак не согласен с теми, кто считает, что апостол использовал это слово для обозначения скудости платы, назвав ее *οψωνία*.

²⁴² Ибо что касается величины награды, то она вполне достаточна. Посему я понимаю это слово в общем смысле, как означающее плату.

²⁴³ Которое следует непосредственно перед ним.

Хотя апостол уже достаточно (и как бы вкратце) разрешил вопрос об отмене закона, поелику вопрос этот и сам по себе труден и может породить множество других вопросов, теперь подробнее говорит он о том, в каком именно смысле закон отменен для нас. А затем показывает, насколько способствует сие нашему благу. Поелику закон, удерживая нас в подчинении вне Христа, мог только нас осудить. И дабы никто не обвинил в этом сам закон, апостол отвечает и опровергает возражения плоти там, где изящно и подробно говорит об употреблении закона.

1) *Разве вы не знаете.* Общее положение состоит в том, что закон дан людям только с той целью, чтобы руководить ими в настоящей жизни. У мертвых же ему не остается никакого места. Впоследствии апостол добавляет к этому положение, что мы умерли для закона в теле Христовом. Некоторые разумеют так, что власть закона продолжается до тех пор, пока имеет силу его применение. Однако, поскольку мнение это весьма туманно и не вполне соответствует следующему за этим положению, я предпочел бы согласиться с теми, кто относит сказанное к жизни мужа, но не закона. И сам вопрос весьма действен для утверждения той несомненности, о которой идет речь. Ибо апостол показывает, что это не ново и не неизвестно для них, но признается за данное всеми людьми.

2) *Ибо говорю знающим закон.* Это взятое в скобки предложение следует относить к тому же, к чему относится и все утверждение, как если бы апостол сказал: ему известно, что они не настолько неопытны в законе, чтобы сомневаться по этому поводу. Хотя сие можно относить ко всем законам вообще, достаточно разуметь здесь лишь закон Божий, о котором и идет речь. То же, что некоторые думают, будто знание закона приписано римлянам потому, что правили они властью своею над большей частью мира, звучит по-детски. Ибо апостол обращается отчасти к иудеям и другим пришельцам, а отчасти к плебейм и неученым людям. Более того, он имеет в виду прежде всего иудеев, коих и затрагивал вопрос об отмене закона. И дабы те не подумали, что он с ними хитрит, апостол показывает, что провозглашает вполне всеобщий и всем известный принцип, о котором не могли не знать те, кто с детства обучался закону и в нем воспитывался.

3) *Замужняя женщина.* Добавляет он это, дабы показать, что мы так избавлены от закона, что он по праву уже не имеет над нами никакой²⁴⁴ власти. Хотя²⁴⁵ он мог сие доказать и иным образом, но, поскольку пример этот лучше всего иллюстрирует обсуждаемый вопрос, апостол добавил его ради вящего подтверждения своей мысли. Впрочем, дабы кто не смутился тем, что сравниваемые вещи не вполне соответствуют друг другу, следует отметить, что апостол немного ушел в сторону для смягчения жесткости своей речи. Излагая сравнение по порядку, он должен был бы сказать: женщина после смерти мужа освобождена от брачных уз, а закон, занимающий по отношению к нам место мужа, для нас умер. Следовательно, мы свободны от его власти. Однако, дабы не оскорбить иудеев жесткостью речи, сказав, что закон для нас умер, он обратил фразу, заявив, что мы умерли для закона. Некоторым кажется, что он доказывает здесь от меньшего к большему, но, опасаясь натянутости, я предпочитаю прежний, более простой смысл.

Итак, все доказательство можно свести к следующей цепочке:

Жена по закону покорна живому мужу так, что не может уйти к другому. После же смерти мужа избавляется от уз закона, дабы свободно могла выйти замуж за того, за кого хочет. А затем следует вывод: Закон был для нас словно муж, под игом которого мы жили, пока он не умер для нас. После же закона нас воспринял Христос, то есть Он соединил с Собой тех, кто освободился от закона.

Итак, обрученные с воскресшим из мертвых Христом, должны мы лишь к Нему прилепляться, и, поскольку жизнь Христова после воскресения вечна, посему в будущем уже не будет никакого развода.

Далее, название закона здесь используется не в одном и том же смысле, но в одном месте означает взаимное брачное право, в другом – власть мужа, которой покоряется жена, в третьем – учение Моисеево. И следует думать, что Павел говорит здесь о той лишь части, которая свойственна Моисееву служению. Поелику Бог дал нам десять заповедей, говорящих о том, что правильно и как следует жить, не подобает нам мечтать об отмене сего закона, ибо воля Божия утверждена навечно. Посему²⁴⁶ будем помнить, что освобождение сие касается не самой той праведности, которой учит закон, а суровости его требований и следующего за сим проклятия. Итак, правило доброй жизни, предписанное законом, не отменено. Но отменено то его свойство, которое противостоит обретенной Христом свободе, а именно: то, что закон требует наивысшего совершенства; и поскольку мы его не демонстрируем, делает нас повинными вечной смерти. Впрочем, поскольку апостол не хотел здесь отвлекаться на то, что относится собственно к брачному праву, то не беспокоился он о строгом перечислении всех случаев, освобождающих жену от власти мужа. Посему было бы неправильно пытаться извлечь отсюда учение о браке.

²⁴⁴ Не обязаны мы ему повиноваться.

²⁴⁵ И иначе мог бы доказать утверждаемое им.

²⁴⁶ Далее.

4) *Телом Христовым*. Во-первых²⁴⁷, Христос, получив крестный трофей, восторжествовал над грехом, но чтобы достичь сего, надо было разорвать рукописание, объявлявшее нас виновными. Рукописанием тем был закон, который, покуда имел силу, делал нас повинными в грехе. Посему и называется он силою греха. Итак, упразднением сего рукописания освобождены мы были телом Христовым, повешенным на древе. Однако апостол идет дальше и говорит, что узы закона отменены не для того, чтобы мы жили по собственному разумению, как распоряжается сама собой вдова, не вышедшая замуж вторично, но что мы уже связаны с другим мужем, более того, перешли от закона ко Христу, как бы из рук в руки. Между прочим, смягчает он жесткость своего утверждения, говоря, что Христос, дабы привить нас к Своему телу, избавил нас от ига закона. Ибо, если Христос и покорился закону на время, не справедливым было, однако, чтобы закон над Ним властвовал. Далее, ту свободу, которая в собственном смысле принадлежит Ему Одному, Он сообщает также Своим членам. Посему не стоит удивляться, ежели избавил Он от ярма закона тех, кого связал с Собою священными узами, дабы были они едины с телом Его.

Воскресшему из мертвых. Уже сказали мы, что Христос занял для нас место закона, дабы кто не вообразил свободу вне Христа, и не покушался развестись с законом, еще не умерев для него. Апостол пользуется сим перифразом для показа вечности той жизни, которую Христос получил²⁴⁸ по Своему воскресению, дабы христиане знали: союз с Ним является вечным. О духовном союзе Христа со Своей Церковью подробнее смотри в Еф., Гл.5.

Да приносим плод Богу. Апостол всегда приводит целевую причину, чтобы не дать повод плоти своей²⁴⁹ к вседозволенности и похоти²⁵⁰ под тем предлогом, что Христос избавил нас от рабства закону. Ибо²⁵¹ принес Он нас с Собою в жертву Отцу и возрождает нас для той цели, чтобы новизной своей жизни приносили мы плод Богу. Знаем же мы, какие плоды требует от нас небесный Отец, а именно: плоды святости и праведности. И не противоречит нашей свободе то, что служим мы Богу. Более того²⁵², если хотим мы пользоваться этим Христовым благодеянием, не позволительно нам мыслить ни о чем, кроме продвижения славы Божией, для чего и воспринял нас Христос. Иначе остаемся мы не только под властью закона, но и под господством греха и смерти.

5. Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти; 6. Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.

(5. Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, возникающие через закон, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти; 6. Но ныне освобождены мы от закона, в котором удерживались, умерши для него, чтобы нам служить в обновлении духа, а не по ветхой букве.)

5) *Ибо, когда*. Апостол показывает здесь от противного, сколь скверным образом ревнители закона еще удерживают верных под его властью. Ибо, покуда господствует и процветает буквальное законническое учение без Христова духа, похоть плоти не сдерживается, но скорее возбуждается. Откуда следует, что царство праведности не утвердится по тех пор, пока Христос не освободит нас от закона. Одновременно Павел учит, какие дела подобают тем, кто избавлен от закона. Итак, покуда человек удерживается под ярмом закона, то, постоянно греша, не обретает он ничего, кроме смерти. Но если закон рабства порождает одни лишь грехи, то избавление от него, наоборот, должно вести нас к праведности. Если закон вел к смерти, то избавление ведет к жизни. Но размыслим над собственными словами Павла. Желая описать то время, когда покорны мы были власти закона, говорит, что тогда мы жили по плоти. Откуда разумеем, что все те, кто находится под законом, получают от него лишь то, что слышат его внешние повеления²⁵³ без какого-либо плода и результата. Ведь лишены они Духа Божия. Посему необходимо им оставаться²⁵⁴ полностью порочными и извращенными, покуда не придет лучшее врачевство для исцеления их недуга. И отметить выражение, обычно употребляемое Писанием: жить по плоти, то есть быть наделенным одними лишь природными дарованиями, без особой благодати, коей Бог наделяет Своих избранных. Далее, если вся настоящая жизнь заключена только в пороке, отсюда явствует, что никакая часть души не является по природе целомудренной, и сила свободной воли состоит лишь в том, чтобы, словно стрелы, метать во все стороны превратные страсти.

²⁴⁷ Ибо.

²⁴⁸ Имеет.

²⁴⁹ Нашей.

²⁵⁰ Не думали мы, что

²⁵¹ Причина же приносить Ему плод в том, что приобрел нас Себе и неким образом присвоил.

²⁵² Итак.

²⁵³ Научаются им извне.

²⁵⁴ Быть.

Страсти греховные, обнаруживаемые законом. То есть, закон возбуждает в нас превратные страсти, действующие²⁵⁵ во всех частях нашей сущности. Ибо нет такой части, которая не служила бы извращенным страстям. В этом и состоит дело закона, ежели внутрь нас не войдет учитель Дух, то есть: еще больше возжигать²⁵⁶ сердца наши, дабы кипели они подобными похотями. Однако заметь, что здесь закон сравнивается с порочной человеческой природой, извращенность которой безумствует тем сильнее, чем больше обличается укорами справедливости. Затем апостол добавляет²⁵⁷: покуда плотские страсти господствуют под властью закона, они приносят плод к смерти, показывая тем самым, что закон сам по себе для нас смертелен. Откуда явствует, как неразумны те, кто столь сильно желает для себя сего смертоносного рабства.

6) *Но ныне, ... освободились.* Здесь апостол следует своему доказательству от противного: ежели узы закона до сих пор были бессильны²⁵⁸ обуздать плоть, и скорее являлись побуждением ко греху, отсюда следует, что нас надо было освободить от этих уз, дабы мы перестали грешить. Если же для того были избавлены мы от рабства закону, чтобы служить Богу, значит гнусно поступают те, кто выводит отсюда позволение грешить. И нечестиво говорят учащие, что узда для похоти тем самым ослаблена. Итак, заметь, что мы только тогда освобождаемся от закона, когда, избавившись от его суровых требований и проклятия, наделяемся от Бога Его же Духом, дабы ходить нам путями Его.

Умерши. Эта фраза исполнена смысла и показывает способ, коим мы избавляемся от закона, а именно: когда закон настолько упраздняется для нас, что мы уже не тяготимся его нестерпимым игом, и его неумолимая суровость не насылает уже на нас проклятия.

В обновлении духа. Дух противопоставляет он букве, ибо прежде чем воля наша будет преобразована Духом Святым, чтобы соответствовать воле божественной, не имеем мы в законе ничего, кроме внешней буквы, которая налагает узду на внешние наши поступки, но никак не сдерживает ярость нашей же похоти. Духу же он потому приписывает обновление, что заступает Он на место ветхого человека, так что и сама буква зовется ветхой, умирая при духовном возрождении.

7. *Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай.* 8. *Ибо грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание.*

(7. *Что же скажем? Неужели закон есть грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не знал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай.* 8. *Ибо, взяв повод от заповеди, грех произвел во мне всякое пожелание.*)

7) *Что же.* Поелику сказано, что нам надлежит освободиться от закона, дабы служить Богу в обновлении Духа, кажется, что в законе имеется некий порок, будто закон толкает нас ко греху. Однако, поскольку сие совершенно абсурдно, апостол по праву приступает здесь к опровержению сего мнения. Спрашивая, является ли закон грехом, имеет в виду следующее: порождает ли закон грех таким образом, что вину за грех следует приписать закону?

Но я иначе узнал грех. Итак, грех пребывает в нас, а не в законе, поелику причина его состоит в превратной похоти нашей же плоти. Однако²⁵⁹ приходим мы к познанию греха, узнав прежде о праведности Божией, объявленной нам в законе. Ибо ты не понимал бы без закона, какова разница между добрым и злым. Но мы либо предельно тупы²⁶⁰ и не видим собственной порочности, либо становимся глупыми, слушая льстивые речи, о чем будет сказано далее.

Ибо я не знал бы и пожелания. Итак, мы видим повторение предыдущего предложения, в котором апостол доказывает, что неведение греха, о коем шла речь, состоит именно в том, что не замечает он собственной похоти. Апостол сознательно говорит лишь об одной стороне дела, где лицемерие царит в наибольшей степени, лицемерие, связанное с успокоенностью и самопотворствованием. Ибо никогда люди не были настолько лишены рассудительности, чтобы не сохранить в себе некое различие своих же внешних дел. Более того, они так же вынуждены осуждать свои преступные замыслы, как и не могут не похвалить свою же правую волю. Однако порок похоти менее различим и запятан глубже в тайниках души. Откуда и

²⁵⁵ Воздействующие.

²⁵⁶ Возбуждать.

²⁵⁷ Ибо грешники могут лишь день ото дня все больше и больше навлекать на себя гнев Божий. Посему выше говорит апостол, что собирают они для себя сокровище гнева.

²⁵⁸ Ничего иного не производил, а только чтобы мы грешили, значит, потому освобождаемся.

²⁵⁹ Приходим же.

²⁶⁰ Глупы.

происходит, что он никогда не осознается, покуда люди судят о себе собственным умом. Апостол не хвалится тем, что лишен этого порока, но говорит, что потворствуют себе так, что по сути не вменяет себе этот порок. Ибо человек, обманываясь и не веря, что похоть мешает праведности, лишь тогда осознает себя грешником, когда видит, что похоть запрещается законом, та похоть, от которой не свободен никто. Августин говорит, что под этим словом Павел понимает весь закон, что истинно, если понимать сие в должном смысле. Ибо там, где Моисей показывает то, чего следует остерегаться, дабы не оскорбить нам ближнего своего, он подразумевает запрещение и самой похоти, относящейся ко всему запрещенному. Несомненно, что дальнейшими заповедями осудил бы он все превратные страсти, коими похотствуют души наши, однако же есть большая разница между сознательной волей и тлеющим в нас желанием. Итак, в последней заповеди Бог требует от нас такого целомудрия, чтобы порочная похоть не провоцировала нас ни на какое зло, даже если и не даем мы на него согласия. Поэтому я и говорю, что Павел здесь поднимается выше того, что вмещает обычное человеческое понимание. Ибо общественные законы заявляют, что наказывают за поступки, а не за помыслы. Также и философы тонко помещают в душе как добродетели, так и пороки. Однако Бог сею заповедью достигает той похоти, которая скрыта даже для воли. Поэтому и не считается она за порок. И не только среди философов считается она простительной. Сегодня и паписты упорно твердят, что в возрожденных эта похоть не является грехом. Однако Павел говорит, что постиг вину свою из сей скрытой болезни. Откуда следует, что все страдающие ею никак не достойны извинения, если только Бог не простит им их вины. Между тем надо отличать превратную похоть, доводящую до согласия с собою, от той похоти, которая так затрагивает и тревожит сердце, что останавливается как бы на половине.

8) *Взяв повод.* Итак, от греха и порочности плоти рождается все дурное, в законе же имеется лишь повод. Хотя может показаться, что говорит он лишь о побуждении ко греху, когда похоть наша возбуждается через закон, разжигаясь к большему безумию. Однако я отношу сие прежде всего к осознанию, как если бы было сказано: [закон] обнаружил во мне всяческое пожелание, которое, покуда оставалось сокрытым, казалось и вовсе отсутствующим. Но я не возражаю и против того, что плоть еще больше провоцируется законом к похоти, и выявляет себя также и на этом пути, что могло происходить и с самим Павлом. Однако сказанное мною о внешнем проявлении, кажется, больше подходит контексту данного места. Ибо апостол тут же добавляет.

Ибо без закона грех мертв. 9. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, 10 а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, 11. потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его. 12. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра.

(Ибо без закона грех мертв. 9. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, 10 а же умер; и заставил заповедь для жизни послужить мне к смерти, 11. потому что грех, взяв повод от заповеди, увел меня с пути и через это умертвил. 12. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра.)

Ибо без закона грех мертв. Здесь он яснейшим образом говорит о том, какой смысл имеет все сказанное выше. Как если бы сказал: без закона знание о грехе словно бы похоронено. Сие есть общее положение, к которому вскоре приводит поясняющий пример. Посему дивлюсь я, о чем думали переводчики, когда перевели это место в несовершенном прошедшем, как если бы Павел говорил здесь о себе. Ведь легко видеть, что он хотел начать с общего утверждения, а затем проиллюстрировать его на своем примере.

9) *Я некогда жил.* Апостол дает понять, что некогда было время, когда грех в нем был мертв. Не следует думать, что в прошлое время апостол жил без закона, ведь слово “жил” имеет здесь особое значение. Поелику отсутствие закона делало так, что он жил, то есть, надмевавшись своей праведностью, приписывал себе жизнь, будучи в то же время мертвым. Дабы же предложение стало более ясным, разумеете его так: Когда некогда был я без закона, то жил. Я утверждаю, что глагол несет здесь особое ударение, поелику, воображая себя праведным, он и приписывал себе жизнь. Итак, смысл в следующем: Когда грешил я, отложив знание о законе, тогда грех дремал, я не замечал его, и он казался почти что мертвым. Я же, напротив, поскольку не казался себе грешником, успокаивался, считая, что обладаю жизнью. Ибо смерть греха есть жизнь для человека. И наоборот, жизнь греха для человека – смерть. Однако спрашивается, когда было то время, в которое приписывал он себе жизнь через незнание или (как сам он говорит) отсутствие закона? Ибо несомненно, что был он наставлен в законе с младенчества, но то было буквальным знанием закона, не смиряющим его учеников. Ибо, как говорит он в другом месте (2Кор.3:14), перед иудеями висит покрывало, дабы не видеть им света в законе. Так и сам он, некогда лишенный Духа Христова, имел покрывало на своих очах, ублажая себя личиною внешней праведности. Итак, называет отсутствующим тот закон, который, хотя и был перед глазами, не затрагивал его мыслью о суде Божиим. Так засланы покрывалом и очи лицемеров, дабы не видели они, чего именно требует заповедь, запрещающая нам вожделеть.

Когда пришла заповедь. Здесь он, наоборот, называет закон пришедшим, поелику начал он пониматься истинным образом. Итак, закон воскресил грех словно из мертвых, поскольку Павел обнаружил, какой порочностью исполнено его сердце, и одновременно умер сам. Будем же всегда помнить, что говорит он здесь о неразумном уповании, в котором почивают лицемеры, лстя себе и потакая своим грехам.

10) *И таким образом.* Здесь высказаны две вещи: заповедь показывает нам путь жизни в праведности Божией, и поэтому дана для того, чтобы, соблюдая закон Господень, достигли мы блаженной вечности, если не помешает нам наша порочность. Впрочем, поелику никто из нас не повинуется закону должным образом – так что мы, скорее, всеми силами стремимся на тот путь, с которого закон призывает нас сойти, – он и не может принести нам что-либо кроме смерти. Так надобно различать между природой закона и нашим пороком. Откуда следует, что случайно то, что закон наносит нам смертельную рану, подобно тому, как неизлечимая болезнь еще больше обостряется от спасительного врачевства. Я признаю, что случайность сия по сути неизбежна, и поэтому закон по отношению к Евангелию зовется служением смерти. Однако пребывает незыблемым то, что не по своей природе он приносит нам вред, но постольку, поскольку порочность наша заслуживает и навлекает на нас его проклятие.

11). *Обольстил меня*²⁶¹. Истинно то, что, хотя воля Божия и сокрыта от нас и не сияет нам никакое учение, все равно весь путь человека суетен и полон ошибок. Более того, покуда закон не покажет путь правильной жизни, мы можем лишь заблуждаться. Однако, поскольку лишь тогда начинаем мы чувствовать заблуждение, когда Господь понуждает нас к этому, возвысив Свой глас, то Павел справедливо говорит, что там, где обнаруживается грех, мы уводимся с правильного пути. Итак, глагол *ἐξαπατήν* следует разуметь не о самой вещи, а об ее знании, поелику через закон проясняется то, насколько уклонились мы от пути праведности. Поэтому необходимо перевести слово сие, как "увести с пути". Поскольку грешники, бывшие до этого спокойными, разумея, что идут они к смерти, начинают тяготиться и не нравиться самим себе тогда, когда скверна греха выставляется законом напоказ. Далее, слово "повод" внушает нам мысль, что закон сам по себе не смертоносен, но смертоносность его происходит от чего-то другого и является как бы приводящей.

12) *Посему закон свят.* Некоторые считают слова "заповедь" и "закон" повторением одного и того же. Я согласен с ними, однако утверждаю, что здесь содержится некое подчеркивание. То есть, сам закон, и все, что предписывается законом, все это свято, следовательно, достойно наивысшего уважения; справедливо – следовательно не содержит в себе ничего несправедливого; добро – следовательно лишено какого-либо порока. Так апостол защищает закон от всевозможных обвинений, дабы кто не дерзнул обвинить его в отсутствии благодати, справедливости и святости.

13. *Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди.*

(13. *Итак, доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, дабы явиться ему грехом, посредством доброго причиняет мне смерть, чтобы грех стал крайне грешен посредством заповеди.*)

Итак, неужели доброе. До сей поры апостол защищал закон от всяческой клеветы, однако так, что оставалось сомнение: не является ли сам закон причиной смерти? Более того, умы людские запутываются в этом вопросе: как могло произойти, что особое благодаяние Божие обернулось для нас одной лишь смертью? Итак, апостол отвечает теперь на сие возражение, отрицая, что из закона происходит смерть, хотя, навлекая на нас эту смерть, грех и берет от закона повод. Пусть данный ответ по виду и противоречит тому, что апостол сказал ранее, а именно, что он заставил заповедь, данную для жизни, обернуться ему к смерти, однако же на самом деле противоречия здесь нет. Ведь ранее он имел в виду, что по порочности нашей происходит то, что злоупотребляем мы законом к собственной гибели, против которой закон выступает по природе. Здесь же отрицает, что закон – это материя смерти, так что подобает его в ней винить. 2Кор.3:7 говорит о законе свободнее, называя его служением смерти. Однако же апостол поступает так, как обычно делают во время спора, подразумевая не природу закона, а ложное мнение о нем своих противников.

Но грех. Сохраняя все остальное, я считаю, что данное место следует читать, как я его перевел. Посему смысл таков: грех неким образом оправдывает себя, прежде чем обнаруживается законом. Когда же

²⁶¹ Ибо хотя все наши дела, даже когда от нас сокрыта воля Божия, полны ошибок, однако же тогда мы заблуждаемся как бы по неведению. Когда же вперед выступает закон, показывающий, каким путем надобно идти, то одновременно он показывает и наши ошибки, демонстрируя, насколько отошли мы от праведности, что и называется сойти с пути. Итак, грех, чтобы заставить нас заблуждаться, берет повод от закона. И отвращенных от пути жизни держит он запутанными в сетях смерти. Итак, следует, что закон не есть причина греха, но лишь повод к нему.

открывается он по пришествию закона, тогда в собственном смысле именуется грехом, и является тогда тем более преступным и (так сказать) греховным, что благодать закона обращает нас в погибель. Ибо весьма погибельной подобает быть той вещи, которая спасительное по природе превращает в приносящее вред. Смысл таков: надобно было законом открыть мерзость греха, поелику если бы грех не выявился столь жутким и страшным образом, он не считался бы грехом. Явление же его тем более ужасно, что жизнь он обращает нас в смерть. Посему устраняется возможность для всяческих извинений.

14. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. 15. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. 16. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, 17. а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

(14. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. 15. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. 16. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, 17. а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех.)

14) *Ибо знаем мы, что закон.* Теперь апостол приступает к более подробному описанию различия между законом и человеческой природой, дабы яснее уразумелось, откуда произошло зло смерти. Затем предлагает он пример возрожденного человека, в котором остатки плоти так противятся закону Господню, что дух, однако, охотно соглашается с законом. Но вначале (как уже сказали) сравнивает он с законом голую природу. Поелику же в человеческих делах нет большего разногласия, чем между духом и плотью, то закон объявляется духовным, а человек плотным. Итак, каково сходство человеческой природы с законом? Такое же, как света с тьмою. Далее, называя закон духовным, означает он не только то, что закон требует внутреннего сердечного чувства, как толкуют некоторые, но, будучи противопоставлением, слово “духовный” имеет значение противоположное слову “плотский”. Прежде место сие токовали так: закон духовен, то есть связывает не только в отношении внешних дел, но налагает узду и на сердечные чувства, требуя искренней любви к Богу. И так между плотью и духом выражается противопоставление. Однако из контекста явствует, и уже ранее явствовало некоторым образом, что под плотью разумеется все, что выносит человек из матерней утробы. Плотью же люди зовутся в том качестве, в каковом рождаются и покуда сохраняют свое происхождение. Поелику, будучи порочными, не разумеют ничего, кроме грубого и земного. Дух же зовется восстановлением испорченной природы, когда Бог обновляет нас по Своему образу. Отсюда и слова о том, что Дух есть дар, коим производится в нас обновление. Посему целомудрие закона противопоставляется человеческой природе. Итак, смысл следующий: закон требует от нас небесной и как бы ангельской праведности, в которой не было бы никакого пятна, подлежащего изглаживанию. Я же, плотяной человек, не способен ни на что, кроме противления ему. Толкование же Оригена, которое и ранее у многих вызывало смех, недостойно даже опровержения. Ибо он думает, что Павел потому назвал закон духовным, что Писание не следует понимать буквально. Но как относится это к настоящему вопросу?

Продан греху. Данная фраза говорит о том, что может плоть сама по себе. Ибо человек по природе своей не в меньшей степени раб греха, чем являются рабами купленные за деньги слуги, которыми господа пользуются не иначе как ослами и быками, по своей прихоти. Ибо мы так починяемся власти греха, что весь разум, все сердце, все наши действия стремятся ко греху. Принуждение при этом я отрицаю, ведь грешим мы добровольно, ибо грех не был бы грехом, если бы не был добровольным. Однако мы так привержены греху, что добровольно можем лишь грешить. Поелику злоба, господствующая в нас, ведет нас к этому. Значит сравнение сие означает не вынужденное (как говорят некоторые), а добровольное подчинение, коему привержены мы по врожденному рабству.

15) *Ибо не понимаю, что делаю.* Теперь апостол переходит к более частному примеру уже возрожденного человека, на котором будет яснее видно и то, и другое, а именно: и каково разногласие закона Божия с человеческой природой, и как закон сам по себе не порождает смерть. Ведь, когда плотской человек всей душою отдается греховной похоти, кажется, что грешит он по столь же свободному выбору, как если бы в его власти находилось и усмирять грех. Так что среди многих возобладало губительное мнение, что человек по природной способности может выбирать что угодно без помощи божественной благодати. Но поскольку воля верующего влечется к добру Духом Божиим, отсюда ясно видна испорченность нашей природы, которая упорно сопротивляется и стремится к противоположному. Итак, пример сей, относящийся к возрожденному человеку, весьма удачен, дабы познать ты, сколь велико разногласие нашей природы с праведностью закона. Отсюда также проистекает доказательство и другой посылки, проистекает яснее, нежели просто из рассматривания голый человеческой природы. Ибо, если закон порождает в совершенно плотском человеке одну лишь смерть, в отношении него легко ошибиться, и у нас останется сомнение: откуда же происходит порок? В возрожденном же человеке закон приносит спасительные плоды, откуда явствует, что только плоть мешает ему животворить, и вовсе не от самого себя порождает он смерть.

Итак, дабы уразуметь лучше и точнее сие рассуждение, отметим, что битва, о которой идет речь, возникает в человеке не ранее, чем будет он освящен Духом Божиим. Ибо человек, предоставленный своей природе,

отдается похоти целиком и без всякого сопротивления. Хотя нечестивые и ранятся жалом совести, и не могут льстить себе в пороках своих так, чтобы вовсе не чувствовать некую горечь, отсюда, однако, нельзя заключить, что они ненавидят зло или что любят добро. Ибо Господь позволяет им мучиться таким образом, чтобы как-то явить им Свой суд, а не для того, чтобы внушить им любовь к праведности или ненависть ко греху. Посему между нечестивыми и верующими имеется то различие, что первые никогда так не ослепляются и не ожесточаются, чтобы, будучи уличенными в своих преступлениях, не осудить их по совести. Ведь в них не угасло совершенно разумение, с помощью которого различают они между добром и злом. Кроме того, от понимания зла своего поражаются они великим страхом, лицезрея в этой жизни образ грядущего осуждения. Тем не менее, грех нравится им от всего сердца, поэтому почивают они в нем без какого-либо желания сопротивляться. Ибо то жало совести, которое их тревожит, скорее происходит из противоречивости суждения, нежели от противной воли.

Напротив, благочестивые, в которых началось божественное возрождение, разделены внутри так, что главное желание сердца устремлено у них к Богу, просит небесной праведности и ненавидит грех. Однако остатки плоти влекут их обратно к земле. Посему, разделяясь в себе таким образом, они и сами насиляют свою природу, и чувствуют ее насилие над собою. И осуждают грехи свои, не только вынужденные к этому здравым рассуждением, но и потому, что гнушаются ими искренним чувствованием сердца, и из-за них ненавидят самих себя. Сие есть христианская брань, о которой Павел говорит в Послании к Галатам (5:17), брань между плотью и духом. Посему хорошо сказано, что плотской человек отдается греху с полным согласием и сочувствием души. Ведь внутреннее разделение начинается лишь тогда, когда призывается он Господом и освящается Духом. Ибо возрождение только начинается в этой жизни. Пребывающие же в человеке остатки плоти всегда следуют порочным наклонностям, и таким образом воздвигают брань против Духа. Несведущие же, не разумея, о чем говорит апостол и по какой именно причине, думают, что здесь описывается сама природа человека. Разумеется, у философов описание человеческой природы именно таково. Однако Писание философствует много возвышеннее, поелику видит, что в сердце человеческом не осталось ничего, кроме порочности, из-за которой Адам и был лишен образа Божия. Софисты, желая определить свободную волю, или оценить, на что способна природа человека, обычно настаивают на этом отрывке. Однако Павел, как я уже сказал, описывает здесь не голую природу человека. Говорит же он в своем лице о том, сколь велика немощь верных. Общему заблуждению некогда был подвержен и Августин. Однако, истолковав место сие надлежащим образом, не только отрекся от того, чему учил ранее, но и в книге, адресованной Бонифацию, многими доводами доказывает то, что понимать сие можно лишь о верующих. И мы приложим усилия, дабы читатель яснее уразумел, что именно так и обстоит дело.

Не понимаю. Здесь апостол имеет в виду²⁶², что совершаемое им по немощи плоти он не признает за свое, поелику отвергается этого. Посему Эразм поступил не так плохо, когда перевел слово сие как “одобряю”. Однако, поскольку это может показаться двусмысленным, я предпочел удержаться перевод “понимаю”. Откуда заключаем, что по здравому рассуждению учение закона вызывает такое согласие, что верные отвергают нарушение его словно нечто скотское. Поелику же Павел, кажется, говорит, что учит по-другому, нежели предписывает закон, многие толкователи обманулись, думая, что говорит он не от своего лица. Отсюда распространенное заблуждение, что в этой главе описывается характер невозрожденного человека. Однако Павел под преступлением закона разумеет все прегрешения верных, не упраздняющие в них ни страх Божий, ни усердие к деланию добра. Потому отрицает он, что делает заповедуемое законом, что не исполняет его полностью, и неким образом терпит неудачу в своей попытке.

Не то ... что хочу. Не думай, что он вечно был в таком состоянии, что не мог делать ничего доброго. Но апостол жалуется, что желаемое им благо не мог он осуществлять с подобающей ревностью, поелику был неким образом связан в своих действиях. И наоборот, не мог он полностью удерживаться от того, чего не хотел, поелику хромал по плотской немощи. Итак, благочестивая душа не делает желаемого ею блага, потому что не стремится к нему с неколебимой праведностью. Делает же она нежелаемое ею зло, потому что хочет устоять, но падает или, по крайней мере, спотыкается. Впрочем, сие “желание” и “нежелание” надобно относить к духу, который должен главенствовать в верующих. Ведь и у плоти имеется собственная воля. Но Павел зовет волею то, к чему главным образом стремится его сердце. То же, что противится этому стремлению, называет противным собственной воле. Отсюда можно заключить, что Павел, как мы уже сказали, рассуждает здесь о верующих, в коих обитает некая благодать Духа, выявляющаяся в здравом согласии разума с праведностью закона, поелику плоти не свойственно ненавидеть грех.

16) *Если же делаю то, чего не хочу, соглашаюсь с законом.* То есть, в то время как мое сердце успокаивается в законе и наслаждается его праведностью (что несомненно происходит тогда, когда оно ненавидит грех), оно чувствует и исповедует благость закона, так что даже собственный опыт достаточно убеждает нас в том, что закону не следует вменять никакого зла. Более того, закон спасителен для человека, если попадает в правое и чистое сердце. Согласие здесь не надобно разуметь таким же, какое бывает у нечестивых, которые

²⁶² Разумеет.

говорят: Вижу лучшее и одобряю, но следую злему²⁶³. А также: Да буду следовать вредному и избегать того, что приносит пользу²⁶⁴. Ибо они вынужденно подписываются под праведностью Божией, которой иначе были бы полностью чужды по собственной воле. Благодетельные же соглашаются с нею с искренней готовностью и желанием, поелику больше всего хотят воспарить к небесам.

17) *А потому уже не я делаю.* Это не речь человека, оправдывающего себя в том, что будто бы не имеет вины, подобно тому, как многие беспутные люди считают, что достаточно оправдались, открестившись от своих преступлений и приписав их плоти. Напротив, это свидетельство того, сколь сильно разногласит апостол со своею плотью, будучи водим духовным чувствованием. Ибо верные столь пламенно стремятся к послушанию Богу, что отрицают свою плоть. Далее, место сие ясно свидетельствует, что Павел рассуждает не о ком ином, кроме уже возрожденных благодетельных людей. Ибо, покада человек остается похожим на себя, – таким, каков он есть по природе, – то заслуженно считается порочным. Однако Павел отрицает здесь то, что полностью поработен греху, более того, открыто исключает себя из его рабства. Он как бы говорит: в некой части его души остается грех, в то время как сам он с искренним желанием сердца стремится к праведности Божией, и самым делом показывает, что закон Божий запечатлен внутри него.

18. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. 19. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. 20. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

(18. Ибо знаю, что не живет во мне (то есть в плоти моей) доброе; потому что желание есть во мне, но чтобы сделать доброе, того не нахожу. 19. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. 20. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.)

18) *Ибо знаю.* Апостол говорит, что по природе в нем нет никакого добра. Это значит то же самое, как если бы было сказано: “насколько в моих силах”. Ибо в первом предложении апостол осуждает себя за полную порочность, признаваясь, что в нем нет ничего доброго. А затем добавляет уточнение, дабы не оскорбить благодать Божию, которая также в нем живет, но не является частью плоти. И так еще раз доказывает, что говорит не о каком-либо человеке, но лишь о верном, который из-за остатков плоти и благодати Духа разделен в самом себе. Ведь к чему сие увещание, если бы в человеке не было части, свободной от порока? Поэтому он уже не плотской. Под именем плоти апостол всегда понимает все способности человеческой природы, совершенно все, что имеется в человеке, за исключением духовного освящения. Так что название духа, обычно противопоставляющегося плоти, означает ту часть души, которую²⁶⁵ Дух Божий, очистив от проклятия, преобразует так, что в ней начинает сиять образ Божий. Итак, и то, и другое имя – как плоти, так и духа – относится к душе. Однако второе к той ее части, которая возрождена, а первое – к той, в которой еще пребывает природное устремление.

Желание ... есть во мне. Апостол не имеет в виду, что в нем нет ничего, кроме бездейственного желания²⁶⁶, но отрицает лишь, что этой воле вполне соответствует дела, поелику плоть удерживает его, дабы не делал он точно того, чего хочет. Также разумеи и то, что следует за этим: делая зло, которого не хочу. Поелику плоть не только мешает верным бежать быстрее, но и полагает на их пути множественные препоны, о которых те претыкаются. Итак, не делают они потому, что не исполняют должного с подобающей ревностью. Посему то желание, о котором упомянул апостол, является готовностью веры, когда Дух преобразует верующих так, чтобы те были готовы предоставить свои члены в повиновение Богу. Поелику же реальная способность этому не соответствует, Павел и говорит, что не находит желаемого, то есть последствия своего благого желания. К этому же относится и следующее за этим признание, что не делает он желаемого им добра, но скорее делает зло, которого не желает. Поелику же верные, хотя и воодушевлены в правильном направлении, все равно осознают собственную немощь, то и понимают, что никакое дело их не свободно от вины. Ибо, поскольку Павел говорит здесь не о незначительных проступках верных, а обо всем ходе их жизни, мы делаем вывод, что даже лучшие их дела всегда оскверняются неким пятном греха, дабы не было у них иной надежды на милость, кроме как в случае прощения их Богом. Наконец, повторяет он это предложение, наделенный небесным светом, говоря, что является верным свидетелем и одобрителем праведности закона. Откуда следует, что, ежели бы сохранилось в нас целомудрие чистой природы, закон не был бы смертоносен, и не противостоит он сам по себе тому человеку, который, находясь в здравом уме, ужасается греха. Однако исцеление происходит здесь от небесного врачевателя.

21. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. 22. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; 23. но в членах моих вижу иной закон,

²⁶³ Овид. Метамор. 7, 20.

²⁶⁴ Гораций. Епист. 1, 8; 5, 11.

²⁶⁵ Освящает очищенного к праведности.

²⁶⁶ Бездейственной воли.

противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.

(21. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. 22. Ибо по внутреннему человеку соглашаюсь с законом Божиим; 23. но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греха, который в членах моих.)

Здесь Павел говорит о четверичном законе. Законе Божиим, который в собственном смысле зовется так потому, что является правилом праведности, коим правильно устрояется наша жизнь. Сюда же присоединяет он закон ума, называя так склонность верующей души повиноваться божественному закону, поелику она есть некое сообразование нас с законом Божиим. С другой же стороны, противопоставляет он закон неправедности, и так намекает на ту власть, которую неправедность имеет еще как над невозрожденным, так и над уже возрожденным человеком. Ибо и распоряжения тиранов, какими бы неправедными они ни были, зовутся законом в несобственном смысле. Сему закону греха сопоставляет апостол закон, находящийся в членах, то есть, похоть, пребывающую в этих членах. Делает же он это из-за согласия²⁶⁷ этой похоти с неправедностью. Что касается первого, то, поскольку многие переводчики понимают здесь слово “закон” в собственном смысле, они мысленно добавляют *ката*, либо *διὰ*. Так Эразм перевел “через закон”, как если бы Павел попрекал свой врожденный порок под водительством божественного закона. Однако, если не делать никаких добавлений, предложение станет еще лучше. И смысл будет таков: верные, стремящиеся к исполнению закона, обнаруживают в себе некий тиранический закон, поелику в их жилах и костях заложена порочность, противная закону Божию.

22) Ибо по внутреннему человеку. Здесь ты видишь, какое разделение царит в душах верных, разделение, от которого происходит та брань плоти и духа, которую Августин в одном месте изящно зовет христианской бранью. Закон Божий призывает человека к праведности. Неправедность же, словно тиранический закон сатаны, побуждает его ко злу. Дух ведет к послушанию божественному закону, плоть же тащит в противоположном направлении. Так человек разделенный противоположными волями в некотором смысле раздвояется. Однако, поскольку дух должен держать первенство, то и оценивает он себя преимущественно по этой части. Посему Павел и говорит, что удерживается в плену у собственной плоти. Ведь то, что до сих пор подвигается он неправыми вождениями, является насилием по отношению к духовному желанию, которому плоть противится. Впрочем, следует прилежно отметить, в каком именно смысле надо разуместь внутреннего человека и его члены. Поелику многие, понимая сие дурно, преткнулись на этом месте. Итак, внутренний человек – это не просто душа, но ее духовная часть, возрожденная Богом. Члены же – это остальная часть человеческой природы. Ибо, как душа является высшей, а тело – низшей частью человека, так и дух превосходит собою плоть. Превосходит по той причине, что дух занимает в человеке место души, плоть же, то есть порочная и оскверненная душа, занимает место тела. Первый зовется внутренним человеком, а вторая – членами.²⁶⁸ В другом смысле понимается внутренний человек в Послании к Коринфянам 4:16. Но контекст разбираемого места с необходимостью требует приведенного мною толкования. Дух же зовется внутренним человеком по превосходству, поелику занимает он тайники сердца, в то время как желания плоти бродят туда-сюда и словно пребывают вне человека. Либо же в том смысле, как если бы кто сравнил небо и землю. Ибо Павел презрительно называет членами все обнаруживаемое в человеке, дабы лучше показать, что тайное обновление сокрыто от наших чувств, если не воспринимается верою. Поскольку же закон ума без сомнения означает правильное чувствование, то явствует, что недопустимо относить сие место к еще не возрожденным людям. Ибо о таких Павел учит, что лишены они ума, поскольку душа их далека от истинного разума.

24. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? 25. Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак тот же самый я умом служу закону Божию, а плотию закону греха.

(24. Бедный я человек! Кто исхитит меня от сего тела смерти? 25. Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак тот же самый я умом служу закону Божию, а плотию закону греха.)

24) Бедный я человек. Апостол завершает свое рассуждение восклицанием, исполненным глубоких чувств²⁶⁹, коим учит, что следует не только сражаться с собственной плотью, но и постоянно воздыхать о своем несчастье перед Богом²⁷⁰ и самим собой. И не спрашивает, Кем должен быть освобожден, словно сомневаясь, как те неверующие, кто не привержен единственному Избавителю, но яростным и как бы задыхающимся восклицанием показывает, что не достаточно еще ощущает свое богатство. Поэтому употребляет здесь слово “исхитит”, и свидетельствует тем самым, что для избавления сего требуется

²⁶⁷ Схожести.

²⁶⁸ Имеет прозвание.

²⁶⁹ Подчеркивания.

²⁷⁰ Господом.

экстраординарная сила Божия. Телом же смерти называет греховную массу, тот сплав, из коего выкован весь человек. Лишь в этом теле пребывают те остатки плоти, которыми²⁷¹ еще удерживается он в плену²⁷². Местоимение *τοῦτου*, которое я вслед за Эразмом отношу к телу, также походит и к самой смерти. Однако смысл в обоих случаях почти одинаков. Ведь Павел хочет научить нас, что сыны Божии видят порочность своей природы и познают из закона Божия рождающуюся оттуда смерть. Впрочем, слово “тело” означает здесь то же, что и внешний человек или его члены, поелику Павел видит происхождение порока в том, что человек отошел от закона своего сотворения и таким образом стал плотским и тленным. Ибо, даже если и превосходит он бессловесных животных, все равно лишен истинного превосходства, а то, что у него осталось, исполнено великой порчи. Так что заслуженно душа его, покуда остается порочной, зовется обратившейся в тело. Так и говорит Бог у Моисея: не будет больше Дух Мой иметь дело с человеком, поелику он – плоть, презрительно сравнивая человека, лишенного духовного превосходства, с бессловесными скотами.

Место сие у Павла весьма знаменательно и способно сокрушить всякую плотскую гордыню. Ибо он учит, что даже совершеннейшие, покуда обитают во плоти, подвержены общему горю, поелику подлежат смерти. Более того, исследуя самих себя, ничего не находят они в своей природе кроме несчастья. Далее, дабы не потакали они своей гнусности, Павел побуждает их примером своим к усердным воздыханиям и повелевает им, покуда они странствуют на земле, желать смерти как единственного врачевства от своего злополучия. Сие есть правильная цель испрашивания смерти. Ибо отчаяние часто подталкивает мирских людей к такому же желанию, однако просят они смерти скорее из-за недовольства настоящей жизнью, чем из-за отвращения к собственной несправедливости. Добавь к этому, что верные, хотя и руководствуются правильной целью²⁷³, однако же не желают смерти с неумным рвением, но покоряются решению Божию, для Которого живем мы и умираем. Поэтому не негодуют они на Бога, но просто препоручают Ему свои скорби, поелику не настолько погружены в мысли о своем несчастье, чтобы, забыв о полученной благодати, не облегчать скорбь свою радостью, о чем будет сказано впоследствии.

25) *Благодарю Бога*²⁷⁴. Итак, сразу же добавляет он благодарение, дабы кто не подумал, что жалобами своими он ропщет на Бога. Ибо знаем мы, сколь склонен падший к ропоту и нетерпению, даже испытывая справедливую скорбь. Так что, даже если Павел, оплакивая свою судьбу, воздыхает о смерти, одновременно и успокаивается он в благодати Божией. Ибо и святым, исследующим свои недостатки, не подобает забывать о том, что приняли они от Бога. Далее, мысль сия вполне достаточна для обуздания их нетерпения и воспитания спокойствия духа; мысль о том, что приняты они под охрану Божию и никогда не погибнут. И уже даны им начатки Духа, делающие твердой надежду на вечное наследие. И если до сих пор не наслаждаются они обещанной небесной славой, все равно, довольствуясь полученной мерою благодати, никогда не лишены повода к радости.

Итак тот же самый я. Краткий эпилог, в котором апостол учит, что верные никогда не достигнут совершенной праведности, доколе обитают во плоти, но, покуда не изыдут из тела, пребывают как бы на ристалище. Умом же называет он не разумную часть души, которую восхваляют философы, а ту часть, которая просвещена Духом Божиим к правильному разумению и хотению. Ибо говорит он не только о разумении, но и об искреннем желании сердца. И, сделав сию оговорку, признается, что, несмотря на приверженность свою Богу, осквернен великою нечистотою, влача дни свои на земле. Знаменательное место, служащее опровержению губительного учения катаров, которое ныне пытаются возродить некоторые бунтарские души.

Глава 8

²⁷¹ Коими.

²⁷² Знаменательное место, которое должно научить верных чувствовать скорбь, пребывая на этой земле. И потому желать смерти как единственного врачевства против сего зла, однако так, чтобы желание сие не становилось чрезмерным. Ибо не должны они до такой степени погружаться в созерцание своего несчастья, чтобы забывать при этом о той бесценной радости, которую даровал им Бог. Однако должны это делать лишь до той степени, чтобы истинным образом смиряться и побуждаться к большему преуспеянию. Так должны желать смерти из-за отвращения перед своей нечистотой, из-за отвращения перед настоящей жизнью, которая побуждает к негодованию против Бога. Поэтому следует.

²⁷³ С.76. Читай “согласуются” вместо “руководствуются”.

²⁷⁴ Итак, сразу же добавляет сие благодарение, дабы желание его не казалось неким ропотом против Бога, но явилось бы благочестивым воздыханием. Так должны чувствовать и верные, чтобы из-за любви к святости и невинности проклинать несчастное состояние своей плоти, но однако быть готовыми столько времени нести свою плоть, сколько будет угодно Господу. И, довольствуясь полученной ими мерою благодати, должны они радоваться прежде всего тому, что Господь удостоверил их в будущем наследии Своего царствия.

1. Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, 2. потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. 3. Как закон, ослабленный плотью, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, 4. чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу.

(1. Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе, которые ходят не по плоти, но по духу, 2. потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. 3. Ибо потому, что было невозможно для закона из-за того, что ослаблялся плотью, Бог, послав Сына Своего в подобии плоти греховной, за грех осудил грех во плоти, 4. чтобы оправдание закона исполнилось в нас, ходящих не по плоти, но по духу.)

Здесь апостол вначале говорит о том, что вместе с плотью своею постоянно испытывают благочестивые, затем переходит к весьма необходимому для них утешению, о котором упоминал и до этого, а именно: даже будучи в оковах греха, уже избавлены они от власти смерти и всякого проклятия. Ныне живут они не по плоти, но по духу. Ибо соединяет он вместе три вещи: несовершенство, от которого постоянно страдают верные, милость Божию, выказанную в Его прощении и отпущении, и возрождение духа. И это в последнюю очередь, дабы кто не льстил себе пустым мнением о том, что избавлен он от проклятия, полностью потакая при этом собственной плоти. Итак, как напрасно льстит себе плотской человек, ежели не беспокоится об улучшении собственной жизни и под предлогом благодати обещает себе безнаказанность, так и совесть набожных необоримо успокаивается в том, что знает: куда пребывает она во Христе, свободна от всякой опасности осуждения. Теперь же надобно нам тщательно взвесить слова апостола. Он говорит, что по духу ходит не тот, кто полностью лишился всех плотских чувств, так что вся его жизнь отличается одним лишь небесным совершенством, но тот, кто постоянно трудится, покаясь и умерщвляя свою плоть, являя, что царит в нем забота о благочестии. О таких апостол не говорит, что ходят они по плоти, поелику везде, где царит искренний страх Божий, упраздняется царствование плоти, хотя и не устраняется вся ее порча.

2) *Потому что закон духа жизни.* Доказательство предыдущего утверждения. Чтобы понять его, надобно обратить внимание на значение слов. Закон духа апостол называет²⁷⁵ в несобственном смысле Духом Божиим, окропляющим души наши кровью Христовой, и не только для того, чтобы очистить²⁷⁶ их от греха в отношении его вины, но и для того, чтобы освятить их к истинной чистоте. Затем добавляет, что закон животворящ (ибо родительный падеж по иудейскому обычаю понимается как эпитет), откуда следует, что те, кто удерживает людей в букве закона, удерживают их в смерти. Напротив, законом греха и смерти называет он власть плоти и следующую из нее тиранию смерти. Закон Божий словно выставляется на обозрение: закон, который, уча праведности, не в силах даровать эту праведность, но скорее ввергает нас в оковы и рабство греху и смерти. Итак, смысл таков: то, что закон Божий осуждает людей, происходит потому, что, пребывая под заповедями закона, находятся они в рабстве у греха и остаются повинными смерти. Дух же Христов, упраздняя в нас беспорядочные вожделения плоти и греховный закон, одновременно и избавляет нас от повинности смерти.

Если же кто возразит, что прощение, коим покрываются наши преступления, зависит таким образом от возрождения, ответ весьма прост: Павел говорит здесь не о причине прощения, а о том способе, которым избавляемся мы от вины. Он отрицает, что получаем мы это от внешнего учения закона, но лишь когда обновляемся Духом Божиим, тогда и оправдываемся по незаслуженному прощению, дабы проклятие греха более не тяготело над нами. Итак, смысл предложения таков, как если бы Павел сказал: благодать возрождения никогда не отделена по времени от вменения праведности. Я не дерзну вместе с некоторыми принять закон греха и смерти за закон Божий, поелику речь апостола покажется тогда весьма грубой. Хотя грех и порождает смерть, усиливаясь в человеке, Павел, однако, ранее отмел такое толкование. Но не согласен я и с мнением тех, кто закон греха истолковывает как похоть плоти, как если бы Павел сказал, что он является ее победителем. Ибо немного спустя достаточно ясно (как думаю) говорит он о незаслуженном отпущении, дающем нам спокойный мир с Богом. Я предпочел бы удержать слово “закон”, а не переводить его вместе с Эразмом как “право” или “власть”, поелику Павел сознательно намекает здесь на закон Божий.

3) *Как закон, ослабленный плотью.* Теперь следует пояснение приведенного доказательства, а именно: что Господь по незаслуженному Своему милосердию оправдывает нас во Христе, что для закона было невозможно. Но поскольку предложение сие весьма знаменательно, давайте обсудим его по частям. Здесь говорится о прощении или о незаслуженном оправдании, коим Бог примиряет нас с собою, и это явствует из заключительной фразы, где апостол добавляет: ходящие не по плоти, но по духу. Ибо, если бы Павел захотел сказать, что дух возрождения помогает нам победить грех, к чему было бы это добавление? Однако

²⁷⁵ Добавляет: благодать оправдания и освящения, или, ежели хочешь, одним словом.

²⁷⁶ Затем через возрождение преображает в повиновение Богу.

оно весьма уместно, если, пообещав верным незаслуженное отпущение, ограничивает он учение свое лишь теми, кто к вере присоединяет покаяние, и не злоупотребляет милосердием Божиим для угождения плоти. Затем следует отметить, какую приводит он причину. Ибо учит, каким образом разрешает нас от вины благодать Христова. Что касается отдельных слов, то *τὸ ἀδύνατον* закона без сомнения относится к бессилию и ущербности, как если бы было сказано: Бог избрал средство, коим устраняется бессилие закона. Сочетание же *ἐν ᾧ*, которое Эразм перевел как “*ea parte qua* – в той части”, я, считая его относящимся к причине, предпочел перевести как “*eo quod* – потому что”. Хотя, возможно, у известных греческих авторов и не встречается такая форма речи, но, поскольку апостолы иногда употребляют еврейские фразы, перевод сей не должен казаться грубым.

Разумные читатели с готовностью согласятся, что здесь выражена причина той ущербности, как немного спустя еще раз скажем об этом. И хотя Эразм заменяет главное слово, мне кажется, что контекст говорит о другом. Эразма обманул союз *καί*, заставив его вставить глагол “представил”. Я же считаю, что он вставлен для усиления смысла. Если только кому-нибудь не покажется лучшим предположение одного знатока греческого, который эту часть предложения, “за грех”, присоединяет к тому, что говорится ранее: “Бог послал Сына Своего в подобии плоти греха и за грех”. Я же следую тому, что считаю подлинным смыслом слов Павла. Теперь же перехожу к самой сути. Павел ясно утверждает: потому грехи отпускаются нам смертью Христовой, что невозможно было для закона принести нам праведность. Откуда следует: закон заповедует больше, чем мы можем исполнить, поелику, если бы были мы способны исполнить закон, напрасно было бы нам изыскивать средства извне. Поэтому абсурдно измерять заповеди закона человеческими силами, словно Бог, требуя справедливого, смотрит на то, какова и что может наша природная способность.

*Ослабленный плотию*²⁷⁷. Дабы кто не подумал, что апостол не вполне благочестиво обвиняет закон в бессилии, или не отнес бы всего этого лишь к обрядам, Павел открыто говорит, что сей недостаток проистекает не от порока закона, а от порочности нашей плоти. Ибо следует признать, что если бы кто основательно исполнил закон Божий, то оказался бы праведным перед Богом. Итак, не отрицает он, что закон достаточен для нашего оправдания, в отношении своего учения, содержащего совершенное правило праведности. Однако, поскольку наша плоть не достигает этой праведности, вся сила закона пропадает и сходит на нет. Посему опровергается заблуждение или скорее безумие тех, кто думает, что силы оправдания лишаются лишь обряды. Ведь Павел открыто заявив, что порок этот пребывает в нас, тем самым исключил его из учения закона. Далее, немощь закона разумею так же, как привык апостол употреблять слово *ἀσθενεία*, не только в качестве небольшой слабости, но и как полное бессилие, говоря тем самым, что закон абсолютно не важен для обретения праведности. Итак, видишь теперь, что мы полностью лишены праведности по делам. Потому и прибегаем мы к праведности Христовой, что в самих нас ее нет. Это необходимо знать прежде всего, поелику никогда не облечемся мы в праведность Христову, если сначала не удостоверимся в том, что нет в нас никакой собственной праведности. Слово же “плоть” всегда означает одно и то же, а именно: нас самих. Итак, закон Божий делает для нас бесполезным порча нашей же природы, поелику, показывая нам путь жизни, закон не уводит нас от пропасти, низвергающей в погибель.

Бог послал Сына Своего. Лишь теперь говорит он о том, как²⁷⁸ небесный Отец восстановил в нас праведность через Сына Своего, а именно: осудив грех в самой плоти Христовой. То есть, Он упразднил вину, словно уничтожив рукописание, делавшее нас повинными перед Богом. Ибо осуждение греха утвердило нас в праведности, поелику так разрешаемся мы по упразднении вины нашей, что Бог считает нас за праведных. Однако апостол говорит, что Христос был послан прежде всего для того, чтобы внушить нам мысль: в нас самих нет никакой праведности, если праведность эта происходит от Него. И напрасно люди уповают на свои дела, будучи праведными лишь по милости, и заимствуя праведность от того умиловительства, которое совершил Христос в Своей плоти. Говорит же, что пришел Он в подобии плоти греховной, поелику, хоть и не была плоть Христова осквернена никакими пороками, однако по виду своему была похожей на плоть согрешающую, поскольку вынесла кару, полагавшуюся за наши преступления. Несомненно, что смерть применила к ней всю свою силу, как если бы эта плоть была ей подвержена по закону. И поскольку надобно было первосвященнику нашему по опыту Своему научиться тому, что значит

²⁷⁷ Говорит, что от закона не могли произойти нам ни спасение, ни праведность. И дабы кто не отнес сие к обрядам, открыто говорит, что бессилие это проистекает не от порока закона, а от немощи плоти. Другими словами: закон достаточен для нашего оправдания в том, что касается его учения, поелику содержит совершенное правило праведности. Однако плоть наша не может достичь этой праведности.

²⁷⁸ Господь утвердил нас в праведности через Сына, облакая Его в нашу плоть, дабы в этой же плоти удовлетворил Он Его праведному суду, в той же плоти, в которой был Он оскорблен преступлением. И эта плоть, хотя и неоскверненная никакими пороками, несла в себе подобие греховной плоти. Во-первых, чтобы смерть обошлась с нею со всей своею силой как с той, которая ей подлежит, а затем, поелику надо было первосвященнику нашему испытать и выдержать те скорби, которые переносим мы сами, дабы стал Он склонен нам сочувствовать и сопереживать.

помогать немощным, Христос и восхотел испытать наши немощи, дабы стать склонным к состраданию, в чем также проявилось некое подобие греховной плоти.

*За грех*²⁷⁹. Я уже сказал, что некоторые толкуют сие о цели или причине, почему Бог послал Сына Своего, а именно: чтобы принести удовлетворение за грех. Златоуст и многие после него думали несколько грубее: грех был осужден за грех, поскольку несправедливо и незаслуженно совершил над Христом насилие. Я признаю, что Он пострадал за грешников, Сам будучи праведным и невинным, и что лишь так могла быть принесена цена нашего искупления; но не могу найти причину, почему слово “грех” здесь должно разумеаться иначе, нежели умиловляющая жертва, которая по-еврейски зовется אָשָׁם (ашем) как и Эллина называют *κῆθαρμα* ту жертву, с которой соединено проклятие. Так Павел во 2-м Послании к Коринфянам 5:21 говорит, что Христос, не знавший греха, сделался за нас грехом, дабы мы стали в Нем праведностью Божией. Предлог же *περί* указывает здесь на причину, как если бы было сказано: за ту жертву, или ради возложенного на Христа греховного бремени, грех по праву был упразднен, дабы не держать нас больше в своем подчинении. Ибо осужденным называет он его метафорически, как лишенного своей силы, поелику Бог больше не обвиняет тех, прощение которых породила Христова жертва. Если же скажем, что было упразднено тяготившее нас царство греха, смысл останется тем же. Посему Христос воспринял то, что принадлежало нам, дабы передать нам то, что принадлежало Ему. Ибо, восприняв наше проклятие, Он одарил нас Своим благословением. Павел добавляет: **во плоти**, чтобы укрепить наше упование, когда увидим мы, что грех в самой природе нашей побежден и изничтожен. Ибо отсюда следует, что природа наша воистину причастна Его победе. О чем апостол тут же заявляет.

4) *Чтобы оправдание закона исполнилось*²⁸⁰. Разумеющие это так, что люди, обновленные Духом Христовым, исполняют закон, вносят измышление совершенно противное смыслу апостольских слов. Ибо верные, странствуя в этом мире, не могут преуспеть до такой степени, чтобы исполнилось в них оправдание закона. Итак, сие надобно относить к прощению, поелику, когда принимаем мы Христово послушание, то тем самым удовлетворяем закону и считаемся праведными. Ибо совершенство, требуемое законом, потому и было представлено во плоти, чтобы суровость его не могла нас более осудить. Однако, поскольку Христос не сообщает Своей праведности никому, кроме тех, кого соединил с Собой узами Своего же Духа, затем упоминается и о возрождении, дабы Христос не считался служителем греха. Ведь многие склонны обращать в плотскую вседозволенность все, что говорится о милосердии Божиим. Другие же злобно клеветают на это учение, как если бы угадало оно усердие к праведной жизни.

5. *Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. 6. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир, 7 потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. 8. Посему живущие по плоти Богу угождать не могут.*

(5. *Ибо те, кто по плоти, о плотском помышляют, а те, кто по духу – о духовном. 6. Помышление плотское, безусловно, – смерть, а помышление духовное – жизнь и мир, 7 потому что плотское помышление – вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряется, потому что не может. Итак, те, кто по плоти, Богу угождать не могут.*)

²⁷⁹ Называет же грех осужденным, потому что упразднено и уничтожено его царство, которым он нас стеснял. Или, скорее, упразднена была вся сила греха, когда Христос противопоставил Себя ей. За грех, то есть, через удовлетворение, выказанное Христом, Который за нас сделался грехом, сиречь *κῆθαρμα* или умиловлением. Так апостол говорит и во Втором Послании к Коринфянам. Не знавшего греха, сделал за нас грехом, чтобы стали мы в Нем праведностью Божией.

²⁸⁰ Праведностью называет он послушание Христово, которое вменяется нам, будучи выказанным в нашей же плоти, дабы по Его благодетельности считались мы праведными. Однако обретаем мы ее лишь тогда, когда принимаемся в общение со Христом, связанные с Ним узами Духа. Где Дух, там возрождение. Поэтому апостол добавляет: не по плоти. Этим он хочет сказать, что последствие сего союза вечно и одновременно указывает на цель, почему соединяемся мы со Христом, а именно: на духовную жизнь, чтобы Христос не считался служителем греха.

5) *Ибо живущие по плоти*²⁸¹. Апостол проводит различие между плотью и духом не только для того, чтобы от противного доказать сказанное им выше, а именно: что не прилежит благодать Христова никому, кроме возрожденных духом и стремящихся к невинности, но и для того, чтобы подкрепить верных своевременным утешением, чтоб не пришли они в отчаяние, осознавая за собой множество немощей. Ведь поскольку избавлены от проклятия лишь те, кто ведет духовную жизнь, могло бы показаться, что все смертные лишены надежды на спасение. Ибо кто будет найден украшенным такою ангельской чистотою, что уже не будет иметь дел с плотью? Посему необходимо было добавить сие пояснение, что значит жить по плоти и ходить по плоти. Вначале Павел не проводит здесь четкого различия, однако, как увидим мы впоследствии, его намерение состоит в том, чтобы дать верующим благую надежду, хоть и привязаны они до сих пор к своей плоти, лишь бы не переставали обуздывать свои вожделения и позволяли руководить собой Духу Святому. Говоря, что плотские помышляют или заботятся о плотском, свидетельствует, тем самым, что к плотским принадлежат не воздыхающие о небесной праведности, а полностью приверженные миру сему. Поэтому глагол “помышлять”, о чем уже было сказано, я поставил вместо *του φρονεῖν*, дабы читатель знал: лишь те исключены из числа сынов Божиих, кто, будучи предан мерзостям плоти, прилагают все усилия и помыслы к удовлетворению превратных похотей. Во второй же части предложения апостол увещевает верных к благой надежде, если чувствуют они, как возносятся Духом к помышлениям о праведности. Ибо везде, где царствует Дух, имеется признак спасительной Божией благодати. И нет места благодати там, где, угасив Дух, царит одна плоть. Впрочем, повторю здесь кратко то, о чем уже говорил я ранее: жить по плоти или во плоти означает то же, что и быть лишенным дара возрождения. И таковы все, кто пребывает лишь в том, что (как обычно говорят) принадлежит одной природе.

6) *Помышления плотские*²⁸². Эразм перевел “чувствование”, а древний переводчик “благоразумие”. Однако, хотя и несомненно то, что у Павла *το φρονεῖν* означает то же, что у Моисея означает как “помышления сердца”, и что этим словом охватываются все чувства души – от разума и понимания до ее ощущений, – мне кажется, что лучше подходит здесь термин “помышление”. Хотя Павел использует здесь причинную частицу *ἄρ*, я не сомневаюсь в том, что делает он это не просто для того, чтобы подтвердить уже сказанное. Ибо здесь мы видим некий вид уступки: поелику кратко определив, что значит жить по плоти, он уже сказал о том, какой конец ждет всех преданных этой плоти. Посему от противного доказывает теперь, что не способны к восприятию благодати Христовой те, кто живет по плоти. Поелику всей своею жизнью стремятся они к смерти. Знаменательное место, из которого научаемся, что ход природы низвергает нас в гибельную пропасть. Потому что от нас самих не рождается ничего, кроме приводящего к смерти. И тут же противопоставляет он другую часть предложения, в которой учит: ежели что в нас и способствует жизни, значит явил Свою силу Дух. Ведь от плоти не произойдет даже искры жизни. Называет помышления духовные жизнью, поелику они животворны или ведут к жизни. Под именем же мира по еврейскому обычаю разумеет он все относящееся к счастью. Ибо все, что производит в нас Дух Божий, направлено на наше блаженство. Но напрасно кто будет приписывать из-за этого спасение делам. Ибо, хотя Бог и начинает наше спасение и завершает его, преображая нас в Собственный образ, Его благоволение есть единственная причина того, что делает Он нас причастниками Христу.

²⁸¹ Апостол проводит различие между духом и плотью, чтобы от противного доказать свое утверждение: благодать Христова не предназначена ни для кого, кроме тех, кто возрожден Духом и стремится к невинности. Ибо те, кто живет по плоти, все свои усилия направляют на плотское. А последние не могут породить ничего, кроме смерти. Посему все такие исключаются из надежды на жизнь. Это не относится к тем, кто, будучи наделен Духом Божиим, размышляет о духовном, кто приносит плоды жизни. Итак, везде, где царствует Дух, имеется признак спасительной благодати Божией. Там же, где имеется царство плоти, явствует, что еще не пришла туда благодать Божия. Однако, дабы разобрать все это по отдельности, пусть то, что сказал он вначале: **живущие по плоти помышляют о плотском**, считается доказательством от причины к следствию. Другую же часть предложения относит он к духовным. Далее, то, что люди живут по плоти, означает, что пребывают они лишь в том, что принадлежит их природе. Ибо плоть и сущность ветхого человека означают одно и то же. В том же смысле говорит апостол, что по плоти живут те, кто еще не возрожден. По духу же те, в ком присутствует царство Духа.

²⁸² Посему данную фразу следует понимать так, что объемлет она все, относящееся к причине, от разума до воли. Я не мог лучше передать греческое слово *φρονεῖν*. Теперь апостол доказывает от противного, что не способны вместить Христово благодеяние те, кто пребывают во плоти. Ведь всей своею жизнью стремятся они к смерти. И место сие знаменательно, дабы научились мы, что природа наша не порождает ничего, кроме того, что низвергает нас в погибель. Апостол противопоставляет этому другую часть предложения, дабы яснее показать: не от плоти происходит все, что только способствует жизни. Ибо все, что приписывается Духу, отнимается у плоти. Итак, один дух есть Тот, от Кого происходят жизнь и плод спасения. Под миром же разумею все принадлежащее счастью. Так мы начинаем понимать, как все благодатные дары Божии, и даже добрые дела, способствуют нашему спасению. Хотя напрасно кто захочет приписать из-за этого спасение своим делам. Итак, от того лишь обретаем мы благо, что причастны ко Христу, а не по какому-либо достоинству ли нашему, или дел наших.

7) *Потому что плотские помышления.* Затем апостол присовокупляет доказательство того, что уже сказал ранее: именно: от усилий плоти не происходит ничего, кроме смерти, поелику враждебна она воле Божией. Воля же Божия является правилом праведности. Откуда следует, что несправедно все, что так или иначе от этой воли отступает. А если несправедно, то и смертоносно. Ведь напрасно бы кто ожидал жизни, если бы Бог был к нему враждебен²⁸³ или им оскорблен. Ибо смерть неизбежно следует за Его гневом, будучи мщением этого гнева. Обратим здесь внимание на то, что воля человеческая во всем противится воле Божией. Ибо насколько отлична порочность от правоты, настолько же подобает нам отличаться от Бога.

Ибо закону Божию. Изъяснение предшествующего предложения. Ибо апостол говорит, каким образом все помышления²⁸⁴ плоти воюют с волей Божией. Поелику воля Божия явствует только там, где Сам Бог ее открывает. Ведь в законе Он показывает нам, что Ему угодно. Поэтому желающие исследовать, насколько соответствуют они воле Божией, все свои помыслы и усилия сверяют с данной нормой. Хотя в мире и не происходит ничего без руководства тайного божественного провидения, говорить под этим предлогом, что все происходящее происходит с одобрения Бога – нетерпимое богохульство. Сегодня так клеветают отдельные безумцы. Ибо безумно различие между правым и порочным, которое закон открыто и отчетливо выставляет перед нашим взором, искать в потаенных лабиринтах провидения. Так что, есть у Господа тайный (так сказать) совет, коим управляет вселенной по Своему желанию. Однако, поскольку он непостижим для нас²⁸⁵, пусть мы научимся воздерживаться от чрезмерного его исследования. Между тем, непреложно следующее: Богу не угодно ничего, кроме праведности, и о делах наших можно судить лишь в соответствии с законом, в котором Бог не ложно засвидетельствовал о том, что Ему угодно, и что не угодно.

Да и не могут. Вот способность свободной воли, которую софисты никак не могут достаточно превознести. Несомненно, что Павел красноречиво говорит здесь как раз о том, что они из всех сил отрицают: невозможно нам покорить свои чувствования в послушание закону. Софисты предполагают, что сердце может склоняться в любую сторону, лишь бы помогало ему внушение Духа, и что у нас имеется свободный выбор между добром и злом, так что Дух лишь отчасти в этом нам способствует. Нам же принадлежит избирать или отвергать [доброе]. Также измышляют они некие добрые побуждения, которыми добровольно готовим мы себя к благодати. Павел же, напротив, объявляет, что сердце наше исполнено ожесточения и неукротимого чванства, так что по природе никогда не склоняется к покорению себя божественному игу. И говорит он не о том или ином чувствовании, а говорит в общем, охватывая все побуждения, рождающиеся в нас самих. Итак, пусть далека будет от христианского ума сия языческая философия о свободной воле. И пусть каждый признает себя рабом греха, каким на самом деле и является, дабы освободиться по благодати Христовой²⁸⁶. Другой же свободой глупо хвалиться.

8) *Посему живущие по плоти.* Противопоставительную частицу *δε* я не случайно перевел как указывающую на причину. Ведь апостол заключает из вышесказанного, что все предающие себя похотям плоти отвратительны Богу. И здесь он подтверждает сие положение, говоря, что все не живущие по Духу чужды Христу, поелику лишены небесной жизни.

9. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. 10. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. 11 Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас.

(9. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. 10. А если Христос в вас, то тело мертво по причине греха, но дух жив по причине праведности. 11 Если, говорю, Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела по причине Духа Своего, живущего в вас.)

9) *Но вы*²⁸⁷. Здесь апостол общее утверждение, адресованное тем, кому он писал, старается объяснить через предположение. Не только для того, чтобы, собственным образом адресуя им свою речь, сильнее их затронуть, но и чтобы твердо заключили они из вышеприведенного определения, что принадлежат к числу

²⁸³ Противник.

²⁸⁴ Ибо когда Господь являет Свою волю в законе, они же полностью этому закону противятся, отсюда следует, что ведут с волею Божией войну. Итак, согласно апостолу, волю Божию подобает искать в законе.

²⁸⁵ Оставим его Богу. Достаточно нам знать: дела наши угодны Ему, ежели соответствуют правилу закона, и не угодно Ему все, что происходит вопреки закону.

²⁸⁶ Благодати Божией.

²⁸⁷ Апостол переходит теперь к изъяснению общего положения, поелику имеет оно большую выразительность, словно ... направляет.

тех, с которых Христос снял проклятие закона. Одновременно, объявляя²⁸⁸, на что способен Дух Божий в избранных и какие производит он плоды, апостол увещевает их к обновлению жизни.

Если только Дух Божий. Уточнение, добавленное к вышесказанному, чтобы побудить слушателей к самоисследованию, дабы не напрасно претендовали они на имя христиан. Сие есть несомненный признак, по которому различаются сыны Божии от сынов мира сего, если возрождены они Духом Божиим к невинности и святости. Представляется, что апостол намеревался не столько обличить лицемеров, сколько дать верным повод для похваления вопреки превратным ревнителям закона, для которых больше значила мертвая буква, чем внутренний дух. Далее, место сие учит нас тому, что Павел до сих пор под именем Духа разумел не ум или понимание (сторонниками свободной воли зовущееся высшей частью души), а небесный дар. Ибо изъясняет он, что духовные – это не те, кто по собственному побуждению повинуются разуму, но те, кем управляет Дух Божий. Однако называются они живущими по Духу не потому, что исполнены этого Духа (чего еще ни с кем не бывало), а потому что имеют пребывающий в них Дух, хотя бы и чувствовали, что есть в них также остатки плоти. Дух же не может пребывать так, чтобы не занимать высшие части души. Ибо следует отметить, что человек именуется по своей преимущественной части.

Если же кто Духа Христова не имеет. Апостол добавляет эту фразу, чтобы показать, сколь необходимо для христиан отречение от плоти. Ведь царство Духа есть упразднение плоти, и те, в которых Дух не царствует, не принадлежат Христу. Итак, не христиане те, кто служит плоти. Ибо те, кто отделяет Христа от Его же Духа, делают из Него мертвого идола или даже труп. Следует всегда держаться следующего апостольского совета: незаслуженное отпущение грехов нельзя отделить от духа возрождения. Поелику это значит как бы разделять Христа пополам. Если это истинно, то удивительно, что противники Евангелия обвиняют нас в превозношении: мы якобы дерзко утверждаем, что в нас обитает Дух Христов. Ибо нам надо либо отречься от Христа, либо признаться, что через Его же Дух мы являемся христианами. Безусловно, ужасно слышать, что люди до такой степени отступили от Христа, что не только считают себя христианами без Духа Христова, но и высмеивают веру других. Но такова философия папистов. И пусть читатели обратят внимание на следующее: Дух иногда зовется Духом Бога Отца, а иногда Духом Христовым. Это происходит не только потому, что на Христа, поелику является Он нашим Посредником и Главою, излилась вся полнота Духа, дабы от Него каждому из нас уделялась своя доля благодати, но и потому, что один и тот же Дух общ для Отца и Сына, у Которых одна сущность и одно вечное божество. Поскольку же у нас нет иного общения с Богом, кроме как через Христа, апостол мудро спускается от Отца, кажущегося находящимся далеко от нас, к более близкому Христу.

10) *А если Христос в вас.* Сказанное им ранее о Духе ныне говорит он о Христе, чем означает тот способ, коим обитает в нас Христос. Ибо, как посвящает Он нас Себе во храм через Свой Дух, так же и обитает в нас через этот же Дух. Теперь он более четко изъясняет то, о чем мы уже упоминали: что сыны Божии считаются духовными не вследствие полного и абсолютного совершенства, но только вследствие начавшегося в них обновления жизни. Сказано же это здесь для того, чтобы разрешить сомнение, способное иначе долго нас мучить. Ибо какую бы часть в нас ни занимал Дух, видим мы, что другая часть все еще пребывает в смерти. Итак, апостол отвечает: животворящая сила находится в Христовом Духе, сила, способная поглотить нашу смертность. Откуда следует²⁸⁹, что надобно терпеливо ждать, пока не истребятся в нас остатки греха. Далее, читателям уже было сказано, чтобы под словом “дух”²⁹⁰ разумели они не нашу душу, а Дух возрождения, Которого Павел зовет жизнью не только потому, что Он живет и царствует в нас, но и потому, что животворит нас силою Своею, доколе по упразднении смертной плоти не обновит²⁹¹ нас совершенно. Как и наоборот, слово “тело” означает здесь ту грубую массу, которая еще не очищена Духом Божиим от земной скверны, и которая мыслит одни лишь грубые вещи. Ибо иначе было бы абсурдным приписывать телу вину за грех. Напротив, это душа наша не является жизнью, чтобы жить ей не самой от себя. Итак, смысл слов Павла таков: хотя грех и приговаривает нас к смерти, покуда остается в нас порочность первой природы, Дух Божий все равно является победителем. И не мешает нам то, что наделены мы лишь Его начатками, поелику даже одна Его искра уже является семенем жизни.

11) *Если же Дух.* Подтверждение предыдущего предложения²⁹², исходящее из понятия производящей причины. Смысл здесь таков: если Христос воскрес силою Духа Божия, а Дух обладает вечной силой, значит эту же силу будет проявлять²⁹³ Он и в нас. Апостол считает несомненным, что в лице Христа явлен был

²⁸⁸ Изъясняет вторую часть.

²⁸⁹ Поэтому.

²⁹⁰ Дабы не ... разуметь.

²⁹¹ Добавь, причем ради праведности, в которой имеется сила истребить грех.

²⁹² Предшествующего.

²⁹³ То же, что иногда зовется Он Духом Божиим, а иногда Духом Христовым, в том означает единство их божества.

пример той великой силы, которая относится ко всему Его телу, то есть к Церкви. Поскольку же автором воскресения делает он Бога, то и приписывает Ему животворящий Дух.

Кто воскресил. Этим перифразом описывает апостол того же Бога, что больше подходит настоящей его цели, чем если бы он просто назвал Его по имени. По той же причине славу воскресшего Христа приписывает он Богу Отцу. Ибо это более действенно доказывает утверждаемое им, чем если бы сила эта приписана была Христу. Ведь можно было бы возразить: Христос для воскресения Своего воспользовался той силой, которой совершенно лишены остальные люди. Однако, говоря, что Бог воскресил Христа Своим Духом, Которого сообщил и нам, он отвел все возражения, способные помешать нам иметь твердую надежду на воскресение. И это нисколько не противоречит другому утверждению (Ин.10:18): Имею власть положить душу Мою, и снова взять ее. Христос, безусловно, воскрес Сам по Себе и Своею собственной силой; но, как имеет Он привычку приписывать Отцу все, что находится в Нем от божественной силы, так и апостол вполне подходяще перенес на Отца все, что было во Христе в собственном смысле божественным делом. Смертными же телами называет он все, что еще остается в нас подверженного смерти, как был у него обычай называть этим именем грубейшую часть нашего естества. Откуда заключаем, что ведет он речь не о последнем воскресении, которое имеет совершиться в один миг, а о постоянном действии Духа, коим, понемногу умерщвляя остатки плоти, восстанавливает Он нас к небесной жизни.

12. Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; 13. ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. 14. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии.

(12. Итак, братия, мы должники не плоти, чтобы жить по плоти; 13. ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. 14. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии.)

12) *Итак, братия.* Завершение предыдущей мысли. Ибо ежели следует отречься от плоти, не должно иметь нам с нею никакого дела. Наоборот, если надобно,²⁹⁴ чтобы царствовал в нас Дух, абсурдно было бы не слушаться Его повелений. Речь Павла здесь несколько ущербна, поелику опускает он вторую часть антитезиса, что мы являемся должниками Духа. Однако смысла это никак не затемняет. Вывод же сей имеет силу одобрения, как и всегда следует черпать ободрение из учения Божия. Так и в другом месте, Еф.4:30, увещевает нас апостол не огорчать Духа, Которым мы были запечатлены на день воскресения. Также в Гал.5:25: Если живем мы Духом, то и будем ходить по Духу. Это происходит тогда, когда отвергаем мы плотские похоти и отдаем себя как бы в рабство праведности Божией. Так здраво и следует нам рассуждать, не так, как некоторые привыкли богохульствовать и болтать, что следует-де сомневаться, поелику ничего не находится в нашей власти. Если же мы благодать Его, дарованную нам, угашаем небрежением и презрением, то как бы воюем с Богом.

13) *Ибо если живете по плоти.* Здесь апостол добавляет угрозу, дабы еще жестче рассеять всякие мечтания, чем также опровергаются те, кто претендует на оправдание верою без Христова Духа. Хотя они достаточно обличаются и собственной совестью, поелику нет упования на Бога там, где не присутствует любви к праведности. Истинно, что мы оправдываемся во Христе, одной лишь милостью Божией, однако истинно и то, что все оправдываемые призываются Господом к жизни, достойной их призвания. Итак, пусть верные научатся, что приняты они не только в оправдание, но и в освящение, как и Дух дан нам для обеих этих целей, чтобы не разделяли мы Его своею половинчатой верой.

А если Духом умерщвляете. Так апостол уточняет свое предложение, дабы не ввергнуть в отчаяние благочестивых, которые еще сознают за собой многие немощи. Ибо как бы ни были мы до сих пор подвержены грехам, ничто не угрожает обетованной нам жизни, лишь бы шли мы по пути умерщвления плоти. И не требует он от нас буквального умерщвления плоти, а только лишь старания господствовать над своими похотями.

14) *Ибо все, водимые Духом Божиим.* Доказательство предшествующего утверждения. Ибо апостол учит, что лишь те числятся среди детей Божиих, кто управляются Его Духом. Поелику Бог отличает Своих по этому признаку. Так опровергается пустое притязание лицемеров, которые присваивают себе имя без самой вещи, а верные воодушевляются к несомненному упованию на собственное спасение. Итог таков: сыны Божии суть те, кто водится Духом Божиим. Все сыны Божии суть наследники вечной жизни. Итак, все, водимые Духом Божиим, должны быть уверены в вечной жизни. Доказательство средней посылки здесь опущено, поелику она не вызывает сомнений. Впрочем, подобает нам отметить, что действие Духа многообразно. Ибо Он присутствует повсюду, и все творения живут и движутся Им. В людях же имеются

²⁹⁴ Чтобы мы повиновались Его повелениям.

особые действия Духа, весьма разнообразные. Но здесь апостол понимает освящение, коим Господь не удостоивает никого, кроме своих избранных, отделяя их Себе в сыновья.

15. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем “Авва Отче!” 16. Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии. 17. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним прославиться. 18. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас.

(15. Потому что вы не приняли духа рабства опять в страх, но приняли Духа усыновления, Которым взываем “Авва Отче!” 16. Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии. 17. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним прославиться. 18. Ибо думаю, что нынешние временные страдания не равны той славе, которая откроется в нас.)

Здесь апостол подтверждает²⁹⁵ несомненность того упования, в котором ранее велел успокоиться верным, и притом по особому воздействию Духа, поелику Он дан нам не для того, чтобы повергать нас в страх и трепет, а скорее для того, чтобы утихомирив всякое волнение, возвращая наш ум в состояние спокойствия, побудить нас к уверенному и свободному призыванию Бога. Итак, он не только развивает то доказательство²⁹⁶, о котором говорил ранее, но еще больше настаивает на второй мысли, которую присоединяет к первой. А именно: он говорит об отеческом милосердии Божиим, по которому Он прощает Своим людям немощи и пороки плоти, коими те до сих пор мучаются. Учит он, что вера в это становится для нас несомненной из-за воздействия Духа усыновления, Который не дал бы нам упование в молитве, если бы одновременно не запечатлел незаслуженное прощение. И дабы еще больше проиллюстрировать эту мысль, он говорит о двойном духе: одного зовет духом рабства, который получаем мы от закона, а другого – Духом усыновления, Который приходит к нам от Евангелия. Первый по его словам дан нам для страха, второй же – для спокойствия.

Из подобного сравнения противоположностей еще больше явствует та несомненность нашего спасения, которую он и хотел подтвердить. Тем же самым сравнением пользуется автор Послания к Евреям (12:18), говоря, что мы приступили не к горе Синай, где все было столь страшным, что народ, словно услышав собственный смертный приговор, молил, чтобы больше к нему не обращались, и даже Моисей признался в своем страхе, но приступили к Сиону, горе Господней, и граду Его, небесному Иерусалиму, где находится Посредник нового Завета Иисус. Из употребленного наречия мы заключаем, что закон здесь сравнивается с Евангелием, поелику сие бесценное благословение Сын Божий принес нам с пришествием Своим, так что нас более не удерживает рабское подзаконное положение. Однако не думай, что никто до пришествия Христова не был наделен Духом усыновления, или что все, принявшие закон, были рабами, а не сынами. Ибо апостол скорее сравнивает служение закона с евангельским устроением, нежели одних людей с другими.

Признаюсь, что здесь верным говорится о том, насколько щедрее ныне к ним Бог, нежели был некогда к отцам во времена ветхого завета, однако сие относится к внешнему устроению, и лишь в этом отношении превосходим мы отцов. Поелику вера Авраама, Моисея и Давида была превосходнее нашей, хотя по виду Бог и удерживал их под детоводительством закона, так что они не перешли в ту свободу, которая, под конец, явилась нам. Одновременно следует отметить, что здесь намеренно из-за лжеапостолов буквалистские ученики закона противопоставлены верующим, которых Христос, Небесный Учитель, побуждает не только звуком Своего голоса, но и внутренне учит воздействием Своего же Духа. И хотя в законе содержится завет благодати, он изымает его оттуда, поелику, противопоставляя закону Евангелие, имеет в виду лишь то, что было присуще закону самому по себе, а именно: повелевать, запрещать и смертным приговором обуздывать преступников.

Так что апостол говорит здесь о том качестве закона, которым он отличается от Евангелия. Или же, если кому будет угодно, он выставляет перед нами голый закон, по которому Бог обращается с нами в зависимости от наших дел. Так, стало быть, следует думать об отдельных людях: среди иудейского народа во времена провозглашения закона и после его провозглашения благочестивые были просвещаемы тем же Духом веры. Поэтому в их сердцах была запечатлена та же надежда на вечное наследие, залогом и печатью которой является Дух. Разница лишь в том, что в царствии Христовом Дух излит щедрее и изобильнее. Если

²⁹⁵ Учит теперь, каким образом суть сыны Божии те, кто водим Духом Божиим, пользуясь доводом, взятым из следствия, ведь сию уверенность внушает нам Дух.

²⁹⁶ Не причастны благодати Христовой те, кто не обновлен Его Духом. Однако к этому присовокупляет он и вторую мысль, о которой говорил ранее, – об отеческом благоволении Божиим, по которому прощает нам, несмотря на то, что мы все еще страданием великой немощью.

же смотреть на само устройство, то покажется, что спасение впервые явилось лишь тогда, когда Христос был явлен во плоти. Ибо в ветхом завете все было сильно затемнено по сравнению с ясностью Евангелия. Затем, ежели закон рассматривать сам по себе, не может он ничего, кроме обуздывания страхом смерти людей, находящихся в несчастном рабстве. Поелику не обещает он никакого блага, кроме как при определенном условии, провозглашая при этом смерть всем своим нарушителям. Посему, как под законом царствовал дух рабства, тяготившего совесть страхом, так же во времена Евангелия царствует дух усыновления, свидетельством спасения веселящий²⁹⁷ наши души. Заметь же, что здесь страх соединяется с рабством, поелику иначе и быть не может, так как закон мучает и терзает души горестным беспокойством, покуда сохраняется его власть. Поэтому для их успокоения нет иного средства, нежели если Бог простит нам наши грехи, как отец прощает своих сыновей.

Которым взываем. Апостол изменил здесь лицо говорящего, чтобы выразить общую для всех святых участь, как бы говоря: Вы приняли Духа, Которым вы, как и мы, остальные верующие, непрестанно взываете. И немалое ударение падает здесь на то, что имя Отца призывает он от лица верующих. Повторение же имени разными словами служит усилению смысла. Ибо Павел хочет сказать, что ныне по всему миру провозглашено милосердие Божие, так что повсюду призывается оно на разных языках, как заметил и Августин. Итак, хочет он выразить то, в чем согласны все народы. Откуда следует: уже ничто не различает эллина от иудея, соединенных друг с другом в этом призывании. Иначе выражается пророк Исаия (19:18), объявляя, что язык Ханаана станет общим для всех, однако смысл такой же, поелику относится он не к внешней идиоме, а к согласию сердец в почитании Бога и к общему усердию в чистом Ему поклонении. Слово же “взываем” поставлено здесь для выражения упования, как если бы было сказано: мы просим, не сомневаясь, но бестрепетно возносим к небесам свой голос. Ведь даже во времена закона верные называли Бога Своим Отцом, однако не с таким великим упованием, поскольку завеса не позволяла им приближаться к святилищу. Ныне же там, где доступ явлен нам кровью Христовой, позволительно нам по семейному и словно в открытую хвалиться тем, что мы дети Божии. Отсюда и рождается сие взывание. Так исполняется пророчество Осии (2:25): скажу им: Вы – мой народ, а они ответят: Ты – наш Бог. Ибо чем яснее обетование, тем больше свобода молитвы.

16) *Сей самый Дух.* Апостол не просто говорит, что Дух Божий свидетельствует духу нашему, но употребляет здесь сложносоставное слово, которое можно было бы перевести как “сосвидетельствует”, если бы у латинян этот термин не означал иное. Павел имеет в виду, что Дух Божий дает нам такое свидетельство, что под Его водительством наш собственный дух удостоверяется в надежном божественном усыновлении. Ведь ум наш не сам от себя внушает нам эту веру, а по предшествующему свидетельству Духа. Далее, здесь имеется толкование предыдущего предложения. Ибо когда Дух свидетельствует нам, что мы дети Божии, одновременно Он внушает душам нашим упование, заставляющее нас призывать Бог как собственного Отца. Несомненно, когда уста наши отверзает одно лишь упование сердца, то, ежели Дух не даст этому сердцу свидетельство отеческой Божией любви, язык будет нем для молитвы. Ибо следует верить в следующее положение: Мы не иначе законно просим о чем-либо Бога, нежели называя Его Отцом и будучи уверенными в том, что Он действительно таков. Этому отвечает и вторая мысль: вера наша подтверждается не чем иным, как призыванием Бога. Посему Павел, не без причины призывая нас к самопроверке, показывает, что лишь тогда будет ясно, насколько искренне каждый верует, когда люди, получившие обетование благодати, станут упражняться в молитве. И здесь превосходно опровергается болтовня софистов о нравственном предположении, которое есть не что иное, как неопределенность и беспокойство души, скорее же колебание и бред. Одновременно дается ответ на возражение тех, кто спрашивает: каким образом человек может точно узнать волю Божию? Но уверенность эта происходит не из человеческого восприятия, но от свидетельства Духа, как подробнее тот же апостол говорит в Первом Послании к Коринфянам. Откуда можно почерпнуть также толкование на настоящее место. Посему незыблемо положение: никто не может считаться сыном Божиим, если не признает себя таковым. Каковое признание зовется Иоанном знанием для подчеркивания его несомненности (1Ин.5:19, 20).

17) *Если же дети.* Доводом от логического следствия апостол доказывает, что спасение есть там, где имеем мы Отцом своим Бога. Сынам уготовано наследие: итак, когда Бог усыновляет нас Себе, то одновременно и определяет нам наше наследство. Затем добавляет, каково это наследство, а именно: небесное, и потому нетленное и вечное, которое и явилось во Христе. Этим явлением устраняется всякая неопределенность и восхваляется превосходство наследия, в котором мы участвуем наряду с Единородным от Отца. Хотя намерение Павла, как вскоре будет явствовать, состояло в том, чтобы возвысить в наших глазах обетованное наследие, дабы, довольные им, мы презрели все прельщения мира сего и терпеливо сносили всю прилежащую нам в этом мире скорбь.

²⁹⁷ Утешающий.

Если только с Ним страдаем. Толкования сего места различны, но мне большего всего нравится такой вот смысл: мы являемся сонаследниками Христу, только если следуем²⁹⁸ за Ним к положенному нам наследию по тому же самому пути, по которому шел и Он. Упомянув же о Христе, он делает это потому, что хочет подойти к своему увещанию такими вот шагами: Божие наследие принадлежит нам потому, что усыновлены мы по Его благодати. И дабы наследие сие не было сомнительным, оно уже отдано Христу, соучастниками Которого мы становимся. Но Христос достиг его через Свой крест, следовательно и нам надлежит так же его достигнуть. И не следует бояться (как некоторые опасаются), что Павел причину вечной славы приписывает²⁹⁹ здесь нашим делам. Ведь такая форма речи вовсе не необычна для Писания, показывая скорее порядок, которому Господь следует, обустроивая наше спасение, нежели его причину. Ибо апостол еще до этого достаточно утвердил незаслуженное милосердие Божие вопреки всяким заслугам дел. Ныне же, увещывая нас к терпению, он рассуждает не о том, откуда к нам приходит спасение, но о том, каким образом управляет нами Бог.

18) *Ибо думаю.* Хотя допустимо поступают те, кто понимает сию фразу как уточнение, я предпочитаю относить ее скорее к ободрению или упреждению, чтобы смысл был таким: не должно огорчать нас, ежели наш путь к славе пролегает через многие скорби; ведь они, если переносятся с достоинством, подобающим сей славе, совершенно ничтожны. Будущей славой апостол называет славу вечную, как и мирскими скорбями зовет он те скорби, которые быстро проходят. Отсюда явствует, что место сие дурно понято схоластами, почерпнувшими из него глупое различие между заслугой по достоинству и по соответствию. Ибо апостол имеет в виду не величие той и другой заслуги, а говорит о тяжести креста по сравнению с величием будущей славы, и делает это для утверждения в терпении душ верующих.

19. *Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, 20. потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, 21. что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. 22. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне;*

(19. Ибо непрестанное ожидание твари ожидает откровения сынов Божиих, 20. потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде. 21. Потому что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. 22. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне;)

19) *Ибо тварь с надеждою ожидает.* Апостол учит, что терпение, к которому он призывает нас, являет свой пример в самом безгласном творении. Ибо так, опуская разнообразие иных толкований, я понимаю это место. Нет ни одного элемента, нет ни одной части мира, которая, словно осознавая настоящую скорбь, не предалась бы надежде на воскресение. Апостол указывает на две вещи: все твари стенают, и однако же сохраняют надежду. Откуда явствует, сколь огромна цена вечной славы, способная заставить все творение ожидать ее и возжелать. Далее, сия фраза, **ожидание ожидает**, хотя и несколько необычна, имеет однако приемлемый смысл: ибо апостол хочет сказать, что твари, находясь в великом стеснении и изнемогая от великого желания, ожидают тот день, который открыто явит славу сынов Божиих. Он называет его откровением сынов, поелику тогда будем мы подобны Богу. Ведь Иоанн говорит: Хотя и знаем мы, что являемся сынами Божиими, еще не открылось, что будем (1Ин.3:2). Я сохранил слова Павла, поскольку перевод Эразма показался мне скорее дерзким, чем уместным: покуда не явятся сыны Божии. Кроме того, он не достаточно отражает мысль апостола. Ибо апостол не имеет в виду, что дети Божии явятся в последний день, но что тогда явятся, сколь блаженно и желанно их состояние, когда сошедши с тления, облечутся они в небесную славу. Ибо потому приписывает он надежду твари, лишенной разума, чтобы верные отверзли очи для созерцания невидимой жизни, хотя и сокрыта она пока под внешней неприглядностью.

20) *Покорилась суете.* Апостол указывает на цель от противного. Поелику твари, ныне покорные тлению, могут быть восстановлены не раньше, чем восстановятся сыны Божии, потому и, ожидая своего восстановления, твари взирают на явление небесного царства. Называет же их покорившимися суете, поелику не пребывают они в твердом и незыблемом состоянии, но словно текут и быстро проходят перед нашими глазами. Ибо нет сомнения, что суету противопоставляет он здесь целостной природе.

Не добровольно. Поелику у подобной твари нет никакого разума, волю здесь следует понимать как природную склонность, по которой природа всех вещей стремится к своему сохранению и совершенству. Итак, все, что удерживается под властью тления, терпит над собой насилие против желания своей природы. Но каждую часть мироздания, **ката просвѣтопоиски**, он называет как бы наделенной разумом, дабы еще больше устыдить нас нашим небрежением, ежели наблюдаемое нами преходящее течение мира не возносит к горнему.

²⁹⁸ Продвигаемся.

²⁹⁹ Приписываем.

Но по воле покорившего. Апостол предлагает пример терпения в лице всех тварей и добавляет, что терпение рождается из надежды, поелику от нее окрыляются солнце и луна и все звезды на свой непрестанный бег. От нее земля черпает неустанность в приношении плода, от нее неуемное движение воздушных потоков, от нее сила течения вод, – ведь Бог всему дал свою долю надежды. Он не только приказом повелел то, чему восхотел дать бытие, но и внушил твари надежду на обновление. Ибо в печальном разложении, последовавшем за грехопадением Адама, вся мировая машина словно распалась на отдельные части, и они бы пришли в негодность, если бы их не подпирала некая тайная твердыня. Итак, было бы весьма непристойно, если бы залог Духа в сынах Божиих был слабее тайного инстинкта в смертных тварях. Следовательно, куда бы еще не склонялись творения по своей природе, поскольку Богу было угодно удерживать их под властью суеты, они повинуются Его приказу. И поелику Он дал им надежду на лучшую участь, они поддерживают себя ею, сохраняя в себе желание, покуда не откроется обещанное им нетление. **Провопотои** же состоит в том, что апостол приписывает им надежду, как ранее приписал желание и нежелание.

21) *Что и сама тварь.* Апостол показывает, каким образом тварь покорилась суете в надежде, поелику грядет в будущем ее освобождение. Как и Исаия свидетельствует, и апостол Петр подтверждает сие даже еще более ясным образом. Отсюда можно заключить, сколь ужасное проклятие мы заслужили. Ведь вся тварь, невинная в наших пороках, от земли до небес отбывает с нами наказание. Ибо то, что мучается она в своем тлении, происходит по нашей вине. Так на всем небесном и земном творении запечатлено осуждение человеческого рода. И обратно, отсюда явствует, в какое превосходство славы войдут дети Божии, – славы, для умножения и выявления которой обновятся все твари. Далее, апостол не говорит, что тварь будет соучаствовать с сынами Божиими в одной и той же славе, но что она в некотором роде улучшит свое положение. Поелику Бог одновременно с человеческим родом восстановит и мир, пребывающий ныне в падшем состоянии. Какой же будет та целостность в растениях, камнях, скотах, и т.д. не подобает и не приличествует исследовать с любопытством. Поелику главная часть тления состоит в физической гибели. Изощренные, но едва ли трезвые разумом люди спрашивают: будет ли тогда бессмертен всякий род животных. Если не сдерживать уздой подобные умствования, куда они могут нас увести? Итак, будем же довольны простым учением: тогда будет такая обстановка и такой порядок, что ничто не покажется безобразным или преходящим.

22) *Ибо знаем.* Здесь повторяет он ту же мысль, дабы перейти затем к нам самим, хотя сказанное имеет форму и силу логического заключения. Ибо из того, что тварь ныне подвержена тлению, причем не по природному желанию, но по приказу Божию, и из того, что у нее есть надежда некогда избавиться от сего тления, следует, что тварь стенает подобно роженице, покуда не будет избавлена³⁰⁰. Сравнение же это приводится здесь для того, чтобы мы знали: то стенание, о котором идет речь, не напрасно и не тщетно, поелику некогда даст оно радостный и счастливый плод. Итог таков: тварь и не довольна настоящим положением, и не настолько страдает, чтобы быть уже безнадежно больной, но стенает, поелику прилежит ей восстановление в лучшее состояние. Говоря же, что тварь совокупно мучится, не понимает того, что она взаимно друг дружку обременяет, но придает ее, тем самым, нам в сотоварищи. Слово же “доньне”, или до сего дня, предназначено к приданию нам бодрости в повседневных тяготах. Ибо, ежели столько веков тварь пребывает в своих стенаниях, то сколь неизвинительна наша изнеженность и леность, когда мы изнемогаем даже от кратких и эфемерных испытаний.

23. *И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.* 24. *Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?* 25. *Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.*

(23. *И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.* 24. *Ибо мы спасены надеждою. Надежда же, которую видят, не есть надежда; ибо тот, кто видит, как будет надеяться?* 25. *Итак, если на то, что не видим, надеемся: ожидаем в терпении.*)

23) *И не только.* Есть некоторые, кто думает, что апостол хотел здесь превознести достоинство будущего блаженства, сказав, что все ожидают его с пламенным желанием. И не только неразумные твари, но и мы, возрожденные Духом. Сие мнение можно отстаивать, но мне кажется, что здесь скорее присутствует сравнение большего с меньшим, как если бы было сказано: такова грядущая слава даже тварей, лишенных разума и чувств, что некоторые из них пламенеют в ее ожидании, тем более мы, просвещенные Духом Божиим, по крепости своей надежды и прилежности своего усердия должны воздыхать о величии толикого

³⁰⁰ Что сказал он до сих пор, означает то же, как если бы было сказано: покуда продолжается текущее состояние дел.

блага. Апостол требует в верующих двойного чувствования, а именно: чтобы воздыхали они, отягощенные ощущением настоящей скорби, и тем не менее терпеливо ожидали своего избавления. Ибо он хочет, чтобы возвысившись в душе и в ожидании грядущего блаженства, верующие одолели все текущие невзгоды, дабы думали они не о том, каковы теперь, а о том, какими будут тогда.

Имея начаток. То, что иные переводят³⁰¹ это слово как "первенство", понимая его как редкое и чрезвычайное преимущество, мне абсолютно не нравится, поэтому, для избежания двусмысленности, следует перевести его как "начаток". Ибо я разумею его не об одних только апостолах, как думают те толкователи, но обо всех верных, которые, в жизни сей окропленные лишь каплями Духа, либо же, преуспев, наделенные твердой его мерой, в обоих случаях еще далеки от совершенства. Итак, это и есть тот начаток, которому противопоставляется конечное преуспевание. Ибо, поскольку еще не наделены мы полнотой, не удивительно, что пребываем в беспокойстве. Повторяя же, **мы сами**, и добавляя, **в нас самих**, делает это для выражения горячего желания. И говорит не только о желании, но и о воздыхании, поелику где ощущение скорби, там и воздыхание.

*Ожидая усыновления*³⁰². В несобственном смысле, но не без основательной причины усыновление связано здесь с наследием, для обладания которым мы и усыновлены. Ибо Павел хочет сказать, что вечный Божий декрет, коим Он избрал нас Себе в сыновья прежде создания мира, и о котором свидетельствует Евангелие, и веру в который запечатлевает Он Духом в наших сердцах, был бы недействительным, если бы не было твердо обещано воскресение, являющееся следствием этого декрета. Ибо от чего Богу быть нашим Отцом, если покинувших земное странствие не воспримлет небесное наследие? К этому же относится то, что говорится об искуплении тела. Ибо Христос так уплатил цену нашего искупления, что смерть, тем не менее, все еще держит нас в своих оковах, и мы еще носим ее внутри самих себя. Откуда следует, что жертва смерти Христовой была бы напрасной и бесплодной, если бы плод ее не заключался в небесном обновлении.

24) *Ибо мы спасены в надежде*³⁰³. Павел подтверждает свое увещание и другим способом, говоря, что спасение наше нельзя отделить от вида земной смерти, что доказывает из природы самой надежды. Ибо, поскольку надежда простирается на то, что еще не явлено, и представляет нашему разумению образ вещей, еще отдаленных и сокрытых, значит, все явленное и очевидное, — то, что мы держим в руках, — не может быть предметом надежды. Однако Павел считает общепризнанным, что покуда мы живем в этом мире, спасение наше состоит в надежде. Откуда следует, что размещено оно подле Бога, намного превышая наши чувствования. Говоря же, что видимое уже не есть надежда, употребляет изречение грубое, но никак не затемняющее смысл. Ведь он хочет просто научить нас тому, что, поскольку надежда отнесена к будущему, а не настоящему благу, не может она сопутствовать надежному обладанию. Итак, ежели кто не хочет воздыхать о спасении, он неизбежно извращает порядок Божий, ведь Бог призывает своих людей к славе не прежде, чем испытает их же в деле терпения. Однако, поелику Богу было угодно взрастить наше спасение словно в закрытой теплице, полезно будет нам трудиться, тяготиться, рыдать, скорбеть на этой земле, и даже ощущать себя полумертвыми и близкими к смерти. Ибо требующие ясного спасения отказываются от него, отрекшись от надежды, которая является их назначенным Богом стражем.

25) *Но когда надеемся.* Здесь наличествует доказательство от предшествующего к последующему. Поелику за надеждой с необходимостью следует терпение. Ведь, ежели тяжко не иметь то благо, которого желаешь, то с необходимостью придешь в отчаяние, если только не нав्यкнешь поддерживать себя терпением. Итак, надежда всегда приходит вместе с терпением. Отсюда очевиднейший вывод³⁰⁴: упразднится Евангелие о воскресении, ежели не будем проводить мы настоящую жизнь, терпеливо неся свой крест и испытывая

³⁰¹ Истолковывают.

³⁰² Уже совершенно усыновление наше и подкреплено данным нам залогом. Однако еще остается ему полностью выявиться. Знаем, говорит Иоанн, что являемся детьми Божиими, но еще не явилось полностью. Итак, словом Своим и Духом Господь усыновил нас Себе, на деле же явит сие усыновление, когда поместит нас в наследии Своего царства. Так следует разуметь то, что апостол в виде толкования добавляет об искуплении тела. Ибо, хотя смертью Христовой и было совершено наше искупление, не будем мы наслаждаться сим благом, покуда Господь через воскресение не сообразует нас со Своей славой, воздвигнув нас из нашего ничтожества.

³⁰³ Дабы не уставали мы воздыхать и не изнемогло желание наше, апостол указывает на порядок, который Господь соизволил соблюсти в устройении спасения нашего. Так что и то способствует нашей пользе, что мы трудимся, скорбим, плачем. Дабы доказать это, апостол счел общепризнанным то, что никто не посмеет отрицать: наше спасение ныне заключено в надежде. Затем от собственной природы надежды он доказывает, что спасение наше ныне сокрыто, если является оно предметом надежды. Ибо мы надеемся на то, чего не видим. Говоря же, что надежда, которую видят, уже не есть надежда, делает это в несобственном смысле, но для прояснения значения своих слов. Ведь надежда, относясь к будущему, а не настоящему благу, никогда не сопряжена с надежным обладанием.

³⁰⁴ Нам не следует надеяться ни на какое благо от Господа, если не.

скорби. Ведь ежели жизнь для нас невидима, то смерть неизбежно предстает перед нашим взором; если слава невидима, то явствует позор. Посему, ежели хочешь вкратце выразить смысл сего места, сведи слова Павла к следующему: спасение всех набожных людей помещено в надежде. Надежде же принадлежит взирать на будущее и сокрытое благо, следовательно, спасение верных ныне сокрыто. Но надежда поддерживается лишь терпением, значит, спасение верных усовершится лишь через терпение. Далее, имеем мы здесь знаменательное место, говорящее о том, что терпение – неразрывный спутник веры. И доказательство сего очевидно: ведь утешаясь надеждою на лучшее, мы смягчаем ощущение настоящих бедствий и много легче их сносим.

26. Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. 27. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией.

(26. Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. 27. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что по Богу ходатайствует за святых.)

26) Также и Дух³⁰⁵. Чтобы верные не сказали, будто они слишком слабы, чтобы нести столь тяжкое бремя, апостол указывает им на помощь Духа, достаточную для преодоления всех трудностей. Итак, нет причины жаловаться на то, что несение креста превышает³⁰⁶ наши силы, поелику подкрепляемся мы небесной силою. И велика сила греческого слова *συναντιλαμβάνεται*, ведь Дух, принимая на Себя часть груза, непосильную для нашей немощи, не только³⁰⁷ подкрепляет нас и споспешествует нам, но и так возносит нас, как если бы Сам нес с нами груз. И то, что слово “немощь” употреблено здесь во множественном числе, служит усилению смысла³⁰⁸. Ведь поелику опыт показывает, что мы падаем бесчисленное множество раз, если нас не подкрепляет десница Божия, Павел и увещевает нас, что даже если мы и немощны со всех сторон, и эти немощи угрожают нам всяческими падениями, в Духе Божием все равно достаточно силы, чтобы мы не изнемогли, и никакая череда зол не заставила нас пасть. Впрочем, эти вспомоществования Духа научают нас: по установлению Божию происходит то, что воздыханиями и стонами стремимся мы к своему искуплению.

Ибо не знаем мы, о чем молиться. Выше он говорил о свидетельстве Духа, коим познаем, что Бог является нашим Отцом, и, радуясь, дерзаем призывать Его как Отца. Ныне же повторяя сказанное о призвании, он говорит, что Дух также научает нас, как именно следует призывать, что именно надо нам просить в молитвах. Весьма искусно он связывает молитву с томящимся желанием благочестивых, ведь Бог не потому угнетает их скорбями, чтобы изнутри внушить им слепое отчаяние, но чтобы в молитве облегчили они свое бремя и таким образом упражнялись в вере. Хотя я знаю³⁰⁹, что месту сему даются различные толкования, мне кажется, что Павел здесь просто хочет сказать, что мы слепы в своих прошениях к Богу, поелику даже если и чувствуем свое злополучие, мысли наши слишком спутаны и смущены, чтобы правильно избрать то, чего следует или что полезно. Ежели кто возразит, что правило сие предписывается нам в слове Божием, отвечаю: наши чувствования, тем не менее, пребывают во мраке, покуда Дух не осветит их Своим сиянием.

Сам Дух ходатайствует. Хотя бы сама вещь еще и не была нам дарована, молитвы наши все равно выслушиваются Богом. Однако Павел заключает, что в самом усердии молитвы уже явствует присутствие небесной благодати. Ведь никто по своей воле не возымеет святые и благочестивые желания. Неверные изливают свои молитвы, но лишь насмехаясь над Богом, поелику в них нет ничего искреннего и серьезного, или правильно желаемого. Поэтому необходимо, чтобы Дух внушил нам правильный способ молитвы. По этой-то причине и называет апостол неизреченными те воздыхания, которые изводим мы из себя по внушению Духа, ведь много превосходят они наши собственные способности. Говорится же, что Дух Божий ходатайствует не потому, что на самом деле Он смиренно склоняется в молитве и воздыхании³¹⁰, но потому, что пробуждает³¹¹ в душах наших те желания, о которых подобает нам думать. А затем Он так затрагивает³¹²

³⁰⁵ О сей помощи Духа, коей подкрепляется наше терпение, апостол говорит для того, чтобы мы уразумели: по Божию установлению происходит так, что с воздыханиями стремимся мы к нашему искуплению, хотя Сам Бог и производит в нас эти воздыхания Духом Своим. Затем, дабы не пожаловался кто, даже если и полезно испытывать крест, однако это.

³⁰⁶ Ведь к сему Божию.

³⁰⁷ Так.

³⁰⁸ Для выражения той мысли, что мы непременно бы пали, если бы не подкреплялись его силою.

³⁰⁹ Даются, однако я понимаю его так: сами мы не знаем, о чем нам полезно или следует молиться, ибо мы слепы.

³¹⁰ Молится и воздыхает.

³¹¹ Воздвигает.

³¹² Воздыханиями и стенаниями, которые не могут возникнуть от природной склонности. Однако.

наши сердца, что пламенно стремятся они к самому небу. Павел говорит так для того, чтобы еще выразительнее приписать всё благодати Духа³¹³. Итак, нам повелевают стучать, но никто добровольно не сможет помыслить и одной благочестивой молитвы, ежели Бог тайным побуждением Своего же Духа не постучит Сам и не откроет Себе наше сердце.

27) *Испытующий же сердца.* Это великолепный повод для укрепления нашего упования, – именно то, что Бог выслушивает нас, когда молимся мы Его же Духом. Ибо Он хорошо знаком с нашими желаниями, которые измыслил Его Дух. Здесь следует отметить уместность слова “знает”: ибо апостол хочет сказать, что Бог не пренебрегает чувствованиями души как чем-то новым и чуждым, и не отвергает их как абсурдные, но что Он признает и одновременно милостиво принимает их как одобренные Им же Самим. Итак, как говорил ранее и сам Павел, Бог уже помогает нам, когда словно принимает нас в Свое лоно. Ныне же он добавляет еще одно утешение, что все наши желания, создателем которых является Сам Бог, никоим образом не могут оказаться напрасными. И сразу же приводится причина: поелику так Бог сообразует нас с Собственным хотением. Откуда следует: не может быть незаконным то, что согласно с Его же волей, коей управляется все на свете. Отсюда мы также научаемся стремиться прежде всего к тому, чтобы в молитве быть согласными с волей Бога, Которого наши собственные желания никак не обязывают. Посему, ежели хотим мы, чтобы молитвы наши были приняты Господом, следует просить Его, чтобы Он Сам управлял ими по Своему хотению.

28. *Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.* 29. *Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями.* 30. *А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил.*

(28. *Притом знаем, что любящим Бога все содействует ко благу, тем, именно, кто призван к святости по Его изволению.* 29. *Ибо кого Он предузнал, и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями.* 30. *Кого же предопределил, тех и призвал, кого же призвал, тех и оправдал, кого же оправдал, тех и прославил.*)

28) *Притом знаем.* Из вышесказанного апостол теперь заключает, что тяготы жизни не только не задерживают наше спасение, но скорее служат нам в помощь. И не мешает то, что апостол употребляет здесь заключительную частицу [притом; - прим. пер.], ведь такая перестановка наречий весьма обычна. Хотя сей вывод одновременно содержит в себе и упреждение. Ибо плотское чувство скажет: ниоткуда не явствуем, что Бог слушает наши молитвы, ведь скорби наши продолжают беспрерывно и тем же самым образом. Посему апостол говорит³¹⁴: хотя Бог и не сразу помогает Своим людям, Он, однако, не оставляет их вовсе. Поелику по Его чудесному искусству все, кажущееся противным, оборачивается к их спасению. Ежели кто захочет прочесть сие предложение отдельно и думает, что Павел по-новому обосновывает здесь то, что не следует с тяжким сердцем переносить противные нам вещи, я не возражаю. Между тем замысел Павла вполне ясен. Хотя избранные и отверженные подвержены одному и тому же злополучию, между ними есть большое различие. Ведь Бог, наставляя верующих через скорби, заботится об их спасении. Однако следует верить, что Павел повествует здесь лишь о противных нам вещах, как бы говоря: все, что приключается со святыми, направляется Богом так, что считаемое миром за вредное оказывается для них полезным. Ибо, хоть и истинно то, что сказал Августин: даже грехи святых, по провидению Божию, не только не вредят им, но скорее³¹⁵ служат их спасению, – это не относится к данному месту, где говорится о несении креста. Следует отметить, что сумма благочестия заключена здесь в любви к Богу, дабы от нее зависело всякое усердие к праведности.

Призванным по Его изволению. Кажется, что фраза сия добавлена как уточнение, дабы кто не подумал, что верные, любящие Бога, по своим заслугам обрели то, что даже из противных³¹⁶ им вещей извлекают благо³¹⁷. Ибо знаем, что, как только заходит речь о спасении, люди охотно начинают измышлять всякие приготовления, коими они якобы предваряют благодать Божию. Итак, Павел учит, что те, коих он зовет почитателями Бога, прежде были избраны Самим Богом. Ибо не вызывает сомнений, что порядок указан здесь для того, чтобы мы знали: то, что святым все содействует ко спасению, зависит от незаслуженного

³¹³ Что к праведным и законным прошениям воздвигаются наши души и пробуждаются наши сердца. И с той целью, чтобы поняли мы, что не напрасны наши желания, коих водитель и управитель Сам Дух Божий.

³¹⁴ Даже если и скорбим мы, если только помышляем о Боге, все содействует нашему благу и спасению. Вспомни, что Павел словом “все” означает не что иное, как противящиеся нам вещи.

³¹⁵ Совершаемые благочестивыми .. служат.

³¹⁶ От скорбей.

³¹⁷ Показывает апостол, кто суть эти любящие Бога. Именно те, кого Господь по незаслуженному благоволению призвал в общение с Собою. Ибо Писание везде противопоставляет изволение Божие человеческим делам. Призванием же он называет усыновление.

божественного усыновления как от своей первой причины. Более того, Павел показывает, что верные не прежде начинают любить Бога, чем Он их призывает. Как и в другом месте (Гал:4:9) увещевает, что галаты прежде были познаны Богом, нежели сами Его познали. Истинны слова Павла: скорби никому не содействуют ко спасению, кроме тех, кто любит Бога. Но также истинны и слова Иоанна: лишь тогда начинаем мы любить Бога, когда Он Сам предварит нас Своей не заслуженной нами любовью.

Далее, вполне понятно, о каком призвании здесь говорит Павел. Ибо его не следует ограничивать одним лишь проявлением избрания, о котором апостол упоминает немного позже. Но оно просто противопоставляется обычной плотской жизни. Павле как бы говорит: верные обретают благочестие не по собственному побуждению, но ведомые десницей Бога, избравшего их Себе в удел. Слово “изволение”, что бы ни измышляли здесь люди, никак нельзя, следуя Павлу, относить и к Богу и к нам. Ведь апостол отрицает, что причину нашего избрания следует искать где-либо, кроме тайного благоволения Божия, что еще лучше явствует из первой главы Послания к Ефесянам. А также из 2-й главы Первого Послания к Тимофею, где изволение сие ясно противопоставляется человеческой праведности. Однако несомненно, что Павел потому отдельно говорит о том, что спасение наше основано на избрании Божиим, чтобы отсюда перейти к главной теме: по тому же самому небесному декрету нам предназначены и скорби, преобразующие нас по подобию Христа, дабы соединить спасение наше с претерпением креста словно некими необходимыми узами.

29) *Ибо кого Он предузнал.* Итак, апостол показывает, исходя из самого порядка избрания, что все скорби верных есть лишь способ уподобить их Христу. О том же, что такое уподобление необходимо, он уже говорил ранее. Посему нет причины нам страдать и горевать из-за скорбей, если не считаем мы малозначащим избрание Божие, коим предопределены к вечной жизни, и если не гнушаемся представлять в самих себе образ Сына Божия, коим приготавливаемся к небесной славе. Предузание же Божие, о котором упомянул Павел, – это не голое предвидение, как глупо воображают некоторые неученые люди, но усыновление, по которому Он всегда отделял детей Своих от отверженных. В этом смысле Петр говорит, что верные были избраны к освящению Духом по предузнанию Божию. Посему глупо некоторые заключают, что Бог избрал лишь тех, о ком предвидел, что будут они достойны Его благодати. Ибо Петр не льстит верующим, как если бы они были избраны по своим заслугам, но, отсылая их к вечному совету Божию, лишает их всякого собственного достоинства. В этом месте Павел иными словами повторяет то, что прежде говорил об изволении. Откуда следует, что сие предузание зависит от благоволения, поелику Бог не предузнал вне Себя никого из тех, кого захотел усыновить, но лишь запечатлел тех, кого восхотел избрать. Слово же *προορίζειν*, переводимое как предопределять, надобно относить к контексту сего места: ведь Павел здесь хочет сказать следующее: Бог постановил, что усыновит некоторых, и что они будут носить образ Христа. Он не просто сказал: **будут подобными Христу**, но будут носить образ Христа, дабы научить, что во Христе дан нам ясный и живой пример, предлагаемый всем верным для подражания. Итог таков: незаслуженное усыновление, в котором состоит наше спасение, неотделимо от другого декрета, предписывающего нам нести крест. Поелику никто не может стать наследником неба, если не станет прежде подобным Единородному Сыну Божию.

Дабы Он был первородным. Или чтобы Ему быть. Ибо и так, и так можно перевести греческий инфинитив *εἶναι*, но первый перевод мне нравится больше. Далее, под первородством Христа Павел имел в виду лишь следующее: ежели Христос имеет преимущество перед всеми детьми Божиими, то Он заслуженно ставится³¹⁸ нам в пример, чтобы не отказались мы переносить то, чему Он Сам соблаговолил подвергнуться. Итак, поскольку Небесный Отец разнообразно свидетельствует о том достоинстве и праве, которыми наделил Своего Сына, то Он хочет, чтобы все, усыновленные Им в наследие Своего царства, сообразовались с Его примером. Хотя условия жизни благочестивых по виду различны, как и между членами человеческого тела имеется большая разница, однако все они связаны со Своим Главой. Посему как первородный в семье носит ее имя, так и Христос помещен был выше всех, не только чтобы превосходить верующих по чести, но и чтобы всех их принять в Свое общее братство.

30) *А кого предопределил, тех и призвал.* Дабы еще очевиднее доказать истинность положения, что уподобление смирению Христову способствует нашему спасению, апостол как бы восходит вверх по лестнице. Он учит, что причастность кресту так соединена с призванием, оправданием и славой, что ее никак нельзя от них отделить. И дабы³¹⁹ читатели лучше усвоили мысль апостола, подобает вспомнить то, о чем говорил я раньше: слово “предопределять” означает здесь не избрание, а то изволение Божие или Его декрет, по которому Он предназначил Своим людям нести³²⁰ крест Христов. А говоря теперь, что они

³¹⁸ Должен.

³¹⁹ Уразуметь его мысль, следует знать, что под “предустановлением” или, как иные, “предопределением” не имеется в виду избрание, которое обозначено здесь словом “предузнание”.

³²⁰ Под призванием разумеется проявление избрания, когда Господь служением Своего слова и благодатью Духа объявляет Себя нашим Отцом. Под оправданием же означает как незаслуженная праведность,

призваны, апостол, тем самым означает, что Бог постановленное в их отношении не держит у Себя сокрытым, а являет вовне, чтобы они спокойно и смиренно приняли установленный для них закон. Ибо призвание относится здесь к тайному избранию, как низшее к высшему. Итак, дабы кто не возразил, что ему совершенно не известно, какую судьбу каждому предопределил Бог, апостол и говорит, что Бог Своим призванием открыто свидетельствует о Своем же тайном совете. Сие же свидетельство состоит не только во внешней проповеди, но и в соединенной с ней действительности Духа, поелику речь идет об избранных, которых Бог побуждает не только словом, но и привлекает изнутри. Оправдание же я предпочитаю относить к продолжающемуся проявлению божественной благодати от момента призвания до самой смерти.

Но поскольку это слово во всем своем послании Павел использует в качестве обозначения незаслуженной праведности, нет необходимости отходить от этого смысла. Ибо намерение Павла состоит в следующем: нам полагается столь великая награда, что не стоит избегать прилежащие нам скорби. Ибо что желаннее примирения с Богом, дабы скорби наши уже не были признаком нашего проклятия и не способствовали нашей гибели? Поэтому он тут же добавляет: прославляются те же люди, которые ныне несут бремя креста, так что никак не вредят им поношения и несчастья. Ведь даже если прославление сие еще не явлено, кроме как на примере нашего Главы, поскольку в Нем уже имеем мы неким образом наследие вечной жизни, Его слава настолько гарантирует нашу грядущую славу, что надежда наша справедливо приравнивается к самому обладанию. Добавь сюда, что Павел по обычаю еврейского языка прошедшее время использует в качестве настоящего. Несомненно, что здесь означается непрерывный акт в таком вот смысле: кого Бог по Своему замыслу испытывает ныне несением креста, Он одновременно призывает и оправдывает в надежде на спасение, дабы ничто не вредило их славе, хоть ныне и пребывают они в унижении. Ибо хотя настоящие скорби и уродуют их славу в глазах мира сего, пред Богом и ангелами эта слава всегда сияет в своей целостности. Итак, приведя эту последовательность, Павел хочет сказать, что скорби верных, коими ныне они обуреваются, служат не чему иному, как тому, чтобы обрета³²¹ славу царства небесного, достигли они воскресения Христова, хотя ныне и распинаются вместе с Ним в житейских тяготах.

31. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? 32. Тот, Кто Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? 33. Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. 34. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас.

(31. Что же скажем на это? Если Бог за нас, кто против нас? 32. Тот, Кто Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? 33. Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог есть Тот, Кто оправдывает их. 34. Кто осуждает? Христос Иисус есть Тот, Кто умер, но также и воскрес: Который одесную Бога, Который также ходатайствует за нас.)

31) *Что же.* Доказав свое утверждение, апостол переходит теперь к восклицанию и этим подтверждает, какой стойкостью³²² должны отличаться верные, несмотря на то, что супротивные вещи склоняют их к отчаянию. Он учит, что в отеческом благоволении Божиим заключена непобедимая сила, которая одолевает все искушения. Ибо знаем мы, что о любви и ненависти Божией судят обычно по настоящему положению дел. Следовательно, там, где дела обстоят плохо, ропот обуревают души, изгоняя из них всякое упование и утешение. Павел же говорит: следует смотреть выше. И потому дурно рассуждают те, кто обращает внимание лишь на грустное зрелище нашей земной брани. Признаюсь, что божественные кары сами по себе должны считаться признаками гнева Божия. Но, поелику во Христе они оборачиваются благословением, Павел повелевает святым прежде всего думать об отеческой Божией любви, и с этим щитом радостно противостоять всему мирскому злу. Ибо это наша неодолимая стена, когда Бог умилиствен к нам, и мы спокойны во всех опасностях. Апостол имеет в виду не то, что нам вообще ничто не противостоит, но обещает победу над всяким родом враждебных нам вещей.

Если Бог за нас. Это главная и почти что единственная опора, поддерживающая нас во всяком искушении. Ведь если бы Бог не был к нам милостив, пусть даже все улыбалось бы нам, все равно не было бы у нас никакого упования. Наоборот, даже одно Его благоволение для нас великое утешение во всякой скорби, достаточная защита от всех злых напастей. Сюда же относятся все свидетельства Писания, где святые, опираясь на одну силу Божию, дерзали презирать все, что было против них в этом мире. Если буду идти долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мною. На Господа уповаю, что сделает мне плоть? Не убоюсь множества народа, обступившего меня, и т.д. (Пс.23:4, Пс.56:12, Пс.3:7). Ибо нет такой силы на небе или на земле, которая смогла бы противостоять деснице Божией. Итак, когда Бог наш защитник, не надо нам

которую обретаем мы во Христе, так и освящение, и все дары божественного благоволения, ниспосылаемые нам от момента призвания до самой смерти.

³²¹ Достигнув.

³²² Должны переносить все христиане все супротивное. И, во-первых, указывает на источник такой уверенности, дабы благочестивая душа с презрением относилась ко всем тварным препятствиям.

бояться никакого зла. Посему лишь тот истинно уповает на Бога, кто, довольствовавшись Его защитой, ничего не боится до такой степени, чтобы пасть духом. Верные часто подвергаются искушениям, но никогда не отвергаются [Богом]. В этом главным образом и состоит намерение апостола, чтобы благочестивая душа положила на внутреннее свидетельство Святого Духа и не зависела от внешних вещей.

32) *Кто Сына Своего не пощадил.* Поелику для нас весьма важно быть полностью убежденными в отеческой любви к нам Отца, чтобы бестрепетно хвалиться этой любовью, Павел указывает на цену нашего искупления, коей подтверждает, что Бог благоволит к нам. Действительно, свидетельство сей бесценной любви³²³ знаменательно и богато. Состоит оно в том, что Отец не усомнился отдать для нашего спасения Собственного Сына. Павел из этого выводит доказательство от большего к меньшему: поелику Бог не имел ничего ценнее и превосходнее³²⁴ Своего Сына, Он позаботится и обо всем остальном, что только предвидит могущим принести нам пользу. Данное место должно обратить наше внимание на то, что именно приносит с Собой Христос, дабы нам созерцать Его³²⁵ неизреченное богатство. Ибо, будучи залогом безмерной любви к нам Бога, Он был послан к нам не с пустыми руками, но наделенный³²⁶ всеми небесными сокровищами. Дабы тем, кто Им обладает, всего доставало для полного счастья. Слово “предал” означает здесь “отдал на смерть”.

33) *Кто будет обвинять*³²⁷. Первейшим и главнейшим утешением благочестивых во всех превратностях жизни является твердое убеждение в отеческом благоволении Божиим, поелику отсюда происходит и уверенность в спасении, и душевное спокойствие, из-за которых даже противные нам вещи кажутся приятными, или, по крайней мере, облегчается наше страдание. Итак, едва ли можно успешнее воодушевить людей к терпению, нежели внушив им мысль о милости к ним Бога. Поэтому Павел делает сие упование началом всяческого утешения, которым надлежит укреплять верных наперекор всякому злу. Поелику же спасение человека прежде всего повреждается обвинением, а затем ниспровергается осуждением, апостол сначала отвращает опасность обвинения. Ибо един Бог, пред судилищем Которого надлежит нам явиться. Значит, когда Он Сам нас оправдывает, уже не остается места для обвинений.

Здесь не видно правильного противопоставления, в котором бы присутствовали две противостоящие друг другу части, ведь апостол должен был противопоставить скорее следующие два положения: кто будет обвинять? Христос есть Тот, Кто ходатайствует. А затем должен был добавить следующую часть: Кто будет осуждать? Бог есть Тот, кто оправдывает. Ибо прощение Божие противоположно осуждению, а ходатайство Христово – обвинению. Однако Павел вполне обдуманно сказал наоборот, желая с головы до пят (так сказать) укрепить упованием сынов Божиих. Упованием, облегчающим скорби и сдерживающим страхи. Поэтому апостол более подчеркнуто выразил мысль, что сыны Божии не подвержены обвинению, сказав, что их оправдывает Бог, чем если бы сказал, что Христос за них ходатайствует. Ведь так он нагляднее показывает, что путь для суда полностью закрыт, говоря, что судья совершенно снял с них вину, которую обвинитель приводил как основание для возмездия.

И такова же структура другого антитезиса. Ибо апостол говорит, что верные далеки от опасности осуждения, если Христос, принеся умиловление за грехи, предварил суд Божий и ходатайством Своим не только упразднил смерть, но и покрыл забвением наши грехи, дабы те не взошли на память Богу. Итог таков: мы избавлены от страха перед судилищем Божиим не только настоящими вспомоществованиями, но Бог идет много дальше и еще более подкрепляет наше упование. Впрочем, следует обратить внимание на то, о чем мы часто говорили прежде: для Павла оправдаться значит не что иное, как, будучи разрешенным божественным приговором, считаться за праведного. Нетрудно показать сие и в настоящем месте, где приведение одной противоположности опровергает другую, поскольку разрешать и считать виновным суть две противоположные вещи. Посему Бог не допустит никакого противного нам обвинения, уже разрешив нас от всякой вины. Ибо дьявол несомненно обвиняет всех благочестивых; сам закон Божий и их собственная совесть также обличают их в грехе, однако все это не произведет впечатления на Того Судью, Который их оправдывает. Итак, никакой противник не может и поколебать, не то что – расстроить наше спасение.

Далее, апостол говорит здесь об избранных, дабы не возникло сомнения, что сам он из их числа. И это происходит не из особого откровения (как измышляют некоторые софисты), а из общего чувствования всех благочестивых. Итак, то, что здесь говорится об избранных, пусть каждый из благочестивых по примеру Павла применит к себе. Иначе, если похоронить избрание в тайном совете Божиим, учение это окажется не

³²³ Сего неизреченного благоволения.

³²⁴ Поелику ничего ... легко дарует нам и то, что менее ценно.

³²⁵ Христа.

³²⁶ Дабы мы все черпали из Него.

³²⁷ Первейшим упованием христиан, от которого зависит их терпение и спокойствие во всем остальном, является уверенность в спасении. Итак, делает его.

только сухим, но и совершенно мертвым. Однако, если можем мы, приложив силы, преуспеть в том, что каждый из набожных должен приспособить к самому себе, то нет сомнения, что всех нас призывают к исследованию нашего призвания, дабы уверились мы в том, что являемся сынами Божиими.

34) *Кто осуждает?* Подобно тому, как обвинение не может преуспеть там, где Сам Судья разрешает обвиняемых, так же и никакого осуждения не остается там, где исполнены все законы и уже понесено наказание. Ведь Христос есть Тот, Кто, однажды претерпев положенную нам казнь, тем самым засвидетельствовал, что встал на наше место, дабы избавить нас [от казни]. Итак, тот, кто после всего этого захочет нас осудить, должен прежде еще раз казнить Самого Христа. Христос же уже не только не мертв, но и явился победителем смерти через Свое воскресение, восторжествовав над ее властью. И апостол добавляет кое-что еще: ныне Христос сидит одесную Отца, чем означает, что Он господствует на небе и на земле, властвует и распоряжается всеми вещами. Как и сказано в Послании к Ефесеям 1:20. Кроме того, апостол учит, что Христос восседает так и для того, чтобы быть нашим заступником и ходатаем. Откуда следует, что ежели кто захочет нас осудить, он не только должен сделать тщетной Христову смерть, но и вступить в войну с Его же несравненным могуществом, которым наделил Его Отец, вручив Ему вместе с ним и высшую власть. Сие великое чувство безопасности, которое дерзает насмехаться над дьяволом, смертью, грехом и вратами ада, должно гнездиться в душах всех благочестивых. Поелику нет в нас никакой веры, если мы не убеждены, что Христос – наш, и что Отец милостив к нам. Итак, нет ничего губительнее, и нельзя представить себе ничего погубительнее, чем схоластический догмат о неуверенности в спасении.

Который и ходатайствует. Это надо было добавить, чтобы не испугало нас божественное величие Христово. Итак, хотя, восседая на высочайшем престоле, Он и покорил все под ноги Свои, Павел наделяет Его служением Ходатая, страшиться Которого абсурдно. Ведь Он не только нежно приглашает нас к Себе, но и ходатайствует за нас пред лицом Отца. Далее, не будем плотским образом думать об этом ходатайстве. Ибо не должно мыслить о Христе как о молящем, коленопреклоненном, распростершем руки, умоляющем Отца. Но поелику Христос постоянно присутствует перед Отцом со Своей смертью и воскресением, заменяющими собой вечное ходатайство и обладающими действенностью живой молитвы, чтобы примирить с нами Отца и сделать Его милостивым, Он заслуженно называется ходатайствующим за нас.

35. *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: 36. за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. 37. Но все сие преодолеваем силою возлюбившего нас.*

(35. *Кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: 36. за Тебя умираем мы всякий день, считаемся за овец, обреченных на заклание. 37. Но во всем этом с избытком побеждаем силою возлюбившего нас.*)

35) *Кто отлучит нас.* Теперь это чувство безопасности распространяется и на низшие вещи. Ибо тот, кто убежден в Божием к себе благоволении, скорее сумеет устоять в тягчайших скорбях. Скорби же эти потому обычно мучают людей, что те либо не считают их происходящими по Божию провидению, либо считают их за признаки гнева Божия, либо считают самих себя покинутыми Богом, либо не ожидают никакой гибели, либо не помышляют о лучшей жизни, либо по какой-нибудь еще похожей причине. Душа же, очищенная от сих заблуждений, с легкостью успокоится и обретет утешение.

Далее, смысл этих слов таков: нам следует стоять в этой вере, что бы с нами ни происходило³²⁸. Вере в то, что Бог, однажды восприняв нас Своей любовью, никогда не перестанет о нас заботиться. Ибо апостол не просто сказал, что ничто не отторгнет Бога от любви к нам, но что Он также хочет, чтобы в наших сердцах пребывало знание и живое ощущение той любви, которую Он засвидетельствовал по отношению к нам, и чтобы всегда сияла она во тьме искушений. Ибо как тучи, хотя и затемняют ясный солнечный свет, однако же не лишают нас полностью его сияния, так и Бог сквозь тьму супротивных вещей посылает нам лучи Своей благодати, дабы какое-либо искушение не привело нас в отчаяние.

Более того, наша вера в обетования Божии, словно махая крыльями, должна воспарить к небесам сквозь все промежуточные препятствия. Истинно то, что противные вещи являются знаками гнева Божия, если рассматривать их самих по себе. Но там, где предшествует прощение и примирение, должно веровать в то, что Бог, хотя и наказывает нас, никогда не забудет о Собственной милости. Апостол упоминает о том, что заслуживаем мы сами, но в не меньшей степени свидетельствует, что Бог заботится о нашем спасении,

³²⁸ Никогда не оттолкнет нас так далеко, чтобы забыли мы о том, что Бог нас любит, и что мы хранимся Его любовью. Итак, нас не подавит никакая супротивная нам вещь, не лишит надежды никакая скорбь, никакая теснота не разрушит постоянного упования на благодать Божию. Ибо то, что некоторые, толкуя любовь Божию в пассивном смысле, то есть, что мы сами любим Бога, без труда опровергается словами самого Павла.

побуждая нас к покаянию. Говорит же о любви Христовой, поелику Отец некоторым образом открыл в Нем недра Своей любви. Итак, поелику любовь Божию не следует искать где-либо вне Христа, заслуженно отзывает нас к Нему Павел, дабы в лучах благодати Христовой вера наша лицезрела милостивый лик Отца. Итог таков: вера наша не должна ослабевать от каких-либо противных вещей. Когда Бог милостив к нам, нет ничего для нас противного. То же, что некоторые любовь Христову понимают в пассивном смысле – что любим мы сами, – а Павел словно хотел воодушевить нас к непобедимой твердости, – сия ложь без труда опровергается контекстом апостольских слов. Да и сам Павел скоро рассеет все сомнения, еще яснее определив эту любовь.

Скорбь, или теснота, или гонение? Местоимение мужского рода, поставленное им вначале, содержит в себе скрытое ударение. Ибо он мог бы сказать и в среднем роде: “что отлучит нас?” Но предпочел приписать разумное лицо немым тварям, чтобы дать нам столько же защитников, сколько искушений мучают нашу веру. Далее, названные три вещи так различаются между собой, что скорбь заключает в себе некий³²⁹ вид грусти и неудобства. Теснота³³⁰ же есть внутреннее ощущение, когда трудности лишают нас способности рассуждать. Такова была теснота Авраама и Лота, когда один был вынужден отдать на блуд³³¹ свою жену, а другой – дочерей. Гонение в собственном смысле³³² означает тираническое насилие, которое незаслуженно испытывают со стороны нечестивых. Хотя Павел в 2Кор.4:8 и отрицает, что сыны Божии *στενοχωρεῖσθαι*, или пребывают в тесноте, он однако не противоречит сам себе. Ведь он не просто представляет их лишенными тревоги и беспокойства, но подразумевает, что они будут избавлены от них. О чем говорят и примеры Авраама и Лота.

36) *Как написано:* Весьма уместно приводит он сие свидетельство. Ибо намекает, что мы не только не должны трепетать от страха перед смертью, но и что рабам Божиим необходимо³³³ смотреть на смерть так, будто она уже пришла. Возможно в этом псалме описывается несчастное положение народа при тиране Антиохе, поелику красочно говорится, сколь жестоко преследовали почитателей Бога по причине одной лишь ненависти к благочестию. К этому добавляется увещание не оставлять завет Божий, что прежде всего, как думаю, и имел в виду Павел. И не мешает то, что в этом месте³³⁴ святые жалуются на великое бедствие, тяготившие их паче обычного. Ибо, поскольку, прежде засвидетельствовав свою невинность, показывают они, какое зло выпало на их долю, отсюда можно заключить, что святым вовсе не внове незаслуженно предаваться от Господа ярости нечестивых. Ясно же, что сие случается только для их же блага, поелику Писание учит, что справедливости Божией чуждо губить праведного вместе с безбожным. Скорее ей подобает воздать притесняющим притеснением, а скорбящим – облегчением. Затем, святые утверждают, что страдают ради Господа. Христос же провозглашает блаженными тех, кто страдает³³⁵ ради праведности. Говоря же, что ежедневно умирают, показывают тем самым, что смерть так нависает над ними, что жизнь их почти не отличается от смерти.

37) *Преодолеваем.* То есть сражаемся и всегда выходим победителями. Я сохранил слово, употребленное Павлом, хотя латинянам оно и не так знакомо. Иногда случается так, что верные кажутся³³⁶ поверженными и сокрушенными, до такой степени их уничивает и смиряет Господь. Однако исход всегда бывает таким, что они выходят победителями. Дабы же осознали они, откуда происходит сия³³⁷ непобедимая сила, он еще раз повторяет то, что уже сказал. И учит не только тому, что Бог, поелику любит нас, протягивает нам руку помощи, но и то же самое говорит о любви Христовой. И одно только это достаточно доказывает, что апостол говорил не о любви, которой мы сами пламенеем к Богу, а об³³⁸ отеческом благоволении к нам Бога и Христа, убеждение в котором, укорененное в наших сердцах, всегда возводит нас из преисподней к жизни и дает достаточное подкрепление.

38. *Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, 39. ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.*

³²⁹ Супротивности.

³³⁰ Теснота – это отсутствие мужества и мудрости, которое случается в минуту опасности.

³³¹ Предложить похоти содомлян.

³³² Является ущербом, который незаслуженно испытываем от злых людей.

³³³ Прилично.

³³⁴ В этом псалме.

³³⁵ Ради Него.

³³⁶ Кажемся ... выходим ...

³³⁷ Благодать, во-первых, говорит, что проистекает от Бога, и помогает Он нам только потому, что любит нас.

³³⁸ Убеждении в божественном к нам благоволении и доброте.

(38. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, 39. ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией, которая во Христе Иисусе.)

Теперь апостол переходит к гиперболам, дабы с их помощью утвердить нас в сказанном. Все, что есть в жизни или в смерти, говорит апостол, все, что кажется способным отлучить нас от Бога, ничего не делает. Даже сами ангелы, пытаясь ниспровергнуть сие основание, не смогут нам повредить. И не мешает то, что ангелы суть служебные духи, служащие спасению святых. Ибо Павел доказывает здесь от невозможного: как и в Послании к Галатам 1:8. Здесь можно отметить, как все должно казаться нам незначимым по сравнению со славой Божией. Ведь даже ангелами можно злоупотребить ради утверждения Его истины. Именами же начальств и сил также означаются ангелы. Они названы так, поелику являются главными орудиями божественной силы. Добавлены эти имена потому, что, ежели имя ангелов будет звучать уничижительно, этими двумя можно будет выразить нечто большее. Или же понимай так: ни ангелы, ни какие-либо еще высочайшие силы. Подобный стиль речи подходит для вещей нам неизвестных и превышающих наше понимание.

38) *Ни настоящее, ни будущее.* Хотя апостол выражается здесь гиперболически, он, тем не менее, самым делом утверждает, что никакая продолжительность времени не может отлучить нас от Господней благодати. Это было важно добавить потому, что брань наша происходит не только со скорбями, которые испытываем мы от настоящих зол, но и со страхом и беспокойством, которыми грозят нам грядущие опасности. Итак, смысл таков: не следует страшиться, что усыновление наше прервется из-за сколь угодно долгой череды зол. Посему это явно опровергает схоластов, болтающих, что никто не может быть уверен в конечной стойкости, кроме как по божественному откровению, происходящему, по их словам, весьма редко. Этим догматом разрушается всякая вера, которая – ничто, если не простирается до самой смерти, и того, что будет после смерти. Нам же, напротив, надлежит уповать, что Начавший в нас доброе дело, усовершит его ко дню Господа Иисуса.

39) *Во Христе.* То есть, узами которой служит Христос. Ведь Он – возлюбленный Сын, в котором пребывает благоволение Отца. Посему, ежели через Него прилепимся мы к Богу, то будем уверены в³³⁹ непоколебимом и необоримом благоволении к нам Бога. Здесь апостол говорит яснее, чем прежде, делая Отца источником любви, и утверждая, что любовь эта к нам проистекает от Христа.

Глава 9

1. Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, 2. что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: 3. я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных по плоти, 4. то есть Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, суций над всеми Бог, благословенный во веки, аминь.

(1. Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, 2. что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: 3. я желал бы сам быть анафемой от Христа за братьев моих, родных по плоти, 4. которые суть Израильтяне, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, суций над всеми Бог, благословенный во веки, аминь.)

В этой главе апостол отвечает на возражения, способные отвратить человеческие души от Христа. Ведь иудеи, которым Христос был предназначен³⁴⁰ по закону, не только отвергли³⁴¹ Его и презрели, но и по большей части сделали из Него предмет поношения. Отсюда, как представляется, следовало одно из двух: либо обетование Божие не истинно, либо Иисус, Которого проповедовал Павел, не был тем Христом Господним, Который в особом смысле обещался иудеям. Павел умело развязывает сей двойной узел. Он так исследует этот вопрос, что одновременно и удерживает иудеев от ожесточения, дабы не повредить их душам, и при этом не уступает им даже пяди в ущерб Евангелию. Ибо он так отдает иудеям должное, что ничего не отнимает и у Христа. Впрочем, апостол как бы неожиданно переводит на Него речь так, что это, похоже, не вяжется с контекстом. И однако он переходит к новому вопросу так, словно уже прежде его затрагивал. Делает же это потому, что, отвлеченно говоря об учении и упомянув об иудеях, он, словно пораженный их неверием, разражается неожиданной клятвой, не иначе как если бы говорил об уже рассмотренном вопросе. Ведь никто не смог бы удержаться от подобной мысли: ежели это и есть учение закона и пророков, почему же иудеи так упорно его отвергают? Добавь к этому, что уже было повсеместно

³³⁹ Божественном.

³⁴⁰ Был должен по обетованию.

³⁴¹ Возгнушались.

известно: все, сказанное им до сих пор о законе Моисея и благодати Христовой, иудеи предпочитали скорее ненавидеть, нежели своим согласием подкреплять веру язычников.

1) *Истину говорю во Христе*. Поелику многие придерживались мнения, что Павел был словно заклятым врагом своего народа, для сородичей вера его казалась подозрительной: не проповедует ли он отступление от Моисея? Прежде чем рассуждать о предполагаемом вопросе, он как бы делает вступление для привлечения внимания своих читателей, где освобождается от подозрения в злых чувствах к иудеям. И поелику вопрос этот был вполне достоин клятвы, апостол и предвидел, что иначе словам его едва ли поверят, и не удастся ему разрушить устоявшееся о себе мнение. Посему и заверил он клятвой, что говорит правду. Его пример и пример многих других должен научить нас (как говорил я в первой главе), каковыми должны быть законные клятвы. Именно такими, какие удостоверяют истину, которая и полезна для других, и иначе не получила бы веры. Слова “во Христе” означают то же, что и “согласно Христу”. Добавляя же “не лгу”, тем самым означает, что говорит без притворства или хитрости.

Свидетельствует мне совесть моя. Сими словами призывает он в свидетели совесть, призывает на суд Божий, ибо обращается к Духу для удостоверения им сказанного. Употребляет же имя Духа с тем намерением, чтобы лучше засвидетельствовать: чист он от всякой превратной ревности и, находясь под водительством Духа Божия, защищает дело Христово. Часто случается так, что некто, ослепленный чувствованием плоти (хотя и заблуждается не намеренно) затемняет все же свет истины. Но клясться именем Божиим в собственном смысле означает призывать Его в свидетели для удостоверения в неясных вещах, и одновременно навлекать на себя Его суд, ежели мы лжем.

2) *Что великая мне печаль*. Не без искусства он обрывает здесь речь, еще не сказав, о чем собственно говорит. Ибо еще не пришло время открыто говорить о гибели иудейского народа. Добавь к этому, что так апостол еще больше выражает безмерность своей скорби, поелику все оборванные речи, как правило, патетичны. Но вскоре он называет причину своего страдания, там, где полнее удостоверяет свою искренность и правдивость. Далее, то, что Павла так мучила гибель иудеев, хотя и знал он, что происходит сие по желанию и распоряжению Божию, научает нас, что вовсе не мешает послушанию Божию провидению, ежели мы будем вздыхать о гибели потерянных людей, даже зная, что определены они к ней праведным божественным судом. Ибо одна и та же душа может иметь двойственное чувство. Взирая на Бога, охотно соглашается она с тем, что некоторым он постановил погибнуть, а смотря на людей, сочувствует их горю. Итак, сильно заблуждаются те, кто требует от благочестивых *ἀπάθειαν καὶ ἀναλγησίαν* [апатии и бесчувственности; - прим. пер.], дабы не противились они божественному решению.

3) *Я желал бы*. Апостол не мог бы больше выразить пламенность своей любви, чем этим свидетельством. Ибо совершенная любовь – та, что не страшится даже смерти ради спасения друга. Однако слова апостола говорят, что имел он в виду не только временную гибель, но и вечную смерть. Говоря же “от Христа”, намекает он на анафему. Поелику анафема – это отделение. Ведь, что такое быть отлученным от Христа, если не быть лишенным всякой надежды на спасение? Итак, подтверждение пламенности любви его состояло в том, что Павел не усомнился молить о собственном осуждении, дабы избавить от него иудеев, которым оно угрожало. И не мешает то, что знал он: спасение его основано на избрании Божиим, которое не может не достичь цели. Ибо пламенные чувства, возникающие неожиданно и вдруг, смотрят лишь на то, на что направлены. Посему Павел не соединяет здесь избрание Божие со своим пожеланием, но, как бы забыв о нем, весь устремлен к спасению иудеев. Многие сомневаются, позволительным ли было это желание, и сомнение сие можно разрешить следующим образом: когда переходят к клятвам, то выражают, тем самым, крайнюю степень любви. Если же любим мы в Боге, значит – не помимо Бога. Так что любовь наша никогда не будет чрезмерной. Такова была и любовь Павла. Ибо зная, что народ Его наделен был столькими дарами Божиими, он любил в нем эти самые дары, и любил именно из-за этих даров. А также скорбел о том, что дары эти пропадают впустую. Отсюда и произошло то, что в душевном смятении разразился он своей клятвой. Поэтому не принимаю я мнения тех, кто думает, что Павел сказал свои слова, взирая не на людей, но только на Бога. Не согласен я и с теми, кто считает, что он сказал так без рассуждения о Боге, только лишь из любви к людям. Я скорее соединил бы любовь к людям с усердием ко славе Божией. Однако я еще не сказал о самом важном: иудеи рассматриваются здесь вкупе со своими отличиями, коими отличаются от остального человеческого рода. Ибо Бог в завете Своем превознес их столь высоко, что падение их поколебало веру в Самого Бога и Его истину. Ибо как бы недействительным оказался тот завет, постоянство которого названо непреходящим, покуда будут светить на небе солнце и луна, так что отменить его было еще нелепее, чем наполнить скорбью и смущением весь мир. Посему здесь присутствует не просто голое сравнение одних людей с другими. Хотя подобало погубить скорее один член, нежели все тело, Павел потому и ценит иудеев столь высоко, что наделяет их свойством избранного народа. Что станет еще яснее из контекста, как скоро увидим мы в своем месте.

Слова же “братья, родные по плоти” хотя и не означают ничего нового, весьма способствуют усилению смысла. Во-первых, дабы кто не подумал, что он по собственной воле пошел на разделение с иудеями,

апостол говорит, что не настолько лишен человечности, чтобы не скорбеть от ужасной гибели собственных сородичей. Затем, поелику Евангелие, глашатаем которого он был, с необходимостью должно было изойти от Сиона, не напрасно многими словами восхваляет он свой народ. Ибо уточнение “по плоти” добавлено не ради смягчения смысла, как иногда кое-где добавляется, но скорее для обозначения упования. Ибо, хотя иудеи отреклись от Павла, не скрывает он свое происхождение от того самого народа, избрание которого еще живет в корне, хотя ветви уже засохли. Касательно же “анафемы” перевод Будеуса противоречит мнению Златоуста, перепутавшего *анафема* с *анафема*.

4) *То есть Израильтян (которые суть Израильтяне)*. Здесь он открыто говорит о причине, почему его столь сильно мучает погибель народа, что готов он искупить их даже ценой собственной гибели. Потому именно, что были они израильтянами. Ибо относительное местоимение поставлено здесь вместо причинного наречия. Так и Моисей, желая самому быть излаженным из книги жизни, мучился опасением, чтобы не изничтожился священный и избранный род Авраама. Итак, помимо человеческих чувств апостол упоминает и о других более важных причинах своей любви к иудеям, а именно: Господь вознес их и наделил таким преимуществом, что отделены они от остального человеческого рода. И сие признание их достоинства есть свидетельство любви. Ибо обычно мы говорим столь благожелательно о тех, кого сами любим. Хотя те, кто почитался из-за даров Божиих, и соделались недостойными своей неблагодарностью, Павел не перестал уважать их из-за этих даров. Этим он учит, что нечестивые не могут так осквернить дары Божии, чтобы перестали они быть похвальными и приятными. Хотя тем, кто ими злоупотребляет, не выходит ничего, кроме еще большего поношения³⁴². Подобно тому, как не следует допускать, чтобы из-за ненависти к нечестивым мы презирали в них дары Божии, так и, наоборот, надобно выказывать благоразумие, дабы благожелательным мнением и упоминанием не внушить им гордости. И тем более не делать так, чтобы наши похвалы могли показаться лезвием. Но будем же подражать Павлу, который так уступил иудеям их отличия, что не усомнился провозгласить после этого: без Христа все оказывается пустым. Далее, не напрасно среди их похвал указал он на то, что являются они израильтянами. Ибо Иаков как о высшем благословении молился о том, чтобы на них нареклось его имя.

Которым принадлежит усыновление. Вся речь Павла направлена на то, чтобы показать: как бы нечестиво ни отпадали иудеи от Бога, в них не полностью угас свет Божией благодати. Как о том же говорит он и в главе 3 стих 3. Хотя они и – вероломные нарушители завета, однако же их вероломство не изничтожило веру Божию. Не только потому, что Бог сохранил для Себя некое семя из всего их множества, но и потому, что по наследственному праву название церкви тогда еще оставалось с ними. Хотя они и лишили себя всех этих отличий, так что бесполезно было им зваться сынами Авраама. Но, поелику была опасность – как бы по их вине не уничтожилась среди язычников слава Евангелия, – Павел и посчитал уместным, хоть и не ради их заслуг, все же прикрывать их позор и безобразие. Доколе язычники не убедятся в том, что Евангелие происходит из небесного источника, из священного тайника Божия, от избранного народа. Ибо Господь, пройдя мимо всех остальных народов, избрал их себе в особое стадо и сделал своими сынами, как свидетельствует Он Сам у Моисея и пророков. И не довольствуется просто называть их сынами, в одном месте зовя их первородными, а в другом – первенцами. Так говорит Господь в Исх.4:22: Израиль – сын Мой первородный. Отпусти сына Моего, чтобы он послужил Мне. И в Иер.31:9: Я стал Отцом для Израиля, и Ефрем – первенец Мой. Также: Неужели Ефрем не драгоценный Мой сын, неужели он не возлюбленный отрок? Потому и смутилась во Мне утроба Моя, и Я помилую его. Коими словами Бог хочет показать не только Свое милосердие к Израилю, но и силу Своего усыновления, в котором содержится обетование небесного наследства.

"Слава" же означает здесь превосходство, которым Господь наделил народ сей перед всеми другими народами, делая это многими способами, и даже обитая в самой их среде. Ибо помимо многочисленных свидетельств Своего присутствия, Он явил его особым образом в ковчеге завета, откуда и давал ответы, и выслушивал Свой народ, дабы, помогая ему, осуществлять Свою силу. Посему и зовется ковчег славой Божией, 1Цар.4:22. Поскольку же апостол различает здесь завет от обетований, отметим и мы эту разницу. И заветом для нас будет то, что выражено торжественными и красочными словами, так что завет³⁴³, заключенный³⁴⁴ с Авраамом, окажется имеющим двустороннее условие; а обетования суть те, которые то тут, то там встречаются³⁴⁵ нам в Писании. Ибо там, где Бог однажды заключил завет с ветхим народом, не переставал Он предлагать Свою благодать все новыми и новыми обетованиями. Откуда следует, что обетования и завет как бы относятся к одному и тому же, подобно тому, как особые божественные вспомоществования, коими Бог свидетельствует о Своем благоволении к верным, происходят из единого

³⁴² Позора.

³⁴³ Который.

³⁴⁴ И другой с народом на горе Синай.

³⁴⁵ Заветом Бог словно заключает с нами договор, обетованиями же просто предлагает нам Свою благодать. Посему завет есть торжественный и аутентичный образ обетования. Законоположение же должно особым образом относиться к судам.

источника избрания. Поелику же закон был не чем иным, как обновлением того завета, лучше запечатлевшим его в памяти иудеев, кажется, что законоположение здесь должно ограничиваться судами. Ибо редкое отличие иудейского народа состояло и в том, что имел он Бога в качестве Законодателя. Ведь ежели другие народы славилась Солонами и Ликургами, сколь справедливее было хвалиться Господом? О чем сказано и во Втор.4:32. Под богослужением же апостол разумеет ту часть закона, где предписывался законный обряд богочитания, содержащий в себе разные церемонии. Ибо законность придавало им божественное правило, вне которого все измышленное людьми есть чистая профанация религии.

5) *Их и отцы*. Ведь и сие имеет некоторую важность – вести свое происхождение от святых и возлюбленных Богом мужей, когда Бог обещал благочестивым отцам милосердие Свое до тысячи родов. Особенно если прочтем слова, обращенные к Аврааму, Исааку и Иакову (Быт.17:4). И не важно то, что, ежели отойти от страха Божия и святости жизни, все это станет само по себе пустым и напрасным. Ведь это и видим мы в поклонении и прославлении, и у пророков, и особенно у Иез.1:11, 60:1. А также у Иер.7:4. Однако, поскольку Бог соизволил даровать все это иудеям, соединив это с усердием к благочестию, апостол заслуженно причисляет сие к прерогативам иудеев. Ибо потому и зовутся они наследниками обетований, что происходят от отцов (Деян.3)

И от них Христос. Те, кто относит сие к отцам, как если бы Павел хотел сказать, что Христос происходит от отцов, не имеют для этого никаких оснований. Ибо апостол хотел сей похвалою усовершенить славу иудейского народа, говоря, что от него произошел Христос. Ведь вовсе не маловажно быть соединенным с Икупителем плотским происхождением. Ибо, ежели Христос почтил весь людской род, соединив Себя с нами общностью природы, то тем более почтил Он тех, с которыми захотел соединиться тесными узами родства. Хотя всегда следует помнить: ежели эта благодать родства отделится от благочестия, она не только не будет полезной, но и повлечет еще большее осуждение. Далее, здесь мы видим знаменательное место. Две природы во Христе различаются так, что одновременно соединяются в одну личность Иисуса Христа. Ибо апостол, говоря, что Христос произошел от иудеев, тем самым заявляет о Его истинном человечестве. Фраза “по плоти”, добавленная апостолом, подразумевает, что Христос имел нечто такое, что выше плоти. Здесь содержится открытое различие Его божества и человечества. Апостол же соединяет и то, и другое, говоря, что тот же самый Христос, Который по плоти родился от иудеев, является также благословенным во веки Богом. Кроме того, следует отметить, что сие славословие не подобает никому, кроме единого вечного Бога. Ибо в другом месте апостол говорит, что только Богу подобает всякая честь и слава. Те же, кто эту часть предложения отрывают от остального контекста, дабы лишить Христа столь ясного свидетельства о Его божестве, совершенно бесстыдно пытаются светлое сделать темным. Предельно ясны слова апостола: **Христос от иудеев по плоти, Который есть Бог, благословенный во веки**. И не сомневаюсь я, что Павел, ведший брань со многими соблазнами, намеренно вознесся здесь мыслью к вечной Христовой славе не только ради самого себя, но и чтобы других воодушевить собственным примером.

6. Но не то, чтобы слово Божие не сбылось: ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его, но сказано: в Исааке наречется тебе семья. 8. То есть не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семья. 9. А слово обетования таково: в это же время приду, и у Сарры будет сын.

(6. Но не то, что словно бы отменилось слово Божие: ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все те, кто семья Авраама, потому и дети, но сказано: в Исааке наречется тебе семья. 8. То есть не плотские дети суть дети Божии, но те, кто суть дети обетования, будут считаться за семья. 9. А слово обетования таково: в это же время приду, и у Сарры будет сын.)

6) *Но не то*. Поелику Павел был словно в экстазе восхищен пламенностью своего желания, то, намереваясь вернуться к основной теме учения, он делает здесь оговорку и как бы отвлекается от своих безмерных душевных мук. Поскольку же из того, что он оплакивал гибель своего народа, кажется, следовала та нелепость, что завет, заключенный Богом с Авраамом потерял силу (ибо от израильтян не могла отойти благодать Божия без того, чтобы не упразднился сам завет), он вполне уместно упреждает сей абсурдный вывод и показывает, каким образом при подобной слепоте иудеев благодать Божия постоянно пребывает в том народе, в котором исполняется истина завета. Некоторые читают так: “и невозможно”, как будто по-гречески здесь стоит *οἶον τε*. Однако, поелику я не обнаружил данного чтения ни в какой рукописи, я предпочитаю общепризнанный перевод: “не то, что словно бы отменилось”. И смысл таков: то, что я так оплакиваю гибель моего народа, не означает, что Божии обетования, некогда данные Аврааму, теперь стали недействительными и упразднились.

И не все. Утверждение таково: обетование было дано именно Аврааму и его семени, и наследие сие не относится к любому семени. Откуда следует, что ничто не мешает отпадению некоторых, так чтобы завет при этом пребыл твердым и незыблемым. Однако, дабы лучше показать, при каком условии Господь усыновил Себе потомство Авраама, надобно принять во внимание две вещи: обетование спасения, данное

Аврааму, относится ко всем, происходящим от него по плоти, поелику предложено оно всем без исключения. И по этой причине они законно зовутся наследниками завета, заключенного с Авраамом, или (по выражению Писания) сынами обетования. Ибо, поскольку Господь восхотел в Исмаиле и Исаве запечатлеть Свой завет в не меньшей степени, чем в Исааке и Иакове, ясно, что первые не были полностью Ему чужды. Если только не ставить ни во что обрезание, сообщенное им по заповеди Божией, а это нельзя сказать без нанесения оскорбления Богу. И это как раз то, о чем раньше говорил апостол: им принадлежат заветы, хотя бы они и были неверными. И в Деян.3 они зовутся Петром сынами заветов, поелику являлись потомками пророков. Но совсем другое: называть сынами обетования тех, в ком присутствует сила и действенность этих обетований. И в этом смысле Павел отрицает, что все дети Авраама суть сыны Божии, даже если Господь и заключил с ними завет. Ведь немногие из них пребывали в вере завета. Однако Сам Бог в Иез.6 свидетельствует, что всех их Он считает Своими сынами. В итоге: там, где весь народ зовется наследием и стадом Божиим, означает, что он взят Богом в удел, что ему предложены обетования спасения, подтвержденные знаком обрезания. Однако, поскольку многие из них по своей неблагодарности отвергли сие усыновление, они и не пользуются его благословениями, отчего и происходит между ними различие касательно исполнения обетований. Итак, дабы не показалось кому удивительным, что во многих иудеях не заметно исполнение обетований, Павел отрицает, что они включены в истинное избрание Божие. И ежели кто предпочитает сказать иначе: общее избрание израильского народа не мешает тому, что Бог по тайному совету отобрал из него тех, кого Ему было угодно. То, что Бог соизволил заключить завет жизни с одним народом, есть яркий пример незаслуженного милосердия; однако еще превосходнее благодать, сокрытая во втором избрании, относящаяся лишь к одной части народа. Отрицая же, что все, происходящие от Израиля, суть израильтяне, и что все, родившиеся от семени Авраама, суть сыны, апостол дает нам пример *паровомаѳѳа*. Ведь в первом случае имеется в виду все потомство, а во втором – только истинные дети, не отпавшие от веры.

7) *В Исааке наречется тебе семья.* Павел старается показать, что тайное избрание Божие господствует над внешним призванием, и однако никак ему не противоречит, а скорее стремится к его восполнению и утверждению. Итак, и то, и другое показывая по порядку, вначале он признает за данное, что избрание Божие не связано с плотским потомством Авраама, и что сие не содержится в условии завета, как подтверждает то наш великолепный пример. Ибо, если и должно было существовать истинное потомство, которое не отпало бы от завета, это прежде всего должно было иметь место в тех, кто вступил в завет в самом начале. Однако мы видим, что среди первых сыновей Авраама, еще при его жизни, один был отделен от всех прочих. Тем более это могло происходить и в последующих поколениях его потомков. Пророчество же это взято из Быт.17, где Господь отвечает Аврааму, что услышаны его молитвы об Измаиле, но что будет ему и другой сын, в котором пребудет обещанное благословение. Откуда следует, что по особой привилегии отдельные люди избираются из избранного народа, те, в которых общее усыновление оказывается подлинным и действенным.

8) *То есть не плотские дети.* Теперь апостол выводит из пророчества заключение, которым и завершает свое утверждение. Ибо, если в Исааке, а не в Измаиле нарицается истинное семья, а один не больше сын Авраама, чем другой, надобно, чтобы не все плотские дети считались семенем, но чтобы обетование особым образом исполнялось в некоторых, не было общим и не относилось равно ко всем. Сынами же плоти называет апостол тех, у кого нет ничего выше плотского рождения, а сынами обетования – тех, кто особо запечатлен Господом.

9) *Слово обетования таково.* Апостол добавляет еще одно пророчество, где мы видим, с каким прилежанием и старательностью исследует он Писание. Когда Господь, по его словам, сказал, что придет, и тогда Сарра родит Аврааму сына, Он намекал тем самым, что еще не настало время для Его благословения, и оно еще откладывается. Однако ко времени, когда сказаны были эти слова, уже рожден был Измаил. Значит, Господне благословение не касалось Измаила. Попутно заметим, сколь сильно заботится апостол о том, чтоб не оскорбить иудеев. Сначала, умолчав о причине, он просто констатирует факт, а затем открывает его источник.

10. и не одно это; но так было и с Ревеккою, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего. 11. Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило 12. не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего, 13. как и написано: Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел.

(10. и не одно это; но и Ревекка, которая зачала от одного Исаака, отца нашего. 11. Ибо, когда младенцы еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы в соответствии с избранием пребывало изволение Божие, 12. не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: больший будет служить меньшему, 13. как и написано: Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел.)

10) *И не одно это.* Несколько предложений этой главы как бы оборваны. Например: **но и Ревекка, которая зачала от одного Исаака, отца нашего.** Ибо апостол прервал это предложение посередине, прежде чем перейти к главной фразе. Однако смысл будет таким: не только в детях Авраама можно усмотреть данное различие, касающееся наследования обетований, но еще очевиднее пример Иакова и Исава. Ведь в первом случае кто-нибудь мог бы сослаться на неравное положение сыновей, поскольку один из них был сыном служанки. Но эти оба были из одной утробы, и притом двойняшки. И все равно один отвергается, а другой усыновляется Господом. Откуда явствует, что исполнение обетования не относится ко всем плотским сынам без различия. Поелику же Павел имеет в виду тех людей, которым Господь открыл Свой совет, я предпочел бы местоимение мужского рода понимать как относящееся к среднему, что сделал и Эразм. Ибо смысл таков: не только Аврааму открыто было особое избрание, но и после него Ревекке, когда родила она эту двойню.

11) *Когда они еще не родились.* Здесь апостол начинает взбираться выше, чтобы указать на причину этого различия, о которой учит, что находится она только в избрании Божиим. Ибо до сей поры немногими словами дал он понять, что между плотскими сынами Авраама имеется разница. Хотя³⁴⁶ все они и были усыновлены³⁴⁷ в сообщество обрезанных, однако благодать Божия не во всех них была действенной. Итак, те, кто пользуется благословением Божиим, и являются сынами обетования. Откуда же это происходит, — об этом он или умалчивал или туманно намекал. Теперь же открыто относит причину сего различия к избранию Божию, притом незаслуженному, никак не зависящему от людей. Дабы в спасении благочестивых не искалось ничего, что было бы выше благодати Божией, а в погибели нечестивых не искалось ничего выше Его справедливой суровости.

Итак, утверждение состоит в следующем: как благословение завета отделило израильский народ от всех прочих народов, так и людей из этого народа отделило избрание Божие, одних предопределив к спасению, а других — к вечной гибели. Второе утверждение таково, что основанием для этого избрания не служит ничего, кроме чистой благодати Божией, а после падения Адама — также и милосердие Божие, которое, невзирая ни на какие дела, воспринимает тех, кто Ему угоден. Третье утверждение: Господь свободен в Своем незаслуженном избрании и не связан необходимостью давать всем одинаковую благодать. Более того, кого хочет, Он оставляет, а кого хочет, усыновляет. Это все Павел заключил в одной короткой фразе, об остальном же скажет он после.

Далее, словами, **когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого**, Он показывает, что Бог, устанавливая сие различие, не мог смотреть на дела, которых еще не было вовсе. Те же, кто доказывает, что ничто не мешает избранию Божию различать между людьми в зависимости от заслуг их дел, поелику Бог предвидит по будущим делам, кто окажется достойным или недостойным Его благодати, скорее не толкуют Павла, а восстают на главный принцип богословия, о чем должны знать все христиане. А именно, что Бог в испорченной человеческой природе, которая была в Исае и Иакове, не мог усмотреть ничего, что побудило бы Его к благосклонности.

Итак, когда апостол говорит, что ни тот, ни другой не сделал тогда еще ни доброго, ни злого, одновременно следует добавить то, что сам апостол считает за данное: и тот, и другой был сыном Адама, грешником по природе, не наделенным ни каплей праведности. Я не потому задерживаюсь на объяснении всего этого, что сомневаюсь в смысле сказанного апостолом, но потому, что софисты, не довольствуясь его простотою, пускаются здесь в свои глупые тонкости и различения. Посему и хотел я показать, что Павел, конечно же, знал о том, что они говорят, и что сами они ослепли, запутавшись в начальных положениях веры.

Далее, если одна только порочность, распространившаяся на весь человеческий род, еще прежде, чем перейдет она в действие, достаточна для осуждения, отсюда следует, что Исаб был отвергнут заслуженно, поелику по природе уже был сыном гнева. Однако, дабы не оставалось никакого сомнения, что положение его якобы было худшим из-за какой-либо особой вины или порока, будет полезным исключить не только грехи, но и добродетели. Истинно то, что ближайшая причина отвержения состоит в том, что все мы прокляты в Адаме, но, дабы научить нас довольствоваться одним лишь простым благоволением Божиим, Павел и добавляет (пока не утвердил еще окончательно свое учение), что Бог имеет достаточно справедливую причину избрания и отвержения в Своем Собственном пожелании.

Дабы изволение Божие в избрании происходило. Апостол каждым сказанным словом дает нам понять незаслуженность Божиего избрания. Ибо если бы имели значение дела, было бы сказано, что делам приличествует своя награда. Но он противопоставляет этому изволение Божие, основанное на одном лишь Его благоволении. И дабы не оставалось уже никаких споров, устраняет всякое сомнение, добавив фразу: **в соответствии с избранием.** Итак, давайте теперь тщательнее присмотримся к контексту. Ежели изволение

³⁴⁶ То есть.

³⁴⁷ Приняты.

Божие, соответствующее избранию, утверждается на том, что прежде, чем родились братья, и прежде, чем сделали что-либо доброе или худое, один из них отвергается, а другой – принимается, значит, если кто захочет приписать причину сего различия их делам, он тем самым ниспровергнет изволение Божие. Добавляя же, что не от дел, но от Призывающего, апостол хочет сказать, что относится сие не к делам, а к одному лишь призванию. Ибо хочет он исключить всякое рассмотрение дел. Итак, мы видим, что вся незыблемость избрания заключена только в изволении Божиим. Ничего не могут здесь сделать заслуги, нельзя смотреть здесь и на достоинство, ибо его нет. Но царствует одна лишь благодать Божия. Посему ложно и противно слову Божию учение, утверждающее, что Бог, как предвидел, что кто-то будет достоин или недостоин Его благодати, так и избрал или отверг этого человека.

12) *Больший будет в порабощении у меньшего.* Вот как Господь различает между сынами Исаака, еще сокрытыми в утробе матери. Ибо этому соответствует божественное пророчество, откуда следует, что Бог удостоил меньшего особого благоволения, в котором отказал большему. Хотя сие и относилось к праву первородства, в этом деле, как прообразе чего-то большего, объявлена была воля Божия. Это также можно понять, ежели мы примем во внимание, как мало по плоти выиграл Иаков из-за своего первородства. Ибо из-за него он много раз подвергался опасности и, дабы ее избежать, был вынужден покинуть родину и отчий дом, претерпел бесчеловечной обращение в изгнании, а когда возвратился, трепеща и беспокоясь за свою жизнь, пал к ногам брата, смиренно молил о прощении, и выжил только по его снисхождению. Где же тогда господство над братом, которого он вынужден смиренно просить о жизни? Итак, было нечто большее, чем простое первородство, то, что Господь обещал в Своем пророчестве.

13) *Как написано: Иакова я возлюбил.* Здесь апостол еще более ясным свидетельством подтверждает, сколь уместно для настоящего дела данное Ревекке³⁴⁸ пророчество, а именно, что о господстве Иакова и порабощении Исава говорит их духовное положение; и, кроме того, что Иаков по милости Божией получил сию благодать без каких-либо заслуг. Итак, пророческие слова говорят о причине того, почему Господь отдал первородство Иакову. Эти слова взяты из Малахии, гл.1, где Господь, собираясь упрекнуть иудеев в неблагодарности, сначала говорит о Своей к ним благодати. Я возлюбил вас, – говорит Господь. И добавляет, откуда берет начало Его любовь: Неужели не брат Иаков Исаву? Этим как бы говоря: В чем его преимущества, чтобы Я его предпочел его же брату? Конечно же, никаких. Ибо было у них равное право, если только не смотреть на то, что по закону природы тот, кто был младше, должен был покориться старшему. Я же воспринял первого и отверг второго, конечно же, только по Своему милосердию, без какого-либо внимания к достоинству дел. И ныне Я усыновил вас в Свой народ, дабы оказать вам ту же благодать ради семени Иакова. Едомитян же, потомство Исава, Я отверг. Посему тем более хуже вы, кого память о толиком благодеянии не может подвигнуть на почитание Моего. Хотя здесь упоминаются земные благословения, которые Бог ниспослал Израильтянам, их не следует понимать иначе, нежели как простые символы его благоволения. Впрочем, где есть гнев Божий, туда приходит смерть, где же любовь Божия, там – жизнь.

14. *Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак.* 15. *Ибо Он говорит Моисею: кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею.* 16. *Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.* 17. *Ибо Писание говорит фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле.* 18. *Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает.*

(14. *Что же скажем? Неужели несправедливость у Бога? Никак.* 15. *Ибо Он говорит Моисею: кого помилую, того помилую; кого пожалею, того пожалею.* 16. *Итак, не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.* 17. *Ибо Писание говорит фараон: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать в тебе силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле.* 18. *Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает.*)

14) *Что же скажем?* Плоть не может слышать сию премудрость Божию, не волнуясь при этом дерзкими вопросами, и не пытаясь так или иначе привлечь Бога к ответу. Поэтому мы видим, как апостол всегда, когда говорит о некой возвышенной тайне, отвечает на многие абсурдные возражения, кои по его сведению занимают человеческий разум. Особенно претыкаются люди тогда, когда слышат то, что Писание говорит о предопределении. Ибо предопределение Божие – это истинный лабиринт, откуда человеческий разум никак не может выбраться. Однако любопытство человеческое до того назойливо, что, чем опаснее исследование какой-либо вещи, тем дерзновеннее оно к ней стремится. Посему там, где речь идет о предопределении, любопытство, будучи не в силах себя обуздать, тут же необдуманно бросается в глубокую бездну. Итак, что же полезно для благочестивых? Может быть, полностью забыть о предопределении? Никак. Ибо, поскольку Дух Святой не учит ничему для нас бесполезному, без сомнения полезно то знание, которое содержится в словах Божиих. Итак, сделаем же следующее благочестивое наблюдение, дабы не пытаться узнать что-либо,

³⁴⁸ Сапе.

кроме того, что преподается в Писании: там, где Господь закрывает Свои священные уста, пусть и мы положим преграду своим мыслям. Но поелику мы люди, коим по природе приходят на ум те глупые вопросы, узнаем же у Павла, как следует на них отвечать.

Неужели неправда у Бога? Воистину знаменательно безумие человеческого разума, что он скорее вменяет несправедливость Богу, нежели себе самому слепоту. Ибо Павел хотел отбросить все, что могло бы смутить его слушателей, но ему все равно пришлось ответить на нечестивое сомнение, немедленно возникшее у многих, как только они услышали, что Бог обращается с каждым по Своему желанию. Вид же несправедности, измышляемый здесь плотью, состоит в том, что Бог, пройдя мимо одного, призывает на другого. И Павел, чтобы разрешить сие сомнение, разбивает вопрос на две части: в первой он говорит об избранных, во второй – об отверженных; и хочет, чтобы в первых мы узрели милосердие Божие, а во вторых – признали Его справедливый суд. Итак, вначале говорит, что достойно проклятия измышление, что Бог якобы несправедлив. Затем он заявляет, что и в избрании, и в отвержении нет никакой несправедливости.

Однако прежде, чем идти дальше, отметим, что само это возражение ясно свидетельствует о том, что Бог избрал одних, и отверг других, и причину этого надобно искать только в Его изволении. Ведь если бы различие основывалось на рассмотрении дел, напрасно поставил бы Павел вопрос о несправедливости Бога. Там, где Бог обращается с каждым по его заслугам, не может возникнуть подобного подозрения. Уже во второй раз полезно отметить, что, хотя апостол и знал, что не может приступить ко второй части учения, не возбудив против себя противные голоса и ужасные богохульства, он, однако, охотно к ней переходит. Более того, не скрывает, сколь большой дается нам повод для ропота и возмущения, когда слышим мы, что каждому, прежде чем он родится, тайным изволением Божиим предначертана своя судьба. И, тем не менее, апостол приступает к этой теме и недвусмысленно провозглашает то, чему научился от Духа Святого. Откуда следует, что не терпимы безумства тех, кто в деле устранения преткновений хочет показаться мудрее Духа Святого. Дабы Богу не вменилось преступление, они думают, что нужно просто признать, что спасение и гибель человека зависят от его свободного выбора. И если бы они удержали свой разум от превратного любопытства и обуздали свой язык от дерзкой вседозволенности, их скромность была бы достойна похвалы. Однако, одергивать Павла и Духа Святого, разве это не дерзость? Итак, да процветает в Церкви Божией благонравие, чтобы благочестивым учителям не было стыдно простого и истинного учения, как бы оно ни было ненавистным для нечестивых, и какие бы клеветы ни изобретали они для его опровержения.

15) *Ибо Писание говорит Моисею.* Касательно избранных, Бога нельзя обвинять в несправедливости. Ибо их Он удостоил милосердия по благоволению Своему. Однако же и здесь плоть находит повод для ропота: поелику не может простить она Богу, что одного Он удостоил благоволения больше, чем другого, если только для этого не было очевидной причины. Итак, поскольку абсурдным кажется без заслуг одних людей предпочитать другим, человеческая злокозненность идет на Бога войною, как если бы давал Он нечто сверх справедливости. Посмотрим же, как Павел защищает справедливость Божию.

Во-первых, он не отрицает и не скрывает того, о чем знает, сколь оно ненавистно, но с несгибаемым постоянством утверждает это учение. Затем, ему не трудно отыскать основания, смягчающие суровость сего учения. Однако ему достаточно свидетельств Писания, чтобы заглушить нечестивый лай.

Его оправдание может показаться поверхностным: Бог не является несправедливым потому, что милует тех, кого Ему угодно. Однако, поскольку для Бога превыше всего Его Собственный авторитет, и не нуждается Он ни в каком покровительстве, Павлу достаточно было заявить, что Бог Сам отстаивает Свое же Собственное право³⁴⁹. Павел приводит здесь ответ, который Моисей получил от Господа, когда молился о спасении всего народа: Кого помилую, того помилую; кого пожалею, того пожалею. Этим речением Господь объявил, что не должен никому из смертных, и что по незаслуженному благоволению даровал³⁵⁰ им все, что они получили. Затем, что сие благоволение – свободно, и оказывает Он его по Своему изволению. Наконец, на вопрос, почему благоволит и благодетельствует Он отдельным личностям, а не всем людям, отвечает, что нельзя помыслить никакой причины выше Его собственной воли. Ибо слова звучат так, как если бы было сказано: кого однажды постановил Я помиловать, от того никогда не отниму милосердие Свое, и буду сопровождать постоянным благоволением того, к кому решил Я быть милостивым. Так Он высшей причиной наделения благодатью называет Свою волю, и одновременно говорит, что милость Его предназначена для особых людей. Ибо сии точные слова исключают всякую иную причину; как и мы, когда отстаиваем свою свободную власть действовать, говорим, что сделали то, что сделали. Относительное же местоимение красноречиво свидетельствует, что милосердие не предназначено для всех. Когда же избрание приписывается внешним причинам, у Бога отбирается сия свобода. Так что, в двух словах, сказанных Моисеем, выражается единственная причина спасения. Ибо **וְאֵינִי** означает незаслуженно и свободно

³⁴⁹ Итак.

³⁵⁰ Ниспослал.

благоволишь и оказывать благодеяния. **אף** же это – иметь милосердие. Посему заключаем, что Павел хотел сказать следующее: поелику милосердие Божие незаслуженно, оно и не привязано к чему-либо, но может склоняться к тому, к кому захочет.

16) *Итак, ... не от желающего.* Из этого свидетельства апостол делает неоспоримый вывод: наше избрание нельзя приписать ни нашему усердию, ни старательности, ни попыткам. Относить его надо лишь к совету Божию. Дабы кто не подумал, что избранные избраны потому, что этого заслужили или как-то снискали к себе благоволение Божие, или что в них есть какая-то капля достоинства, побуждающая Бога избрать их. Просто прими, что не в нашей воле, не в наших стараниях (ибо апостол подвижанием называет здесь старание и усердие) находится то, что числимся мы среди избранных. Но все это принадлежит благодати Божией, которая воспринимает не желающих, ни стремящихся, и даже не помышляющих. Те же, кто рассуждает в этом месте, что в попытках наших есть некая сила, которая не может ничего сделать сама по себе, не будучи подкрепленной милосердием Божиим, говорят без каких-либо оснований. Ибо апостол говорит не о том, что имеется в нас. Он просто исключает всякие наши усилия. Итак, чистой клеветой является то, что не надо нам хотеть и подвизаться, поелику Павел отрицает, что спасение принадлежит хотящему и подвизающемуся. Ведь апостол хотел лишь сказать, что хотение и подвизание не могут ничего сделать.

Однако тем, кто колеблется дать место благодати Божией, в свою очередь следует сказать: Хотя собственное наше усилие никак не полезно, усердие, внушенное нам Богом, не лишено действенности. Итак, здесь не говорится о том, чтобы мы подавляли в себе Духа Божия, дающего нам искорки благочестия, но чтобы разумели: от Него происходит то, что имеем мы сами. Поэтому и учимся мы все просить у Него, и на все надеяться, и к Нему относить все получаемое нами, со страхом и трепетом совершая свое спасение.

Пелагий же попытался избежать вывод Павла другим софистическим и грязным приемом: не только-де хотящему и подвизающемуся принадлежит спасение, поелику помогает ему милосердие Божие. И его столь же искусно, сколь и основательно, опроверг Августин: ведь ежели потому говорится, что воля человека не является причиной избрания, что она лишь одна из нескольких, но не единственная его причина, – то можно было бы сказать и наоборот, не от милосердия, но от хотящего и подвизающегося. Ибо там, где имеется взаимное сотрудничество, высказывание можно обратить; однако же сие последнее высказывание без сомнения ложно из-за своей абсурдности.

Итак, мы видим, что милосердию Божию так приписывается спасение тех, кого Богу было угодно сохранить, что ничего уже не остается для человеческого усердия. Не больше похоже на истину и то, что некоторые думают, будто слова эти произнесены от лица нечестивых. Ибо как возможно те места Писания, где ясно утверждается справедливость Божия, перетолковывать как избобличающие ее тиранию? Затем, будет ли разумным, что Павел, имея возможность легко и явно опровергнуть сие нечестие, смолчал и позволил так насмехаться над Писанием? Однако к таким уловкам прибегают те, кто измеряет сие несравненное таинство Божие мерками своего разума. Для их изнеженного и утонченного слуха учение сие было столь грубым, что они не посчитали его достойным апостола. Но скорее подобало им склонить собственное упорство к повиновению Святому Духу, дабы не быть столь приверженными своим грубым и ложным измышлениям.

17) *Ибо Писание говорит.* Апостол переходит ко второй части, отвержению нечестивых. И поелику нечто казалось в ней содержащим нелепость, он тем более ясно старается показать, каким образом Бог, отвергая тех, кого хочет, не только не подлежит упреку, но и достоин восхищения в Своей мудрости и справедливости. Итак, он берет свидетельство из Исх.9:16, где Господь утверждает, что именно Он возбудил фараона для той цели, чтобы, пытаясь надменно противостоять божественной силе, он, побежденный и покоренный, послужил свидетельством того, сколь непобедима десница Господня, которую не то что сломить, но даже вынести не может никакая человеческая крепость. Вот образчик того, что Господь хотел явить в фараоне.

Посему здесь надобно рассмотреть две вещи: предопределение фараона к гибели, относящееся к праведному, но тайному совету Божию. А затем – и цель сего предопределения: чтобы имя Божие провозглашалось по всей земле. И Павел особенно настаивает на этом. Ибо ежели ожесточение сие было того сорта, что через него проповедовалось имя Божие, нечестиво как-то обвинять Бога в несправедливости. Однако, поелику многие толкователи искажали и это место, пытаясь его смягчить, то, во-первых, следует отметить, что вместо слова “возбудил” на еврейском стоит “Я поставил тебя”. Где Бог, желая показать, что надменность фараона для Него вовсе не является препятствием, чтобы избавить Собственный народ, не только утверждает, что предвидел Его неистовство, и что у Него имеются средства это неистовство обуздать, но и что Он намеренно устроил все таким образом и для той именно цели, чтобы сделать нагляднее свидетельство Своей силы. Итак, худо переводят некоторые толкователи, что фараон был сохранен на время, когда скорее здесь идет речь об источнике [его действий]. Ибо, поелику приключается с

человеком многое такое, что препятствует его замыслам и мешает его действиям, Бог и говорит, что фараон действует как бы от Него, и что ему дано играть именно такую роль. Такому толкованию прекрасно отвечает глагол “поставил”.

Далее, дабы кто не вообразил, что фараон был приведен в действие каким-то общим и неопределенным божественным внушением, и из-за этого пришел в неистовство, особо говорится о причине или о цели. Павел как бы говорит: Бог наперед знал, что собирается сделать фараон, но постарался использовать его для Своей цели. Откуда следует, что напрасно спорить с Богом, как если бы Он должен был дать нам отчет. Ведь дальше Он Сам открыто выступает и упреждает сие возражение, говоря, что отверженные происходят из тайного источника Его же провидения, и в них Он также хочет прославить Свое имя.

18) *Итак, кого хочет, милует.* Здесь приведен вывод, следующий из обоих утверждений. И его нельзя высказывать от лица кого-либо, кроме апостола. Поелику он сам тут же приводит на него возражение и начинает говорить о том, что могла бы ответить противная сторона. Посему, несомненно, что Павел³⁵¹ говорит здесь от своего имени, о чем мы уже упоминали. Он говорит, что Бог по Своему хотению, удостоил милосердия того, кого было Ему угодно, а в ком захотел, осуществил строгость Своего суда. Ибо апостол хочет научить нас, чтобы в различии, которое мы видим между избранными и отверженными, наш разум довольствовался тем, что именно так и было угодно Богу – одних просветить ко спасению, а других ослепить к смерти. И он не изыскивает никакой причины выше божественной воли. Так что и мы должны остановиться на словах “кого хочет”, “в ком хочет”. Дальше апостол не позволяет нам идти. Впрочем, слово “ожесточает”, когда Писание приписывает его Богу, означает не только дозволение (как хотят понимать некоторые миротворцы), но и действие божественного гнева. Ибо все внешние вещи, способствующие ослеплению отверженных, суть орудия Его гнева. Даже сам сатана, действительно ожесточая человека изнутри, является Его слугой, ничего не делающим без Его приказа. Итак, ниспровергнута та пустая уловка, которую измыслили схоласты, говоря о предузнании. Ибо Павел не говорит, что Бог предвидел падение нечестивых, но что падение это было устроено по Его совету и воле. Как и Соломон учит не только тому, что погибель нечестивых предвидена, но и тому, что сами нечестивые созданы для того, чтобы погибнуть³⁵² (Прит.16:4).

19. Ты скажешь мне: “за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?” 20. А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?” 21. Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из одной смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?

(19. Ты скажешь мне: “за что же еще обвиняет? Кто противостанет воле Его?” 20. А ты кто, человек, что судишься с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?” 21. Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из одной смеси сделать один сосуд для чести, а другой для бесчестия?)

19) *Ты скажешь мне.* Здесь особенно возмущается наша плоть. Ведь она слышит, что к хотению Божию относится то, что погибающие предопределены к смерти. Поэтому апостол снова переходит к диалогу, видя, что нечестивые не успокоятся, пока полностью не облают праведность Божию. Он весьма искусно выражает их чувствования. Ибо не довольствуясь собственной защитой, они ставят Бога на место обвиняемого, а затем, переложив на Него вину за свое осуждение, восстают против Его всемогущей силы. Они пытаются сопротивляться, но негодуют на то, что не могут³⁵³, и, жалуясь на осуждение³⁵⁴, намекают на некое тиранство Бога. Так и софисты в своих школах болтают об абсолютной (как они ее называют) справедливости Божией. Как если бы Бог, забыв о своей праведности, захотел, все превратно смешав, выказать одну лишь силу Своей власти. Так и сказано³⁵⁵ здесь: Почему же Он гневается на нас? Когда сделал нас такими, когда по Своему хотению делает то, что Ему угодно. Что еще делает Он, губя нас, если не наказывает в нас собственное дело? Ибо не в наших силах вести с Ним войну: как бы мы ни восставали, Он окажется победителем. Итак, не праведен будет Его суд, ежели погубит нас, и тиранической будет Его власть, которой ныне Он в нас злоупотребляет. Что же отвечает на это Павел?

20) *А ты кто человек.* Поелику на греческом здесь стоит причастие, фразу можно прочесть и так: “спорящий, состязающийся, затевающий распрю”. Все это заключено в греческой фразе. Смысл таков: А ты кто, спорящий с Богом. Но значение слов почти не меняется. Этим ответом апостол делает не что иное, как низвергает нечестивое их хуление аргументом, взятым из природного состояния человека. Но тут же добавляет и другой аргумент, избавляющий праведность Божию от всякого обвинения. Здесь явствует, что

³⁵¹ Павел ... говорит.

³⁵² Пасть.

³⁵³ Как видим мы на примере Саула. Он с великим негодованием услышал, что царство отобрано из его рук; но, вместо того чтобы роптать, ответил: Это Господь, пусть делает то, что Ему угодно.

³⁵⁴ Читай: господство, как сказано в большинстве кодексов.

³⁵⁵ Добавь: так и говорят нечестивые.

нельзя измыслить причины выше хотения Божия. И хотя готов был ответ, что различие зависит от справедливых оснований, почему же Павел им не воспользовался, но поместил превыше всего волю Божию, дабы одна эта причина заменяла для нас все остальные? Конечно же, если бы ложным было возражение, что Бог отвергает и избирает по Своему хотению и тех, кого не удостоивает Своего благоволения, и тех, кого незаслуженно любит, то Павел не пренебрег бы этим ответом. Нечестивые возражают, что люди не виновны, ежели в их гибели и спасении главную роль играет Божия воля. Отрицает ли это Павел? Нет. Больше того, он подтверждает своим ответом, что Бог постановил о людях то, что было Ему угодно. Он говорит: напрасно яростно оспаривают люди то, что Бог дает Своим изделиям ту судьбу, какую Сам пожелает. Те же, кто говорит, что Павел, исчерпав доводы, прибегнул здесь к оскорблениям, наносят Святому Духу тяжкую обиду. Ведь апостол не захотел с самого начал сказать то, о чем хорошо знал, и что следовало сказать ради утверждения справедливости Божией, поелику это было непостижимым для людей.

Более того, и второй свой довод он формулирует не так, как подобало бы защищающемуся. Однако он вполне явит нам справедливость Божию, ежели размыслим над ним с благочестивым смирением и почтением. Апостол делает то, что было в высшей степени необходимым: он напоминает людям об их положении. Как бы говорит: Будучи человеком, ты признаешь себя землею и прахом, почему же ты споришь с Богом о том, чего не можешь постичь? В итоге: апостол говорит не то, что можно было сказать, а то, что полезно для нашей неотесанности.

Надменные люди возмущаются, что Павел, не отрицая, что люди избираются и отвергаются по тайному совету Божию, не приводит при этом никакой причины, словно Дух Божий умолк, исчерпав все доводы. А может быть, Он скорее увещевает нас молчанием Своим с почтением поклониться той тайне, которую не в силах постичь наш разум, и таким образом обуздывает неуемное человеческое любопытство. Итак, да будем знать, что Бог не по какой другой причине закрывает Свои уста, нежели потому что видит: наш разум не способен постичь Его великую премудрость. И поэтому, щадя нашу немощь, Он приглашает нас к умеренности и трезвости.

Изделие скажет ли. Мы видели, что до сей поры Павел всегда настаивал на том, что воля Божия, хотя причина ее от нас и сокрыта, тем не менее остается справедливой. Он показывает, что Бог был бы лишен Своего права, если бы не имел свободы постановлять о творениях то, что Ему угодно. Сие кажется слишком суровым для слуха многих. Есть и такие, кто утверждает, что Бог подвергнется великому поношению, ежели приписать Ему такое. Слово богословы знают лучше Павла, который предписал верным правило смирения, дабы они признавали силу Божию, но не оценивали ее по своему разумению. Апостол подавляет желающую спорить с Богом спесивость, приведя великолепное сравнение, в котором, кажется, намекает скорее на Ис.45:9, нежели на Иер.18:6. Ибо Иеремия учит только тому, что Израиль находится в руке Господней, так что Тот может совершенно истребить его за преступления, как и горшечник разбивает глиняный сосуд. Исаия же поднимается выше: Горе, говорит он, тому, кто спорит со Своим Создателем, черепку, состязающемуся со Своим Ваятелем. Неужели скажет глина горшечнику, что ты делаешь? Конечно же, для смертного человека нет причины ставить себя над глиняным сосудом, сравнивая себя с Господом. Однако не следует и утруждать себя тем, чтобы подбирать подходящее для настоящего случая пророческое свидетельство: ведь Павел хотел лишь сделать намек на пророческие слова, дабы сравнение его было более весомым.

21) *Не властен ли горшечник.* Причина, почему изделие не должно спорить с горшечником, состоит в том, что горшечник делает только то, что вправе делать. Словом “власть” апостол означает не силу или крепость горшечника делать то, что ему угодно, а право, дающее ему эту возможность. Ибо не хочет он приписать Богу какую-то неупорядоченную власть, но лишь ту, которая заслуженно Ему принадлежит. Далее, в отношении сего сравнения подумай вот о чем: как горшечник ничего не отнимает у глины, давая ей форму, так и Бог, в каком бы состоянии ни сотворил человека, ничего у него не отнимает. То лишь следует помнить, что Бог лишается части прилежащей Ему чести, ежели отказать Ему во власти над людьми, власти распоряжаться их жизнью и смертью.

22. *Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к гибели, 23. дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе,*

(22. *Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, приготовленные к гибели, 23 дабы вместе явить богатство славы Своей в сосудах милосердия, которые Он приготовил к славе?)*

22) *Что же.* Второе положение, которым апостол показывает, что даже если совет Божий и непостижим для нас в этой части, Его непогрешимая справедливость все равно не менее явствует в гибели отверженных, чем в спасении избранных. Апостол объясняет божественное избрание не в том смысле, что указывает на

причину, почему один избирается, а другой отвергается. Ибо недостойно содержащееся в тайном совете Божиим выносить на людской суд. Так что тайна сия и впредь останется неисследимой. Итак, апостол удерживает нас от того, чтобы с любопытством выпытывать нечто, убегающее от людского разума. И между тем показывает, что насколько явствует для нас предопределение Божие, в нем всегда видна чистая справедливость. Слова же *εἰς δέ*, которые употребил Павел, я понимаю как означающие: что же если? Так что вся его речь будет тогда вопросительной. Ибо так яснее виден смысл; и имеется некое умолчание, в котором надобно слышать вопрос: кто из-за этого может обвинить Его в несправедливости? Ведь здесь не видно ничего, кроме чистейшего правила справедливости.

Однако, ежели хотим мы следовать мысли Павла, то должны исследовать и отдельные слова. Апостол рассуждает так: имеются сосуды, приготовленные к гибели, то есть к назначенной им гибели; есть также сосуды гнева, то есть, сделанные и слепленные для того, чтобы служить свидетельством отмщения и ярости Божией. Если Господь и выносит временно эти сосуды, не погубляя их в первую минуту, но отлагая приготовленный для них суд, то делает это для явления Своей суровости, дабы другие устрашились столь жуткими примерами. А также для показания Своей силы, которой Он заставляет служить Себе эти сосуды и притом многими способами. Кроме того, Он поступает так, чтобы отсюда ярче воссияло величие милосердия Его к избранным. И что же в таком устройстве достойно порицания? Впрочем, не удивительно, что умалчивает он о том, откуда происходит то, что некоторые сосуды приготовлены к гибели. Ибо апостол считает уже установленным сказанное им выше, что причина этого сокрыта в вечном и неисследимом совете Божиим, коего справедливость следует скорее почитать, чем исследовать. Сосудами же согласно общему способу обозначения апостол называет орудия. Поелику все, что относится к действию во всех творениях, как бы служит божественной силе. Итак, по самой весомой причине мы, верные, называемся сосудами милосердия, которыми Господь пользуется как орудиями для показания Своей милости. Отверженные же являются сосудами гнева, служа проявлению божественных судов.

23) Дабы вместе явить богатство славы. Поелику я не сомневаюсь, что в этих двух словах *καὶ ἵνα ὁστέρον προτέρων*, то и перевел их как “дабы вместе явить”. Есть другое обстоятельство, являющее славу Божию в гибели отверженных, – та, что из этого яснее подтверждается богатство божественной благодати к избранным. Ибо чем вторые отличаются от первых, если не тем, что избавлены Господом из той же губительной пропасти? И не по собственным заслугам, но по Его незаслуженной благодати. Итак, не может случиться так, чтобы то великое милосердие к избранным не проявлялось все больше и больше, когда мы видим, сколь несчастны все, коим не удалось избежать Его гнева. Слово же “слава”, дважды здесь повторенное, я истолковываю как означающее милосердие Божие метонимически, поелику особенная похвала Ему содержится в Его же благодеяниях.

Так и в Еф. 1:13 апостол, научив нас, что мы усыновлены Богом в похвалу славы благодати Его, добавляет немного спустя, что запечатлены мы Духом усыновления в похвалу славы, и опускает при этом слово “благодати”. Следовательно, он хотел сказать, что избранные являются орудиями и органами, над коими Бог осуществляет Свое милосердие, дабы прославить в них имя Свое. Даже если во второй части предложения апостол и яснее указывает на то, что именно Бог приготовил Своих избранных ко славе, в то время как прежде просто сказал, что отверженные сосуды приготовлены к гибели, все равно несомненно, что и то, и другое приготовление зависит от тайного совета Божия. Иначе Павел сказал бы, что отверженные сами себя предали и обрекли на гибель. Ныне же он означает, что прежде, чем родились, они уже были предназначены к своему жребию.

24. Над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из Язычников? 25. Как и у Осии говорит: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленною. 26. И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живого. 27. А Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом как песок морской, только остаток спасется; 28. Ибо дело оканчивает и скоро решит по правде, дело решительное совершит Господь на земле. 29. И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре.

(24. Которых Он призвал, то есть нас, не только из Иудеев, но и из Язычников? 25. Как и у Осии говорит: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленною. 26. И будет на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живого. 27. А Исаия провозглашает об Израиле: Если будет число сынов Израилевых как песок морской, только остаток спасется; 28. Ибо слово завершающее и короткое, поелику слово законченное сотворит Господь на земле. 29. И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом, и уподобились бы Гоморре.)

24) Которых Он призвал. Из рассуждения, которое прежде вел он о свободе божественного избрания, следуют две вещи: благодать Божия не настолько привязана к иудейскому народу, чтобы не распространяться также и на другие нации, и не излиться всему миру. Затем, она не так привязана к иудеям,

чтобы относиться ко всем без исключения сынам Авраама по плоти. Ибо если избрание Божие основано лишь на Его благоволении, то куда бы ни обратилась Его воля, там будет одно и то же избрание. Итак, утвердив избрание, апостол уже как-то проложил путь к тому, что намеревался сказать и о призвании язычников, и об отвержении иудеев, из которых первое казалось нелепым из-за новизны, а второе совершенно недостойным. Однако поскольку это последнее давало больший повод для преткновения, апостол вначале рассмотрел первое как менее отталкивающее. Итак, он говорит вначале о сосудах милосердия Божия, которые Он избрал во славу Собственного имени, и отсюда заключает: это относится к язычникам не меньше, чем к иудеям. Впрочем, в относительном местоимении “которых”, даже если здесь и не соблюдена полностью грамматика, Павел хотел как бы мимоходом показать, что и мы являемся теми сосудами славы Божией, мы, взятые частью из иудеев, а частью – из язычников. При этом он, исходя из призвания Божия, доказывает, что относительно избрания нет различия между народами. Ибо ежели наше происхождение из язычников не послужило препятствием призвания Божия, отсюда явствует, что язычники нисколько не исключены из царства Божия и завета вечного спасения.

25) *Как и у Осии говорит.* Теперь апостол показывает, что это призвание язычников не должно казаться чем-то новым, ведь о нем еще задолго свидетельствовали пророческие слова. Смысл же ясен, если только не утруждаться истолкованием свидетельства. Ведь никто не отрицает, что пророк говорит здесь об иудеях. Ибо Господь, оскорбленный их преступлениями, объявляет, что отныне они больше не будут Его народом. А затем добавляет утешение: что Он из не возлюбленных сделает возлюбленных, из не народа – народ. Павел же то, что буквально относится к израильтянам, пытается применить к язычникам. Те, кто лучше всего распутывал до сих пор этот узел, думают, что апостол рассуждает так: то, что могло бы показать препятствием для язычников, чтобы стать им причастниками спасения, это же самое было и в израильском народе. Итак, Бог как некогда милостиво принял в Свою благодать иудеев, которых ранее отверг и почти что истребил, так и ныне милостиво обращается с язычниками. Однако поскольку сие толкование, даже будучи терпимым, кажется мне содержащим некую натяжку, пусть читатели поразмыслят³⁵⁶: не лучше ли нам верить, что это пророческое утешение дано не только иудеям, но и язычникам. Ибо вовсе не ново и не необычно для пророков, после того, как возвещают они иудеям о мщении Божиим за их преступления, обращаться к царству Христову, имеющему распространиться на весь мир. И делают это вполне уместно. Ведь поскольку иудеи вызвали гнев Божий своими грехами и заслужили отвержение, уже не остается никакой надежды на спасение, ежели не обратятся они ко Христу, через Которого восстанавливается завет благодати³⁵⁷. Как он был утвержден в Нем, так и ныне в Нем обновляется.

Несомненно, поскольку в отчаянном положении прибежище существует лишь во Христе, ничто, кроме предложения Христа, не может принести твердое утешение несчастным грешникам, чувствующим нависший над ними Божий гнев. Более того³⁵⁸, как мы уже говорили, для пророков обычно призывать людей ко Христу, там, где они смирили³⁵⁹ народ угрозами божественного мщения, призывать как к единственному прибежищу безнадежных. Там же, где воздвигается царство Христово, одновременно создается небесный Иерусалим, в который соберутся граждане из всех частей мира. И это особенно относится к настоящему пророчеству: ибо ежели иудеи были изгнаны из семьи Божией, они таким образом были возвращены к обычному положению и стали равны язычникам. Устранив же различие, милосердие Божие уже без различия действует во всех народах. Откуда заключаем, что пророческое свидетельство вполне относится и к настоящему случаю, когда Бог, уравнив иудеев с язычниками, возвещает, что составит Церковь Свою из чужаков, дабы те, кто не был раньше народом, начали им быть.

Не Мой народ назову Мои народом. Это говорится в отношении развода, уже совершенного Богом со Своим прежним народом, когда Он лишил его всякого достоинства, дабы не превосходил он все прочие народы. Хотя те, кого по вечному Своему совету Бог предопределил быть сынами, навечно ими будут, Писание часто числит среди сынов Божиих лишь тех, избрание которых подтверждено призванием. Этим оно учит нас судить и, тем более, говорить об избрании Божиим лишь постольку, поскольку оно проявляет себя во внешних знаках. Так, показав Ефесянам, что их избрание и усыновление были предрены Богом прежде создания мира, Павел немного спустя говорит, что некогда они были чужими Богу (Еф.2:1). Именно в то время, когда Господь еще не явил Свою к ним любовь, хотя и был готов принять их в вечную милость. Итак, не возлюбленными зовутся здесь те, которым явлен скорее гнев Божий, нежели Его любовь. Далее, мы знаем, что, покада усыновление не примирит людей с Богом, гнев Его пребывает на всем человеческом роде. Женский род причастия зависит от контекста пророческих слов. Ибо пророк сказал, что ему родилась дочь, которой он дал имя “не возлюбленная”, дабы в этом прообразе народ Божий познал, как он ненавистен и непригляден. Ведь как отвержение было причиной ненависти, так и начало любви, по учению пророка, находится там, где Бог усыновляет тех, кто до времени был Ему чужд.

³⁵⁶ Поразмысли.

³⁵⁷ Подтверждается.

³⁵⁸ Итак.

³⁵⁹ Заставили смириться.

27) *И Исаия провозглашает.* Теперь переходит он ко второй части, с которой не хотел начинать, чтобы чрезмерно не расстраивать иудеев. И не без изящества называет он Исаию провозглашающим, а не говорящим, дабы еще больше привлечь внимание слушателей. Далее, слова пророка ясны и направлены на устрашение иудеев, дабы не хвалились те чрезмерно плотью своею. Ибо страшно слышать, что из неисчислимого множества спасение обретет лишь небольшой остаток. Ведь даже если пророк, описав опустошение народа, и дает некую надежду на благодать, дабы верные не подумали, что завет Божий окончательно упразднен, он все же ограничивает эту надежду лишь немногими. Однако поскольку пророк говорил сие о своем времени, надобно усмотреть, каким образом Павел применяет это к своему случаю. Когда Господь восхотел избавить народ Свой от вавилонского плена, Он из огромного множества ниспослал благодеяние Свое лишь немногим, и они заслуженно могли называться остатком по сравнению с тем многочисленным народом, которому Бог позволил погибнуть в изгнании. Сие плотское возвращение предызобразило истинное восстановление Церкви Божией, которое исполняется во Христе, и берет от Него начало. Итак, тому, что произошло тогда, тем более подобает быть теперь, когда начавшееся избавление продолжается и близится к завершению.

28) *Дело оканчивает и скоро решит (Слово завершающее и короткое).* Опустив разнообразие толкований, я счел бы подлинным следующий смысл: Господь так укоротил и уменьшил Свой народ, что оставшееся могло бы показаться неким изничтожением, то есть свидетельством великой гибели. Однако сия немногость, оставшаяся после уничтожения, будет делом праведности Божией, или же, лучше сказать, будет служить ко свидетельствованию Божией праведности по всему миру. Поелику *слово* в Писании обычно обозначает некое дело, а *слово короткое* означает завершение дела. Но многие толкователи бросаются здесь в пустые мечтания, желая философствовать слишком утонченно. Ибо они вообразили, что таким образом зовется здесь Евангельское учение, поелику, за исключением обрядов, оно есть краткое подытоживание всего закона. Хотя речь здесь идет скорее не о подытоживании, а об истреблении. Так переводится сие слово в тех местах, где переводчики ошиблись не столь грубо. У Исаии 10:22,23 и 28:22, у Иезекииля 11:13, где сказано: О, Господи Боже, произведешь ли сокращение остатков Израйля? Пророки хотели сказать: не погубишь ли Ты окончательно и сам остаток? Но сие произошло из-за двусмысленности еврейского слова. Ибо כלה означает как заканчивать и совершать, так и истреблять, и различие сие не достаточно прослежено в отдельных местах. И Исаия говорил не дословно так, но употребил два существительных: сокращение и ограничение, или обрезание, так что греческому переводчику было трудно понять смысл еврейских слов. Вот до чего можно дойти, если ясное само по себе предложение облекать в туманный стиль речи. Исаия говорит здесь в преувеличительном стиле, называя истреблением уменьшение, обычно происходящее после тяжкого военного поражения.

29) *И как предсказал Исаия.* Из первой главы приводит он и другое свидетельство, где пророк оплакивает опустошение Израйля, произошедшее в то время. Если же нечто подобное уже происходило однажды, значит это вовсе не ново. Ибо народ Израильский имеет лишь те преимущества, которые они унаследовали от родителей; но с этими родителями обращались таким образом, что пророк жалуется: положение их настолько тягостно, что едва отличается от участи Содомы и Гоморры. Однако различие между ними было в том, что немногие были сохранены в качестве семени, для продолжения рода, дабы не погиб он совершенно и не предан вечному забвению. Ибо Бог всегда помнил о Своих обетованиях, так что посреди жестокого мщения давал место и некоему милосердию.

30. *Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность от веры. 31. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. 32. Почему? Потому что искали не в вере, а в делах закона. Ибо преткнулись о камень преткновения, 33. как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится.*

(30. *Итак, что скажем? Язычники, не следовавшие праведности, получили праведность, при том праведность от веры. 31. А Израиль, следовавший закону праведности, не достиг до закона праведности. 32. Почему? Потому что не от веры, а от дел закона. Ибо преткнулись о камень преткновения, 33. как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; и всякий, верующий в Него, не постыдится.)*

30) *Что же.* Теперь, дабы отнять у иудеев всякий повод роптать на Бога, апостол начинает указывать на постижимые для ума человеческого причины, объясняющие, почему отвергнут был народ иудейский. Но дурно поступают и извращают порядок те, кто пытается противопоставить эти причины тайному предопределению Божию, о котором апостол учил ранее как о причине наивысшей. Однако, как превышает предопределение все остальные причины, так и превратность и злоба нечестивых является основным разбирательством божественных судов. Поелику же апостол говорил о сложных вещах, он использует жанр диалога и, словно сомневаясь, спрашивает, что можно на это сказать?

Язычники, не искавшие праведности. Нет ничего, что казалось бы более абсурдным и нелепым, чем то, что язычники, не заботившиеся в своей плотской вседозволенности ни о какой праведности, будучи призванными к участию в спасении, достигли праведности. А иудеи, напротив, усердно пребывая в делах закона, были лишены всякой награды праведности. Павел же то, что было до удивления странно, формулирует чрезвычайно просто. Он делает так, чтобы, указав на причину, устранить всякое недоумение. Он говорит, что праведность, которую достигли язычники, состоит в вере, поэтому она зависит от милосердия Господня, а не от собственного достоинства человека. Усердие по закону, которому предавались иудеи, было порочным, поелику пытались они оправдаться делами, а, значит, стремились к тому, что человеку недоступно. Более того, они ополчились на Христа, единственно через Которого и открыт для нас доступ к праведности.

Впрочем, в первой части, намерение апостола состояло в том, чтобы превознести благодать Божию, дабы в призвании язычников не искали никакой другой причины, кроме той, что Бог соизволил принять в благоволение Свое недостойных. Говорит же особо о той праведности, без которой нельзя достичь спасения, и означает, что праведность язычников, состоящая в незаслуженном примирении, полностью проистекает от веры. Ибо ежели кто вообразит, что они были оправданы потому, что верою приняли Духа возрождения, то будет далек от мысли Павла. И не было бы истинным то, что получили они, чего не искали, если бы Бог не принял даром тех, кто был чужд Ему и заблуждался, и не дал им ту самую праведность, по которой не могли они усердствовать по причине своего незнания. Также следует отметить, что язычники не достигли бы праведности верою, если бы Бог не предварил их веру Своею благодатью. Ибо ежели бы они первые стали воздыхать верою по праведности, это означало бы, что они ее уже ищут. Поэтому и сама вера является частью благодати.

31) *А Израиль, искавший.* То, что казалось невероятным, Павел утверждает вполне свободно: вовсе не удивительно, что иудеи, упорно следуя праведности, ни в чем не преуспели, поелику напрасно истощали себя, подвизаясь не на правильном пути. Мне кажется, что апостол, упомянув о законе праведности, как бы переставил слова местами, имея в виду праведность от закона. Но повторив те же слова³⁶⁰ во второй раз, он вкладывает в них уже другой смысл, имея в виду³⁶¹ форму праведности или правило праведности. Поэтому итог таков³⁶²: Израиль, пребывая в законе праведности, то есть в той праведности, которая предписывалась законом³⁶³, не сохранил у себя подлинное основание праведности³⁶⁴. Весьма изящный оборот, в котором апостол учит, что законническая праведность и была причиной отпадения от закона праведности.

32) *Не в вере, а в делах закона.* Поелику для неотесанных ложное рвение могло показаться хорошим извинением, Павел показывает, сколь справедливо отвергнуты те, кто стремился обрести спасение, уповая на дела; поелику, тем самым, они, насколько это в их силах, упраздняют веру. А вне веры нет надежды на спасение. Посему, ежели бы шли они по этому пути, такой исход был бы изничтожением истинной праведности. Далее, ты видишь, что здесь сравниваются вера и заслуги дел, как полностью противоположные вещи. Итак, поелику главнейшее препятствие есть упование на дела, которое закрывает нам путь к достижению праведности, необходимо, чтобы, распрощавшись с ним, мы положились лишь на благодать Божию. Ибо этот пример иудеев заслуженно должен внушить страх всем тем, кто стремится достичь царства Божия своими делами. Апостол же называет здесь делами закона не исполнение обрядов, как уже было сказано выше, но называет он так заслуги дел, которые противостоят вере, так сказать, в оба глаза смотрящей только на милость Божию и не взирающей на собственное достоинство.

Ибо преткнулись о камень. Прекрасным доводом подтверждает апостол предыдущее положение. Ибо нет ничего абсурднее того, чтобы праведность получили те, кто пытается ее отбросить. Христос был дан нам для праведности, а всякий, навязывающий Богу праведность по делам, пытается лишить Христа Его служения. Отсюда явствует, что всякий раз, когда люди полагаются на праведность по делам под предлогом пустого рвения, они в яростном безумии ведут войну с Богом. Впрочем, не трудно понять, как именно ополчаются на Христа те, кто полагается на дела. Ибо если мы не признаем себя грешниками, лишенными собственной праведности, мы затемним достоинство Христово, которое для того и явлено нам, чтобы быть для всех нас светом, спасением, жизнью, воскресением, праведностью и врачевством. Зачем все это, если не для того, чтобы просветить слепых, восстановить осужденных, оживить мертвых, восставить низведенных в персть, омыть нечистых, излечить и исцелить больных? Более того, если мы приписываем себе какую-либо праведность, мы неким образом воюем с силою Христовой. Ведь Его служение состоит в том, чтобы не только изничтожить всякую плотскую гордыню, но и дать облегчение, утешив обремененных и труждающихся. И цитата, приведенная апостолом, вполне уместна. В ней Бог объявляет, что будет

³⁶⁰ Вторично.

³⁶¹ Только лишь ... форму.

³⁶² Поэтому смысл таков.

³⁶³ Добавь, дабы благодеяниями заслужили мы себе жизнь.

³⁶⁴ Не достиг.

преткновением для народа Иуды и Израиля, споткнувшись о которое, они падут. Поелику же Христос Сам есть Бог, говорящий через пророка, неудивительно, что сие исполнилось в Нем. Апостол, называя Христа камнем преткновения, учит, что вовсе не удивительно, ежели не преуспевают на пути праведности те, кто в превратной своей надменности преткнулись о соблазн, в то время как Бог показывал им простой путь к праведности. Следует отметить, что Самому по Себе Христу не подобает быть камнем преткновения, и это скорее является приходящим и произошло из-за злобы людей, о чем и будет сказано вскоре.

33) *Всякий, верующий в Него, не постыдится.* Апостол добавляет к утешению благочестивых еще одно свидетельство, взятое из другого места. Он как бы говорит: то, что Христос зовется камнем преткновения, не означает, что мы должны его страшиться и вместо упования испытывать боязнь. Он поставлен для гибели неверных, благочестивым же Он дан для жизни и воскресения. Итак, как исполняется пророчество, касающееся преткновения и соблазна, в отношении неверующих, так исполняется и другое пророчество, адресованное благочестивым, а именно: что Христос есть камень крепкий, драгоценный, положенный во главу угла, твердо установленный, дабы всякий, уповающий на него, не упал. То же, что вместо “не упадет” апостол говорит “не постыдится”, происходит от греческого перевода³⁶⁵. Несомненно, что Бог хотел здесь укрепить надежду своих людей. Если же Сам Бог велит нам надеяться, из этого следует, что никак не можем мы постыдиться. Смотри похожее место в 1Пет.2:10.

Глава 10

1. Братия! Желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение. 2. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. 3. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией, 4. потому что конец закона Христос, к праведности всякого верующего.

(1. Братия! Несомненно, благоволение моего сердца и молитва к Богу об Израиле – во спасение. 2. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность Божию, но не в согласии со знанием. 3. Ибо, не разумея праведности Божией и ища поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией. 4. Потому что конец закона Христос, к праведности всякого верующего.)

Отсюда мы видим, сколь тщательно пытается ответить на все возражения сей святой муж. И дабы смягчить резкость своего толкования того, почему отвержены были иудеи, он, как и прежде, свидетельствует о своем к ним благоволении, и доказывает делом, что весьма озабочен перед Господом их спасением. Ибо подобное чувство рождается из подлинной любви. Хотя, возможно, и по иной причине вынужден он был говорить о любви к тому народу, от которого произошел и сам: ведь иудеи никогда бы не приняли его учения, если бы считали его оскорбительным для себя; а язычникам также было бы подозрительно его отпадение от иудаизма, поелику они бы думали, что он отпал от закона по причине людской *ненависти*, о чем уже было сказано в предыдущей главе.

2) *Ибо свидетельствую им.* Сие предназначено для удостоверения его любви. Ибо существовала справедливая причина, почему он должен был скорее сострадать им, нежели их ненавидеть. Ведь знал он, что пали они лишь из-за своего неведения, а не по порочности души. Более того, видел он, что не без некой ревности по Богу преследуют они Христово царство. Впрочем, отсюда мы научаемся тому, куда заведут нас благие пожелания, если будем им следовать бездумно. В народе считается подходящим и удобным извинением, когда тот, кого обличают, заявляет, что поступает из лучших побуждений. И сие оправдание удерживает сегодня многих от того, чтобы приложить усилия к исследованию истины Божией. Ибо думают они, что извинительно все, что совершается без предумышленного зла и даже с лучшими намерениями. Но никто из нас не потерпел бы, чтобы иудеи оправдывали себя в том, что распяли Христа, что яростно преследовали апостолов, что пытались задушить и уничтожить Евангелие, хотя их извинение точно такое же, какое и мы с уверенностью приводим в свою защиту. Итак, пусть прекратятся эти напрасные разговоры о благих намерениях, ежели мы ищем Бога от всей души и следуем тому единственному пути, который к Нему ведет. Ибо лучше хромать, идя по этому пути, нежели бежать вне его, как говорит Августин. Если хотим мы быть религиозными, вспомним, сколь истинно то, чему учил Лактанций: лишь та религия истинна, которая сопряжена со словом Божиим. И наоборот, видя, как погибают те, кто блуждает в потемках, ссылаясь на благие намерения, согласимся, что и сами мы достойны будем тысячи смертей, ежели, просвещенные Богом, намеренно отклонимся с Его пути.

3) *Не разумея праведность Божию.* Вот каким образом совратились иудеи в своем неразумном рвении. Именно потому, что хотели установить собственную праведность, которая по глупому упованию истекает из неведения истинной праведности Божией. Заметь, как апостол противопоставляет³⁶⁶

³⁶⁵ Септуагинты.

³⁶⁶ Нашу праведность.

праведность человеческую и праведность Божию. Во-первых, мы видим, что они противоплагаются друг другу словно противные вещи, не способные устоять вместе³⁶⁷, откуда следует, что люди ниспровергают праведность Божию и одновременно устанавливают свою. Затем, поскольку два члена антитезиса отвечают друг другу, несомненно, что праведностью Божией зовется та, которая является Его даром. Как и наоборот, человеческою праведностью зовется та, которую люди производят от себя и с уверенностью преподносят от себя Богу. Итак, не покоряется праведности Божией тот, кто хочет оправдаться сам по себе. Поелику начало праведности Божией состоит в том, чтобы отречься от себя. Ибо зачем еще нам искать праведности, если не потому, что вынуждает нас к этому наша нищета? Мы уже сказали в другом месте, как верою облачаются люди в праведность Божию. Именно так, что им вменяется Христова праведность. Далее, Павел сильно ополчается на гордыню, коей надмеваются лицемеры, какой бы видимостью рвения они ни прикрывались. Ведь он говорит, что все они, словно сбросив с себя узду, являются противниками и бунтарями против божественной праведности.

4) *Конец закона – Христос.* Мне кажется, что месту сему вполне соответствуют слово “усовершенствие”: Эразм также переводит его как “совершенство”. Но поскольку³⁶⁸ иное чтение принято почти что по всеобщему согласию, и оно также вполне подходит, я не возражаю, ежели читатели его удержат³⁶⁹. Этим доводом апостол отвечает на могущее возникнуть возражение. Ибо иудеи могли бы показаться идущими по правильному пути, поелику прилеплялись они к праведности закона. Сие ложное мнение апостол счел необходимым опровергнуть, что и делает в этом месте. Ибо он дает понять, что плох тот толкователь закона, кто пытается оправдаться по его делам, поскольку закон дан как раз для того, чтобы привести нас за руку к другой праведности. Более того, все, чему учит закон, все, что он заповедует, все, что обещает, всегда имеет своей целью Христа. Итак, к нему следует направлять все положения закона. Но этого не может быть без того, чтобы мы, отказавшись от всякой праведности и признав свой грех, просили праведность лишь у Него одного. Откуда следует, что иудеи заслуженно упрекаются в порочном злоупотреблении законом, сотворив себе препятствие из вспомогательного средства. Более того, явствует, что они гнусно изувечили закон Божий, отбросив его смысл и приникнув к мертвой букве. Ибо хотя закон обещает награду последователям его праведности, однако, заключив всех в вину, он выставляет на вид новую Христову праведность, которая не достигается заслугами дел, а даруется даром и принимается верою. Посему праведность по вере (как видели мы в первой главе) имеет свидетельство от закона. Здесь перед нами знаменательное место, говорящее о том, как закон всеми своими сторонами взирает на Христа; поэтому никто не может правильно его понимать, ежели не будет постоянно иметь в виду эту его цель.

5. Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им. 6. А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? То есть Христа свести. 7. Или кто сойдет в бездну? То есть Христа из мертвых возвести. 8. Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. 9. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, 10. потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.

(5. Ибо Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им. 6. А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? То есть Христа свести. 7. Или кто сойдет в бездну? То есть Христа из мертвых возвести. 8. Но что говорит? Близко слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. 9. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься. 10. Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.)

5) *Моисей пишет.* Дабы явлено было, насколько противостоят друг другу праведность веры и праведность дел, апостол сравнивает их теперь между собою. Ибо от сего сравнения еще больше явствует их противоположность, существующая между противными друг другу вещами. Он говорит не о пророческих свидетельствах, а о словах самого Моисея с той лишь целью, чтобы иудеи поняли: закон дан Моисеем не для того, чтобы удерживать их в уповании на собственные дела, но для того, чтобы привести их ко Христу. Ибо даже если бы процитировал он пророков в подтверждение своего мнения, все равно оставалось бы сомнение: почему же закон предписывает другую форму праведности? Итак, апостол наилучшим образом разрешает это сомнение, утверждая праведность веры на самом учении закона. Далее, Павел, делая закон согласным с верою, однако же противопоставляет его праведность праведности по вере, и надобно понять причину этого. Закон разумеется двойственным образом. В одних местах он означает все учение Моисея, а в других только его часть, принадлежащую именно его служению, которая состоит из заповедей, наград, и наказаний. Служение же Моисея в целом состояло в том, чтобы наставить народ в истинном правиле

³⁶⁷ Праведность Божия, та, которая нам вменяется перед Богом, и потому зовется Божией, что принадлежит Ему и происходит от Него.

³⁶⁸ Ничто не мешает, чтобы.

³⁶⁹ Посему и мы ее удержим.

благочестия. Если же это так, то ему надлежало проповедовать покаяние и веру: ведь вере нельзя учить, не предпослав ей обетований божественного милосердия, и притом данных даром. Посему ему надлежало быть проповедником Евангелия, что он и делал, как говорят о том многие места. Дабы наставить народ в покаянии, он должен был учить, какой образ жизни приятен для Бога, и описать этот образ в заповедях закона. Дабы же внушить народу любовь к праведности, и, наоборот, вселить в него ненависть к неправедности, он добавил обетования и угрозы, которые обещали праведникам награду, а грешникам ужасные наказания.

Теперь обязанность народа состояла в том, чтобы понять, сколько заслуживает он проклятия и насколько лишен возможности заслужить что-либо у Бога своими делами, и, таким образом, отчаявшись в собственной праведности, прибегнуть к самому Христу, пристанищу божественной благодати. Такова была цель Моисеева служения. Поелику же обетования Евангелия приведены у Моисея лишь отрывочно, и притом довольно туманно, а заповеди и награды постоянно бросаются в глаза читателям закона, Моисею заслуженно приписывается служение учить тому, какой должна быть праведность по делам, а затем показать, какая награда полагается за соблюдение, и какое наказание – за нарушение закона. По этой причине сам Моисей сравнивается со Христом у апостола Иоанна (1:17), где говорится, что закон дан от Моисея, а от Христа произошли благодать и истина. И везде, где название закона понимается в узком смысле, Моисей по умолчанию противопоставляется Христу. Поэтому тогда и надо смотреть на то, что закон содержит сам по себе, отдельно от Евангелия. Итак, сказанное здесь о праведности закона подобает относить не ко всему Моисееву служению, а к той его части, которая особым образом была ему поручена. Теперь же перейдем к словам самого апостола.

Моисей пишет. У Павла стоит *γράφει*, но это синоним слову “описывает”. Есть место в Лев.18:5, где Господь обещает вечную жизнь тем, кто соблюдет Его закон. Так понимает это место и Павел, а не только относительно временной жизни, как считают некоторые. Апостол рассуждает так: поскольку никто не достигнет предписываемой законом праведности, если только не соблюдет в точности все его заповеди, – а от такого совершенства далеки все люди, – напрасно будет кто стремиться к спасению этим путем. Итак, дурно поступил Израиль, понадеявшись, что может достичь праведности по закону, от которой далеки все. Смотри же, как апостол аргументирует от самого обетования, что оно никак не полезно нам, поскольку условие его для нас невыполнимо. Значит, напрасно цитировать законнические обетования для утверждения праведности по делам. Ибо с ними нас ожидает неотвратимое проклятие³⁷⁰. Тем более, от них не может прийти к нам спасение. И тем более постыдной представляется глупость папистов, для которых в доказательство наших заслуг достаточно процитировать голые обетования. Не напрасно, говорят они, обещал Бог жизнь Своим почитателям, но не видят они, между тем, что потому и были даны эти обетования, чтобы страхом смерти обострить у всех чувство своих преступлений, и таким образом научить всех прибегать ко Христу, понуждаясь собственной немощью.

6) *А праведность от веры*. Место сие такого свойства, что может немало помучить читателя. И по двум причинам. Ибо кажется, что оно не подобающим образом искажено Павлом, и словам его придан совершенно другой смысл. Однако о словах скажем позже: вначале обратим внимание на его употребление. Это место взято из Втор.30:12, где (как и в предыдущих местах) Моисей говорит об учении закона. Павел же притягивает к этому Евангельские обетования. Так развязывается данный узел. Ведь Моисей здесь показывает³⁷¹, как легко достичь жизни, поелику воля Божия уже не сокрыта от иудеев и не далека от них, но непосредственно у них перед глазами. Если бы это было сказано только о законе, аргумент оказался бы глупым, ведь ничего не становится более легким только от того, что закон Божий помещен перед глазами, а не находится вдали.

Итак, Моисей говорит не только о законе, но и обо всем учении Божиим, охватывающем и Евангелие. Ибо слово закона никогда само по себе не присутствует в нашем сердце, в нем не звучит ни одной его буквы, до тех пор, пока не внедрит его вера. Затем, даже после возрождения не говорится, что слово закона в собственном смысле находится в нашем сердце, поелику закон требует совершенства, от которого далеки все верующие. Но слово Евангелия обретает престол в сердце, даже если и не наполняет его целиком. Ибо предлагает прощение за несовершенство и недостатки. Моисей же в этой главе (как и в главе четвертой) пытается рассказать народу о великом благоволении Божиим, Который принял этот народ для наставления и научения, что не могло произойти от одного только закона. И не мешает то, что Моисей там проповедует о жизни, согласной с правилами закона, ибо с незаслуженной праведностью закона соединен и Дух возрождения. Посему из первого выводит он второе, поелику соблюдение закона происходит от веры во Христа. Несомненно, что это положение зависит от следующего принципа: Господь обрежет сердце твое, о чем немного ранее говорил он в этой же главе. Поэтому без труда опровергаются те, кто утверждает, что Моисей говорил здесь о совершении добрых дел. Признаю, что это так. Однако отрицаю то, что абсурдно

³⁷⁰ От них не может произойти никакого благословения.

³⁷¹ Для исполнения воли Господней, оттого что им уже.

выводить соблюдение закона из его источника, то есть из праведности по вере. Теперь надобно обратиться к истолкованию отдельных слов.

Не говори в сердце твоём: кто взойдет. Моисей называет небо и землю как некие отдаленные места, недоступные для человека. Павел же привязывает все это к воскресению Христа. Так, словно под этими названиями сокрыта некая духовная тайна. Ежели кто посчитает данное толкование слишком натянутым и изощренным, пусть разумеет, что в намерение апостола входило не исказить смысл Моисеевых слов, но лишь применить их к настоящему случаю. Итак, он не разбирает дословно то, что сказано у Моисея, но пользуется неким домысливанием, с помощью которого приспособляет свидетельство Моисея к своему случаю. Моисей говорил об отдаленных местах, Павел же говорит о тех, которые более других невидимы для нас, и могут постигаться одной лишь верой. Поэтому, ежели разуместь эти слова как некое преувеличение или домысливание, нельзя уже сказать, что Павел насильно или неподобающе исказил слова Моисея. Скорее следует признать, что он изящно ссылается на имена моря и земли без какого-либо искажения смысла. Итак, будем просто истолковывать настоящие слова Павла. Поелику надежность нашего спасения опирается на две основополагающие вещи: обретенную для нас жизнь и побежденную смерть. И то, и другое по слову Евангелия подкрепляет нашу веру. Ибо Христос смертью Своею поглотил смерть, воскресением же получил власть над жизнью. Евангелием же смерти и воскресения Христова нам сообщается благо; значит, не надо нам выискивать чего-либо сверх этого.

Посему, поелику праведность веры с избытком достаточна для спасения, апостол учит, что в ней содержатся две вещи, которые одни только и требуются для спасения. **Кто взойдет на небо?** Это означает то же, что и фраза: Кто знает, имеется ли для нас на небесах наследие вечной жизни? **Кто сойдет в бездну?** Как если бы было сказано: Кто знает, следует ли за телесной смертью вечная погибель души? Апостол учит, что оба эти сомнения устраняются праведностью по вере, ибо одно из них сводит Христа с небес, а другое уводит от смерти. Ибо восшествие Христово на небеса так должно укрепить нашу веру в вечную жизнь, что почти что лишает Христа небесного владения тот, кто сомневается: уготовано ли наследие неба верным, от имени которых туда вознесся Христос. Подобным же образом, поскольку Христос для того и покорился адским мукам, дабы нас от них избавить, сомневаться в том, не подвержены ли верные до сих пор этому несчастью, означает делать недействительной Его смерть и словно бы отрицать ее.

8) *Но что говорит?* Речь в отрицательном ключе, которую он вел до этого, относилась к устранению помех для веры; итак, остается ему привести причину достижения праведности, с целью чего и добавляется это утверждение. Вставляя же в середину вопрос, хотя и можно было все сказать в одном контексте, апостол пробуждает тем самым наше внимание. Одновременно он хотел этим научить, сколь велика разница между праведностью закона и праведностью Евангелия. Поелику первая, показывая себя издалека, недоступна ни для кого из смертных, а вторая, предлагая себя непосредственно, по-дружески приглашает нас к обладанию собою.

*Близко к тебе слово*³⁷². Во-первых, следует отметить: дабы людские умы из-за двусмысленности не отошли от спасения, им предписываются границы слова, внутри которых надлежит им пребывать. Ибо апостол как бы повелел им довольствоваться одним лишь словом, и увещевает созерцать в этом зеркале небесные тайны, которые иначе ослепили бы наши глаза своим сиянием, оглушили слух, и истощили³⁷³ разум. Посему верные черпают из сего места великое утешение, касающееся надежности слова. Они полагаются на него не менее твердо³⁷⁴, чем полагались бы на вид самих вещей. Затем надобно отметить, что Моисей предлагает слово, в котором для нас явлено твердое и надежное упование спасения.

То есть слово веры. Павел обоснованно делает такой вывод, поелику учение закона никак не может умиротворить и успокоить совесть, и не дает ей то, чем она способна удовлетвориться. Между тем он не исключает отдельные части слова, особенно заповеди закона, но хочет в качестве праведности утвердить отпущение грехов, причем, вне того полного послушания, которое требует закон. Итак, слово Евангелия³⁷⁵ достаточно для умиротворения умов и утверждения человеческого спасения, повелевая нам не заслуживать праведность собственными делами, а принять ее предложенную даром через веру.

"Слово веры" означает слово обетования, то есть, *μετωνυμικὸς* [метонимически; - прим. пер.] сие говорится о самом Евангелии, поелику последнее связано с верой. Здесь подразумевается антитезис, коим закон различается от Евангелия. Из сего различения мы делаем вывод: как закон требует дела, так и Евангелие требует только того, чтобы люди выказали веру для принятия благодати Божией. Слова же "которое проповедуем" добавлены для того, чтобы кто не заподозрил, будто Павел отходит от Моисея. Ибо апостол

³⁷² Итак, в слове разумеются все небесные тайны.

³⁷³ Притупили бы.

³⁷⁴ Надежно.

³⁷⁵ Для успокоения души.

свидетельствует, что в евангельском служении он совершенно согласен с Моисеем, ведь последний также помещает наше счастье в незаслуженном прощении по благодати Божией.

9) *Ибо если устами своими.* Здесь также имеется скорее намек, чем подлинное и надлежащее толкование. Ибо вполне похоже, что Моисей словом “уста” означает взор или лицо. И апостолу вполне подобало сослаться на слово “уста” в следующем смысле: когда Господь предлагает слово Свое перед нашим взором, то есть устами, Он без сомнения призывает нас к его исповеданию. Ибо везде, где пребывает слово Господне, оно должно приносить плод. Плод же уст наших, это – исповедание. Предполагая же вере исповедание, он обращает порядок, следуя обычной манере Писания. Ибо порядок был бы лучшим, ежели бы, предпослав сердечное упование, апостол сказал бы затем об исповедании уст, которое от него рождается.

Однако правильно исповедует Господа Иисуса тот, кто наделяет Его присущей Ему силой, признавая таковым, каким дан Он нам Отцом и описан в Евангелии. Упомянув³⁷⁶ же открыто об одном лишь воскресении, он делает так не потому, что смерть не имеет значения, но потому что Христос, воскреснув, до конца совершил дело нашего спасения. Ибо смертью достигнуто было искупление и удовлетворение, через которое мы примирились с Богом, победа же над грехом и сатаной рождена была воскресением³⁷⁷. Отсюда и праведность, и обновление жизни, и надежда на блаженное бессмертие. Поэтому для спасительного упования часто предлагается нам одно лишь воскресение; и не для того, чтобы увести нас от смерти, но потому что свидетельствует о плодах и последствиях смерти. Так что воскресение включает в себя также и смерть, о чем говорили мы в главе 6. Добавь к этому, что Павел требует здесь не только исторической веры, но указывает на ее цель в самом воскресении. Ибо следует верить в то, для чего воскрес Христос: именно для того, чтобы в Его воскресении исполнился совет Бога Отца – восстановить всех нас к жизни. Ведь хотя во власти Христа и было взять обратно Свою душу, это дело Писание чаще всего приписывает Богу Отцу.

10) *Потому что сердцем веруют к праведности.* Это место может помочь нам в уразумении оправдания по вере. Ибо оно показывает, откуда исходит наша праведность, когда мы принимаем предложенную нам в Евангелии благодать Божию. Итак, мы от того становимся праведными, что веруем: Бог умилился к нам во Христе. Однако обратим внимание на то, что седалище веры находится не в голове, а в сердце. Я не буду спорить о том, в какой части тела находится вера, но поелику сердце часто означает серьезное и искреннее чувство, я утверждаю, что вера – это твердое и действенное упование, а не просто голое знание.

Устами исповедуют ко спасению. Может показаться странным, что апостол приписывает здесь вере лишь часть нашего спасения, до этого столько раз засвидетельствовав, что спасаемся мы одной лишь верой. Однако из этого не следует делать вывод, что исповедание является причиной нашего спасения. Апостол лишь хотел сказать, каким образом Бог совершает наше спасение. Именно таким образом, что веру, вложенную в наши сердца, Он заставляет проявляться в исповедании. Апостол просто³⁷⁸ хотел сказать, какова истинная вера, от которой происходит плод, дабы кто не поместил на ее место пустое название веры. Ведь сердце должно так воспламениться усердием ко славе Божией, чтобы горение его было видно и снаружи. Очевидно, что оправданный уже достигает спасения; значит, сердцем веруют ко спасению не меньше, чем исповедуют устами. Смотри, как апостол проводит здесь различие. Он приписывает причину оправдания вере, а затем показывает, что именно необходимо для усовершенствования нашего спасения. Ибо никто не может веровать сердцем, чтобы не исповедовать это устами. И необходимость эта относится к постоянному следствию, а не так, что спасение приписывается нашему исповеданию. Впрочем, пусть скажут, что ответить Павлу, те, кто сегодня предлагает нам некую воображаемую веру, которая, довольствуясь тайниками сердца, исключает устное исповедание как излишнюю и пустую вещь. Ибо великое пустословие утверждать, что огонь есть там, где нет ни пламени, ни тепла.

11. *Ибо Писание говорит: всякий, верующий в Него, не постыдится.* 12. *Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его.* 13. *Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется.*

(11. *Ибо Писание говорит: всякий, верующий в Него, не постыдится.* 12. *Ибо нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его.* 13. *Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется.*)

³⁷⁶ Открыто же говорит, что Бог воскресил Его, потому что в воскресении Христовом имеем мы завершение нашего спасения.

³⁷⁷ Одновременно и восстановлена жизнь. Откуда одно лишь воскресение часто упоминается для удостоверения всего спасения. Оно включает в себя смерть, но само не включается в понятие смерти.

³⁷⁸ Скорее.

11) *Ибо Писание говорит.* Указав на причины, почему Бог справедливо отверг иудеев, апостол возвращается к призванию язычников – второй части разбираемого им сейчас вопроса. Поелику он уже показал, каков путь, ведущий людей ко спасению, и что для язычников он открыт³⁷⁹ не меньше, чем для иудеев, то, вначале указав на общий признак, теперь он явно применяет его к язычникам, а затем отдельно призывает их на этот путь. Апостол повторяет ранее приведенное свидетельство из Исаии, дабы придать больший авторитет своему утверждению, и, одновременно, чтобы стало ясно: сколь хорошо пророчества о Христе согласны с законом.

12) *Здесь нет различия.* Если рассматривать только упование, то везде, где оно присутствует, благоволение Божие, в свою очередь, являет себя во спасение. Итак, здесь нет никакого различия между народами или нациями. И апостол приводит надежнейшее основание: если тот, кто является Создателем и Зодчим всего мира, одновременно есть Бог для всех людей, то Он явит Себя благодным ко всем, кем впоследствии будет признаваться и призываться как Бог. Ибо поелику милосердие Его безгранично, не может быть, чтобы оно не излилось на всех, кто о нем просит.

Термин “богатый” здесь означает благодный и благотворительный. Здесь следует отметить, что богатство нашего Отца не истощается от Его щедрости, и поэтому никак не вредит нам то, что других Он также наделяет избытком Своей благодати. Нет поэтому причины одним завидовать благу других, как будто что-то из-за этого у них убудет. И хотя причина эта сама по себе вполне достаточна, апостол подтверждает ее пророчеством Исаии, которое ясным обобщающим словом охватывает всех людей. Однако из сопутствующих обстоятельств читатели узнают: этому соответствует³⁸⁰ и то, что возвестил Иоиль. Ибо он пророчествовал о царстве Христовом и, одновременно предсказывая великое возгорание гнева Божия, обещал спасение всем, кто призовет имя Господне. Откуда следует, что вплоть до бездны смерти проникает благодать Божия, если только о ней просят. Посему никак не удерживается она от язычников.

14. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего? 15. И как проповедывать, если не будут посланы? Как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое! 16. Но не все послушались благовествования. Ибо Исаия говорит: Господи! Кто поверил слышанному от нас? 17. Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия.

(14. Но как будут призывать Того, в Кого не уверовали? Как будут веровать в Того, о Ком не слыхали? Как услышат без проповедующего? 15. И как будут проповедывать, если не будут посланы? Как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое! 16. Но не все послушались благовествования. Ибо Исаия говорит: Господи! Кто поверил словам нашим? 17. Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия.)

Дабы не слишком отнимать время читателя, перечисляя и опровергая толкования других, пусть каждый думает, что считает нужным. Мне же пусть будет позволено сказать, о чем думаю я. Итак, чтобы уразумел ты, к чему стремится сия цепочка утверждений, вначале подумай о том, что имеется взаимная связь между призванием язычников и осуществляемым среди язычников служением Павла; так что, одобряя одно, надо одобрить и другое. Для Павла было необходимо незыблемо утвердить призвание язычников и одновременно дать отчет о своем служении, дабы не показалось, что он дурно распоряжается благодатью Божией, отнимая у детей предназначенный им хлеб и бросая его псам. Итак, он делает и то, и другое. Но как слагается нить его рассуждения нельзя хорошо понять до тех пор, пока не будут приведены все ее отдельные части. Черда его мыслей равнозначна следующему: как иудеи, так и язычники, призывая имя Божие, тем самым провозглашают, что веруют в Бога. Поелику истинное призывание имени Божия не может иметь места, если ему не будет предшествовать правильное богопознание. Далее, вера рождается от слова Божия, слово же Божие проповедуется лишь по особому провидению и устроению Божию. Значит, где имеется призывание Бога, там есть и вера; а где вера, там ее предваряет семя слова; где же имеется проповедь, там и божественное призывание. Там, где призывание является действенным и плодоносным, имеется ясный и несомненный признак благоволения Божия. Откуда явствует, что не исключены из царства Божия те язычники, которых Бог призвал к общему для всех спасению. Ибо, как причиной веры у них служит проповедь Евангелия, так и причиной проповеди является божественное послание, коим Бог восхотел способствовать их спасению. А теперь по отдельности рассмотрим [каждую фразу].

14) *Но как призывать?* Здесь Павел хочет связать призывание с верой, поелику эти вещи очевидно связаны друг с другом. Ибо тот, кто призывает Бога, стремится как бы к единственному спасительному пристанищу и надежнейшему убежищу; он словно сын приникает к лону любящего и наилучшего Отца, дабы быть защищенным Его заботой, лелеемым Его милостью и любовью, поддерживаемым Его благодатью и

³⁷⁹ Приличествует.

³⁸⁰ Обрати внимание.

укрепленным Его силой. А этого никто не сможет сделать, если раньше не убедится в отеческом благоволении к себе Бога, дабы ожидать от Него все, что только пожелает. Итак, те, кто призывает Бога, необходимо должны быть уверены в Его надежной защите. Ведь Павел говорит здесь о том призывании, которое одобряет Бог. Ибо лицемеры также призывают Бога, но не во спасение, поелику делают это без ощущения веры. Откуда явствует, сколь ничтожно мыслят схоласты, предлагая Богу свои сомнения, не подкрепленные никаким упованием.

Совсем не так думает Павел, который считает за общепринятую аксиому, что не можем мы правильно просить, если не будем твердо уверены в успехе. Ибо он не говорит здесь о скрытой вере, но об уверенности, которая имеется в наших душах по поводу отеческого благоволения Бога, когда Он усыновляет и примиряет нас Себе через Евангелие. Лишь с такой вот уверенностью открыт нам доступ к Нему, как говорится в Еф.3. И наоборот, лишь та вера истинна, что рождает из себя призывание Бога. Ибо не может быть так, чтобы вкусивший благодать Божию не воздыхал о ней постоянно всеми силами души.

Как веровать в Того. Итог таков: мы немые, покуда обетование Божие не отверзнет нам уста для молитвы. И такой же порядок имеется у пророка: Скажу им: вы народ Мой, а они Мне скажут: Ты – наш Бог (Зах.13:9). Ибо³⁸¹ не в нашей власти воображать Бога таким, каким нам вздумается. Итак, законным³⁸² Его познанием является лишь то, которое предлагается нам в Его слове. Если кто Бога по собственному разумению³⁸³ помыслит благим, вера его не будет твердой, но лишь зыбким неустойчивым домыслом. Посему для правильного познания Бога требуется слово. А слово здесь имеется в виду лишь то, которое проповедуется, ибо это и есть обычный установленный Богом способ его распространения. Если же кто будет утверждать, что Бог не может внушить людям знание о Себе кроме как посредством проповеди, то мы отрицаем, что в этом заключалась мысль апостола, который имел в виду лишь обычное служение слова, но не хотел предписывать законов для благодати Божией.

15) *И как проповедывать, если не будут посланы?* Сей образец и залог любви Божией³⁸⁴ означает, что Он удостоил некий народ проповеди Своего Евангелия. И никто не может быть его глашатаем, если не будет поставлен на это по особому провидению. Поэтому несомненно, что Бог посещает тот народ, которому возвещается Евангелие. Поелику же Павел не рассуждает здесь о способе законного призвания, излишним было бы вести об этом долгую речь. Достаточно верить в то, что Евангелие не падает к нам случайно с неба, но приносится людьми, божественно посланными для этой цели.

Как написано. Сие свидетельство надобно применить к настоящему случаю. Господь, собираясь³⁸⁵ внушить народу Своему надежду на избавление, украшает великим торжеством приход тех, кто возвещает эту радостную весть. Итак, тем самым Он заявляет, что апостольское служение, через которое нам приносится эта весть, не должно недооцениваться. Откуда следует, что происходит оно от Бога: ведь нет ничего в мире желанного и достойного похвалы, кроме того, что исходит от Его десницы. Впрочем, отсюда мы научаемся, сколь сильно желаема эта вещь для всех добрых людей, и сколь велика цена проповеди Евангелия, которое так восхваляется самим Богом. Ибо несомненно, что Бог торжественно возглашает о несравненном достоинстве сего сокровища, дабы пробудить всех к пламенной о нем молитве. "Ноги" же метонимически понимай как "приход".

16) *Но не все послушались благовествования.* Это никак не относится к тому рассуждению, которое ведет здесь Павел. Поэтому он и не повторяет³⁸⁶ этого в скоро следующем заключении. Павлу было важно вставить данное место, дабы кто, услышав сказанное им, что слово всегда по порядку предшествует вере, не иначе как семя предшествует росткам, не обратил утверждение и не сделал вывод, что вера равно присутствует везде, где имеется слово. Ибо так мог бы хвалиться и Израиль, никогда не лишенный слова Божия. Итак, надо было указать и на ту особенность, что призываются многие из тех, кто однако не избран Богом. Место же апостол привел из Исаии 53:1, где пророк, собираясь провозвестить о смерти и царствии Христовом, с удивлением говорит о малочисленности верующих, которое до того ясно явилось ему в Духе, что заставило воскликнуть: Господи, кто поверил слышанному от нас, то есть, слову, которое мы проповедуем? Ибо поскольку у евреев слово שמועה означает речь, то то, что греки зовут *ακκοήν*, а латиняне – слухом, переводчики перевели в несобственном смысле, хотя и не двусмысленно.

Мы уже говорили, почему была мимоходом вставлена сия оговорка, дабы кто не подумал, что вера с необходимостью будет везде, где процветает проповедь. Однако апостол затем указывает на причину,

³⁸¹ Не.

³⁸² Таковым.

³⁸³ От самого себя.

³⁸⁴ Свидетельство Его божественной любви.

³⁸⁵ Обещая спасение Израилю.

³⁸⁶ Не имеет места.

добавляя: Мышца Господня кому открылась? Ибо он хочет сказать, что успех слова возникает только там, куда Бог посылает сияние Своего Духа. И так внутреннее призвание различается от внешнего голоса человека, призвание – единственно действенное и присущее лишь избранным. Откуда легко можно понять, сколь глупо рассуждают некоторые, что избраны якобы все, поелику учение о спасении является всеобщим, и Бог без различия приглашает к себе всех. Ведь общность обетований сама по себе не делает спасение общим для всех. Скорее его ограничивает избранными то особое откровение, о котором упомянул пророк.

17) *Итак вера от слышания.* Из этого вывода мы видим, куда направлялась цепочка Павловых рассуждений. Именно к тому, чтобы показать: везде, где имеется вера, Бог являет знак Своего избрания. Затем, что Он изливает Свое благословение через Евангельское служение, дабы просветить верою умы людей и пробудить их к призыванию Собственного имени, в котором всем обетовано спасение. Так апостол засвидетельствовал, что язычники допускаются Богом к участию в вечном наследии. Это представляет собой выдающееся место, посвященное действительности проповеди. Поелику в нем говорится, что из проповеди рождается вера. Апостол признает, что сама по себе проповедь ничего не значит; но там, где Господу угодно действовать, она является орудием Его силы.

Конечно же, человеческое слово не может силою своей проникнуть в душу слушателей, и смертный человек был бы чрезмерно возвышен, если бы говорилось, что имеет он силу возрождать. Ведь свет веры слишком высок, чтобы его можно было дать человеческими силами. Однако все это не мешает Богу эффективно действовать через человеческое слово, дабы через служение его сотворить в нас веру. Кроме того, следует отметить, что вера основывается только на учении Божиим. Ибо Павел не говорит, что она может возникнуть из какого угодно учения, но прямо ограничивает ее словом Божиим. Данное ограничение было бы абсурдным, если бы вера зависела от благоволения людей. Поэтому должны прекратиться все лживые измышления, касающиеся определенности веры. Таким образом низвергается и папистская выдумка о скрытой вере, отрывающая веру от слова Божия. Тем более достойно проклятия богохульство о том, что не следует выказывать веры слову, покуда его не подкрепит авторитет Церкви.

18. Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их. 19. Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным. 20. А Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне. 21. Об Израиле же говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному.

(18. Но говорю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их. 19. Еще говорю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным. 20. А Исаия дерзает и говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне. 21. Об Израиле же говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному.)

18) *Но спрашиваю: разве они не слышали?* Хотя от проповеди человеческий разум и напиваются познанием Божиим, порождающим из себя призывание Бога, остается вопрос: разве язычникам не была возвещена истина Божия³⁸⁷? Ибо то, что Павел неожиданно обратился к язычникам, представляло собой немалое оскорбление иудеев. Итак, он вопрошает: разве Бог никогда раньше не обращался к язычникам и не был учителем для всего мира? Далее, дабы научить, что для всех людей открыта общая школа, в которую Бог отовсюду собирает Себе учеников, он приводит пророческое свидетельство из Псалма 19:5, который, на первый взгляд, никак не относится к настоящему делу. Ибо пророк говорит там не об апостолах, но о безгласных делах Божиих, в которых, по его словам, так явлена слава Божия, что дела эти, можно сказать, как бы собственным языком сообщают нам о божественных добродетелях. Это место у Павла заставило древних аллегорически толковать весь Псалом, а за ними последовали и другие поколения. Так без сомнения солнце, выходящее, словно жених, из чертога, есть Христос, апостолы же – это небеса. Те, кому присуща большая религиозность, и кто скромнее ведет себя в истолковании Писаний, считают, что сказанное в собственном смысле о небесном строении Павел в качестве аллюзии перенес на апостолов.

Однако, поскольку я обратил внимание, что рабы Божии всегда толкуют Писание с большим почтением³⁸⁸ и не бросаются туда-сюда по собственному произволу, то не могу согласиться с тем, что Павел злоупотребил этим местом из Псалма. Итак, я принимаю его цитату в собственном и подлинном пророческом смысле, так что довод его становится следующим: Бог уже от начала мира явил язычникам Свое божество, если и не с помощью человеческой проповеди, то через свидетельство³⁸⁹ Своего творения. Ибо, даже если Евангелие

³⁸⁷ Чтобы доказать, что она дошла и до них.

³⁸⁸ Благочестием.

³⁸⁹ Служение.

тогда и молчало среди них, все сооружение неба и земли возглашало и восхваляло³⁹⁰ Создателя своим непрестанным гласом. Итак, явствует, что Господь даже в то время, когда удерживал благодать Своего завета в пределах Израиля, не настолько лишил язычников познания Себя, чтобы не горела среди них всегда какая-либо его искра³⁹¹. Однако ближе Он явил Себя Своему избранному народу, так что иудеи заслуженно сравниваются с домашними слушателями, которых Господь по семейному учит Собственными святыми устами. Поелику же Он также обращался и к язычникам через голос небес, то показывал этой прелюдией, что хочет и им открыться неким образом. Впрочем, почему еврейское слово **קוץ** греческий переводчик перевел как **φθόγγον**, мне неизвестно. Ибо оно иногда означает черту, а иногда строчку. В этом же месте, поелику одно и то же, безусловно, повторяется дважды, мне кажется вероятным, что небеса представлены возвещающими силу Божию как на письме, так и устно, всему человеческому роду. Ибо словом "вышло" пророк напоминает нам, что учение, вестниками которого являются небеса, не заключено в узкие земные рамки, но звучит до крайних пределов мироздания.

19) *Еще спрашиваю: разве Израиль не знал*³⁹²? Возражение противной стороны основывается на сравнении большего с меньшим. Павел рассуждает так: язычники не исключены из познания Божия, поелику Бог с самого начала явил им Себя; и, хоть и неясно и как бы потаенно, но, по крайней мере, дал неким образом вкусить Свою истину³⁹³. Итак, что же тогда сказать об Израиле³⁹⁴, который был просвещен еще более ярким светом учения? Почему произошло так, что мирские люди прибегли к свету, явленному им издавна, а святой род Авраама отверг то, что было показано ему вблизи? Ибо всегда надобно помнить об отличительности [Израиля]: Какой еще народ столь возвышен, что к нему приближаются его боги, подобно тому, как Бог твой сегодня приходит к тебе? Итак, не без повода спрашивается, почему учение закона, коим напитался Израиль, не произвело познания? "Первый Моисей говорит". Апостол доказывает свидетельством Моисея, что ежели Бог предпочтет язычников иудеям, в этом не будет ничего абсурдного. Место сие взято из той знаменитой песни, где Бог, попрекая иудеев в вероломстве, возвещает, что отомстит им следующим образом: Он возбудит в них ревность, приняв в завет новые народы, поелику они уклонились к ложным богам. Вы, – говорит Он, – отвергнув и презрев Меня, перенесли прилежащую мне честь и славу на идолы; Я же, отомщая за сие беззаконие, в Свою очередь восставляю на место вас языческие народы, и то, что до этого давал вам, отпишу им.

И это не могло произойти без отвержения иудейского народа. Ибо оттуда происходит та ревность, о которой упомянул Моисей. Ревность о том, что Бог создал для Себя народ из того, кто не был народом, образовал новый народ как бы из ничего, народ, занявший место с которого были согнаны иудеи, подобно тому, как и сами они, оставив истинного Бога, предали себя идолам. То же, что иудеи вплоть до пришествия Христа³⁹⁵ уже не впадали в грубое и внешнее идолопоклонство, никак их не извиняет, ведь своими измышлениями они профанировали все богопочитание. Более того, они отреклись от Бога Отца, явленного во Христе, Его Единородном Сыне, что есть крайняя степень нечестия. Заметь же, что "народ несмысленный" и вообще "не народ" означают здесь одно и то же, поелику вне надежды небесной жизни природа человека обращается в ничто. Далее, начало жизни происходит от света веры. Посему духовное естество проистекает из нового творения, и именно в этом смысле Павел зовет верных делом Божиим, поелику возрождены они Его Духом и преобразены по Его образу. Из названия же глупости мы выводим, что все мыслимое людьми вне слова Божия есть чистая суета.

20) *А Исаия смело говорит*. Поелику пророчество сие становится тем более ясным, чем большее пробуждает к себе внимание, апостол говорит, что оно исполнено упования. Как если бы было сказано: пророк говорит здесь не иносказательно и не запутанно, но ясными и прозрачными словами утверждает призвание язычников. То же, что Павел разделил, вставив несколько новых слов, у пророка сказано в одном контексте в главе 65:1, где Господь возвещает, что придет время, когда Он обратит благодать Свою на язычников, и в качестве причины упоминает о том, сколь надоела Ему надменность Израиля из-за своего упорства, ставшего совершенно невыносимым. Итак, вот Его слова: Те, кто прежде не вопрошал обо Мне и презирал

³⁹⁰ Свидетельствовало о своем Создателе.

³⁹¹ Итак, имелся знак, что им также хотел Он Себя явить.

³⁹² Разумей, что здесь приведено возражение противной стороны. Ибо если отсюда Павел выводит, что язычникам не следует полностью отказывать в познании Бога, то.

³⁹³ Явил Себя им Бог.

³⁹⁴ Как же произошло, что одни приняли то, что было им показано издали, а другие отвергли явленное им вблизи? Поелику сие кажется абсурдным, Павел отвечает от лица Моисея, чей авторитет мог бы разубедить иудеев в нелепости сего мнения. Место взято из Втор.32, где Господь говорит, каким мщением покарает Он отступление народа, когда последний впал в идолопоклонство. Как они, говорит, возбудили во Мне ревность в эти дни, так и Я восстановлю новый народ, дабы возбудить в них верность. И как они сделали богами тех, кто суть не боги, так и Я создам народ из того, кто не является народом. Итак, неудивительно, если Господь, ослепив иудеев, просвещает язычников.

³⁹⁵ До того времени.

имя Мое, ныне обрели Меня (прошедшее время означает здесь будущее ради удостоверения истинности пророчества). Те, кто не искал Меня, сверх надежды и желания нашли Меня. Я знаю, что некоторые раввины извращают сие место, как если бы Бог обещал сделать так, что иудеи образумятся и перестанут от Него отступать. Однако нет ничего яснее, чем то, что речь здесь ведется о чужаках, поелику сразу за этим следует: Я сказал: вот Я с народом, в котором не призывается имя Мое. Без сомнения пророк возвещает здесь о том будущем, когда через новое усыновление в семью Божию будут приняты те, кто ранее был ей чужд. Итак, это и есть то призвание язычников, в котором явлен общий прообраз призвания всех верных. Ведь никто не может упредить Господа. Все мы без исключения избавляемся из глубочайшей пучины смерти по Его незаслуженному благоволению. Там же, где нет познания Его, нет и усердия к почитанию, и нет ощущения Его истины.

21) *Об Израиле же*³⁹⁶. Здесь приводится причина, почему Бог обратился к язычникам. Потому именно, что видел, как Его благодать поносится среди иудеев. Но чтобы читатели лучше уразумели, что во второй части предложения упоминается ослепление иудеев, Павел ясно указывает, что здесь попрекается злоба именно избранного народа. Дословно будет так: говорит к Израилю. Но Павел следует здесь еврейскому обычаю. Ведь **ὁ** часто означает **הוא**. Бог говорит, что простирал к Израилю руки, приглашая его словом и не переставая привлекать всяким родом благодати. Ибо сими двумя способами Он пользуется для привлечения людей. Ведь так показывает Он Свое к ним благоволение. Однако в основном вопрос стоит об их презрении к учению, которое тем более гнусно, чем большую отеческую заботу проявил к ним Бог, приглашая к Себе их через Свое слово.

Фраза же "простирал руки" весьма выразительна, поелику Бог, устраивая наше спасение через служителей Собственного слова, не иначе протягивает нам руку, чем отец простирает руки к сыну, желая прижать его к своей груди. Он говорит, что делал это "всякий день", дабы не показалось кому-нибудь странным, что изнемог Он в своем благотворении и ничего не достиг своей настойчивостью. Это – та же фигура речи, что и у Иер.7:13 и 11:7, где Господь говорит, что простирал руки для их увещевания. Далее, неверие означает здесь двумя подходящими словами³⁹⁷. Ведь причастие **απειθοῦντα** можно перевести как бунтарь. Однако меня вполне устраивает также перевод Эразма и древнего переводчика, который я поместил на полях. Но, поскольку пророк обвиняет здесь народ в упорстве, а затем добавляет, что он заблуждается, шагая по дурному пути, то я не сомневаюсь, что греческий переводчик еврейское слово **סורר** захотел передать двумя словами, вначале назвав народ бунтарем, а затем и непослушным. Ведь его надменность проявилась в том, что в необузданном тщеславии и ожесточении он упорно презирал святые увещевания пророков.

Глава 11

1. Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. 2. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? Как он жалуется Богу на Израиля, говоря: 3. Господи! Пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. 4. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом. 5. Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток. 6. Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.

(1. Итак, говорю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, из рода Авраамова, из колена Вениаминова. 2. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? Как он жалуется Богу на Израиля, говоря: 3. Господи! Пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. 4. Что же говорит ему ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом. 5. Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток. 6. Но если по благодати, то не от дел; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если от дел, то уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.)

1) *Итак, спрашиваю.* Все, что прежде говорил апостол о слепоте и упорстве иудеев, как могло показаться, свидетельствовало о том, что Христос Своим пришествием передал [другим народом] обетования Божии, лишив иудеев всякой надежды на спасение. Посему здесь апостол упреждает данное возражение и несколько смягчает сказанное им прежде об отвержении иудеев, чтобы кто не подумал, будто завет, некогда утвержденный с Авраамом, ныне отменился, или что Бог забыл об этом завете, так что иудеи сейчас совершенно отчуждены от Его царства, какими были и язычники до пришествия Христа. Это он как раз и

³⁹⁶ Слова Павла следующие: к Израилю же, но **προς** здесь означает то же, что и **περι** по обычаю еврейского языка, как, например, в Пс.85: Изречет мир народу Своему, то есть о народе Своем.

³⁹⁷ Ибо вместе с неверием всегда имеется упорство и непослушание, а также противление Богу.

отрицает, а вскоре покажет, что утверждение сие, безусловно, ложно. Вопрос стоит не в том, по праву ли Бог отверг Свой народ. Ибо в предыдущей главе было доказано, что народ, в ложном рвении отвергнув праведность Божию, сам навлек праведное наказание на свою гордыню, заслуженно был ослеплен и, в конце концов, отпал от завета. Итак, спор идет не о причине отвержения, но об ином: хотя народ и заслужил таковое мщение со стороны Бога, можно ли сказать, что завет, некогда заключенный Богом с отцами, тем самым утратил силу? Ведь абсурдно было бы утверждать, что может он поколебаться от какой-либо неверности людей. Ибо Павел твердо держится за этот принцип: поелику усыновление является незаслуженным и основанным на одном лишь Боге, а не на людях, оно остается твердым и неизблемым, как бы ни стремилось его уничтожить людское неверие. Здесь и кроется ответ на вопрос: дабы не считали люди, что истина и избрание Божие зависит от достоинства человека.

Ибо и я Израильтянин. Прежде чем перейти к главной причине, апостол попутно доказывает на своем примере, сколь абсурдно думать, что этот народ заброшен Богом. Ведь и сам он по происхождению израильтянин, а не прозелит, недавно вошедший в сообщество израильтян. Итак, поелику заслуженно числится он среди избранных слуг Божиих, то служит тем самым свидетельством того, что благодать Божия по-прежнему остается среди Израиля. Он принимает это здесь за доказанное утверждение, хотя впоследствии изъяснит его же в подробном исследовании. То же, что сверх звания израильтянина называет он себя семенем Авраама и конкретно говорит о своем колене, связано с тем, что хочет он считаться подлинным израильтянином. Как и в Послании к Филиппийцам в главах 3, 4. Ибо то, что некоторые считают происхождение Павла из того колена, которое почти что угасло, предназначенным для восхваления милосердия Божия, кажется натянутым и слишком изощренным.

2) *Не отверг.* Сие есть отрицательный ответ, сопровождаемый некоторым смягчением. Ибо апостол, отрицая прямо, что народ его отвергнут, стал бы воевать с самим собой. Однако, присовокупив уточнение, учит он такому роду отвержения, который не делает недействительным обетование Божие. Посему³⁹⁸ ответ разделен на две части: что Бог ни в коем случае не отверг все потомство Авраама вопреки Своей верности завету, и что, тем не менее, усыновление не распространяется на всех плотских детей, поелику ему предшествует тайное избрание. Посему общее отвержение не могло не сохранить некоторое семя, ибо видимый состав народа был отвергнут так, что от духовного тела Христова не отпал ни один Его член. Ежели кто спросит, разве обрезание не было общим знаком благодати Божией для всех иудеев? Ответ готов: поелику внешнее призвание само по себе недействительно без веры, неверующие заслуженно лишены того достоинства, которое сами отвергли. Посему остается особый народ, в котором Бог выражает образец Своего постоянства; начало же этого постоянства Павел выводит из тайного избрания. Ибо здесь не говорится, что Бог взирает на людскую веру, но говорится, что неизблемым остается Его совет не отвергать предузнанного народа. И, кроме того, следует отметить то, о чем я уже говорил прежде: глагол “предузнал” означает не спекулятивное знание, коим Бог предузнал, каким кто будет впоследствии, а Его благоволение, коим избрал Он Себе в сыновей тех, кто, еще не будучи рожденным, никак не мог стать достойным Его благодати. Так и в Послании к Галатам (4:9) апостол говорит, что верующие были узнаны Богом, поелику Он предварил их Своим благоволением, призвав к познанию Христа. Ныне же мы веруем, что хотя всеобщее призвание и не приносит плода, от этого не умаляется верность Божия, всегда сохраняющая Церковь, как бы ни были малочисленны избранные. Ведь хотя Бог безразлично приглашает к Себе весь народ, Он не привлекает внутренне никого, кроме тех, о ком знает, что они – Его, и кого Он дал Своему Сыну. Для таковых Он до самого конца пребудет верным Хранителем.

*Или не знает*³⁹⁹. Поелику число тех, кто из иудеев уверовал во Христа, столь ничтожно, едва ли кто исходя из этой ничтожности не сделал бы вывод, что весь род Авраама отвергнут; и сама собой приходит мысль, что в столь горестном падении не видно никакого признака благодати Божией. Ибо поелику усыновление было святыми узами, коими сыны Авраама удерживались в завете Божиим, не могло произойти так, чтобы народ стал рассеянным и несчастным, если только не прекратилось само усыновление. Павел же, дабы устранить сей соблазн, пользуется подходящим примером. Ибо во времена Илии опустошение было таким, что уже не оставалось никакой видимости церкви, и, однако, в то время как не оставалось никакого следа благодати Божией, церковь Божия была сокрыта словно в могиле, дабы чудесным образом спастись. Итак, следует, что дурно поступают те, кто мыслит о церкви по своему разумению. Конечно, ежели этот великий пророк, который столь обильно был наделен Духом, если даже он, захотев оценить народ Божий

³⁹⁸ Впрочем, утверждаемое им положение имеет две части. Первая, что Бог ни в коем случае не отверг вопреки своему завету все семя Авраама. Вторая, что благодать завета предназначена не всем плотским сынам, но относится к избранию Божию. Ибо он отрицает, что Бог отверг Свой народ, но лишь тот, который предузнал, дабы кто, упустив из виду избрание, не зачислил всех потомков Авраама в состав сего народа.

³⁹⁹ Поелику едва ли не преткнутся тяжело те, кто обратит внимание, сколь ничтожно число тех, кто уверовал во Христа из иудеев, лучше всего было отвратить их ум от такого настроения. Для этой цели прекрасно подходит приведенный апостолом пример. Ибо.

собственным суждением, оказался так обманут⁴⁰⁰, то что произойдет с нами, прозорливость которых по сравнению с его ведением напоминает тупоумие? Поэтому не будем делать необдуманный вывод⁴⁰¹, но пусть неизбежно пребывает в наших сердцах то, что провидение Божие тайно лелеет Церковь, даже если она и не видима для нас.

Одновременно подумаем о том, как глупо и надменно поступают те, кто по собственному впечатлению оценивает число избранных. Ибо у Бога имеется несложный для Него, но сокрытый от нас, способ, коим Он чудесно оберегает⁴⁰² всех Своих избранных, даже там, где все кажется погибшим. Пусть читатели также обратят внимание на то, что Павел, как в этом, так и в других местах, тщательно⁴⁰³ сравнивает свое собственное время с древним состоянием Церкви. И это немаловажно для укрепления веры, ведь тогда мы будем считать, что сегодня с нами не происходит ничего, что в прежнее время не выпадало на долю отцов. Ибо знаем мы, сколь способствует новизна смущению неокрепших душ. Обращаясь к частностям, обратим внимание на то, что в выражении “при Илии” Павел удержал конструкцию фразы, хотя можно было бы сказать “во времена” или “во время жизни” Илии. Но мне кажется, что Павел следовал здесь еврейскому обычаю: по-еврейски **בְּ**, соответствующее греческому **ἐν**, часто имеет значение “во времена кого-то”.

Как он жалуется Богу на Израиля. Безусловно доказателен тот факт, что Илия обращается здесь к Господу, не сомневаясь, что Он поставил его противником собственного народа, и молит Бога о его гибели, поелику видит, что в народе полностью исчезло богопоклонение и религия. Однако он ошибался в том, что за исключением самого себя осуждал весь народ в нечестии, которое хотел столь сурово наказать. Далее, в том месте, которое цитирует Павел, нет моления, но присутствует одно лишь вопрошание. Однако поелику пророк жалуется так, что видно его полное разочарование в народе, нет сомнения, что хочет он его гибели. Итак, обратим внимание на то, в чем согрешил Илия: в том именно, что видя, как нечестие усилилось и распространилось по всей земле, он подумал, что только один и остался среди благочестивых.

4) *Я соблюл Себе семь тысяч.* Хотя определенное число здесь можно понимать в качестве неопределенного, Господь без сомнения хотел обозначить некое большое множество. Итак, поелику в столь безнадежных вещах благодать Божия может столь многое, не будем с готовностью отдавать дьяволу всех, чье благочестие для нас не очевидно⁴⁰⁴. Одновременно пусть твердым для нас будет то, что как бы ни усиливалось нечестие и ни обуревало со всех сторон ужасное смятение, спасение многих пребывает у Бога твердо запечатленным. Впрочем, дабы кто не потакал под этим предлогом своей лени, подобно тому как многие из тайного провидения Божия пытаются сделать тайник для своих пороков, следует также отметить, что спасенными зовутся лишь те, кто чистыми и незапятнанными пребывают в вере Божией. Следует отметить и внешние обстоятельства, а именно: лишь те считаются находящимися в безопасности, кто даже внешними знаками не осквернил своего тела почитанием идолов. Им он не только приписывает чистоту души, но говорит, что и тело свое сохранили они чистым от всякого суеверия.

5) *Так и в настоящее время.* Апостол теперь прилагает этот пример к собственному времени и, дабы сделать подобие более явным, говорит об остатке; говорит из-за великого числа тех, нечестие⁴⁰⁵ которых представлялось открытым. И одновременно, намекая на приведенную им выше цитату из Исаии, он показывает, что в печальном и тягостном запустении все еще сияет вера Божия, поелику все еще пребывает остающееся число. Дабы показать это еще яснее, он называет его остатком, свидетельствующим, что избрание Божие остается неизбежным. Подобно тому, как Господь говорил Илии, когда весь народ погрузился в идолопоклонство, что Он сохранил для Себя семь тысяч. Откуда явствует, что были они сохранены от гибели по Его благоволению. И апостол говорит не просто о благодати, но отсылает⁴⁰⁶ здесь нас к избранию, дабы мы научились почтительно полагаться на тайный совет Божий. Итак, одно утверждение состоит в том, что сохраняются лишь немногие, хотя велико число тех, кто присваивает себе имя народа Божия. А другое – в том, что силою Божией спасаются те, кого Он избрал, невзирая ни на какие заслуги.

6) *А если по благодати, то не по делам.* Здесь имеется усиление смысла, происходящее из сравнения противоположностей. Ибо благодать Божия и заслуга дел так соотносятся друг с другом, что утверждающий одно, должен ниспровергнуть другое. Далее, если в избрании нет никакого рассмотрения дел, дабы не

⁴⁰⁰ Настолько введен в заблуждение.

⁴⁰¹ Дабы не думали, что церковь уничтожилась, если ее не видно, или ... не пытались решать, исходя из собственного впечатления.

⁴⁰² Хранит.

⁴⁰³ Старается сравнить ... с предыдущими временами.

⁴⁰⁴ Наоборот, обратим внимание на то, какими знаками Он отметил Своих избранных.

⁴⁰⁵ И их.

⁴⁰⁶ Итак, немногие сохраняются, дабы благодетель божественного избрания провозглашалось незаслуженным.

затемнить незаслуженную благодать Божию, которая одна должна в нем восхваляться, то пусть подумают, что ответить Павлу, те безумцы⁴⁰⁷, которые причиной избрания делают предвиденное в нас Богом достоинство. Ибо дашь ли ты место будущим или прошлым благим поступкам, всегда этому будет противиться утверждение Павла о том, что благодать ничего не оставляет делам. И Павел рассуждает здесь не только о нашем примирении с Богом, и не только о вторичных или ближайших причинах нашего спасения, но поднимается выше и спрашивает, почему Бог прежде создания мира избрал только некоторых, отвергнув остальных.

Апостол отрицает, что Бог был вынужден чем-то извне прийти к такому различению, кроме как по собственному благоволению. Ибо ежели кто даст место делам, он столько же отнимет у благодати. Откуда следует, что дурно смешивать предзнание дел с избранием. Ибо если Бог избрал одних, и отверг других, поскольку признал их достойными или недостойными спасения, то по введению награды за дела уже не будет царствовать одна лишь благодать, но благодать будет только половинчатой и частичной причиной избрания. Ведь (как и прежде рассуждал Павел об оправдании Авраама) там, где полагается награда, уже не даруется благодать. Так и ныне апостол черпает доказательство из того же источника: если учитывать дела там, где Бог усыновляет определенное число людей, им должна полагаться награда, так что благодетельство уже не будет незаслуженным. Хотя речь и идет здесь об избрании, поелику используемый Павлом довод универсален, его следует применять к основанию всего нашего спасения. Дабы уразумели мы, что всякий раз, когда провозглашается, что у дел нет заслуг, все наше спасение приписывается благодати Божией. Или скорее, дабы верили мы, что всякий раз, когда праведность по делам сводится на нет, превозносится Божия благодать.

7. Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили; а прочие ожесточились, 8. как написано: Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, даже до сего дня. 9. И Давид говорит: да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; 10. да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда.

(7. Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили; а прочие были ослеплены, 8. как написано: Бог дал им дух укоризны, глаза, чтобы не видели, и уши, чтобы не слышали, даже до сего дня. 9. И Давид говорит: да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; 10. да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их согбен навсегда.)

7) *Что же? Израиль чего искал.* Поелику здесь идет речь о сложном вопросе, Павел вопрошает, словно пребывая в сомнении. Однако этим сомнением он хотел сделать еще очевиднее тот ответ, который вскоре последует. Ибо он намекает, что иного ответа и нельзя дать. Ответ же в том, что Израиль напрасно трудился, ища спасение, поелику опирался на ложное рвение. Хотя апостол и не говорит здесь о причине, но поскольку прежде он уже сказал о ней, то безусловно именно ее и имел в виду в данном месте. Ведь слова его означают следующее: уже не должно казаться удивительным, что Израиль, стремясь к праведности, ничего не достиг. Откуда следует то, что тут же добавляет он об избрании: ведь если Израиль заслуженно ничего не достиг, то что сказать об остальных, состояние которых было не лучшим? Откуда происходит различие между равными? Кто не усмотрит, что единственно различающим здесь является избрание? У этого же слова двойственный смысл. Ибо некоторым кажется, что здесь оно разумеется в собирательном смысле, обозначая самих избранных, дабы две части антитезиса соответствовали одна другой. Их мнение не кажется глупым, лишь бы они согласились со мною, что в этом слове содержится нечто большее, чем если бы просто было сказано “избранные”. А именно, апостол хотел намекнуть, что нет иной причины получения праведности, нежели избрание; иначе говоря: они не те, кто усиленно стремится к заслугам, а те, чье спасение опирается на незаслуженное избрание Божие. Ибо он сравнивает здесь этот остаток со всем Израилем или со всей массой народа – остаток, спасенный по благодати Божией. Откуда следует, что не в людях пребывает причина спасения, но зависит она лишь от благоволения Божия.

А прочие ожесточились. Подобно тому, как одни лишь избранные избавлены по благодати Божией от гибели, так и все неизбранные с необходимостью пребывают ослепленными. Ибо это и хочет сказать Павел⁴⁰⁸ касательно отверженных: что главное начало их гибели состоит в том, что они покинуты Богом. Приведенные же им свидетельства хотя и почерпнуты не из одного, но скорее из разных мест Писания, все кажутся, тем не менее, не относящимися к его главному утверждению, если понимать их в присущем им контексте. Ибо везде видишь ты, что ослепление и ожесточение упоминаются как Божий бич, коим Он отнимает уже совершенные нечестивыми преступления. Павел же пытается здесь доказать, что ослепляются не те, кто своей злобой уже заслужил этого, а те, кто прежде основания мира уже был отвергнут Богом. И узел сей развяжи так: начало нечестия, вызывающего гнев Божий, есть извращенность покинутой Богом природы. Поэтому не без причины Павел в качестве свидетельств вечного отвержения привел те, которые

⁴⁰⁷ Схоласты.

⁴⁰⁸ Чтобы думали мы.

происходят из него как плоды от дерева, и как ручей от заводи. Ведь нечестивые по справедливому божественному суду из-за своих преступлений караются ослеплением. Однако, если рассуждаем мы об источнике их гибели, то придем к тому, что, проклятые Богом, они всеми своими делами, словами и помыслами могут лишь собирать себе проклятие. Более того, причина вечного отвержения столь сокрыта, что нам остается только восхищаться непостижимым советом Божиим, как будет явствовать из заключительных слов настоящего отрывка. Глупо поступают те, кто под тем предлогом, что речь идет о ближайших причинах, пытается затемнить эту первую причину, сокрытую от наших чувств: что Бог еще до падения Адама свободно постановил относительно всего человеческого рода все, что Ему было угодно, – лишь по причине того, что осуждает Он порочное и испорченное его семя, отвечая людям воздаяние за их злые дела.

8) *Бог дал им дух.* Я не сомневаюсь, что здесь цитируется место из Исаии, которое приводит и Лука в Деяниях, хотя и изменив немного слова. Апостол не цитирует здесь дословно то, что сказано у пророка, но выражает его главную мысль, что Бог наделяет людей духом ожесточения, так что, видя и слыша, они остаются в неведении. Пророку было приказано ожесточить сердце народа, но Павел прослеживает до самого источника тот факт, что, после того, как насылается на них сие безумие, чувствами человеческими овладевает животная глупость, так что изостряют они свою копья супротив самой истины. Ибо дух именует он не просто духом отвращения, а духом укоризны, в котором чувствуется некая горечь внутренней желчи, более того, – ощущается ярость в попытках отвергнуть истину. По тайному совету Божию, говорит он, безумствуют таким образом отверженные, чтобы уже ни о чем не могли они судить. Ведь когда говорится, что, видя, они ничего не видят, означает оупление всех их чувств. Павел добавляет “даже до сего дня”, дабы кто не возразил, что пророчество сие было исполнено в давнем прошлом, так что нельзя применять его ко времени распространения Евангелия. Апостол предваряет данное возражение, намекая, что ожесточение относится не к одному только дню, о котором тогда шла речь, а вместе с неизлечимым упорством народа будет продолжаться вплоть до пришествия Христова.

9) *И Давид говорит.* В этом свидетельстве Давида также присутствует некая замена слов, не нарушая, однако, смысла. Ибо Давид говорит так: Да будет трапеза их перед ними в сеть, и мирные пиршества их в уловление. О возмездии же нет никакого упоминания. Однако по смыслу это свидетельство весьма подходит. Здесь пророк молит о нечестивых, чтобы все, что есть в жизни приятного и хорошего, послужило их гибели и падению. И это он означает словами “трапезы” и “мирные пиршества”. Затем отдает их духу слепоты и изнеможению сил, из которых первое означает он потемнением очей, а второе – согбением спины.

Далее, не удивительно, что распространяется это на весь народ, поскольку мы знаем, что Давиду противились не только начальники, но и простые люди, так что вполне очевидно: все сказанное здесь относится не к немногим, а к большинству. Более того, если подумаем мы о том, образом Кого служил здесь Давид, еще легче придем к правильному заключению. Итак, сия молитва относится ко всем врагам Христовым, чтобы пища превратилась для них в яд (как и видим мы, что Евангелие является для них запахом смерти к смерти), поэтому будем принимать благодать Божию со смирением и трепетом. Добавь к этому, что Давид говорит здесь об Израильтянах, которые по плоти происходили из рода Авраама, и которые тогда держали первое место в царстве. Поэтому Павел пользуется вполне подходящим свидетельством, чтобы ослепление большей части народа не показалось чем-то новым.

11. Итак, спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. 12. Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их. 13. Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. 14. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них? 15. Ибо если отвержение их – примирение миру, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?

(11. Итак, говорю: неужели они преткнулись, чтобы пасть? Никак. Но от их падения произошло спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. 12. Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их. 13. Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. 14. Не возбужу ли к ревности плоть мою и не спасу ли некоторых из них? 15. Ибо если отвержение их – примирение миру, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?)

11) *Неужели преткнулись.* Ты сильно помешаешь себе понять данное рассуждение, ежели не обратишь внимание на то, что апостол говорит то обо всем израильском народе, то об отдельных людях. Ибо откуда еще происходит разница, что в одном месте он говорит, будто иудеи изгнаны из царствия Божия, отрезаны от дерева, ввергнуты в погибель по праведному суду Божию, а в другом отрицает, что они отпали от благодати, и утверждает, что скорее они пребывают завете и в составе Церкви Божией? Посему, он говорит так, имея в виду именно это различие. Ибо, поскольку иудеи в большинстве своем воспротивились Христу, так что порча сия распространилась почти на весь народ, и немногие из него оказались здравомыслящими;

апостол спрашивает: так ли преткнулась о Христа иудейская нация, что с ней уже все кончено, и не осталась уже никакой надежды на вразумление? Он отрицает, что надо оплакивать спасение иудеев, и что они так отвергнуты Богом, что⁴⁰⁹ не будет уже им никакого восстановления, и однажды заключенный с ними завет благодати уже упразднился. Ведь в народе этом всегда пребывало семя благословения. Что именно так и надобно понимать апостола⁴¹⁰, следует из того, что прежде с ослеплением он связывал неминуемую погибель, а теперь дает надежду на воскресение. Но эти два положения никак не совместимы. Итак, пали и преданы погибели те, кто упорно претыкается о Христа, однако сама нация на пала таким образом, что всякий иудей уже должен считаться погибшим и чуждым Бога.

Но от падения их спасение язычников. Апостол высказывает в данном месте следующее: что падение иудеев послужило язычникам во спасение, и что сие произошло для того, что они сами возгорелись ревностью и, таким образом, образумились. Он безусловно намекает на свидетельство Моисея, уже процитированное ранее, где Господь угрожает Израилю, что, подобно тому, как Израиль провоцировал Его к ревности своими ложными богами, так и Он в ответ по праву мщения возбудит в нем ревность несмысленным народом. Употребленное здесь слово означает чувство ревности и рвения, которое возникает в нас, когда мы видим, что нам предпочитают других. Итак, ежели совет Господень состоит в том, чтобы возбудить в Израиле ревность, значит Израиль пал не для того, чтобы низвергнуться в вечную погибель. Но чтобы благословение Божие, презренное им, перешло к язычникам, дабы и он также возбудился к исканию Бога, от Которого отпал. Впрочем, читателям нет причины утруждать себя истолкованием сего свидетельства. Ведь Павел настаивает здесь не на собственном смысле слов: он намекает лишь на общее и распространенное их употребление. Как жену, отвергнутую мужем по ее вине, возбуждает ревность, и она стремится примириться с ним, так и теперь можно сказать, что иудеи, увидев, что язычники заступили на их место, затронутые чувством стыда, будут стремиться к примирению.

12) *Если же падение их.* Поелику апостол учит, что после отвержения иудеев на их место заступили язычники, то дабы не сделать спасение иудеев ненавистным для язычников, как если бы это спасение состояло в их погибели, он предваряет сие ложное мнение и устанавливает противоположное утверждение: ничто не может более способствовать спасению язычников, чем ежели благодать Божия будет в наибольшей степени процветать и усиливаться среди иудеев. И дабы доказать это, апостол использует аргумент от большего к меньшему: если их падение могло восстановить язычников, а их истощение — обогатить язычников, то насколько больше сможет сделать это их полнота? Ибо первое совершилось вопреки природе, а последнее совершится в согласии с природным порядком. И этому не мешает то, что слово Божие перешло к язычникам после того, как иудеи отвергнули его и словно изbleвали наружу. Ведь если бы они его приняли, то их вера принесла бы гораздо больше плодов, чем породило их неверие. Так что и в этом случае подтвердилась бы истина Божия. Ведь если бы она исполнилась в них, то сами они привлекли бы тогда многих, коим сейчас мешают придти своим упорством. Апостол выразился бы еще точнее, если бы падению иудеев противопоставил восстановление. Я говорю об этом для того, чтобы кто-нибудь не стал доискиваться здесь красоты речи, и не преткнулся бы грубостью апостольских выражений. Ибо написано сие для души, и не для языка.

13) *Вам говорю, язычникам.* Апостол наилучшим доводом подтверждает, что ничто не убудет от язычников, если иудеи обратно вернуться в благоволение Божие. Ибо он показывает, что спасение и тех, и других связано таким образом, что может осуществиться одновременно. К язычникам он обращается так: Поелику я являюсь апостолом, особо предназначенным для служения вам, я должен с особым усердием заботиться о вверенном мне вашем спасении, и словно оставив все другие дела, печься об одном лишь этом. Однако я буду верно исполнять служение свое и тогда, если просвещу кого-нибудь из моего родного народа; и это послужит во славу моего служения, а посему и к вашему благу. Ибо все, что способно прославить служение Павла, полезно для язычников, в спасении которых и состоит его цель. Апостол пользуется здесь глаголом *παράκλησαι*, дабы язычники ожидали исполнения описанного им Моисеева пророчества, поняв, что оно и для них спасительно.

14) *И не спасу ли.* Заметь, как служитель слова называется здесь спасающим тех, кого он приводит к послушанию вере. Ибо так и надобно обустраивать дело нашего спасения, дабы знали мы, что вся его сила и действенность зависит от Бога, и воздали Ему должную славу. Однако мы также должны понимать, что проповедь является оружием осуществления спасения верующих, которая, хотя и не может сделать что-либо без Духа Божия, однако по Его содействию могущественно проявляет свою силу.

15) *Ибо если отвержение их.* Это место, которое многие стараются затемнить, а некоторые наихудшим образом исказить, по моему разумению следует понимать так, чтобы оно служило доказательством, почерпнутым из сравнения меньшего с большим. Смысл будет таков: если отвержение иудеев смогло

⁴⁰⁹ Изгнаны из Его царства.

⁴¹⁰ Легко уразуметь.

сделать столь многое, что стало даже причиной примирения язычников, то насколько больше сможет сделать их принятие? Не приведет ли оно к воскресению из мертвых? Ибо Павел всегда настаивает на том, что язычникам нет причины завидовать иудеям, как если бы при обратном принятии иудеев положение язычников стало хуже. Итак, поелику Бог чудесным образом произвел из тьмы свет, а из смерти – жизнь, то, тем более надо надеяться на то, что воскресение как бы уже мертвого народа оживотворит язычников. И не мешает то, что, как некоторые возражают, примирение ничем не отличается от воскресения, если понимать под ним настоящее воскресение, коим мы из царства смерти переносимся в царство жизни. Ведь даже если смысл по сути один и тот же, его можно выразить более или менее весомыми словами, что вполне достаточно для утверждения этого довода.

16. Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. 17. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, 18. то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя. 19. Скажешь: “ветви отломились, чтобы мне привиться”. 20. Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. 21. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя.

(16. Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. 17. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и тука маслины, 18. то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то не ты корень держишь, но корень тебя. 19. Итак, скажешь: “ветви отломились, чтобы мне привиться”. 20. Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою. Не возносишься, но бойся. 21. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, не произойдет ли так, что и тебя не пощадит.)

16) *Если начаток.* Теперь из сравнения достоинства иудеев и язычников апостол умиряет гордыню вторых, и, насколько может, умиливает первых. Ибо он показывает, что язычники нисколько не превосходят иудеев, если будут претендовать на какое-либо прямое преимущество чести. Более того, ежели дойдет дело до такого состязания, они останутся далеко позади. Мы должны понимать, что в этом сравнении сопоставляется не человек с человеком, а народ с народом. Итак, если их сравнить между собой, то они окажутся равными в том, что являются сынами Адама, а разница между ними будет лишь в том, что иудеи отделены от язычников, дабы быть особым стадом Божиим. Итак, они освящены священным заветом и отмечены особым достоинством, коими Бог не удостоил в то время язычников. Поелику же сила завета казалась тогда незначительной, апостол велит нам взирать на Авраама и патриархов, среди которых благословение Божие безусловно было не тщетным и не напрасным.

Итак, апостол заключает, что святость сего наследия перешла ко всем потомкам. А этот вывод был бы неправилен, если бы речь шла только об отдельных людях, а не об общем обетовании. Ибо отец не потому передает праведность своему сыну, что праведен сам, но потому, что Бог освятил Авраама на том условии, что также и его семья будет освященной. Поэтому Он одарил святостью не только отдельное лицо, но и весь народ. Так что апостол рассуждает вполне здраво, говоря, что все иудеи были освящены в отце своем, Аврааме.

Далее, для подтверждения этого, он приводит два сравнения: первое, взятое, из законнических установлений, а второе – от природы. Ибо приносимый начаток освящал и целое, подобным образом и добротность корня распространяется на ветви. Однако потомки так же соотносятся с родителями, как и целое с начатком, и ветви с деревом. Итак, не удивительно, если иудеи были освящены в отце своем, Аврааме. Здесь не будет составлять трудности, если под святостью будешь разумеать не что иное, как духовное достоинство рода, и причём⁴¹¹ не свойственное природе, а проистекающее из завета. Правильно будет говорить, что иудеи по природе являются святыми, поелику усыновление среди них было наследственным. Однако сейчас я говорю о первоначальной природе, по которой все, как мы знаем, были прокляты в Адаме. Посему достоинство избранного народа, собственно говоря, является сверхъестественной привилегией.

17) *Если же некоторые из ветвей.* Теперь апостол говорит о достоинстве язычников, которое является таким же, каким обладают дикие ветви, если будут привиты к какому-то благородному дереву. Ибо происхождение язычников идет от дикой и бесплодной маслины, поскольку во всем их роде не обнаруживается ничего, кроме проклятия. Итак, все, что имеют они от славы, происходит от нового привития, а не от прежнего происхождения. Значит, у язычников нет причины хвалиться перед иудеями каким-либо достоинством. Добавь к этому, что Павел благоразумно смягчает жесткость своей речи, не говоря, что все дерево было вырублено под корень, но утверждая, что лишь некоторые из ветвей были отломлены. Как и некоторых из язычников Бог взял и привил к священному и благословенному стволу.

⁴¹¹ Не то, которое проистекает из свойств природы, а то, которое происходит из благословений завета.

18) *Если же превозносишься, ...не ты корень держишь.* Язычники не могут состязаться с иудеями по поводу преимуществ своего происхождения, не воюя при этом с самим Авраамом. А это было бы весьма дурно⁴¹², поелику Авраам был подобен корню, которым они держатся и от которого питаются. Итак, как абсурдно было бы, если бы ветви превозносились над корнем, так абсурдным будет, если язычники будут хвалиться перед иудеями в отношении достоинства своего рода. Ибо Павел всегда хочет указать на то, откуда берет начало спасение. Мы знаем, что после Своего пришествия Христос разрушил преграду, и благодать заполнила весь мир, та благодать, которую ранее Бог хранил лишь в Своем избранном народе. Откуда следует, что призвание язычников подобно привитию, и они не иначе присовокупляются к народу Божию, нежели постольку, поскольку имеют корень в потомстве Авраама.

19) *Скажешь.* Апостол от лица язычников высказывает все, что они могли бы привести в свою пользу. Но все это не только не должно их надмевать, но скорее должно давать повод для смирения. Ибо если отторжение иудеев было вызвано их неверием, то привитие язычников, наоборот, произошло через веру. Что же остается им, кроме как, признав благодать Божию, стать смиренными и покорными? Ведь все это происходит из природы веры и свойственно лишь ей, так что должно порождать в нас страх и трепет. Однако под страхом разумеи здесь тот, который никак не противоречит уверенности упования, ибо Павел не хочет поколебать нашу веру или осквернить ее каким-нибудь сомнением⁴¹³. Да не будет, чтобы он хотел нас запугать или смутить. Каков же тогда этот страх? Таков, что Господь повелевает нам поразмыслить над двумя вещами и с необходимостью почерпнуть из этого двойное чувство. Ибо Он хочет, чтобы мы постоянно имели в виду несчастное состояние нашей природы, а оно не может породить ничего, кроме страха, отвращения, скорби и отчаяния. И так нам подобает полностью смириться и сокрушиться, дабы направить к Богу свои воздыхания.

Впрочем, этот страх, почерпнутый из рассуждения, никак не мешает нашим душам успокоиться в ощущении Его благодати. А отвращение никак не мешает, чтобы наслаждались мы при этом полным утешением. Также скорбь и отчаяние не препятствуют лелеять нам твердую и радостную надежду. Посему страх, о котором идет речь, апостол противопоставляет как противоположие надменному превозношению. Поелику, если кто будет приписывать себе больше заслуженного, он станет чрезмерно самонадеян и неучтив по отношению к другим.

Итак, бояться надо для того, чтобы сердце наше не возносилось от гордости. Но апостол, кажется, еще и внушает сомнение в спасении, увещывая верующих остерегаться того, что Бог может их не пощадить. Отвечаю: поелику сие увещание относится к усмирению плоти, всегда буйствующей даже в сынах Божиих, оно никак не противоречит определенности веры. Особо следует отметить и помнить то, о чем я недавно говорил: речь у Павла идет не об отдельных людях, но обо всем роде язычников, в котором многие могли понапрасну надмеваться, скорее претендуя на веру, нежели имея ее. Из-за них Павел не без причины угрожает язычникам отсечением, как увидим мы впоследствии.

21) *Ибо если Бог не пощадил природных ветвей.* Великолепный довод для ниспровержения всякой самоуверенности. Ибо всякий раз, когда вспоминаем мы об отвержении иудеев, это должно нас страшить и ужасать. Ведь что еще погубило их, если не то, что, понадеявшись на неизменность полученного достоинства, они презрели суд Божий? И Бог не пощадил тех, кто был природными ветвями, что же станет тогда с нами, дикими и чужими, если будем превозноситься сверх меры? Сие рассуждение как ведет нас к отчаянию в самих себе, так же и заставляет сильнее прилепляться к благодати Божией. Однако отсюда также явствует, что речь идет о язычниках в общем и целом. Ведь отдельным людям не угрожало бы отсечение, о котором говорит апостол, тем, избрание которых неизменно и основано на вечном намерении Божиим. Посему Павел возвещает язычникам, что если будут они презирать иудеев, их гордыне уже готово воздаяние. Ведь Бог примирит с Собой Свой прежний народ, которому ныне дал развод.

22. *Итак, видишь благодать и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечен.* 23. *Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их.* 24. *Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.*

(22. *Итак, видишь благодать и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечен.* 23. *И те, если не пребудут в неверии, привьются. Потому что Бог силен опять привить их.* 24. *Ибо если ты отсечен от дикой маслины, тебе*

⁴¹² Это было бы великой неблагодарностью.

⁴¹³ Отпугнуть.

соприродной, и против природы привился к истинной маслине, то тем более сии по природе привьются к своей маслине.)

22) *Итак, видишь.* Выставляя на обозрение сам предмет, апостол подтверждает еще яснее и очевиднее, сколь мало у язычников поводов для гордости. Они видят в лице иудеев пример Божией строгости, долженствующий привести их в трепет. В себе же они носят свидетельство благодати и благодати, коим должны побуждаться к благодарности и превозношению Господа, а не самих себя. Итак, слова апостола означают следующее: Если ты насмехаешься над их бедою, вначале размысли, что будет с тобой. Ибо та же самая строгость Божия угрожает и тебе, если будешь превозноситься Его незаслуженной мягкостью. Затем, подумай о том, чем являешься ты сейчас. Ведь спасение приходит к тебе не иначе, нежели когда со смирением признаешь ты милосердие Божие. Если же, забыв о нем, начнешь превозноситься, прилежит тебе то же падение, которое испытали и они. Ибо не достаточно однажды принять благодать Божию, если не будешь постоянно в течение жизни следовать своему призванию. Всегда надобно размышлять о стойкости тем, кто однажды был просвещен Господом, ибо никак не устоят в благодати Божией те, кто после того, как ответили на Божий призыв, стали гнушаться царством небесным, и таким образом из-за неблагодарности своей заслужили быть повторно ослепленными.

Далее, апостол сравнивает благочестивых не по отдельности (как мы уже говорили), а сравнивает язычников с иудеями. Истинно то, что отдельные иудеи понесли воздаяние за собственное неверие, поелику были отлучены от царства Божия. И что все, кто был призван из язычников, были сосудами милосердия Божия. Однако надобно понимать намерение Павла. Он хотел, чтобы язычники ощутили свою зависимость от вечного завета Божия и соединили свое спасение со спасением избранного народа. Затем, дабы отвержение иудеев не стало преткновением, как если бы их древнее усыновление оказалось недействительным, апостол захотел утешить их примером наказания, чтобы они с почтением восприняли этот суд Божий. Ибо откуда такая вседозволенность любопытствующих изысканий, если не от того, что пренебрегаем мы тем, что должно наставлять нас в смирении. Поелику же апостол рассуждает не об отдельных избранных, а обо всем народе, добавляется условие – “если устоят в благодати”.

Признаюсь, что злоупотребляющий благодатью Божией достоин быть лишенным данной ему благодати. Однако ни о ком из благочестивых нельзя в собственном смысле сказать: Бог помиловал его и избрал его, если только он устоит в Его милосердии. Ибо стойкость в вере, усовершенствующая в нас действие благодати, происходит от самого избрания. Итак, Павел учит, что язычники для того были одарены надеждою вечной жизни, чтобы благодарностью своей удерживать обладание этой жизнью. Конечно, случившееся позже всемирное отступление от веры ясно подтвердило, сколь не напрасным было сие увещание. Ибо Бог долго и обильно изливал на нас свою благодать, дабы религия повсюду процветала; а немного спустя истина Евангелия исчезла, и сокровище спасение было отнято. Откуда столь внезапная перемена, если не от того, что язычники отпали от своего призвания?

*Иначе и ты будешь отсечен*⁴¹⁴. Мы уже показали, в каком смысле Павел угрожает отсечением тем, кто, по его признанию, прежде по избранию Божию был привит к надежде вечной жизни. Ибо⁴¹⁵ даже если и не может сие приключиться с избранными, им все равно важно услышать подобное увещание ради умирения плотской гордыни, которая, являясь истинной противоположностью спасению, заслуженно должна устрашаться угрозой осуждения. Итак, поскольку христиане просвещены верою, пусть услышат для уверенности, что призвание Божие непреложно; поскольку же несут они плоть, похотствующую против благодати Божией, пусть учатся смирению словами: Берегись, чтобы не отпасть. Впрочем⁴¹⁶ надобно придерживаться того решения, о котором я уже говорил, Павел здесь рассуждает не об особом избрании каждого, но противопоставляет язычников иудеям. Поэтому эти слова обращены не столько к избранным, сколько к язычникам, ложно хвалящимся тем, что заняли место иудеев. Более того, апостол одновременно обращается ко всем язычникам, и говорит обо всех них в целом, а из них многие были только по названию верными и членами тела Христова.

Если же спрашивать об отдельных людях, как может кто из них отпасть от привития, а после отпадения обратно привиться, то размысли о тройственной форме привития и двойственной форме отпадения. Ибо прививаются дети верующих, обетование которым положено в силу завета, заключенного с отцами. Прививаются и те, кто принял в себя Евангельское семя, но оно не пустило в них корня и увяло прежде, чем принесло плод. Прививаются и избранные, которые по неизменному изволению Божию просвещаются к вечной жизни. Первые отсекаются, когда отвергают данное отцам обетование, или не принимают его по своей неблагодарности. Вторые отсекаются, когда вложенное в них семя засыхает и портится; и опасность

⁴¹⁴ Могло бы показаться удивительным, что тем.

⁴¹⁵ Однако.

⁴¹⁶ Дабы уразумел ты.

сего грозит всем людям, насколько это касается их природы. Следует признать⁴¹⁷, что приведенное Павлом увещание⁴¹⁸ относится⁴¹⁹ неким образом и к верующим, дабы они не потакали похоти своей плоти. Но пока мы должны довольствоваться тем, что язычникам возвещается то же мщение Божие, которое Он осуществил над иудеями, возвещается, если они окажутся подобными иудеям.

23) *Потому что силен Бог*⁴²⁰. Данный довод не имел бы силы в отношении мирских людей. Ибо какую бы силу они ни приписывали Богу⁴²¹, поскольку они рассуждают о ней, как о чем-то далеком, находящемся на небесах, то в основном лишают ее действенности. Но поскольку верующие, всякий раз когда слышат речь о силе Божией, созерцают ее как нечто присутствующее, апостол и посчитал, что данный довод достаточен для их убеждения. Добавь к этому, что апостол считает за аксиому следующее: Бог так отомстил за неверие народа, что, тем не менее, не забыл о Своей милости. Как и в других случаях, видя, что иудеи отреклись от Его царства, Он восстанавливал их вновь. И этим сравнением апостол показывает, насколько легче изменить существующий порядок вещей, нежели сохранять его. Насколько легче природным ветвям питаться от своего корня, ежели будут они обратно привиты туда, откуда были отсечены, нежели диким и неплодоносным ветвям получать питание от чужого корня. Ибо так соотносились между собой язычники и иудеи.

25. *Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; 26. и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. 27. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их.*

(25. *Ибо не хочу, чтобы вы, братия, были в неведении о тайне сей, — чтобы вы не возгордились собой, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полнота язычников; 26. и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавляющий, и отвратит нечестие от Иакова. 27. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их.*)

25) *Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении.* Здесь апостол еще больше привлекает внимание слушателей, говоря, что собирается возвестить им о том, что иначе осталось бы тайной. И делает это не без причины, ибо хочет краткими и ясными словами разрешить сей сложный вопрос. Однако же он говорит о том, чего никто никогда не стал бы ожидать. Указывающий на причину оборот “чтобы вы не возгордились собой” показывает, какова цель апостола. Именно обуздать гордыню язычников, дабы не возносились они над иудеями. Далее, сие увещание было весьма необходимо для того, чтобы отпадение иудейского народа не смутило чрезмерно слабые души, как если бы спасение навечно было бы от них отнято. Хотя то же самое увещание не менее полезно для нас и сегодня, дабы знали мы запечатленную истину: сокрыто пока спасение того остатка, который Господь в конце концов приведет к Себе. Всякий раз, когда долгое промедление внушает нам отчаяние, говорится об тайне. И Павел этим ясно хочет сказать, что способ обращения не является чем-то обыденным и привычным. Так что дурно поступает тот, кто хочет судить о нем по собственному разумению. Ибо что может быть более извращенным, чем считать невероятным то, что сокрыто от наших чувств? Поэтому тайна потому и зовется тайной, что непостижима для нас до времени своего откровения. Далее, для нас, как и для римлян, ясно, что вера наша, довольствуясь словом, удерживает нас в ожидании, покуда не наступит ожидаемое нами событие.

Что ожесточение произошло в Израиле отчасти. Думаю, что данное выражение не относится прямо ни ко времени, ни к народу. Я толкую его, как имеющее ограниченный смысл. Мне кажется, что сими словами апостол хотел смягчить весьма жесткую саму по себе мысль. Слово “пока” не означает течение или порядок времени, но скорее имеет следующий смысл: “для того, чтобы вошла полнота язычников”. Значит итог таков: Бог так ослепил Израиля, что в то время, как иудеи отвергают свет Евангелия, он передается язычникам. И последние как бы овладевают брошенной вещью. Посему сие ослепление служит провидению Божию для осуществления предопределенного Им спасения язычников. Полнота же язычников означает здесь великое их множество. Ибо теперь не так, как было прежде, когда лишь немногие прозелиты присоединялись к иудеям. Все изменилось так сильно, что язычники составляют сейчас почти все тело Церкви.

26) *И так весь Израиль.* Многие понимают это как относящееся к иудейскому народу, как если бы Павел сказал, что религия восстановится в нем до прежнего состояния. Но я отношу имя Израиля ко всему народу

⁴¹⁷ Мы видим.

⁴¹⁸ Заслуженно ко всем.

⁴¹⁹ Между тем, следует придерживаться решения, приведенного ранее: Павел здесь говорит не столько об избранных ... в котором многие носили только имя. См. выше.

⁴²⁰ Данный довод не имел бы силы в отношении нечестивых.

⁴²¹ Из этого ничего для них не следует.

Божью в таком вот смысле: Когда войдут язычники, одновременно и иудеи от неприятия перейдут к послушанию веры. И так совершится спасение всего Израиля Божия, который собирается и из тех, и из других. Но так, что первое место будет принадлежать иудеям, первородным в семье Божией. Данное толкование потому мне кажется подходящим, что Павел здесь говорит об усовершеннии царствия Христова, каковое никак не кончается иудеями, но охватывает собою весь мир. И в том же смысле в Послании к Галатам гл.6:16, апостол называет Израилем Божиим Церковь, составленную из иудеев и язычников, противопоставляя собранный из рассеяния народ плотским детям Авраама, отпавшим от его веры.

*Как написано*⁴²². Этим свидетельством из Исаии апостол подтверждает не все свое положение, но лишь его часть: что сыны Авраама также являются причастниками искупления. Ибо если кто возразит, что Христос был обещан им и дан, но, поскольку они отвергли Его, значит, и лишены Его благодати, то пророческие слова говорят о чем-то большем: именно о том, что остался некий остаток, который впоследствии образумится и получит благодать избавления. Однако Павел не цитирует дословно Исаию. Исаия говорит так: Придет Искупитель Сиона, и те, кто отвратится от неправды среди Иакова, глаголет Господь. И не подобает нам в этом вопросе слишком утруждаться. Ибо надо смотреть на то, сколь удачно апостолы приспособливают к своей теме все доказательства, приводимые из ветхого завета. Ведь хотят они не что иное, как указать пальцем на определенные места, чтобы направить читателей к этим источникам. Далее, в данном пророчестве хотя и обещается избавление духовному народу Божью, однако поскольку апостол попутно хотел научить иудеев тому, что должны они ожидать от своего Мессии, он прямо вывел из слов Исаии одно из Его служений: уничтожить неправедность. Затем добавляет несколько слов, кажется, взятых из Иеремии, об отпущении грехов. Ибо в этих двух вещах заключается царство Христово. Ведь Христос пришел, чтобы благодатным отпущением грехов примирить нас с Отцом, и Духом Своим возродить к новой жизни⁴²³. Здесь разумеются и язычники, однако поскольку иудеи являются первенцами, о чем возвещает пророк⁴²⁴, в них сие должно исполниться наискорейшим образом. Ведь то, что весь народ Божий Писание называет Израилем, связано⁴²⁵ с превосходством сего народа, которого Бог предположил всем остальным народам⁴²⁶.

Затем, имея в виду ветхий завет, говорит о том, что Искупитель придет именно для Сиона. Добавляет же, что в Иакове искуплены будут те, кто образумится и отойдет от своих преступлений; коими словами Бог красноречиво отстаивает для Себя некое семя, дабы искупление Его было действенным в избранном и особом народе. Хотя для выражения сей мысли лучше подходят слова, употребленные пророком: придет для Сиона. Но для Павла благочестие состояло не в том, чтобы следовать общепринятому переводу, где сказано, что Искупитель придет с горы Сион. И то же самое относится и ко второй части: отвратит нечестие от Иакова. Здесь Павел счел достаточным выразить лишь то, что, поскольку собственное служение Христа состояло в примирении с Богом отпавшего народа, нарушившего Его завет, значит, надо ожидать обращения некоторых, и поэтому не все погибнут.

27) *И сей завет им от Меня*. Хотя в предыдущем пророчестве Исаии Павел кратко сказал о служении Мессии, дабы научить иудеев, что именно следует от Него ожидать, здесь он сознательно с той же целью приводит несколько слов из пророка Иеремии. Ибо в предыдущем месте не говорится о том, что за этим последует. Также сие относится к подтверждению обсуждаемого им положения. Сказанное же им об обращении народа может показаться невероятным из-за упорного неверия последнего. Итак, он устраняет это препятствие, упоминая, что новый завет состоит в незаслуженном отпущении грехов. Ведь из пророческих слов следует, что отношение Бога к отпавшему народу как раз и заключается в том, чтобы простить ему его вероломство и все прочие грехи.

28. *В отношении к благовестию они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцов*. 29. *Ибо дары и призвание Божие непреложны*. 30. *Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне*

⁴²² Свидетельством Исаии апостол подтверждает: цель данной нам во Христе благодати состоит в том, чтобы спасение было даровано Израилю. Однако он не цитирует дословно то, что сказано у Исаии. Ибо тот говорит, что Избавитель придет к тем, кто отвратится от нечестия. Однако для апостола достаточно применить сию цитату к своему вопросу. Будем обращать внимание на это всякий раз, когда апостолы приводят цитаты из ветхого завета, дабы видеть, сколь уместно и к делу они их приводят. Ведь апостолы как бы пальцем указывают на то место, куда отсылают читателей.

⁴²³ Эти слова: поелику ... возродить, уже в издании 1556 г., двумя экземплярами которого мы владеем, были изглажены либо водой, либо чернилами. Кажется их изъял сам Кальвин, поскольку они встречаются в конце абзаца лишь в издании 1551 года.

⁴²⁴ Сие пророчество.

⁴²⁵ Сие вследствие особого ... в Церкви, и т.д.

⁴²⁶ По праву из сего свидетельства Павел выводит силу искупления Христова, говоря, что она должна действительно среди них проявляться. Поелику же, и т.д. См. выше.

помилованы по непослушанию их, 31. так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. 32. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

(28. В отношении к благовестию они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божиим ради отцов. 29. Ибо без раскаяния дары и призвание Божие. 30. Как и вы некогда были недоверчивы к Богу, а ныне помилованы по неверию их, 31. так и они теперь недоверчивы из-за того, что вы помилованы, чтобы и сами они были помилованы. 32. Ибо всех заключил Бог в неверие, чтобы всех помиловать.)

28) В отношении к благовестию. Апостол показывает, что даже наихудшее в иудеях не должно быть поводом к презрению со стороны язычников. Высшее их преступление состояло в неверии. Павел же учит, что они были ослеплены на время по провидению Божию, чтобы проложить путь Евангелию к язычникам. Впрочем, они не окончательно отлучены от благодати Божией. Итак, он признает, что в настоящее время они чужды Бога из-за Евангелия, дабы по этому случаю к язычникам перешло спасение, прежде бывшее у иудеев. Однако Бог не забыл о Своем завете, некогда заключенном с их отцами, где поклялся, что по вечному изволению⁴²⁷ возлюбил сей народ. И сие знаменательное утверждение подтверждает то, что благодать божественного призвания не может оказаться напрасной. Ибо об этом говорят следующие слова: **Дары и призвание Божие без раскаяния.** Ведь под дарами и призванием апостол имеет в виду благодетельные призывы. И сие надобно разуметь не о каком угодно призыве⁴²⁸, он о том, коим Бог принял потомков Авраама⁴²⁹ в Свой завет. Ведь спор шел именно об этом вопросе. Как и говоря немного прежде об избрании, он имел в виду тайный совет Божий, коим иудеи были некогда отделены от язычников. Ибо следует держаться того, что здесь идет речь не о личном избрании кого-либо, но об общем усыновлении всего народа, которое на время могло показаться утратившим силу, но при этом не было вырвано с корнем. Поелику же иудеи сами отпали от обетованного им спасения, то, чтобы осталась надежда на спасение остатка, Павел и говорит, что совет Божий пребывает неизменным и неизменным, совет, коим Он некогда удостоил избрать Себе их в особый народ.

Итак, ежели не может быть так, чтобы Господь отошел от Своего завета, заключенного в Авраамом, – Я буду Богом для семени твоего, – то и не мог Он полностью отвратить благоволения Своего от иудейского народа. Апостол не противопоставляет Евангелие избранию, как будто они не согласны друг с другом. Ибо кого Бог избрал, тех Он и призывает. Но поскольку недавно паче чаяния Бог возвестил Евангелие язычникам, апостол заслуженно сравнивает сию благодать с избранием ветхого Израиля, происшедшим за столько веков до этого. Посему избрание именуется так из-за своей древности, ведь Бог, пройдя мимо всего остального мира, избрал для Себя особый народ. Говорит же “ради отцов” не потому, что отцы дали Богу повод их возлюбить, но потому что от них благодать Божия распространилась на потомков, по условию завета: Я буду Богом твоим и семени твоего. Как именно язычники снискали милосердие из-за неверия иудеев было сказано ранее: Бог, оскорбленный неверием иудеев, обратил к язычникам Свое благоволение. Добавленное же вслед за этим, что неверующие обратятся вновь, после явления милости язычникам, – немного сложно для понимания. Однако здесь нет никакой нелепости, ведь Павел не говорит о причине ослепления, но хочет лишь сказать, что иудеи утратили то, что Бог передал язычникам. Далее, того, что они лишились из-за неверия, язычники не должны считать себя достигшими своими заслугами, ведь речь идет только о милости. Значит итог таков: поелику Бог восхотел помиловать язычников, иудеи были лишены света веры.

32) Ибо всех заключил Бог. Великолепное утверждение, коим апостол показывает, что имеющие надежду на спасение не должны отчаиваться в отношении других. Ибо какими бы ни были они сейчас, прежде они были как все остальные. Ежели одним лишь милосердием Божиим воспряли они от неверия, то должны дать место этому милосердию и в отношении других. Ведь апостол делает иудеев равными язычникам в отношении вины, дабы и те, и другие поняли, что другим путь к спасению открыт не меньше, чем им самим. Ибо есть лишь одно милосердие Божие, спасающее людей. И оно может быть предложено и тем, и другим. Итак, данное утверждение согласно со свидетельством Осии, процитированным ранее: Я назову народом Моим не Мой народ. Далее, апостол не хочет сказать, что Бог так ослепил всех людей, что Ему надо приписывать вину за их неверие, но Бог так устроил все по Своему провидению, что все оказались виновными в неверии, дабы сделать их подлежащими Своему суду. Причем с той именно целью, чтобы спасение зависело лишь от Его благодати, по устранению всех заслуг. Итак, Павел хочет сказать две вещи: в человеке нет ничего, чтобы по его заслугам предположить его другим, кроме как по чистой благодати Божией; Богу же, распределяющему Свою благодать ничто не мешает давать ее тому, кому Он захочет. Ударение здесь падает на слово “помиловать”. Ибо оно означает, что Бог ничем не связан и потому даром спасает всех, что все равным образом погибли. Далее, весьма безумствуют те, кто отсюда заключает, что все спасутся. Ведь Павел просто хочет сказать, что как иудеи, так и язычники получают спасение лишь по

⁴²⁷ По вечному избранию.

⁴²⁸ Он разумеет.

⁴²⁹ Некий народ.

милосердию Божию, дабы не давать кому-либо повод для хвастовства. Безусловно, сие милосердие предлагается всем без различия, но [спасаются] лишь те, кто принимает его верою.

33. О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! 34. Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? 35. Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? 36. Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь.

(33. О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы суды Его и неисследимы пути Его! 34. Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? 35. Или кто дал Ему наперед, чтобы ему воздалось? 36. Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь.)

33) *О бездна.* Здесь апостол сначала раздражается возгласом, который спонтанно рождается у верующих по благочестивому рассмотрению дел Божиих. Затем он сдерживает дерзновение нечестия, обычно ропшущего на суды Божии. Итак, когда мы слышим: **О бездна**, нельзя сказать, насколько сильно то восхищение обуздать дерзость плоти. Ибо после того, как он рассуждал о слове и Духе Божиим, то, побежденный сей возвышенной тайной, уже мог лишь воскликнуть: богатство сей премудрости Божией глубже того, что мог бы постичь наш разум. Ежели начинаем мы речь о тайных советах Божиих, всегда следует налагать сию узду и на язык, и на разум, дабы трезво и в пределах слова рассуждая об этих вопросах, наша мысль в конце концов пришла в оцепенение. Ибо не должно стыдить нас, ежели не разумеем мы выше того, кто был восхищен до третьего неба и видел тайны неизреченные для человека. И нельзя найти никакой другой цели этих слов апостола, кроме собственного смирения. Некоторые же так передают слова Павла: О, глубокие богатства, и премудрость и познание Божие! Как если бы **βῆθος** было здесь общим эпитетом, и богатства означали щедрость. Сие кажется мне натянутым. Посему не сомневаюсь, что апостол превозносит здесь глубокую бездну богатства и ведения Божия.

Как непостижимы. Разными словами, путем свойственного иудеям удвоения, апостол выражает одну и ту же мысль. Ибо говорит он о судах, и добавляет затем о путях⁴³⁰, установленных либо по причине действия, либо по порядку управления. Все еще продолжает он свое восклицание, в котором, чем больше превозносит возвышенность божественной тайны, тем больше удерживает нас от любопытствующего изыскания. Итак, пусть мы научимся ничего не допытываться у Господа, кроме того, что открыто в Писании, поелику иначе мы войдем в лабиринт, откуда нелегко выйти. Ведь надобно отметить, что здесь идет речь не о каких-либо тайнах Божиих, а о тех, в отношении которых Он хочет, чтобы мы ими восхищались и принимали [с верою].

34) *Ибо кто познал ум Господень?* Здесь апостол начинает прямо обуздывать людскую дерзость, дабы не роптали люди на суды Божии. И делает это двумя доводами. Первый состоит в том, что все смертные, рассуждая о предопределении Божиим собственным умом, совершенно слепнут. Ведь о непознанной вещи можно рассуждать лишь плохо и необдуманно. Второй довод состоит в том, что у нас нет причины жаловаться на Бога. Поелику нет такого смертного, который мог бы претендовать на то, что Бог ему что-то должен. Наоборот, все обязаны Богу за Его благодать. Посему пусть каждый помнит, что ему надо сдерживать свои умствования, дабы в исследовании предопределения не возноситься сверх открытого в слове Божиим. Ведь слышим мы, что человек способен усмотреть здесь не более того, что слепой может разглядеть в потемках.

Однако сие никак не ослабляет определенность веры, которая рождается не от остроты человеческого разума, а от одного лишь просвещения Святым Духом. Ибо и сам Павел в другом месте – после того, как засвидетельствовал, что тайны Божии премного превышают способности нашего ума – тут же добавляет, что верующие имеют ум Господень. Имеют, поелику приняли они не духа мира сего, но Духа, данного от Бога, Коим научаются Его непостижимой иным способом благодати. Итак, как не можем мы собственными силами прийти к познанию тайн Божиих, так же по благодати Святого Духа допускаемся к твердому и ясному их познанию. Ведь если надобно следовать предваряющему нас Духу, то там, где мы Его лишены, нам нужно остановиться. Если кто пожелает знать больше того, что откроет ему Дух, тот будет подавлен великим блеском сего неприступного света. Надобно же придерживаться того различия, о котором я уже прежде говорил, – различия между тайным советом Божиим и Его волей, открытой нам в Писании. Ибо хотя все учение Писания и превосходит своей возвышенностью человеческий разум, однако же для верных не возбранен доступ к этому учению – для тех, кто почтительно и трезво следует водительству Духа. Но иное дело – тайный совет, глубину и высоту которого невозможно постичь.

35) *Кто дал Ему наперед.* Другой довод, коим справедливость Божия прекрасно защищается от обвинений всех нечестивцев. Ибо ежели никто не может обязать Бога своими заслугами, то и не может по праву жаловаться на то, что не получил воздаяния. Ведь всякий, желающий обязать кого-либо к благотворительности, должен показать свои дела, коими заслужил такое к себе отношение. Итак, смысл

⁴³⁰ Ибо пути понимаются.

Павловых слов следующий: Бога можно обвинять в несправедливости только тогда, когда Он не воздает кому-либо то, что ему принадлежит. Но явствует, что по истине Бог никого не обманывает, поскольку никому не должен. Ибо кто может указать на такое свое дело, которым он заслужил бы благодать Божию? Место сие весьма знаменательно, и мы научаемся здесь, что не в наших силах собственными делами подвинуть Бога к дарованию нам спасения, и что нас, не имеющих заслуг, предваряет Его незаслуженная благодать. Ибо апостол показывает не то, что обычно делают люди, но что они вообще могут делать. И если мы тщательно себя исследуем, то обнаружим, что Бог не только не является нашим должником, но и что все мы до одного подлежим одному и тому же осуждению с Его стороны. Мы не только не заслужили от Него благодати, но и стали более чем достойными вечной смерти. И Павел заключает, что в отношении столь порочной и извращенной природы Бог ничем нам не обязан; однако если человек был бы целомудрен, он все равно не мог бы что-либо принести Богу, дабы заслужить себе благодать, поелику как только человек получает бытие, по самому праву сотворения он становится настолько обязанным Своему Создателю, что у него нет ничего своего. Итак, напрасными будут наши попытки лишить Бога Его права, дабы Он не распоряжался своими тварями свободно, как Ему заблагорассудится, как будто причина принятия и даяния одна и та же.

36) *Ибо все из Него, Им и к Нему.* Подтверждение предыдущего предложения. Ибо апостол учит, что многого недостает нам, чтобы могли мы хвалиться перед Богом чем-либо своим. Ведь и сами мы созданы Им из ничего, и бытие наше состоит лишь в Нем одном. Откуда апостол заключает, что справедливо будет все относить ко славе Божией. Ведь как дурно было бы творения, которые Он создал и которые сохраняет, относить куда-либо еще, кроме как к проявлению Его славы? Я знаю, что слова *εἰς αὐτόν* иногда понимаются как *ἐν αὐτῷ*, что не вполне правильно. Поелику же собственное их значение больше подходит для настоящего довода, следует скорее удерживать его, чем прибегать к несобственному смыслу. Итог таков: весь природный порядок безобразно извращается, если Бог, будучи началом всех вещей, не является одновременно и их целью.

Ему слава. Здесь апостол считает несомненным доказанное им утверждение, что слава Господня везде должна пребывать незыблемою. Ибо слова его окажутся выхолощенными, если их понимать в общем смысле, но ударение здесь зависит от контекста: Бог по праву отстаивает Свое полное владычество; и в состоянии человеческого рода, а также всего мира, надобно искать лишь Его славы. Откуда следует, сколь абсурдны и противны разуму, более того – безумны, умствования, которые стремятся к умалению Его славы.

Глава 12

1. Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, 2. и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

(1. Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, разумное служение ваше, 2. и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам испытать волю Божию, благую, угодную и совершенную.)

После того, как Павел рассмотрел то, с чего надо было начать созидание царствия Божия: что от одного лишь Бога следует искать праведности, что от одной лишь Его милости посылается⁴³¹ нам спасение, что в одном лишь Христе помещено сокровище всяческих благ и ежедневно предлагается каждому, – сказав обо всем этом, теперь в надлежащем порядке переходит он к воспитанию нравов. Ведь этим спасительным познанием Бога и Христа души как бы возрождаются к небесной жизни, а святыми увещаниями⁴³² и повелениями сама эта жизнь неким образом обустраивается и утверждается. Ибо напрасно было бы выказывать рвение к обновлению жизни, если прежде не показать, что всякая праведность происходит для людей от Бога и Христа, и состоит в том, что люди как бы воскресают из мертвых. И здесь имеется особое различие между Евангелием и философией. Ибо хотя блестяще и с великой похвалой собственной мудрости рассуждают философы о нравах, все что блистает в их заповедях суть лишь украшенные стены лишенного фундамента здания. Поелику, упустив из виду многие принципы, они предлагают учение подобное телу, лишенному головы. Не сильно отличается способ наставления и у папистов. Ибо если и говорят они мимоходом слова о вере во Христа и благодати Святого Духа, однако совершенно очевидно, что мирские философы значительно ближе им, чем Сам Христос. Подобно тому, как философы, прежде чем издавать законы о нравах, вначале рассуждают о цели блага и источниках добродетелей, из которых выводят все остальные обязанности, так и здесь апостол ставит принцип, из которого проистекают⁴³³ все свойства

⁴³¹ Существует.

⁴³² Наставлениями.

⁴³³ Выводятся.

святой жизни. Принцип таков: мы для того искуплены Господом, чтобы посвятить Ему самих себя и все наши члены. Однако полезно будет рассмотреть все по отдельности.

1) *Умоляю вас, братия, милосердием Божиим*⁴³⁴. Мы знаем, что нечистые люди все, что говорится в Писании о благодати Божией, похотливо обращают в повод для плотской вседозволенности. Наоборот, лицемеры, словно благодать Божия угашает усердие к благочестивой жизни и открывает дверь для греха, насколько это в их силах, злодейски затемняют знание о ней. Однако сие увещание учит, что покуда люди не осознают, насколько обязаны милосердию Божию, они никогда не будут почитать Бога с серьезным чувством и не достаточно сильно будут побуждаться к страху и послушанию перед Ним. Для папистов достаточно исторгать из людей навязанное, не знаю как, повиновение. Павел же, чтобы завоевать нас для Бога не рабским страхом, а добровольной и радостной любовью к праведности, дает нам вкусить сладость благодати, в которой содержится наше спасение. И одновременно попрекает нашу неблагодарность, если не стремимся мы полностью посвятить себя столь благодатному и щедрому Отцу. И увещание Павла имеет тем большую силу, чем больше превосходит все остальные увещания в явлении благодати Божией. Ибо сердце должно быть более, чем каменным, если вышеизложенное учение не сможет побудить его к любви Божией, милость Которого оно чувствует излитой столь обильно и столь щедро.

Итак, где же те, кто думает, что, ежели в одной благодати Божией помещено людское спасение, то не нужны уже никакие увещания к благопристойной жизни? Поелику никакими заповедями, никакими повелениями благочестивая душа не побуждается так к послушанию Богу, как серьезным размышлением о явленной ей божественной благодати. Здесь надо обратить внимание и на мягкость апостольского духа, ибо он предпочел адресовать верующим увещания и дружеские призывы, а не жесткие приказы и повеления. Поелику знал он, что этот путь будет более благоуспешен среди обучаемых.

Представьте тела ваши. Итак, начало правильного стремления к добрым делам состоит в том, чтобы мы осознали свою посвященность Богу. Ибо отсюда следует, что мы должны перестать жить для самих себя и все деяния своей жизни посвятить на служение Ему. Посему здесь надо рассмотреть две вещи. Первое: мы принадлежим Господу; второе: нам надо быть святыми, потому что недостойно святости Божией, если Ему приносится нечто не освященное прежде. Установив сие, мы одновременно придем к выводу, что надобно всю жизнь размышлять о том, что такое святость, и будет похожим на святотатство, если мы вновь впадем в нечистоту. Ведь это не что иное, как профанация освященного.

Везде в речи апостола заметен тщательный подбор слов. Вначале он говорит, что надо принести наше тело в жертву Богу. Чем показывает, что мы уже не свои, а полностью перешли во владение Богу. А это не может произойти иначе, чем если мы отречемся от самих себя. Затем, добавив несколько эпитетов, апостол говорит, какой должна быть эта жертва. Называя ее живой, он хочет сказать следующее: Мы таким образом приносим себя в жертву Богу, что, застав в себе прежнюю жизнь, воскресаем к жизни новой. Именем же святости он означает принадлежащее жертве свойство, ибо тогда лишь жертва приносится правильно, когда ей предшествует освящение. Третий эпитет, когда апостол говорит о правильном обустройстве нашей жизни⁴³⁵, чтобы сделать эту жертву угодной Богу, приносит нам не малое утешение, уча, что усердие наше угодно и приятно для Бога, если мы преданы невинности и святости. Телами же он называет не только кости и кожу, но и все вещество, из которого мы состоим. Он воспользовался этим словом, чтобы лучше обозначить все части нашего естества. Ибо члены тела суть орудия для действий. В другом месте он требует от нас чистоты не только тела, но и души, и духа 1Фес.5:23. Приказывая нам предоставить, он намекает на Моисеевы жертвоприношения, выставляемые на алтаре как бы на обозрение Богу. Однако он тут же изящно показывает, с какой готовностью должны мы выслушивать повеления Божии и без промедления их исполнять. Откуда мы заключаем, что несчастно заблуждаются все смертные, у которых нет намерения почитать Бога. Здесь мы видим, какие жертвы одобряет Павел в христианской Церкви. Ибо мы примирены с Богом через Христа единственным жертвоприношением и по Его благодати все стали священниками для посвящения себя и всего, что нам принадлежит, славе Божией. Так что не остается никакой жертвы умилостивления, и ее нельзя утверждать без великого оскорбления креста Христова.

Разумного служения вашего. Я думаю, что данная фраза добавлена для того, чтобы лучше объяснить и подтвердить все вышеизложенное, как если бы апостол сказал: Представьте себя в жертву Богу, если в душах ваших живет богопочитание. Ибо это законный путь богопочитания, от которого если кто отходит, то является превратным почитателем. А если Бог почитается правильно лишь тогда, когда все наши поступки мы совершаем по Его заповедям⁴³⁶, то исчезают все измышленные обряды, которых Бог справедливо

⁴³⁴ Нельзя сказать, насколько сильно нас должно затронуть сие заклинание, говорящее и милосердии Божиим. Ведь ежели мы всем Ему обязаны, то, отказываясь что-либо для Него сделать, мы выказываем свою неблагодарность.

⁴³⁵ Дабы мы ... направили.

⁴³⁶ Почитается.

гнушается, ведь послушание для Него дороже жертвы. Людям льстят их изобретения, являя им образ суетной мудрости (как говорит Павел в другом месте). Однако мы слышим, что небесный Судия изрек устами Павла совершенно противоположное. Ибо называя служение разумным, то служение, которое предписал Сам Бог, он тем самым отвергает как глупое, неразумное и необдуманно введенное все то, что соблюдаем мы помимо правила Его слова.

2) *И не сообразуйтесь с веком сим.* Слово “мир”, имеющее множество значений, здесь обозначает человеческий разум и человеческие нравы, с которыми апостол не без причины запрещает нам сообразовываться. Ибо поелику весь мир находится во зле, нам подобает совлечься всего, что имеем мы человеческого, если хотим мы облечься во Христа. И дабы не было сомнений, апостол сам истолковывает свое утверждение от противного, когда приказывает нам преобразиться в обновлении ума. Ведь для Писания привычны такие противопоставления, коими яснее излагается суть дела. Обрати здесь внимание на то, какое именно требуется от нас обновление. Не только обновление плоти, как толкуют это место сорбонские богословы, понимая под умом низшие части души, но и обновление ума, являющегося превосходнейшей нашей частью, которому философы приписывают всяческое главенство. Ибо они называют его *νῦν*. Так что разум считается самым мудрым правителем. Павел же низлагает его с трона, и превращает в ничто, уча, что мы должны обновиться своим умом. Ибо как бы мы ни льстили самим себе, истинно утверждение Христово, что желающему войти в царство Божие надлежит возродиться во всем человеке. Ведь мы полностью чужды праведности Божией и сердцем и разумом.

Чтобы вам познать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная. Здесь ты видишь цель, для которой мы должны обновить наш разум, дабы, оставив все человеческие домыслы и пожелания, мы приникали к одной лишь воле Божией, разумение которой есть истинная премудрость. Если же для этого необходимо обновление нашего разума, дабы познали мы, что есть воля Божия, то отсюда явствует, насколько сам по себе наш разум противится Богу. Добавленные же эпитеты служат восхвалению Божией премудрости, дабы стремились мы к ней с большей окрыленностью. Безусловно, чтобы призвать к порядку наше упорство, необходимо утвердить прочную похвалу праведности и совершенства Божия. Мир убеждает себя в том, что творимые им дела являются благами. Но Павел возражает и говорит, что то, что благо и что правильно – следует оценивать по божественным заповедям. Мир в своих измышлениях льстит себе и услаждается собой, но Павел утверждает, что Богу не нравится что-либо, кроме Им Самим заповеданного. Мир, чтобы обрести совершенство, отвращается от слова Божия и обращается к собственным вымыслам, а Павел, утверждая совершенство в воле Божией, показывает, что обманывается тот, кто преступает эту черту.

3. *По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил.*

(3. *По данной мне благодати, всякому из вас говорю: пусть не думает о себе более, нежели должно думать; но пусть думает трезво, по мере веры, какую каждому Бог уделил.*)

3) *По данной мне благодати говорю.* Если считать, что слово “ибо” не является здесь излишним, данное предложение вполне согласуется с предыдущим. Ведь апостол хочет, чтобы все наше усердие было направлено на исследование воли Божией, так что ему прежде всего надлежит отвлечь нас от праздного любопытства. Однако поскольку слово “ибо” часто встречается в речи Павла избыточно, можно его понимать и как простое утверждение. Ведь и в таком случае смысл будет весьма ясен. Впрочем, прежде чем дать повеление, апостол упоминает о данной ему власти, дабы люди внимали его словам не иначе как словам Божиим. Смысл таков, как если бы он сказал: Не говорю от самого себя, но, будучи посланником Божиим, доношу до вас вверенные мне заповеди. Благодатью (как и прежде) называет он апостольство, дабы восхвалить в нем благость Божию и одновременно дать понять, что не по собственной дерзости присвоил он себе этот титул, но по призванию Божию. Итак, утвердив свой авторитет, он налагает на Римлян необходимость послушания, если только не хотят они презреть Бога в лице Его служителя.

Затем следует заповедь, которая удерживает нас от исследования вещей лишь утруждающих разум, но не дающих ему назидания. Апостол запрещает кому-либо брать на себя больше, чем это позволяют его призвание и способности. Одновременно он увещевает думать и помышлять лишь о том, что может сделать нас трезвыми и скромными. Ибо я предпочел именно так понять это предложение, а не как перевел его Эразм: Дабы кто не мыслил о себе высокомерно. Ведь этот смысл несколько отходит от слов Павла, а мое толкование лучше соответствует контексту речи. Фраза же “нежели должно думать”, говорит о том, что имел в виду апостол в предыдущем слове *υπερφρόνως*. Ибо мы думаем более, нежели должно, если заботимся о том, о чем не надлежит заботиться. Думать же трезво означает проявлять усердие к тому, что назидает и ведет тебя к скромности⁴³⁷.

⁴³⁷ Коими ты наставляешься.

Какую каждому Бог уделил. Здесь одно слово заменено другим: “подобно тому, как каждому”. Кроме того, здесь говорится о причине того трезвого разума, о котором упомянул апостол. Ведь поскольку распределение благодати многообразно, каждый должен постановить для себя ту меру умствования, которая содержится в данной ему Богом благодати. Итак, излишняя склонность к умствованиям имеется не только в отношении напрасных и бесполезных для познания вещей, но и в отношении тех вещей, разумение которых в других случаях было бы полезным. Так происходит, если мы не смотрим на то, что нам даровано, а необдуманно и дерзновенно превышаем меру нашего разума. Бог же не оставляет безнаказанной сию дерзость. Ибо надобно видеть, каким безумием объаты те, кто по глупому превозношению преступают положенные им пределы. Итог таков: разумная часть нашей жертвы состоит в том, что каждый в духе скромности и покорности отдает себя божественному руководству. Далее, противопоставляя веру человеческого суждению и удерживая нас от самоугодия, апостол также говорит о мере, дабы верные смиренно обуздывали себя в своих недостатках.

4. Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, 5. так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. 6. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; 7. имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; 8. увещатель ли, увещай; раздаватель ли, раздавай в простоте, начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием.

(4. Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, 5. так мы, многие, являемся одним телом во Христе, взаимно один для другого члены. 6. По данной же нам благодати, имеем различные дарования, пророчество ли – по мере веры; 7. служение ли, – в служении; учитель ли, – в учении; 8. увещатель ли, – в увещании; раздаватель ли, – в простоте, начальник ли, – в усердии; благотворитель ли, – в радушии.)

4) *Ибо как.* Здесь апостол подтверждает призыванием верующих то, что уже прежде говорил об ограничении разума каждого по данной ему мере веры. Ибо мы призваны таким образом, что словно соединяемся в одно тело. Ведь Христос установил между верными такие же связи, какие имеются между членами человеческого тела. И поскольку сами по себе люди не могут прийти к такому единству, Он Сам сделался соединяющими их узами. Ведь тот порядок, который мы видим в человеческом теле, должен иметь место и в сообществе верных. Приведя же это сравнение, апостол доказывает, сколь необходимо каждому мыслить лишь то, что соответствует его природе, его способностям и его призванию. Далее, данное сравнение, имея разные стороны, особенно в том отношении подходит к настоящему случаю, что подобно тому, как члены одного тела имеют многочисленные способности, и, притом, все разные, так что ни один член не обладает всеми способностями и не осуществляет все служения, так и нас Бог наделяет разными дарованиями, коим различием хочет соблюсти тот порядок, который Сам и установил. Дабы каждый, смотря по своим способностям, обуздывал себя и не вторгался в чужую область. И не должен кто-либо надеяться получить все, но, будучи довольным своей долей, он должен добровольно воздерживаться от присвоения чужого. Апостол же, красноречиво говоря о существующем между нами общении, одновременно намекает на то, с каким усердием все мы, имеющие каждый свои способности, должны стремиться ко благу общего тела.

6) *Имеем различные дарования.* Павел говорит здесь не просто о воспитании между нами братской любви, он хвалит ту скромность, которая для нас есть лучшее устройство всей жизни. Он хочет, чтобы каждый претендовал лишь на то, чтобы не нуждаться в достоинствах других братьев; это и есть взаимные узы общения, когда никто не достаточен сам для себя, но вынужден заимствовать от других. Итак, признаюсь, что сообщество верных существует не иначе как если каждый довольный своей долей передает братьям полученные им дары, и, наоборот, получает помощь от дарований других. Однако Павел хотел, во-первых, ниспровергнуть врожденную человеческую гордыню, дабы кто не сетовал о том, что имеет не все дары. Апостол увещает, что не без лучшего совета Божия каждому даруется свое, поелику это способствует общему спасению всего тела, и никто не наделен такой полнотой даров, чтобы презирать других братьев.

Итак, здесь мы видим главную цель, к которой стремился апостол: не все обладают всем, но дары Божии распределены таким образом, что каждый имеет их отдельную часть. И все так должны стремиться к созиданию Церкви ниспосланными им дарованиями, чтобы никто, оставив свое служение, не присваивал себе чужого. Таким наилучшим порядком и такой симметрией соблюдается безопасность Церкви, где каждый так уделяет от данных ему Господом даров, что не мешает при этом другим. Тот же, кто извращает данный порядок, воюет с Самим Господом, установлением Которого этот порядок утверждён. Ибо различие дарований порождается не волей людей, а тем, что Господу было угодно именно так распределить Свою благодать.

Имеешь ли пророчество. Теперь апостол, приводя в пример отдельные виды благодати, показывает, как каждый по мере своих способностей, и сохраняя свой статус, должен заниматься данным ему служением. Ведь отдельные дары имеют положенные им пределы, отклоняться от которых означает портить сами эти

дары. Речь апостола несколько путана, однако мы можем так связать ее отдельные части, что довод апостола будет звучать следующим образом: тот, кто обладает пророчеством, пусть осуществляет его по мере веры; тот, кто имеет служение, пусть исполняет его для служения другим; тот, кто имеет учение, пусть учит для научения остальных, и т.д. Если же каждый будет это иметь в виду, то все будут удерживаться в положенных им границах.

Впрочем, данное место толкуется по-разному. Некоторые понимают пророчество как способность видеть наперед, каковая способность процветала в изначальной Церкви. Ибо Господь хотел выказать превосходство и достоинство Своего царства всеми [возможными] способами. То же, что добавляется, по мере веры, следует относить по мнению некоторых ко всем членам. Я же предпочитаю следовать тем, кто⁴³⁸ распространяет это имя на особый дар откровения, чтобы кто-то исполнял служение толкователя в правильном и искусном изъяснении воли Божией. Посему сегодня в Христианской Церкви пророчество есть не что иное, как правильное понимание Писаний и особая способность его истолкования, поелику все ветхие пророчества и все изречения Божии через Христа и Его Евангелие теперь закончены. Ибо именно такой смысл имел в виду Павел, говоря (1Кор.14:5): Хочу, чтобы вы говорил языками, но еще больше, чтобы пророчествовали. Отчасти знаем и отчасти пророчествуем.

Ниоткуда не видно, что Павел имел здесь в виду лишь те чудесные проявления благодати, которыми Христос снабдил вначале Свое Евангелие. Скорее мы видим, что здесь говорится об обычных дарованиях, постоянно пребывающих в Церкви. И мне не кажется достаточно обоснованным тот довод, который часто приводят в возражение: что апостол-де напрасно говорил это тем, кто по Духу Божию не мог произнести анафему на Христа. Ведь в другом месте он свидетельствует (1Кор.14:32), что пророческий дух покорен пророкам, и приказывает первому говорящему замолчать, ежели другому из присутствующих будет откровение. На том же основании он мог увещевать тех, кто пророчествует в Церкви, дабы они сообразовывали свои пророчества с правилом веры и не уклонялись в сторону⁴³⁹. Именем же веры апостол обозначает первые принципы религии; и если какое-либо учение будет уличено в том, что им не соответствует, тем самым изобличено будет во лжи.

В отношении остального трудностей нет. Апостол говорит, что тот, кто поставлен служителем, должен исполнять свое служение и считать, что принят на эту должность не для себя, а для других. Иначе говоря: пусть он исполняет свое служение, воистину служа людям, чтобы соответствовать своему званию. Так и учителям под именем учения он рекомендует преподавать твердое назидание. И Смысл таков: тот, кто выделяется знанием учения, пусть знает, что его цель – истинное назидание Церкви. И пусть он думает лишь о том, чтобы сделать Церковь учение своим учением. Ибо учителем зовется тот, кто обустраивает и созидает Церковь словом истины. Тот же, кто выделяется умением увещевать, пусть стремится к тому, чтобы увещевание было действенным. И эти служения имеют между собой сходство и некоторую связь, однако не перестают от этого быть различными. Ведь никто не может увещевать, не сопровождая сие учением; однако тот, кто учит, вовсе не должен быть наделенным даром увещевания. Так же никто не пророчествует, не учит, не увещевает, чтобы при этом не служить; однако довольно нам будет соблюдать то различие, которое мы наблюдаем в дарах Божиих, и о котором знаем, что оно способствует порядку в Церкви.

8) *Раздаватель ли, раздавай в простоте.* Из последующих слов мы ясно видим, что здесь говорится о том, каково правильное употребление даров Божиих. Словом же *μεταδίδου τοι* апостол означает не тех, кто уделяет из своего, но диаконов, возглавляющих раздачу церковной милостыни. Словом *ελοῦν τοις* апостол означает вдов и других служителей, которые занимаются попечением о больных по древнему обычаю Церкви. Ибо есть два различных служения: раздавать⁴⁴⁰ бедным необходимое для жизни и⁴⁴¹ прикладывать собственные усилия в попечении о них. Впрочем, первым апостол предписывает простоту, дабы без обмана и лицепрятия они верно исполняли вверенные им поручения, а от вторых он требует радушия, дабы подавленностью своей (каковая часто встречается) они не угасили благодать служения. Ведь больной или тот, кто каким-либо образом удручен, больше всего утешается тогда, когда видит других окрыленными и готовыми придти ему на помощь. Поэтому если он замечает на лицах их печаль, то приписывает это презрению к своей личности. Хотя *προϊστάμενοις* в собственном смысле зовутся те, кому поручено управление Церковью (они были старейшинами, руководившими и управлявшими другими и надзиравшими за образом их жизни), однако здесь это название можно распространить на начальников всякого рода. Ибо не малое попечение требуется от тех, кто должен заботиться о безопасности всех, и также не малое усердие испрашивается от тех, кто день и ночь печется о спасении всех. Хотя обстоятельства времени показывают,

⁴³⁸ Понимают это слово в обобщенном смысле как означающее откровение божественной воли и искусство возвещения ее другим, которое.

⁴³⁹ От цели.

⁴⁴⁰ Готовить.

⁴⁴¹ Заботиться о них.

что Павел говорил здесь не о всех начальниках, поелику тогда еще не было благочестивых правителей, но о старейшинах, которые были блюстителями нравов.

9. Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; 10. будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; 11. в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; 12. утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; 13. в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве.

(9. Любовь да будет непритворна; противитесь злу, прилепляйтесь к добру; 10. будьте склонны к взаимной любви с братской приязнью; в почтительности друг друга предупреждайте; 11. в усердии не ленитесь; духом пламенейте; времени служите; 12. в надежде радуйтесь; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; 13. в нуждах святых принимайте участие; держитесь странноприимства).

9) *Любовь да будет.* Теперь апостол собирается говорить об отдельных служениях, и начинает с любви, которая есть узы совершенства. О ней он заповедует то, что прежде всего необходимо, дабы по устранении всякого притворства она происходила из чистой искренности души. Нельзя и сказать, как склонны все люди к показу той любви, которой на самом деле у них нет. И лгут они не только другим, но и самим себе, убеждая себя, что достаточно любят тех, кого не только презирают, но и воистину отвергают. Посему Павел возвещает здесь не иную какую любовь, а ту, которая лишена всякого притворства. Ведь каждый легко может засвидетельствовать о себе, действительно ли в тайниках его сердца нет ничего, что противилось бы любви. Слова же о **зле** и **добре**, которые тут же за этим следуют, здесь понимаются не в обобщенном смысле, но зло означает злостную несправедливость, наносящую вред людям, а благо – доброту, помогающую другим. В Писании часто встречаются противопоставления, когда вначале запрещается порок, а затем заповедуются добродетель. В отношении же причастия *ἀποστύγετε* я не следовал ни Эразму, ни древнему переводчику, переведших это слово как "ненавидьте". По моему мнению Павел хотел здесь выразить нечто большее: и пламенность глагола "отвращаться" лучше соответствует второй части, где апостол приказывает не только заниматься благотворительностью, но и прилепляться к ней.

10) *Будьте братолюбивы.* Апостол не может подобрать слова, достаточные для выражения силы той любви, с которой мы должны взаимно принимать друг друга. Ибо он называет ее братской, а ее чувство *στοργήν*, которое для латинян означает взаимную приязнь между родственниками. Безусловно, такой и должна быть та любовь, которую выказываем мы к детям Божиим. И дабы она была такой, апостол добавляет заповедь, весьма необходимую для сохранения благоволения среди людей, чтобы каждый с почтительностью относился к братьям. Ибо нет более сильного средства для отчуждения друг от друга людей, нежели когда кто-либо считает себя презираемым. Если же под почтительностью понимать служение всякого рода, то я не буду сильно возражать, однако первое толкование мне кажется более вероятным. Поелику ничто так не противится братскому согласию, нежели оскорбление, происходящее от презрения, когда кто-либо превозносит себя, пренебрегая другими. Наоборот, лучшее средство для воспитания любви – это скромность, когда каждый с почтительностью относится к остальным.

11) *В усердии не ослабевайте.* Эта заповедь дается нам не только потому, что христианская жизнь должна быть деятельной, но и потому, что нам надлежит заботиться о братьях, даже оставив собственную выгоду. И притом не только когда они бывают добрыми, но и когда они недостойны и неблагодарны. Затем, поскольку в большинстве случаев нам надо забыть о самих себе, и если не перестанем мы смотреть на себя и требовать возмещения за каждое оскорбление, никогда не сможем стать пригодными к Христову служению. Добавляя же "духом пламенейте", апостол говорит, каким образом мы должны к этому стремиться⁴⁴². Ибо плоть, подобно ослу, всегда ленива. Один лишь Дух пламенен настолько, чтобы исправить нашу лень.

Итак, апостол требует от нас в благотворительности усердия, которое Дух Божий возжег в наших сердцах. Но почему, скажет кто-нибудь, Павел призывает именно нас к такому горению? Отвечаю: хотя это и дар Божий, нечто предписывается здесь и самим верным, дабы, отбросив лень, они приникли к пламени, возженному в них Богом. Ведь часто случается так, что побуждение Духа подавляется и заглушается нашими проступками. К этому же относится и третья часть: **времени служите**. Ведь поскольку жизнь наша коротка, возможность творить добрые дела быстро уходит от нас, так что мы еще ревностнее должны ее использовать. Так Павел и в другом месте повелевает беречь время, поелику дни скоротечны (дословно: злы - прим. пер.). Смысл может быть и таким, что мы должны уметь приспособливаться ко времени, каковое качество весьма важно⁴⁴³. Но мне кажется, что Павел, заповедуя служить времени, тем самым противопоставляет это бездеятельности. Далее, поелику во многих древних кодексах читается *kurîw*,

⁴⁴² Ибо ежели мы воспламенимся Духом Божиим, Он будет делать так, чтобы мы не обленились. И не чуждо им.

⁴⁴³ Так, однако, чтобы во всяком деле мы придерживались правильного курса. И хотя в других рукописях читается "Господу" – это совершенно неуместно.

Господу, то, хотя на первый взгляд это и может показаться неуместным, я не рискну полностью отбросить такой перевод. Если читать место сие таким образом, то несомненно, что Павел отнес к богопочитанию все исполняемые братьями служения, и все, что способствует воспитанию любви, дабы еще больше воодушевить верующих.

12) *Утешайтесь надеждою.* Эти три вещи также связаны между собой, и неким образом кажутся относящимися к предыдущей фразе “служите времени”. Ибо тот лучше всего приспосабливается ко времени и пользуется возможностью к усердному подвизанию, кто полагает свою радость в надежде грядущей жизни и, тем самым, терпеливо сносит все скорби. Как бы то ни было (ибо не важно: связывать ли это с предыдущим, или нет), апостол запрещает нам полагаться на настоящие блага и основывать свою радость на земных вещах, как будто бы наше счастье состоит именно в них. Наоборот, он повелевает нам вознести наши помыслы к небу, дабы нам наслаждаться полной и незыблемой радостью. Если же наша радость содержится в надежде на будущую жизнь, отсюда рождается терпение в скорбях, поелику радость ту не сможет подавить никакое страдание. Посему эти два положения взаимно друг с другом связаны: радость рождается из надежды, а из скорбей рождается терпение. Ведь никто не сможет спокойно и терпеливо нести крест, если не научится искать свое счастье вне этого мира, чтобы, утешаясь надеждою, смягчать и сглаживать горечь своего креста. Поелику же и то, и другое много превосходит наши силы, необходимо пребывать в молитве и постоянно просить Бога, дабы не позволил Он нашим душам ослабеть, пасть на землю или оказаться сломленными скорбями. Далее, Павел не только призывает нас к молитвам, но и ясно требует стойкости, поелику брань наша постоянна, и каждый день происходят новые напасти, выдержать которые не смогут даже сильные, если только не почерпнут оттуда новые силы. Впрочем, лучшее для нас средство не ослабеть состоит в постоянной молитве.

13) *В нуждах святых.* Апостол возвращается к обязанностям любви, из которых первая – благотворить тем, от кого мы меньше всего ожидаем воздаяния. Поелику часто случается, что больше всего презирают тех, кто больше других отягощен нуждою и нуждается в помощи (ведь люди думают, что оказываемые им благодеяния пропадают впустую), Бог особым образом вручает их нашему попечению. Ибо лишь тогда мы доказываем свою любовь, когда помогаем нуждающимся братьям только из-за милосердия к ним. Не последним образцом такой любви является благоволение и щедрость, выражаемая странникам, поелику они нуждаются больше всех остальных, не будучи у себя дома. Поэтому апостол особо указывает нам на этих людей. Итак, мы видим⁴⁴⁴, что мы тем больше должны заботиться о человеке, чем больше им пренебрегают другие. Также заметь подходящий подбор слов, когда апостол говорит, что нужно участвовать в нуждах. Этим он намекает, что нам подобает так помогать братьям в нужде, как будто помогаем мы самим себе. Святым же он заповедует помогать особо, ибо хотя любовь наша должна распространяться на весь человеческий род, особым образом должна она выражаться своим по вере, которые связаны с нами более крепкими узами.

14. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. 15. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. 16. Будьте единомысленны между собой; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе.

(14. Благословляйте тех, кто вас гонит; благословляйте, и не просите им зла. 15. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. 16. Испытывайте друг ко другу взаимные чувства; не высокоумствуйте, но сообразуйтесь со смиренными. Не будьте мудрыми в собственных глазах.)

14) *Благословляйте.* Я хочу раз и навсегда убедить читателя в том, чтобы он не искал дотошно какого-то порядка между отдельными заповедями, но довольствовался тем, что имеет здесь разбросанные краткие предписания, кои помогают ему освятить все стороны его жизни. И заповеди эти выводятся из того принципа, который апостол сформулировал в начале главы. Там он сразу же заповедует не мстить за наносимые нам обиды. Здесь же он требует нечто более трудное. А именно, чтобы мы не просили зла нашим врагам, но желали им всего наилучшего и молили об этом Господа, как бы ни мучили они нас и как бы бесчеловечно с нами не обращались. Подобная кротость сколь трудна для соблюдения, столь же достойна того, чтобы мы стремились к ней с искренним усердием. Ибо Господь не приказывает ничего, не требуя при этом нашего послушания. И не допустимо какое-либо извинение, ежели лишены мы того чувства, кое по желанию Господа должно отличать нас от нечестивых и сынов века сего. Признаю, что это весьма трудно и совершенно противно человеческой природе. Однако нет ничего трудного, что не преодолевается силой Божией, которой никогда не будет недоставать нам, если только не перестанем мы о ней молить. И хотя едва ли найдется один, кто столь преуспел бы в Господнем законе, чтобы исполнить эту заповедь, никто, однако, не может претендовать на то, что является сыном Божиим, и не может хвалиться христианским именем, ежели хотя бы отчасти не напитан этим духом, и не сражается каждодневно с противными ему чувствами.

⁴⁴⁴ Ибо видишь, по слову Божию.

Я сказал, что это труднее, чем просто не мстить, когда кто-то наносит нам вред. Ибо некоторые, хотя и удерживают руку от мщения, и не подвигаются желанием вредить, однако же желают, чтобы кто-то другой нанес вред и ущерб их врагам. Если же они умиловлены настолько, что совсем не желают им зла, все равно, едва ли найдется один из ста, кто хотел бы блага своим обидчикам. Тем более, не будет он об этом просить у Бога. Бог же в Своем слове не только удерживает руку от злодеяний, но и укрощает мстительные чувства в душе. И не только это, но и хочет, чтобы мы заботились о спасении тех, кто, несправедливо мучая нас, навлекает на себя погибель. Эразм же обманулся в слове *euλογειν*, поелику не обратил внимания на то, что противопоставляется оно проклятию. Павел же хочет, чтобы Бог и в том, и в другом был свидетелем нашей терпимости, дабы мы обуздывали гневливость не только в своих желаниях, но и, прося о милости, свидетельствовали, что печалимся о врагах наших, видя их погибель.

15) *Радуйтесь с радующимися*⁴⁴⁵. На третьем месте помещено общее положение, дабы верные, испытывая друг ко другу взаимную приязнь, разделяли бы участь друг друга. Прежде апостол перечисляет отдельные стороны такого поведения: радуйтесь с радующимися, плачьте с плачущими. Ибо природа истинной любви требует, чтобы каждый предпочитал скорее плакать со своим братом, нежели из-за роскоши и праздности пройти мимо его плача. Итак, смысл здесь таков: насколько возможно, сообразуйтесь друг с другом, и какая бы ни выпала кому судьба, пусть каждый сопереживает вместе с другим, идет ли речь о печали в невзгодах, или о радости в процветании. Безусловно, не принимать с радостью радость других братьев означает зависть, а не грустить, если брату плохо, – бесчеловечность. Итак, да будет между нами такое сострадание, которое бы всем внушило одинаковые чувства.

16) *Не высокоумствуйте*. На греческом языке это место звучит значительнее, и больше соответствует своему антитезису. Апостол говорит: не думайте о себе высоко. Этим он хочет сказать: не подобает христианину амбициозно стремиться к тому, чтобы превосходить других или возвышаться над ними, но скорее ему подобают смиренномудрие и кроткие помыслы. Ибо именно ими превозносимся мы в глазах Господа, а не гордынею или пренебрежением к братьям. Заповедано нам умеренно домогаться высшего. Ибо ничто не потакает так суетности, как наше превозношение, когда мы, достигнув высокого положения, надеемся на еще большее. Слово же “смирненные” я понимаю в среднем роде, дабы восполнить приводимый антитезис. Итак, здесь осуждается всякая амбициозность и то превозношение души, кое зовется высокоумрием. Ведь главная добродетель верных – это умеренность, или покорность, скорее предпочитающая воздать честь другим, нежели присвоить ее себе. Сюда же относится и то, что добавляется после. Ибо ничто не надмевает души больше, чем мнение о собственной мудрости. Итак, апостол хочет, чтобы, оставив это, мы внимали другим и по их советам исправляли свои нравы. Ибо, то, что Эразм перевел *φροῦμιος* как “превозносящиеся”, довольно натянуто и выхолощено, поелику Павел повторяет дважды одно и то же без какого-либо удара. А наилучшее средство против превозношения – не мыслить о себе слишком много.

17. Никому не воздавайте злом за зло, но некусь о добром перед всеми человеками. 18. Если возможно с вашей стороны будьте в мире со всеми людьми. 19. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, я воздам, говорит Господь.

(17. Никому не воздавайте злом за зло, но некусь о добром перед всеми человеками. 18. Если возможно с вашей стороны будьте в мире со всеми людьми. 19. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, я воздам, говорит Господь.)

17) *Никому не воздавайте злом*. Не отличается от этого и то, что следует немного спустя. Только, может быть, мщение – это нечто большее, чем тот род возмещения, о котором ныне идет речь. Ибо мы воздаем злом за зло и тогда, когда не требуем полного отмщения. Например, когда дурно принимаем тех, кто нам не благоволит. Ибо мы имеем обыкновение оценивать заслуги других по отношению к нам, или способность поиметь эти заслуги, так что выполняем обязательства лишь по отношению к тем, кому сами обязаны, или от кого чего-то ожидаем. Наоборот, ежели кто отказывает нам в помощи, когда мы в ней нуждаемся, то, воздая равным за равное (как выражаются некоторые), мы, если предоставляется случай, помогаем ему не больше, чем он помог нам. Есть и другие примеры того же рода, когда воздается злом за зло без открытого мщения.

Некусь о добром. Меня устраивает то, как перевел Эразм: заботьтесь с попечением. Однако дословный перевод нравится еще больше. Поелику каждый более всего заботится о своей выгоде и остерегается причинить себе вред, Павел, кажется, обращает его к другой заботе. Итог таков: следует усердно стремиться к тому⁴⁴⁶, чтобы от нашей добродетели назидались все. Ибо как необходимо для нас осознание невинности перед Богом, так же не следует пренебрегать и доброй молвой среди людей. Ведь если Бога

⁴⁴⁵ Эти три части так соединены друг с другом, что первые две заключены в третьей. Относится же это.

⁴⁴⁶ Стремясь, чтобы вашею.

подобает хвалить за наши добрые дела, то слава Его так же умаляется, если люди не видят в нас ничего достойного похвалы. И не только затмевается слава Божия, но и наносится оскорбление Богу, поелику, когда мы грешим, неопытным дается повод поносить Евангелие. Впрочем, когда нам повелевается заботиться о благе всех людей, надо обратить внимание – с какой именно целью. Ибо цель не в том, чтобы нас заметили и стали превозносить. Христос усердно обуздывает подобное желание, приказывая нам, исключив всех людей, считать свидетелем своих благодеяний одного лишь Бога. Но чтобы люди, вознося души к Богу, воздали Ему хвалу. Чтобы по нашему примеру усердствовали они о праведности. Чтобы, наконец, ощущали они приятное благоухание от нашей жизни и возлюбили Бога. Если же слышим мы злое из-за имени Христова, то неужели перестанем печься о добром перед людьми? Ибо тогда исполнится сказанное, что к нам относятся как ко лжецам, но, однако, мы правдивы, и т.д.

18) *Если возможно с вашей стороны.* Спокойствие и такой образ жизни, который делает нас приятными для остальных, не последнее качество христианина. Если мы к этому стремимся, то нужно быть наделенным не только прямоотой, но и высшей приветливостью и приятностью нрава, который привлекает не только добрых и праведных, но и нечестивых. Ибо здесь надобно выказывать двойную предосторожность. Дабы мы не настолько захотели стать приятными, чтобы отказались сносить ненависть из-за имени Христова столько, сколько это потребуется. Ведь можно видеть, как некоторые, из-за приятности нрава и спокойствия души угодные всем, по причине Евангелия вызывают неприязнь даже у ближайших родственников. Затем, пусть приятность не вырождается в соглашательство, дабы не льстили мы людским порокам под предлогом сохранения мира. Поелику не всегда можно достичь мира со всеми, апостол и добавляет две оговорки: **если возможно, и с вашей стороны.** Далее, по обязанности благочестия и любви мы не должны нарушать мир, если только нас не вынуждают к этому извне. Ибо подобает из-за усердия к миру многое сносить, прощать проступки, не требовать полного правосудия, однако так, чтобы быть готовыми и к войне, если потребуют обстоятельства. Ведь не может случиться так, чтобы у войска Христова был вечный мир с тем миром, князь которого – сатана.

19) *Не мстите за себя, возлюбленные.* Зло, исправляемое апостолом в этом месте, тяжелее того, о котором он только что упомянул. Однако и то, и другое происходит из одного источника: из чрезмерной любви к себе и врожденной гордыне, ведущей к тому, что мы благосклонно потворствуем своим порокам, будучи нетерпимыми к порокам других. Поелику же эта болезнь порождает у всех яростное желание мщения, когда нас каким-либо образом обижают, то апостол заповедует здесь не мстить самим, как бы сильно нам ни навредили, но оставить то на усмотрение Господа. И поскольку не легко обуздать тех, кто однажды был уловлен сей страстью, апостол, называя слушателей возлюбленными, как бы удерживает нас ласковым обращением. Итак, заповедь состоит в том, чтобы за нанесенные обиды мы не мстили и не требовали мщения. И добавляется причина: поелику надо дать место гневу. Дать же место гневу означает оставить право мщения Господу, каковое право отнимают у Него те, кто сам пытается отомстить. Поэтому, если нечестиво посягать на прерогативу Бога, то не позволено и мстить. Ведь так мы предваряем суд Божий, Который восхотел оставить его за Собой.

Одновременно апостол намекает на то, что Бог будет мстителем за тех, кто терпеливо ожидает Его помощи. Те же, кто сами [защищают себя], не оставляют места помощи Божией. Впрочем, апостол не только запрещает нам осуществлять мщение собственной рукой, но и лелеять в сердце своем подобные пожелания. Посему напрасно проводить здесь различие между общественным и частным мщением. Ибо не более извинителен тот, кто просит помощи у правителей со злым умыслом и желанием мщения, чем тот, кто сам возлагает на себя обязанность мстить. Более того, не всегда следует просить Бога о мщении, как мы вскоре увидим. Поелику, ежели наши желания исходят из личного чувства, а не от чистой духовной ревности, мы не столько признаем Бога судьей, сколько делаем Его служителем наших превратных вожелений. Итак, место гневу дается не иначе, нежели там, где со спокойной душой ожидаем мы благоприятное время избавления, желая, между тем, чтобы те, кто ныне причиняет нам скорбь, образумившись, превратились в наших друзей.

Ибо написано: Мне отмщение. Апостол приводит доказательство, взятое из слов Моисея, Втор.32:35, где Господь провозглашает, что отомстит Своим врагам. Враги же Бога все те, кто без причины мучает Его рабов. Кто прикасается к вам, говорит Господь, прикасается к зенице ока Моего. Итак, будем же довольны тем утешением, что незаслуженно причиняющие нам скорбь не останутся безнаказанными. И, выказывая терпение, мы не делаем себя более доступными и подверженными беззакониям злых, но, скорее, даем место Господу помочь нам; Господу, Который есть наш единственный отмститель и избавитель. Хотя не подобает выпрашивать у Бога мщение нашим врагам, но следует молиться о том, чтобы они обратились и стали друзьями. Если же остаются они в своей испорченности, то с ними произойдет то, что и с другими презрителями Бога. Павел же не для того цитирует это свидетельство, чтобы после нанесенного оскорбления можно было возжигаться и, как требует зов плоти, просить у Бога стать отмстителем за наши обиды. Но, во-первых, он учит нас, что мщение принадлежит не нам, если не желаем мы присвоить себе то, что принадлежит Богу; а во-вторых, что не следует бояться еще большей разнузданности нечестивых, ежели

увидят они, как терпеливо сносим мы их обиды. Поелику не напрасно Бог взял на Себя обязанность отмщения.

20. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. 21. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

(20. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. 21. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.)

20) *Итак, если враг твой голоден.* Апостол уже показал, как надо исполнять заповедь о не мщении и не воздаянии злом за зло. Именно тогда мы воистину исполняем эту заповедь, когда не только воздерживаемся от причинения зла, но и благотворим тем, кто причинил нам обиду. Ибо существует некая косвенная форма мщения, когда мы отказываем в благодеяниях тем, кто нанес нам вред. Под именем пищи и питья разумеи все виды обязанностей к ближнему. Итак, насколько позволяют тебе обстоятельства, в чем бы ни нуждался твой враг – в имуществе ли твоём, в совете, или в поступках, – ты должен ему помочь. Кроме того, апостол называет нашим врагом не того, кого мы сами ненавидим, а того, кто проявляет враждебность к нам. И если таким следует оказывать помощь по плоти, то, тем более, не позволительно враждебными молитвами покушаться на их спасение.

Горящие уголья. Поелику мы неохотно тратим имущество и силы на врагов, апостол показывает, какой отсюда последует плод – плод от того, что будем мы проявлять человечность к нашим врагам. Уголья же толкуются здесь как погибель, которая⁴⁴⁷ обрушивается на голову врага, если мы благотельствуем недостойному, и ведем себя с ним иначе⁴⁴⁸, нежели он этого заслуживает. Поелику таким образом его вина удваивается. Другим же больше нравится разумеи это так, что душа нашего врага побуждается к любви, когда видит он столь благодушное с собой обращение. Я же понимаю сие проще: что душа врага разрывается между тем и другим. Ибо, безусловно, враг или смягчается от благодеяний, или, ежели он настолько неистов, что никак не может успокоиться, его жжет и поражает свидетельство собственной совести, которая чувствует, что побеждена нашей добротой.

21) *Не будь побежден злом.* Кажется, что это предложение служит подтверждением предыдущего. Ибо здесь брань наша совершается с порочностью, и ежели мы стремимся отомстить, то признаемся, что этой порочностью побеждены. Напротив, ежели за зло воздаем добром, тем самым выказываем непобедимое постоянство души. Безусловно, сие есть великолепнейший вид победы, плод которой ощущается не только разумом, но и самым делом. Это успех терпения по дарованию Господнему, лучше которого нельзя и желать. Напротив, тот, кто пытается победить зло другим злом, пересиливает своего врага в злобе, но ко своей погибели. Поелику, действуя так, сражается за дьявола.

Глава 13

1. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.

(1. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти, кроме как от Бога; существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению, противящиеся же навлекут на себя осуждение.)

1) *Всякая душа.* То, что апостол столь тщательно рассматривает этот вопрос в установлениях христианской жизни, показывает, что побуждаем он к этому великою нуждою. И нужда эта больше той, которая всегда сопровождает проповедь Евангелия, сильно влияющего на дела мира сего. Ведь всегда находились бунтарские души, которые думали, что царство Христово не превозносится как должно, ежели не упраздняются все земные власти, и что люди не будут наслаждаться данной им свободой, пока не сбросят всякое иго человеческого рабства. Однако больше других это заблуждение владело иудеями, коим казалось недостойным, что потомство Авраама, царство которого процветало до пришествия Исккупителя, по Его приходу оказалось в порабощении. Было и нечто другое, что отчуждало не только иудеев, но и язычников от своих правителей: то, что правители эти не только отталкивали всех от благочестия, но и яростно преследовали саму религию.

Итак, казалось абсурдным признавать законными господами и начальниками тех, кто стремился ниспровергнуть царство Христа – единственного Господа неба и земли. Скорее всего именно этими

⁴⁴⁷ Смятение.

⁴⁴⁸ Вопреки его заслуге.

причинами Павел был побуждаем с великим усердием подтвердить власть начальствующих. Вначале он устанавливает общую заповедь, в которой вкратце охвачено все, о чем он собирался сказать. Затем добавляет то, что служит истолкованию и изъяснению сей заповеди. **Вышними властями** он называет не тех, кто обладает верховной властью, но тех, кто поставлен над обычными людьми. Итак, по отношению к поданным, а не по отношению друг к другу правительства именуются правительствами. И, как мне кажется, апостол этим словом хотел устранить пустое любопытство, обычно вопрошающее, по какому праву получили власть обладающие ею. Достаточно для нас и того, что эти люди над нами начальствуют. Ибо не своей силой достигли они этой вершины, но поставлены туда десницей Господней. Говоря же **всякая душа**, апостол тем самым устраняет все исключения, дабы кто-нибудь не снял с себя обязанности общего послушания.

Ибо нет власти не от Бога. Причина, по которой мы должны повиноваться правительству, заключается в том, что установлено оно по Божию приказу. Если же Богу угодно так управлять миром, то презирующий власть пытается извратить божественный порядок и даже противится самому Богу. Ведь презирать провидение Того, Кто является автором политического права, означает вести с ним войну. Далее, то, что власти существуют от Бога, разумею не так, как говорится, что от Него происходят язвы, голод, войны и прочие наказания за грехи, но так, что Он установил власти ради законного и правильного управления миром. Ибо если тирании и несправедливые правительства, будучи исполнены беспорядка (*αταξία*), и не относятся к упорядоченному правлению, само право власти установлено Богом для пользы человеческого рода. Посему, хотя и позволительно обуздывать войны и искать средства против других зол, апостол повелевает нам добровольно и охотно почитать и признавать права и власть правительства как полезные для человеческого рода. Ибо те наказания, которые Бог установил за человеческие грехи, мы не называем в собственном смысле слова установлениями, но называем их теми средствами, которые намеренно учреждены для сохранения законного порядка.

2) *Противящийся*. Поелику никто не может сопротивляться Богу кроме как к собственной гибели, апостол говорит, что не останутся безнаказанными те, кто противится в этой части божественному провидению. Итак, следует опасаться подпасть под подобную угрозу. Под судом же я разумею не только наказание, налагаемое правительством, как если бы апостол сказал, что оно справедливо обращается на тех, кто восстает против власти, но любое божественное мщение, как бы оно не осуществлялось. Ибо апостол учит, какой конец ожидает тех, кто пытается бороться с Богом.

3. *Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, 4. ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.*

(3. *Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и будешь иметь похвалу от нее, 4. ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель во гневе делающему злое.*)

3) Ибо начальник. Теперь апостол учит нас повиновению власти исходя из ее пользы. Посему слово **ὑἰρ** следует относить к первому утверждению, а не к последнему. Польза здесь в том, что Господь восхотел таким образом способствовать спокойствию добрых и сдерживать злокозненность нечестивых, коими двумя вещами охватывается безопасность человеческого рода. Ибо если не мешать ярости злых, и не защищать невинных от их посягательств, все придет в весьма плачевное состояние. Итак, если власть есть единственное средство, коим род человеческий удерживается от гибели, мы должны ее усердно беречь, если не хотим считаться явными врагами человечества. Добавив же – **хочешь не бояться власти? Делай добро**, апостол тем самым показал, что, если мы добры, нам нет причины бояться правительства. Более того, если кто-нибудь хочет сбросить с себя это бремя, он тем самым свидетельствует о злой совести или о злом умышлении. Впрочем, здесь говорится о служении истинного и как бы первоначального правительства. И хотя от него нередко отклоняются те, кто обладает властью, все равно не следует им отказывать в послушании, должному начальникам. Ибо ежели злой начальник является бичом Господним для наказания за грехи народа, мы должны считать, что по нашей вине произошло то, что великое благословение Господне превратилось для нас в проклятие.

Поэтому не перестанем почитать благое установление Божие. И это будет легко, если все обнаруживаемое в нем зло будем мы относить к себе самим. Итак, здесь апостол учит, ради какой цели установлены Господом правительства, и она бы всегда реализовывалась, если бы по вине нашей не искажалось сие спасительное и полезное установление. Хотя начальники не настолько злоупотребляют своей властью, мучая добрых и невинных, чтобы не удерживать в своей тирании некий образ справедливого правления. Итак, не может быть такой тирании, которая бы никак не помогала сохранению человеческого сообщества. Здесь апостол отмечает два элемента, из которых по мнению философов состояло упорядоченное управление

государством: награда добрым и наказание злым. Ибо слово "похвала" по еврейскому обычаю означает здесь награду.

4) *Ибо начальник есть Божий слуга.* Отсюда начальники могут узнать, каково их призвание. Ибо они господствуют не ради себя, но ради общественного блага. Они не наделены неограниченной властью, но той, которая нацелена к пользе их поданных. Так что, своим владычеством они обязаны Богу и людям. Ибо они посланы Богом и защищают Его дело, имея в будущем дать Ему отчет. Затем, служение, порученное им Богом, относится к их поданным. Поэтому они также должники и перед ними. А частные лица научаются из этого, что меч начальников по благодати Божией защищает их от беззаконий преступных людей.

Ибо он не напрасно носит меч. Другая сторона начальнического служения состоит в том, что должны они силой подавлять возношение злых, которые не хотят добровольно управляться законом, и налагать на них те наказания, которые требует суд Божий. Ибо апостол ясно говорит, что начальники вооружены мечом не ради пустого вида, но дабы устрашать злодеев. Затем, слова "отмститель во гневе" означают то же, как если бы было сказано: исполнитель гнева Божия. Апостол доказывает это из пользования мечом, который Господь вложил в их руку. Знаменательное место, доказывающее право носить меч. Ибо ежели Господь, вооружая начальников, также наделил их правом на ношение меча, то всякий раз, когда они карают виновных смертной казнью, осуществляя мщение Божие, они повинуются Его заповеди. Итак, с Самим Богом спорят те люди, которые считают, что не подобает проливать кровь преступников.

5. *И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.* 6. *Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно заняты.* 7. *Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.*

(5. *И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.* 6. *Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно заняты.* 7. *Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.*)

5) *И потому надобно повиноваться.* То, что апостол заповедал в начале о выказывании послушания начальникам, теперь он повторяет в виде заключения, но при этом делает обобщение: начальникам надо повиноваться не только из-за человеческой необходимости, но и для того, чтобы слушаться Бога. Ибо гнев означает здесь мщение, которое начальники могут потребовать за презрение к своему достоинству. Апостол как бы сказал: повиноваться надо не потому, что нельзя безнаказанно сопротивляться сильным и вооруженным людям. Подобно тому, как терпят проступки, которые невозможно пресечь. Нет, сие повиновение должно быть добровольным, тем, к которому совесть обязывается словом Божиим. Итак, даже если правительство и не вооружено, и его можно безнаказанно не слушаться и презирать, не следует пытаться делать это, так же, как если бы за сим немедленно следовало наказание. Ибо отдельные люди не вправе отказывать во власти тому, кого Господь наделил властью и поставил во главе нас. Все же сие рассуждение велось о гражданском начальстве. Посему напрасно выводят отсюда свою святотатственную тиранию те, кто пытается господствовать над совестью.

6) *Для сего вы и платите подать.* Апостол, пользуясь случаем, упоминает о податях, причину которых он выводит из самого начальнического служения. Ибо ежели начальникам надлежит заботиться о безопасности добрых, сохраняя их невредимыми, и противостоять незаконным поползновениям злых, то они не могут это делать, если не будут подкреплены средствами и надежным вспомоществованием. Итак, по праву платятся налоги для поддержания столь необходимого служения. Впрочем, о способе уплаты налогов и податей здесь не место говорить подробно. И не принадлежит нам предписывать начальникам, сколько тратить на те или иные вещи, или призывать их к отчету. Однако же им следует помнить, что все, что получают они от народа, является общественным благом, а не орудием личной похоти и страсти к роскоши. Ибо мы видим, для какой цели согласно Павлу платятся налоги, — для того именно, чтобы цари наделялись вспомоществованием ради защиты своего народа.

7) *Итак отдавайте всякому должное.* Мне кажется, что апостол хочет здесь кратко рассказать о том, в чем именно состоят обязанности поданных по отношению к начальникам. В том, чтобы они ценили и почитали начальников, повиновались их указам, законам, судам, чтобы платили подати и налоги. Словом же "страх" апостол обозначает послушание, словами "подать" и "оброк" — не только индикции, но и другие налоги. В этом месте он подтверждает сказанное им прежде: надобно повиноваться царям и любым начальникам, и не потому, что мы к этому вынуждены, но потому, что Богу угодно сие послушание. Ибо Он хочет, чтобы их не только боялись, но и добровольно слушались.

8. *Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон.*
9. *Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все*

другие заключаются в сем слове: любви ближнего своего, как самого себя. 10. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона.

(8. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. 9. Ибо не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заповеди заключаются в сем слове: любви ближнего своего, как самого себя. 10. Любовь не делает ближнему зла. Любовь есть полнота закона.)

8) *Не оставайтесь должными никому.* Некоторые считают, что все это было сказано апостолом не без иронии. Как если бы Павел отвечал на возражение тех, кто думал, что христиане отягощаются, будучи обязанными исполнять другие заповеди кроме заповеди любви. Безусловно, я не отрицаю, что это можно понимать и иронически. Апостол как бы соглашается с теми, кто не допускает никакого закона, кроме закона любви, но при этом вкладывает в слово любовь иной смысл. Однако я предпочел бы понимать это проще, ибо считаю, что Павел заповедь о власти начальников, дабы не показалась она кому-нибудь шаткой, захотел соотнести с законом любви. Он как бы говорит: когда я требую от вас повиновения начальникам, то требую именно того, что по закону любви должны делать все верные. Ибо ежели хотите вы, чтобы добрым было хорошо (а не хотеть этого бесчеловечно), то должны заботиться о том, чтобы законы и суды имели силу, дабы законодатели имели послушный себе народ, законодатели, по благодетельности которых утверждается безопасность всех. Итак, нарушает закон любви тот, кто вводит анархию, за которой тут же следует сумятица во всех делах.

Ибо любящий другого исполнил закон. Намерение Павла состоит в том, чтобы все заповеди закона свести к любви, дабы знали мы, что лишь тогда правильно исполняем заповеди, когда сохраняем между собой любовь, и чтобы не отказывались ни от какого бремени, ведущего к сохранению любви. Так апостол великолепно подтверждает то, что уже заповедал по поводу послушания начальникам, в котором состоит не самая малая часть любви. Впрочем, здесь некоторые преткнутся, и не могут выпутаться из этой трудности. Павел учит, что закон исполнен тогда, когда мы любим ближнего, но здесь нет упоминания о богопочитании, опускать которое никак не позволительно. Однако Павел не говорит здесь обо всем законе, а лишь об обязанностях, которые закон требует от нас по отношению к ближнему. Безусловно, истинно, что, когда мы любим ближнего, то исполняем весь закон, поелику истинная любовь к людям проистекает лишь из любви к Богу и является свидетельством этой любви в качестве ее следствия. Впрочем, Павел упоминает здесь лишь о второй скрижали закона, поелику лишь о ней идет спор. Он как бы говорит: тот, кто любит своего ближнего как самого себя, исполнил свои обязанности по отношению ко всему миру. Посему пустословна уловка софистов, которые из этого предложения пытаются вывести оправдание по делам. Ибо Павел говорит не о том, что делают или не делают люди, а делает обусловленное утверждение, условие которого никто не исполняет. Мы же, говоря, что люди не оправдываются делами, не отрицаем, что соблюдение закона есть истинная праведность, но поелику никто ее не выказывает, и никогда не выказывал, мы и утверждаем, что все исключены из этой праведности, и посему получают благодать лишь во Христе Иисусе.

9) *Ибо заповеди: не прелюбодействуй.* Отсюда нельзя заключить, какие заповеди содержатся во второй скрижали, поелику в конце апостол добавляет: **и все другие**. Он опустил здесь заповедь о почитании родителей. Однако может показаться абсурдным опускать то, что больше всего относится к настоящему вопросу. Что если он умолчал о ней для того, чтобы не затемнить свою аргументацию? Однако же, не осмеливаясь это утверждать, я, тем не менее, вижу: апостол сказал все, что относилось к его цели. А именно, если Бог всеми Своими заповедями хотел научить нас любви, нам всеми способами следует к ней стремиться. Непридиричивый читатель легко увидит: Павел подобными примерами хотел доказать, что весь закон нацелен на то, чтобы между нами лелеялась взаимная любовь. Здесь же подразумевается и то, о чем он умолчал: не последняя часть миролюбия и братской любви заключается в том, чтобы слушаться своих начальников.

10) *Любовь не делает ближнему зла.* Апостол, отталкиваясь от следствий, доказывает, что в любви содержится все, заповедуемое в заповедях. Ибо тому, кто наделен истинной любовью, никогда не придет в голову вредить братьям. Ведь закон запрещает приносить ближнему какой-либо вред. Далее, это следует соотнести с настоящей целью апостола. Ибо поскольку начальники являются управителями мира и справедливости, то те, кто желает обеспечить свои права и жить, не опасаясь вреда от остальных, будут, насколько в их силах, соблюдать этот порядок управления. Враги же власти обуреваются похотью вредить. То же, что апостол повторяет: любовь есть полнота закона, разумеи (как и прежде) о части закона, относящейся к человеческому сообществу. Ибо первая скрижаль закона, говорящая о богопочитании, здесь никак не рассматривается.

11. Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. 12. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и

облечемся в оружия света. 13. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированию и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти.

(11. Сие также, поскольку знаем мы время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. (Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали). 12. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. 13. Как днем, будем вести себя благочинно, не в пированиях и пьянстве, не в сладострастии и распутстве, не в ссорах и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти.)

11) *Так поступайте.* Теперь апостол приступает к другому увещанию, поелику нам⁴⁴⁹ словно во время рассвета начали блистать лучи небесной жизни, нам и следует поступать так, как обычно поступают те, кто ходит во свете перед взором всех людей. Ибо таковые тщательно остерегаются совершить что-либо безобразное и недостойное. Ведь ежели они в чем согрешат, то опозорятся перед лицом многих свидетелей. Мы же, всегда предстоя перед лицом Божиим и Его ангелами⁴⁵⁰, мы, кого Христос, истинное солнце праведности, приглашает в общение с Собой, тем более должны воздерживаться от всякой нечистоты. Итак, смысл таков: зная, что уже настало благоприятное время, чтобы пробудиться нам от сна, отвергнем все, принадлежащее ночи. Отбросим все дела тьмы, ведь сама тьма уже рассеялась, и предаваясь делам света, будем ходить, как подобает ходить днем. Вставленные же слова надо заключить в скобки.

Далее, поелику здесь есть аллегория, достойно внимания, что именно означают ее отдельные части. Ночью апостол зовет неведение Бога, так что все, страдающие этим неведением, блуждают в потемках и словно спят. Ибо неверные страдают от этих двух зол, поелику слепы и глупы. Сие же оцепенение немного спустя он называет сном, который (по его словам) есть образ смерти. **Светом** называет он откровение божественной истины, через которое восстает перед нами Христос, солнце праведности. Под словом “пробудиться” апостол имеет в виду приготовиться к исполнению тех обязанностей, которые требует от нас Бог. **Дела тьмы** здесь означают позорные и порочные дела, поелику ночь (как сам он говорит) лишена стыда. **Оружия света** означают честные, трезвенные и чистые поступки, для которых предназначен день. Говорится же “оружия”, а не “дела”, поелику за Господа подобает сражаться. Впрочем, слова “сие также” следует читать отдельно. Ибо они связаны с предыдущим учением: как мы говорим по-латыни: к сему, или кроме того. Апостол говорит, что время известно верным, поелику призвание Божие и день посещения требуют новой жизни и новых нравов, и апостол с целью истолкования добавляет, что настал час пробуждения. Ибо здесь стоит не *χρόνος*, но *καιρός*, коим означает благоприятное время.

Ныне ближе к нам спасение наше. Это место различным образом искажается толкователями. Многие относят слово “уверовали” ко времени закона, как если бы Павел сказал: иудеи уверовали прежде, чем явился Христос. Это я отвергаю как натянутое и трудное для понимания. Безусловно, ограничивать общее учение малой частью Церкви было бы абсурдом. Неужели все те, к кому он писал, были иудеями? Тогда к римлянам такие слова не подходили бы. Затем, сравнение ночи и дня (по моему мнению) разрешает сей вопрос. Мне⁴⁵¹ кажется предложение это весьма простым: ныне спасение наше ближе, чем в то время, когда мы начали веровать, так что время означает здесь то, что предшествует концу. Поскольку же сие наречие имеет иногда значение середины, утверждение апостола оказывается вполне уместным, что будет явствовать из последующего.

12) *Ночь прошла, а день приблизился*⁴⁵². Вот та причина, о которой он недавно упоминал. Ибо хотя верные еще не приняты в полноту света, однако апостол заслуженно сравнивает с рассветом знание о будущей жизни, воссиявшей нам через Евангелие. Ведь слово “день” здесь, как и в других местах, означает не свет веры (иначе он сказал бы не “ближе”, но уже присутствует, более того, уже сияет нам на пути), но блаженную светлость небесной жизни, начатки которой познаются нами из Евангелия. Итог таков: Как только Бог начинает нас призывать, мы с самого первого дня заключаем, что где-то имеется полнота солнечного света, и поэтому должны ожидать Христова пришествия. Итак, говорит, что ночь прошла, поелику мы не объаты густым туманом как неверные, для которых не блистает ни одна искра новой жизни, но перед очами нашими Евангелие поместило надежду на воскресение. Более того, свет веры, которым мы познаем, что полнота сияния небесной славы весьма близка, должен побуждать нас не опозориться здесь, на земле. Впрочем, немного спустя, приказывая нам ходить во свете, апостол не продолжает то же сравнение, поелику говорит о настоящем дне, в котором нам воссиял Христос. Однако он хочет разными путями побудить нас и к помышлениям о будущей жизни, и к почтительному поведению перед лицом Божиим.

⁴⁴⁹ Господь через Христа осиял нам солнцем праведности.

⁴⁵⁰ Имея Христа, солнце наших душ, перед своими очами.

⁴⁵¹ Же.

⁴⁵² Прежде чем нам воссиял Бог, мы блуждали во тьме, где нет никакого спасения.

13) *Ни пированиям.* Здесь апостол говорит о трех родах порока, в каждом из которых выделяет два вида: неумеренность и обжорство в еде, половую похоть и все сопутствующие ей гнусности, зависть и ссоры. Ежели все это настолько гнусно, что даже плотские люди стыдятся совершать сие перед глазами других, то нам подобает постоянно от сего воздерживаться, нам, которые ходят во свете Божиим, даже не находясь перед взором других людей. Что касается третьей пары, то, хотя ссоры в тексте и предшествуют зависти, нет сомнения, что Павел хотел нас научить: из сего источника проистекают распри и разногласия, поелику, когда каждый хочет выделяться, одни начинают завидовать другим. Причина же того и другого зла есть амбициозность.

14) *Но облекитесь в Иисуса Христа.* Сия метафора часто употребляется в Писании в отношении того, что либо украшает, либо уродует человека. И то, и другое означает одежды. Ибо грязная и рванная одежда бесчестит человека, а красивая и чистая возвышает его в глазах других. Облечься во Христа означает здесь так оградиться отовсюду силою Его Духа, чтобы стать пригодными ко всем сторонам святости. Ибо так восстанавливается в нас образ Божий – единственное украшение души. Ведь Павел имеет в виду цель нашего призвания, поелику Бог, усыновляя нас, привил нас к телу Единородного Своего Сына, и для того, чтобы мы, отрекшись от прежней жизни, стали в Нем новыми людьми. Поэтому в ином месте он говорит, что верные облачаются во Христа во время крещения.

И попечения о плоти. Покуда мы носим свою плоть, мы не можем полностью отбросить попечение о ней. Ибо наше житие находится на небесах таким образом, что при этом мы странствуем по земле. Итак, следует заботиться о том, что относится к телу, но не иначе как о вспомоществованиях во время странствия, не так, чтобы эти вещи заставили нас забыть о небесной родине. Мирские люди говорят, что природе достаточно немногого, аппетиты же людей ненасытны. Итак, каждый с необходимостью желает удовлетворять пожеланиям своей плоти, и не только плавать на поверхности, но и полностью погрузиться в эту глубокую бездну. Павел же обуздывая пожелания, учит нас, что причина всякой неумеренности состоит в том, что никто не довольствуется трезвым и законным употреблением благ. Поэтому он устанавливает способ, как следует служить нуждам нашей плоти, чтобы при этом не потакать похоти. Отсюда и происходит, что мы, пользуясь этим миром, как бы и не пользуемся им.

Глава 14

1. Немоющего в вере принимайте без споров о мнениях. 2. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи. 3 Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. 4 Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восставить его.

(1. Того же, кто немощен в вере, принимайте не ради споров о мнениях. 2. Кто верует, ест все, а немощный ест овощи. 3. Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. 4. Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог сделать так, чтобы стоял.)

1) *Немоющего же.* Теперь апостол переходит к заповеди, наиболее необходимой для церковного порядка. Чтобы тот, кто более преуспел в христианском учении, приспособлял себя к немощным, и употреблял свою крепость к тому, чтобы переносить немощь других. Ибо имеются и немощные в народе Божиим, которые, если не обращаться с ними с великой кротостью и милосердием, падут и, в конце концов, станут чужды религии. То же, что это относилось и к веку апостолов, весьма правдоподобно. Ведь церкви тогда были составлены из иудеев и язычников, из которых первые, привыкнув соблюдать закон Моисея, и воспитанные так с детства, не легко отходили от этих установлений; а вторые, не научившись ничему такому, избегали непривычного для них ярма. Поелику же человек склонен от разности во мнениях переходить к спорам и распрям, апостол показывает, как могут без разногласий сосуществовать между собой те, кто подобным образом расходится во мнениях. Он предписывает наилучший способ, состоящий в том, чтобы сильные заботились о поддержке немощных, и более преуспевшие помогали необученным. Ибо ежели Бог укрепил нас более других, наша крепость не означает, что мы должны подавлять немощных. И христианской мудрости не свойственно превозноситься и презирать других. Итак, по этой причине апостол адресует речь более опытным и уже утвержденным, тем, которые чем большую получили от Бога благодать, тем больше должны помогать ближним.

Без споров о мнениях. В словах апостола кое-что пропущено. Ибо отсутствует глагол, дополняющий смысл. Однако он сказал только то, что немощные не должны отягощаться несвоевременными спорами⁴⁵³. Следует придерживаться того положения, о котором говорит апостол. Ведь многие из иудеев еще были привержены тени закона, и апостол признает, что это их недостаток, но просит на время проявить к ним великодушие.

⁴⁵³ Так призывает.

Поелику обращаться с ними более жестко означало бы повреждать их веру. Итак, апостол зовет мнения спорами – спорами, которые смущают еще не окрепшие умы и внушают им сомнения. Хотя это название следует распространить более широко и именовать так любые сложные и запутанные вопросы, коими без всякого назидания беспокоится и смущается немощная совесть. Посему следует смотреть на то, к каким вопросам кто готов, и приспособлять учение к восприятию каждого.

2) *Иной уверен, что можно есть все*⁴⁵⁴. Я не понимаю, чему следовал Эразм, давая другой перевод. Ибо он переводит предложение обрывочно, хотя у Павла оно является полным, и вместо относительного артикля он неуместно поставил: иной верует. И не должно считаться натянутым, что инфинитив я понимаю здесь как повелительное наклонение. Ведь такая форма речи обыкновенна для Павла. Итак, он называет верующими тех, кто наделен уверенностью в своей совести, этим он позволяет безразличное употребление всякой пищи. Между тем немощный ест овощи и воздерживается от того, что считает для себя непозволительным. Ежели вам больше нравится общераспространенное чтение⁴⁵⁵, то смысл будет таким: несправедливо, чтобы тот, кто свободно питается всем, веруя, что ему это позволено, требовал того же от тех, кто еще немощен и слаб в вере. Ибо смешно требовать что-то от больных, как то делают некоторые.

3) *Кто ест, не уничижай*. Апостол разумно и уместно восстает против обоих пороков. Ибо крепкие страдают тем пороком, что презирают, как суеверных, людей, обуреваемых пустыми сомнениями, и даже смеются над ними. Наоборот, последние едва могут удерживаться от необдуманного осуждения, чтобы не осуждать тех, кто не следует их обычаям. Итак, все, что как они считают происходит вопреки их предписаниям, принимается ими за зло. Значит, первых апостол удерживает от презрения, а вторых – от ворчливости. Добавленная же им причина, поелику относится и к тем, и к другим, должна подразумеваться в обоих частях предложения. Когда видишь ты, говорит апостол, человека, просвещенного познанием Бога, то уже имеешь достаточное свидетельство того, что он принят Богом. Если же ты презираешь его и осуждаешь, то отвергаешь того, кого принял Бог.

4) *Кто ты, осуждающий чужого раба?* Подобно тому, как будешь ты поступать нецивилизованно и, более того, надменно, ежели захочешь внушить чужому рабу твои собственные законы и потребуешь, чтобы все его дела соответствовали твоим правилам, так и слишком многое возьмешь на себя, ежели будешь осуждать нечто в рабе Божиим, потому что тебе это не нравится. Ибо не тебе принадлежит предписывать ему, что делать, и что не делать, и от него не требуется жить по твоим законам. Отнимая же у нас право судить, апостол относит это как к лицам, так и к поступкам. Однако здесь имеется большое различие: ибо каким бы ни был человек, мы должны оставить его суду Божию. О поступках же его следует судить не по нашему собственному мнению, но по слову Божию. Суждение же, почерпнутое из слова, не человеческое и не чужое. Итак, Павел хочет удержать нас от тех попыток судить другого, которые присущи людям, дерзающим говорить о поступках помимо слова Божия.

Перед своим Господом стоит он, или падает. Другими словами: сия власть в собственном смысле принадлежит Господу: власть или одобрять то, что делает раб, или не одобрять. Посему несправедлив к Господу тот, кто пытается присвоить эту власть себе. Добавляя же, **и будет восстановлен**, не только повелевает нам воздерживаться от осуждения, но и увещевает к милосердию и человечности, дабы мы всегда надеялись на лучшее в отношении того, в ком видим нечто принадлежащее Богу. Ведь Господь внушил нам надежду, восхотев до конца утвердить и довести до совершенства тех, в ком начал труд Своей благодати. Ибо, аргументируя от силы Божией, апостол не просто говорит, что Бог может это сделать, если захочет, но по обычаю Писания связывает волю Божию с Его силой. Однако он не говорит здесь о чем-то постоянном, как если бы те, кого Бог однажды восставил, с необходимостью должны стоять до конца. Он лишь учит нас надеяться на лучшее и склоняет к сему наше суждение; как и в другом месте учит, что начавший в нас доброе дело усовершит его до конца. В итоге Павел показывает, куда должно смотреть суждение тех, в ком процветает любовь.

5. *Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. 6. Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога.*

(5. *Иной ценит один день больше другого, а другой судит о всяком дне равно. Каждый да будет уверен в своем мнении. 6. Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто воздерживается, для Господа воздерживается, и благодарит Бога.*)

⁴⁵⁴ В данном переводе я следовал чтению моего кодекса, где относительное местоимение не повторяется дважды, но вместо него употребляется предложный артикль. Это кажется мне более уместным.

⁴⁵⁵ То оно и не кажется неуместным.

5) *Иной отличает.* До этого апостол говорил об употреблении пищи, теперь же он приводит другой пример, о различении дней. И то, и другое происходило из иудаизма. Ведь поскольку Господь в Своем законе различает между видами пищи, и некоторую пищу провозглашает нечистой, запрещая ее употребление, и поскольку Он устанавливает торжественные и праздничные дни, заповедуя их соблюдение, иудеи, с младенчества наставленные в учении закона, не могли отойти от почитания дней, которое восприняли от начала и к которому привыкли. Они не смели прикоснуться к пище, которой столь долго гнушались. То, что они были напитаны подобными мнениями, относилось к их немощи, ибо они думали бы иначе, если бы было у них твердое и ясное знание о христианской свободе. Однако воздерживаться от того⁴⁵⁶, что ты считаешь для себя недозволенным, относится к благочестию, подобно тому, как было бы дерзостью и превозношением пытаться сделать что-либо против совести. Итак, здесь апостол дает наилучшее увещание, приказывая каждому быть уверенным в своем мнении, подразумевая этим, что в христианах должно быть такое усердие к послушанию, чтобы не делали они ничего, что не считали бы, или даже в чем не были бы уверены, что оно угодно Богу. Следует твердо считать, что это и есть правильный принцип жизни, ежели люди зависят от веления Божия и не позволяют себе шевельнуть пальцем с сомневающейся и колеблющейся совестью. Поелику не может быть так, чтобы необдуманность не перешла в надменность, если мы дерзаем идти дальше того, что считаем себе дозволенным. Ежели кто возразит, что заблуждение всегда запутанно, и поэтому у немощных не может быть той уверенности, которой требует Павел, ответ готов: таковым следует прощать, если только удерживаются они в своих рамках. Ибо Павел лишь хочет запретить неумеренную вседозволенность, из-за которой многие, словно наугад, принимаются за сомнительные и неизвестные для них дела. Итак, Павел требует такое употребление, чтобы за всеми нашими поступками стояла воля Божия.

6) *Кто различает дни, для Господа различает.* Поелику для Павла было несомненным, что соблюдение дней происходит из незнания Христа, невероятно, чтобы⁴⁵⁷ таковая извращенность защищалась им полностью. Однако же кажется, что слова его утверждают следующее: никак не грешит тот, кто соблюдает дни. Ибо Богу не угодно ничего, кроме добра. Итак, дабы понять мысль апостола, следует различать между мнением, которое кто имеет о соблюдении дней, и самим соблюдением, к которому он себя обязывает. Ведь само мнение, безусловно, суеверно, и Павел не отрицает этого. Он уже осудил это мнение, назвав его немощью, и скоро осудит еще более открыто. То же, что тот, кто придерживается сего суеверия, не дерзает нарушать праздничные дни, угодно Богу. Потому что он не дерзает делать что-либо с сомневающейся совестью. Ибо как бы поступил иудей, еще не преуспевший настолько, чтобы освободиться ему от почитания дней? В слове Господнем имеется нечто, повелевающее соблюдение дней. Так что закон связывает иудея необходимостью, а отмена сей необходимости для него еще не ясна. Итак, ему лишь остается, ожидая большего откровения, довольствоваться тем, что он уже смог воспринять, и не пользоваться благодеянием свободы прежде, чем он воспримет его верою. Так следует думать и о том, кто воздерживается от нечистой пищи. Ибо ежели он станет есть сомневаясь, это означало бы не принимать благодеяние из руки Божией, но посягать на запрещенное. Итак, пусть пользуется тем, что считает для себя дозволенным, и следует способу своего разума. Так он будет благодарить Господа, чего не мог бы делать, если бы не был убежден, что питается от благодеяний Божиих. Поэтому его не следует отягощать, словно подобной трезвенностью и благочестивой боязливостью он оскорбляет Господа. И не будет абсурдом, если мы скажем, что скромность немощного человека одобряется Богом не потому, что он этого заслуживает, а по снисхождению.

Впрочем, поелику недавно апостол требовал уверенности совести, дабы кто по суждению своему не устанавливал необдуманно то или служение, надо посмотреть, не увещевает ли он здесь скорее, нежели утверждает. Ведь его речь лучше бы звучала так: Пусть каждому будет ясна причина его поступков, поелику каждый должен дать о них отчет перед небесным судилищем. Ибо, питается ли кто определенной пищей, или воздерживается от нее, в обоих случаях должно иметь в виду волю Божию. Безусловно, ничто так не пригодно и для сдерживания вседозволенности в суждениях, и для исправления суеверий, как то, что нас призывают к судилищу Божию. И поэтому Павел благоразумно предлагает каждому воззреть на Судью, с волей Которого он соотносит свои поступки. И не мешает то, что речение его утвердительно, поелику сразу же после он добавляет: никто не живет и не умирает для себя. Здесь он не говорит о том, что делают люди, но заповедует то, что они должны делать⁴⁵⁸. Заметь же, что апостол говорит: мы лишь тогда едим для Господа или воздерживаемся, когда воздаем Ему благодарение. Посему без благодарения употребление является нечистым, и одинаково нечисто воздержание. Лишь имя Божие, будучи призываемым, способно освятить и нас и все нам принадлежащее.

⁴⁵⁶ То же, что они воздерживались.

⁴⁵⁷ Что он раньше хотел защитить.

⁴⁵⁸ Эти слова: Впрочем, ... заповедует, были добавлены в издании 1556 года, с.775, как написанные автором на какой-то бумажке, но пропущенные при окончательном составлении текста. В последующих изданиях они стоят на своем месте.

7. Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; 8. а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни. 9. Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми.

(7. Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; 8. ибо живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: живем ли или умираем, – всегда Господни. 9. Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми.)

7) *Ибо никто.* Здесь апостол подтверждает предыдущее положение, доказывая от общего к частному. Не удивительно, если в своих отдельных поступках мы должны взирать на Господа, поелику сама наша жизнь предназначена к Его славе. Ибо лишь тогда⁴⁵⁹ жизнь христианская правильно проводится, когда Божия⁴⁶⁰ воля является для нас целью. Если же должен ты соотносить с Его суждением все, что делаешь, не подобает делать то, что считаешь ты для Него неугодным. Более того, не подобает делать то, в чем не уверен ты, что оно нравится Богу.

8) *Жить для Господа* не означает здесь, как в главе 6:8 напиться Его Духом, но сообразовывать себя с Его волей и суждением, и все принадлежащее тебе предназначать к Его славе. И не только жить надобно для Господа, но и умирать. То есть, как смерть, так и жизнь дозволяется по Его суждению. Апостол добавляет причину, почему мы, живем ли, или умираем, всегда принадлежим Господу. Ведь отсюда следует, что Он обладает властью над нашей жизнью и смертью. Использование сего учения вполне очевидно, ибо так за Богом утверждается господство над жизнью и смертью, и всякий должен терпеть свое положение как бремя, возложенное на него Господом. Ибо справедливо для Него каждого наделить своим положением и образом жизни. Этим апостол не только запрещает нам необдуманно приниматься за какое-либо дело без повеления Божия, но заповедует терпение во всех невзгодах и неудобствах. Итак, ежели плоть наша отвращается от невзгод, подумаем о том, что, если кто, не будучи свободным и не принадлежа себе, не хочет зависеть от воли Божией, он извращает, тем самым, и право, и порядок. Таким образом нам передается правило жизни и смерти, дабы, ежели тяготимся жизнью исполненной скорбей и испытаний, не стремились, однако, раньше времени ее покинуть. А если Бог неожиданно призывает нас в цветущем возрасте, мы всегда должны быть готовы к отходу из мира.

9) *Ибо Христос для того и умер.* Подтверждение той причины, о которой он недавно говорил. Ибо, чтобы доказать, что жить и умирать должны мы для Господа, апостол сказал: живем ли мы, или умираем, находимся во власти Христовой. А теперь он показывает, сколь заслуженно присваивает Себе Христос эту власть, искупив нас для Себя такой великой ценой. Ибо, подвергнувшись смерти за нашу жизнь, Он приобрел для Себя господство, которое не прекращается и со смертью. Воскреснув же, Он взял в собственность Себе всю нашу жизнь. Итак, Своей смертью и воскресением Христос заслужил, чтобы как в смерти, так и в жизни, мы служили похвале Его имени. Слова же, **воскрес и ожил**, означают то, что через воскресение⁴⁶¹ для Него началась новая жизнь; и поскольку жизнь, которой Он ныне обладает, не подвержена переменам, владычество Его над нами является вечным.

10. А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что уничижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов. 11. Ибо написано: живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога. 12. Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу. 13. Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну.

(10. А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что уничижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов. 11. Ибо написано: живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедываться Богу. 12. Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу. 13. Поэтому не будем более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну.)

10) *А ты что.* Поелику⁴⁶² вся наша жизнь посвящена Христу, отсюда апостол переходит к суду Божию, который Отец вручил Христу вместе с господством над небом и землею. Отсюда апостол выводит, что неуместной будет дерзость, ежели кто присвоит себе суд над братом. Ведь таким образом у Господа Христа будет отнято право, полученное Им от Отца. Однако апостол сдерживает сию страсть судить, употребив слово **брат**. Ведь ежели Господь установил между нами права братства, то надлежит следить за соблюдением равенства. Итак, неуместно поступает тот, кто присваивает себе право судить других. Затем

⁴⁵⁹ И не.

⁴⁶⁰ Которая не божественную.

⁴⁶¹ Восстановлен Он к жизни, которая никогда не закончится.

⁴⁶² Из того, что.

апостол призывает нас взирать на того единственного Судью, у Которого никто не может отнять Его власть или избежать Его суда. Итак, сколь абсурдно было бы, если бы виновный, который должен лежать ничком, заступил бы на место судьи. И так же абсурдно присваивать себе право судить совесть брата христианина. Таков аргумент Иакова в главе 4:11 – кто судит брата, судит закон, кто же судит закон, является не блюстителем закона, но его начальником. Напротив, говорит апостол, есть только один Законодатель, могущий спасти и погубить. Суд же, приписываемый Христу, означает Его способность судить, как и глас архангела, коим мы призываемся на суд, зовется в другом месте трубою (1Фес.4:16), поелику подобно грому пробуждает умы и слух всех людей.

11) *Ибо написано: живу Я.* Данное пророческое свидетельство процитировано не столько к доказательству положения о судилище Христовом, которое было несомненным для всех христиан, сколько для того, чтобы показать: этот суд всем следует ожидать с наивысшим смирением и покорностью. Итак, апостол вначале засвидетельствовал, что у Христа есть один суд для всех людей; теперь же доказывает словами пророка, что всякой плоти надобно смириться в ожидании этого суда, что означает коленопреклонением. Впрочем, хотя в том пророчестве Господь предсказывает в общем и целом, что слава Его будет явлена среди всех язычников, и величие Его проявится повсюду – величие, тогда пребывавшее лишь среди немногих, словно в темном углу мироздания. Так вот, несмотря на это, ежели мы подумаем над сими словами, станет очевидным, что пророчество сие и теперь не исполняется, и в прошлом никогда не исполнялось. Нет надежды и на исполнение его в будущем. Нынче Господь царствует в мире не иначе как через Евангелие, и величие Его почитается не иначе как там, где познается оно через слово. Слово Божие всегда имело своих врагов, упорно ему сопротивлявшихся, а также презирателей, которые, насмехаясь, обращались с ним как со смешной басней. Много таких находится и сегодня, и много также будет в будущем. Отсюда явствует, что пророчество сие в этом мире лишь начинает исполняться, но не исполнится до конца, доколе не воссияет день последнего воскресения, когда все враги Христовы будут ниспровергнуты и положены в подножие ног Его.

Далее, этого также не может произойти, если Господь не воссядет на суд. Поэтому апостол удачно приспособил это свидетельство для утверждения судилища Христова. Оно – знаменательное место для укрепления нашей веры в вечное божество Христа. Ибо Тот, Кто здесь говорит, есть Бог, тот самый Бог, Который провозгласил, что не уступит другому Своей славы. Ибо ежели во Христе исполняется то, что в этом месте Бог присваивает лишь Себе одному, то тем самым свидетельствуется о том, что во Христе пребывает Бог. Безусловно истина сего пророчества будет явлена лишь тогда, когда Христос соберет Себе из всего мира народ и по воле Своей обустроит богочитание и Евангельское послушание. На это и смотрел Павел в Фил.2:9, когда сказал, что Бог дал Свое имя Христу, имя, перед которым преклонится всякое колено. Полностью же это будет явлено тогда, когда Он спустится для суда над живыми и мертвыми, поелику Отец отдал Ему суд на небе и на земле. Слова пророка говорят: всякий язык будет клясться Мною, но поскольку клятва есть вид богочитания, смысл такой же, как и в Павловом: **исповедует**. Ибо Господь хотел просто сказать, что все люди не только признают Его волю, но и исповедуют Ему свое послушание, как словами, так и телесными жестами, что обозначено коленопреклонением.

12) *Итак каждый.* Данный вывод призывает нас к покорности и смирению. Откуда апостол сразу же заключает, чтобы **один не судил другого**. Поелику нам не подобает⁴⁶³ присваивать себе право судить, нам, которым необходимо дать отчет в собственных делах и самим покориться суду. Апостол изящно пользуется двумя значениями слова судить. В первом случае он запрещает нам осуждать, а во втором приказывает, чтобы в суждении мы стремились избежать преткновения для других. Косвенно он обуздывает тех злых цензоров, которые все свои силы прилагают к тому, чтобы в чем-либо уловить брата касательно его жизни. Поэтому он приказывает нам скорее остерегаться, поелику люди своим небрежением часто дают братьям повод для преткновения.

14. Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в самом себе нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто. 15. Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. 16. Да не хулится ваше доброе. 17. Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе. 18. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей.

(14. Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в самом себе нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто. 15. Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. 16. Да не будет ваше доброе подвергаться хулению людей. 17. Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе. 18. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей.)

⁴⁶³ Не приличествует.

14) *Я знаю*. Дабы упредить возражение⁴⁶⁴ тех, кто до того преуспел в Евангелии Христовом, что уже не различал между видами пищи, апостол вначале говорит, что надобно думать о пище, ежели рассматривать ее саму по себе. Затем он добавляет, в чем можно согрешить употреблением пищи. Итак, он провозглашает, что для чистой и правой совести никакая пища не нечиста, и нет никакого препятствия для нас пользоваться ею чистым образом, если только не вследствие заблуждения и ошибки. Поелику ежели кто вообразит в пище какую-либо нечистоту, то уже не сможет свободно ее употреблять. Однако апостол немного после добавляет: смотреть надо не на саму пищу, но на братьев, перед которыми мы едим. Ибо мы не должны настолько безразлично употреблять дары Божии, чтобы не покоряться при этом любви.

Итак, слова апостола имеют следующий смысл: я знаю, что всякая пища чиста, поэтому даю тебе свободу, позволяю совести твоей не сомневаться, и не удерживаю тебя от самой пищи, но, оставив в стороне саму пищу, я хочу, чтобы ты не пренебрегал и ближним своим. Нечистой пищей в данном месте апостол называет мирское, то, что повсеместно употребляется нечестивыми, дабы противопоставить это тому, что особо освящено для употребления верующих. Апостол говорит, что знает и убежден в том, что всякая пища чиста. Он добавляет: **в Господе Иисусе**. Поелику по Его благодетельности и благодати происходит то, что Господь благословляет для нас употребление всякой твари, которое иначе было бы проклято в Адаме. Однако одновременно он хочет противопоставить свободу, данную Христом, законническому рабству, чтобы люди не думали, что обязаны соблюдать то, от чего их освободил Христос. Добавленная же им оговорка учит нас: нет ничего настолько чистого, чтобы его не могла осквернить поврежденная совесть. Ибо одна лишь вера и одно лишь благочестие освящает для нас все. Неверные же, будучи оскверненными изнутри, даже прикосновением своим оскверняют все вокруг (Тит.1:15)⁴⁶⁵.

15) *Если же за пищу огорчается брат твой*. Теперь апостол говорит о том, сколь многими способами преткновение братьев портит употребление благих вещей. Первая причина состоит в том, что нарушается любовь, ежели брат огорчается по столь легкому поводу. Ибо давать кому-либо повод для грусти противоречит любви. Вторая причина: когда ранится немощная совесть, уничтожается цена крови Христовой. Ибо даже самый презренный брат искуплен кровью Христовой, поэтому не подобает ему погибнуть ради удовлетворения желудка. Мы будем постыдно привержены собственным похотям, если предпочтем Христу пищу, совершенно пустяковую вещь. Третья причина: ежели приобретенная для нас Христом свобода есть благо, мы должны прилагать усилия, чтобы она не хулилась людьми и не подвергалась поношению. А это случится, если мы несвоевременно будем злоупотреблять Божиими дарами. Итак, эти причины должны удерживать нас от того, чтобы необдуманно впасть в преткновения из-за своей вседозволенности.

17) *Ибо Царствие Божие*. Апостол от противного учит, что мы можем без вреда воздерживаться от употребления нашей свободы, поелику царствие Божие не заключается в подобных вещах. Ибо того, что относится или к созиданию, или к сохранению Царствия Божия, никак не следует опускать, какие бы преткновения из этого ни следовали. Если же ради любви следует уступить употребление пищи без вреда для чести Божией, при сохранении Христова Царства, и не оскорбив благочестие, тогда не надобно терпеть тех, кто из-за пищи смущает Церковь. Теми же доводами апостол пользуется в Послании к Коринфянам (6:13). Пища для чрева, и чрево для пищи, Бог же уничтожит и то, и другое. Если мы едим, то не насыщаемся (1Кор.8:8). Вкратце он хочет этим сказать, что пища и питье суть слишком маловажные вещи, чтобы из-за них препятствовать делу Евангелия.

Но праведность и мир. Апостол попутно противопоставляет это пищи и питию не с целью перечислить все, относящееся к царству Христову, но чтобы показать: это царство состоит в духовных вещах. Хотя сими немногими словами он точно охватил его суть. А именно: чтобы мы с доброй совестью успокоились в Господе, и наслаждались истинной радостью через обитающий в нас Святой Дух. Однако (как я сказал) сие немногое апостол приспособил к своему настоящему доводу: ибо тот, кто стал участником истинной праведности, наслаждается высшим и неоценимым благом: спокойной радостью совести. Имеющий же мир с Богом что еще может пожелать? Соединяя же мир с радостью, апостол, как мне кажется, выражает образ этой духовной радости, поелику как бы ни бесчинствовали и не возносились отверженные, радостная и просветленная совесть дается не иначе⁴⁶⁶, нежели там, где⁴⁶⁷ человек чувствует, что Бог к нему милостив и умиловителен. И нет⁴⁶⁸ прочной радости, кроме как происходящей из этого мира. Хотя достойно внимания, что там, где упоминаются эти вещи, автором их провозглашается Дух Божий, здесь же апостол по умолчанию хотел противопоставить Духу внешним вещам, дабы мы знали: и без употребления пищи все, относящееся к Царству Божию, остается для нас неповрежденным.

⁴⁶⁴ Которое могли вдвинуть те, которые.

⁴⁶⁵ 1Тим.1.

⁴⁶⁶ Чем.

⁴⁶⁷ Когда.

⁴⁶⁸ Ибо нет.

18) *Кто сим служит.* Довод берется из рассмотрения следствия. Ибо не может быть так, чтобы в том, кто⁴⁶⁹ принят Богом и одобрен⁴⁷⁰ людьми, не процветало в совершенстве Царствие Божие. В том, кто со спокойной и чистой совестью через праведность служит Христу, и одобряется как людьми, так и Богом. Итак, где есть праведность и мир и духовная радость, там целиком и полностью имеется Царствие Божие. Ибо оно не состоит в телесных вещах. Далее, апостол называет угодным Богу того, кто повинуется Его воле. Этот человек одобряется также и людьми, поскольку они не могут не засвидетельствовать о добродетели, которую видят своими глазами. Не так, чтобы отверженные всегда щадили детей Божиих, ведь даже там, где нет никакой причины, они изbleвывают против них многочисленные гнусности и незаслуженно бесславят их разнообразной клеветой, и, наконец, превратно толкуя правильные поступки, изображают их пороками. Но Павел говорит здесь об искреннем суждении, к которому не примешана никакая ворчливость или ненависть или суеверие.

19. Итак будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию. 20. Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. 21. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претывается, или соблазняется, или изнемогает.

(19. Итак будем следовать тому, что служит к миру и ко взаимному назиданию. 20. Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. 21. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претывается, или соблазняется, или изнемогает.)

19) *Итак.* Апостол, насколько в его силах, отговаривает нас от рассуждений о пище и призывает смотреть на то, что должно держать первое место во всех наших поступках и руководить ими. Ибо есть следует для того, чтобы жить, а жить для того, чтобы служить Богу. Служит же Богу тот, кто с благоволением и по-дружески назидает ближнего. В этих двух вещах – согласии и назидании – содержатся почти все обязанности любви. И дабы сие не показалось маловажным, апостол повторяет свое предыдущее положение: пища, тленная вещь, недостойна того, чтобы из-за нее разрушалось строение Господне. Ибо везде, где имеется хотя бы искра благочестия, следует различать Божие дело, а это дело уничтожают те, кто своей настойчивостью смущает неокрепшую совесть. Надобно отметить, что назидание потому соединяется здесь с миром, что люди иногда потакают друг другу слишком охотно, так что повреждается их послушание Богу. Поэтому в усердии послушания надобно услаждаться, и стремиться к пользе, чтобы охотно предоставлять брату то, что способствует его спасению. Как и в другом месте Павел увещевает нас (1Кор.10:23): Все мне позволительно, но не все полезно. И тут же добавляет причину: потому что не все назидает. И не напрасно еще раз повторяет он о пище, означая тем самым, что не требует воздержания в еде, как будто оно способствует благочестию. Как и ранее сказал: хотя мы можем свободно всем питаться, но ради братьев уступим в употреблении пищи, царство же Божие при этом останется неповрежденным.

20) *Все чисто.* Говоря, что все чисто, он делает уступку. Добавляя же, что **худо человеку, который ест на соблазн**, указывается на исключение, то есть: пища добра, но соблазн худ. Пища дана нам, чтобы мы питались ею, сохраняя любовь. Итак, оскверняет употребление чистой пищи тот, кто из-за нее нарушает любовь. Из этого апостол выводит: хорошо воздерживаться от всего, что способствует соблазну братьев. Три вещи располагает он в следующем порядке: претывается, соблазняется, изнемогает. Смысл таков, что не надо давать братьям повод ни для греха, ни для преткновения, ни для изнеможения. Изнемогать – это меньше, чем претываться и соблазняться, а претываться меньше, чем пасть. Говорится, что изнемогает тот, у кого совесть начинает трепетать; претывается тот, чья совесть находится в тяжком смущении; а падает тот, кто неким образом отчуждается от усердия в делах религии.

22. *Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом. Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает.*
23. *А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех.*

(22. Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом. Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает.
23. *А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех.)*

22) *Ты имеешь веру.* Завершая свою речь, апостол показывает, в чем состоит благо христианской свободы. Откуда явствует, что ложно претендуют на свободу те, кто не умеет обуздывать себя в ее использовании. Итак, апостол говорит, что знание свободы, имеющее отношение к вере, прежде всего взирает на Бога, поэтому тому, кто наделен такой уверенностью, надобно довольствоваться спокойствием совести своей пред Богом. И не надо ему выставлять все это напоказ перед людьми. Отсюда следует, что по превратной похоти происходит то, что употреблением пищи мы соблазняем немощных братьев. Поелику нет к тому никакой нужды. Впрочем, очевидно, что многие злостно искажают сие место, выводя отсюда, что не имеет значения,

⁴⁶⁹ Чтобы тот.

⁴⁷⁰ Не имел того, что относится к Царству Божию.

как кто ведет себя по отношению к глупым и суеверным обрядам, лишь бы совесть оставалась чистой перед Богом. Ибо как раз это Павел меньше всего хотел сказать, о чем свидетельствует контекст его слов: обряды, установленные для почитания Бога, являются частью нашего исповедания [веры]. Далее, тот, кто отрывает веру от исповедания, лишает солнце его тепла. Павел же не говорит здесь ничего такого, но рассуждает лишь о свободном употреблении пищи и питья.

Блажен, кто не осуждает. Здесь апостол хочет научить нас следующему: во-первых, по какой причине для нас законно употреблять дары Божии. Затем, насколько мешает людям неведение, дабы мы не требовали от неопытных того, на что не способна их немощь. Однако он также устанавливает общее положение, относящееся ко всякого рода поступкам. Блажен, говорит, тот, кто не сознает за собой зла; разумеется, если он правильно судит о своих поступках. Ибо случается, что многие вынашивают худшие замыслы без какого-либо угрызения совести. Но так случается потому, что с закрытыми глазами несутся они туда, куда несет их слепая и яростная невожатность плоти. Между тупоумием и рассудительностью есть большая разница: кто наслаждается теми или иными вещами, тот, ежели по рассмотрению тех вещей совесть не мучает его укорами, является блаженным. Ибо лишь такого рода уверенность может сделать так, что дела наши будут угодны Богу. Таким образом, устраняется пустое извинение, на которое многие претендуют, ссылаясь на неведение свое, хотя заблуждение их кроется в тупоумии и необучаемости. Ибо ежели было бы достаточно благого намерения (как они его называют), излишне было бы исследовать совесть и выставлять свои поступки на суд Духа Божия.

23) *А сомневающийся.* Апостол наилучшим образом выразил одним словом чувство колеблющейся души, неуверенной в том, что надо делать. Ибо тот, кто сомневается, склоняется то туда, то сюда, и, попеременно склоняясь в разные стороны, удерживается в равновесии между различными соображениями. Итак, поелику начало доброго дела состоит в уверенности спокойной перед Богом души и как бы в ощущении безопасности, ничто так не противоположно благодати наших дел, как колебание и неуверенность. О, если бы истина сия утвердилась в человеческих душах: ни к чему не следует приступать без уверенности души в том, что это угодно Богу. Тогда бы люди не столь сильно неистовствовали во многих сферах жизни, не колебались бы, и не неслись слепо туда, куда несет их воображение. Ибо ежели обычная наша жизнь должна обуздываться такой вот скромностью, чтобы даже к буханке хлеба никто не притрагивался, сомневаясь, то сколь большую осторожность следует проявлять в делах высших?

Все, что не по вере. Причина осуждения кроется в том, что любое дело, какой бы хороший и пристойный вид оно ни имело, вменяется во грех, ежели не основано на правой совести. И Бог обращает внимание не на внешнюю показуху, но на внутреннее послушание совести. От нее одной зависит оценка наших поступков. Далее, какое может быть послушание, ежели кто-то принимается за дело, не будучи уверенным в том, что его одобряет Бог? Итак, где имеется подобное сомнение, заслуженно обвиняется в преступлении тот, кто действует против свидетельства совести.

Слово "вера" здесь используется для обозначения твердой убежденности души и непоколебимой уверенности; и не какой-либо, а той, что порождается от божественной истины. Посему сомнение и неуверенность оскверняют все наши поступки, какими бы красивыми они ни казались. Поелику же благочестивая душа может успокоиться только в слове Божиим, исчезают все вымышленные виды поклонения и все дела, порожденные человеческим вымыслом. Ибо осуждается все, что не происходит от веры, отвергается все, что не подкреплено и не одобряется словом Божиим. Хотя недостаточно даже того, что слово Божие одобряет нас, но еще должна душа, радуясь подобной уверенности, окрыленно и воодушевленно приняться за свое дело. Посему сие является твердым жизненным принципом, дабы ум наш не метался, но спокойно шел туда, куда зовет его слово Божие.

Глава 15

1. Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. 2. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. 3. Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня.

(1. Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. 2. Каждый из вас да угождает ближнему, во благо, к назиданию. 3. Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня.)

1) *Мы, сильные.* Дабы те, кто больше других преуспел в познании Божиим, не посчитали недостойным возлагать на себя большее бремя, апостол показывает, для какой цели следует употребить ту силу, которой они превосходят других. Именно для того, чтобы сносить немощных, дабы те не пали. Ибо подобно тому, как тех, кому Бог дал лучшее понимание учения, Он предназначил к наставлению неопытных, так и тех, кого Он укрепил, Бог предназначил для укрепления немощных. Так всякий вид благодати должен

сообщаться от одних членов тела Христова другим. Итак, чем более крепок кто-либо во Христе, тем более обязан он сносить немощных. Говоря же, что христианам не следует угождать себе, апостол хочет сказать, что не надо прилагать усилия к удовлетворению самого себя, как это имеют обыкновение делать те, кто, довольствуясь собственным суждением, пренебрегает другими. И данное увещание наилучше отвечает рассматриваемому ныне вопросу: поелику ничто так не мешает нашему послушанию, как то, что каждый больше положенного привержен самому себе, и, отложив попечение о других, следует своим советам и чувствам.

2) *Каждый из нас.* Апостол учит, что мы обязаны служить другим. Поэтому в нашу обязанность входит слушаться других и удовлетворять их. И нет никакого исключения в том, что должны мы приспособляться к братьям там, где мы по слову Божию можем это делать ради их назидания. Итак, здесь имеются два утверждения: первое: не довольствуясь собственным суждением, мы не должны успокаиваться в своих желаниях и всегда прилагать усилия к тому, чтобы удовлетворить братьев. Второе, когда мы хотим приспособиться к ближнему, мы должны взирать на Бога, дабы нашей целью было его назидание. Ибо большая часть народа не будет довольна, если не потакать всем их похотям. Если же хочешь ты нравиться многим, то заботиться следует не столько об их спасении, сколько о том, что требует их глупость, и смотреть нужно не на то, что полезно для них, а на то, что хотят они к собственной гибели. Итак, не надо стараться угождать тем, кого не устраивает ничего, кроме зла.

3) *Ибо и Христос не Себе угождал.* Ежели справедливо рабу не избегать того, что принял на Себя Его Господин, нам было бы абсурдно желать освободиться от необходимости терпеть немощи других, ведь сей необходимости покорился Сам Христос, Которым мы хвалимся как Своим Царем и Господом. Ибо Он, невзирая на Себя, полностью отдался сему делу. Ведь Ему вполне соответствует то, о чем пророк поет в Пс.69:10. Между прочим, он говорит там о том, что снедает Его ревность по Богу, и поношения поносящих Бога пали на Него. Этим он хочет сказать, какая ревность по славе Божией гложет Его сердце, какое обуревают Его желание продвигать царство Божие, столь сильное, что, забыв о Себе, Он словно поглощен одним лишь этим помышлением. Он так посвятил Себя Господу, что душа Его словно разрывается на части всякий раз, когда видит Он, что Его святое имя хулится нечестивыми. Хотя вторую часть предложения о злословии Бога, можно понимать двойственно: или что Он так же был затронут поношениями, адресованными Богу, как если бы переносил их Сам, или, что Ему так же больно видеть злословие Бога, как если бы Он сам был этому причиной. И если в нас царствует Христос, как и подобает Ему царствовать в верующих, такое же чувство должно быть и у нас: все, что только умаляет славу Божию, должно мучить нас так же, как если бы находилось в нас самих. Пусть же придут те, кто больше всего хочет почитаться людьми, поносящими всеми способами имя Божие, попирающими ногами Христа, рвущими на части Его Евангелие, огнем и мечом преследующими Его последователей. Далеко не умно желать почитания тех, кто не только презирает Христа, но и с надменностью преследует Его.

4. А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду. 5. Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой, по учению Христа Иисуса, 6. дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

(4. А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний имели надежду. 5. Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой, по Христу Иисусу, 6. дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.)

4) *А все.* Здесь апостол применяет свой пример к практике, дабы кто не подумал, что он излишне долго требует от нас того, чтобы мы сообразовались со Христом. Более того, говорит, что в Писании нет ничего, что не могло бы научить вас и упорядочить вашу жизнь. Знаменательное место, коим мы, уразумев, что в речениях Божиих не содержится ничего пустого и бесплодного, одновременно научаемся преуспевать в чтении Писаний ради благочестия и святости жизни. Итак, будем же стремиться научиться всему, что преподано нам в Писании. Ибо было бы оскорблением Святого Духа, ежели бы мы думали, что Он учит чему-то, чего нам не надо знать. Затем, познаем, что все, преподаваемое в Писании, направлено на возрастание в благочестии. Хотя здесь говорится о ветхом завете, то же самое следует мыслить и об апостольских писаниях. Ибо если Дух Христов везде один и тот же, нет сомнения, что учение Свое Он и ныне обращает к назиданию народа Своего через апостолов, как некогда преподавал через пророков.

Далее, здесь наилучшим образом обличаются фанатики, утверждающие, что ветхий завет полностью упразднен и никак не относится к христианам. Как же могут христиане отворачиваться от того, что по словам Павла предназначено к их спасению? Добавляя же, **чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**, апостол охватывает не все стороны той пользы, которую можно извлечь из Писания, но кратко отмечает его главную цель. Ибо Писания прежде всего стремятся к тому, чтобы людей,

подготовленных к терпению, и укрепленных в утешении, воздвигнуть к надежде вечной жизни, сохраняя в благочестивых о ней размышлениях. Слово “увещание”, которое иные переводят как утешение, меня вполне устраивает, хотя утешение больше подходит к терпению, поелику из него рождается. Ибо лишь тогда будем мы готовы к терпеливому перенесению супротивных вещей, когда Бог смягчит их горечь Своим утешением. Ведь терпение не есть та очерствелость, которую заповедуют философы, но она – та кротость, с которой мы добровольно покоряемся Богу, потому что вкушение Его любви делает для нас все сладким. Терпение возвращает в нас надежду и поддерживает ее, дабы она не иссякла.

5) *Бог же терпения.* Бог именуется здесь по Своему воздействию, которое ранее приписывалось Писанию, приписывалось по наилучшей, но иной причине. Безусловно, Бог есть автор терпения и утешения, поелику и то, и другое Он внедряет в наши сердца через Свой Дух. Пользуется же для этого Своим словом словно неким орудием. Ибо учит, во-первых, каково истинное утешение и каково истинное терпение, а во-вторых, влагает сие учение в наши души. Далее, апостол, ранее призвав Римлян к исполнению их обязанностей, теперь обращается к молитве⁴⁷¹, поелику знает, что бесполезно рассуждать о чьих-то обязанностях, если Бог Духом Своим не усовершенствует изнутри то, что изречено через человеческие уста. Итог его молитвы таков: чтобы Бог привел их души к истинному согласию, и произвел в них истинное единомыслие. Одновременно он указывает на то, каковы должны быть те узы единства, говоря, что единомысленными нужно быть во Христе. Ибо плохо то единомыслие, которое вне Бога, а вне Бога оно будет тогда, когда отчуждает нас от Его истины. И чтобы еще больше похвалить единомыслие во Христе, апостол учит, насколько оно необходимо. Ведь Бог не будет воистину нами прославляться, если сердца всех не соединятся в его восхвалении и не будут петь Ему единым голосом. Итак, ни у кого нет причины хвалиться, что он якобы по своему прославляет Бога, ибо для Бога столь важно единодушие Его рабов, что Он не хочет, чтобы слава Его воспевалась среди разногласий и раздоров. Одной этой мысли достаточно, чтобы сдерживать нездоровое стремление к спорам и распрям, которым обуреваются сегодня души многих.

7. Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию. 8. Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных – ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам, 9. а для язычников – из милости, чтобы славил Бога, как написано: за то буду славить Тебя, (Господи), между язычниками, и буду петь имени Твоему. 10. И еще сказано: возвеселитесь, язычники, с народом Его. 11. И еще: хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы. 12. Исаия также говорит: будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут.

(7. Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию. 8. Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных – ради истины Божией, чтобы подтвердить обещанное отцам, 9. Язычники же должны славить Бога за милость, как написано: за то буду славить Тебя, между язычниками, и буду петь имени Твоему. 10. И еще сказано: возвеселитесь, язычники, с народом Его. 11. И еще: хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы. 12. Исаия также говорит: будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут.)

7) *Посему принимайте.* Апостол возвращается к увещанию, в котором постоянно имеет в виду пример Христов. Ибо он говорит не о том или ином человеке, но охватывает всех нас, когда велит нам принимать друг друга, если хотим мы оставаться в лоне Христовом. Так мы в конце концов подтвердим наше призвание, ежели не будем отделяться от тех, кого с нами соединил Господь. Слова “в славу Божию” относятся не только к нам, и не только ко Христу, но и к нам, и ко Христу вместе взятым, и мне больше нравится понимать все в таком вот смысле: как Христос явил славу Отчужу, приняв всех нас в благодать, когда нуждались мы в милосердии, так и мы для явления славы того же Бога, должны утверждать и освящать тот союз, который уже имеем во Христе.

8) *Разумею, что Иисус Христос.* Теперь апостол показывает, каким образом Христос принял всех нас, и не делает никакого различия между иудеями и язычниками, кроме разве того, что иудейскому народу первому было обещано и особым образом предназначено это принятие, еще до того, как явилось оно язычникам. Впрочем, относительно того, что порождало всякие споры, апостол учит, что между теми и другими нет различия. Поелику и тех, и других Христос собрал из жалкого рассеяния, и собранных привел в царство Своего Отца, дабы быть им одним стадом в одной овчарне, и под одним Пастырем. Отсюда апостол выводит, что подобает им быть между собой единомысленными и не презирать друг друга, поелику Христос не презрел никого.

Итак, сначала говорит он об иудеях, сказав, что Христос был послан к ним, дабы исполнить истину Божию и осуществить обетования, данные отцам. Это весьма необычная честь, что Христос, Господь неба и земли, облекся во плоть, дабы послужить их спасению. И чем больше Он унижил Себя ради них, тем большей удостоил их чести. Апостол считает этот факт установленным и несомненным, так что удивительно

⁴⁷¹ Чтобы Христос.

бесстыдство некоторых безумцев, которые не сомневаются привязывать к одной лишь плоти все обетования ветхого завета, как будто они относились только к этому миру⁴⁷². И дабы язычники не приписывали себе какое-либо превосходство над иудеями, Павел красноречиво заявляет: спасение, принесенное Христом иудеям, принадлежит им по завету, поелику Своим пришествием Он исполнил то, что некогда было обещано отцу Аврааму, и таким образом стал служителем иудейского народа. Откуда следует, что ветхий завет на самом деле был духовен, хотя и привязан к земным вещам. Ибо исполнение, о котором ныне говорит Павел, с необходимостью относится к вечному спасению. Далее, дабы кто не клеветал⁴⁷³, что спасение было обещано только внукам, в то время как с Авраамом заключен был [лишь внешний] завет, апостол ясно адресует здесь обетования самим отцам. Итак, либо сила Христова состоит лишь в телесных благословениях, либо завет, заключенный с Авраамом, относится не только к плоти.

9) *А для язычников – из милости.* Другая часть предложения, на которой он останавливается дольше с целью доказать то, что казалось сомнительным. Вначале идет свидетельство, взятое из Пс.18; а псалом этот ссылается на 2 Книгу Царств 22 гл., где пророчество без сомнения говорит о Христе. Далее, Павел доказывает призвание язычников из того, что там обещается исповедание славы Божией среди народов. Ибо мы можем воистину проповедовать славу Божию лишь среди тех, кто выслушивает сию воспеваемую нами⁴⁷⁴ хвалу. Поэтому, дабы среди язычников воспевалось имя Божие, их необходимо наделить познанием и ввести в сообщество народа Божия. Ибо в Писании везде можно прочесть, что проповедовать славу Божию нужно только среди верных, слух которых способен воспринять нашу хвалу.

10) *Возвеселитесь, язычники, с народом Его.* Мне не по душе, что данный стих везде толкуется как взятый из песни Моисея. Поелику в той песне Моисей хочет скорее устрашить противников Израйля его величием, нежели пригласить к общему ликованию. Итак, я думаю, что место это скорее взято из Пс.67:5, где сказано: Да возрадуются и возликуют язычники, поелику Ты судишь народ по правде, и руководишь народами на земле. Добавив же от себя “с народом Его”, Павел как бы дает толкование. Ибо в том месте пророк хорошо соединил язычников с Израильским народом, приглашая тех, и других к веселию, состоящему лишь в познании Бога.

11) *Хвалите Господа, все язычники.* Данное место вполне подходит. Ибо как будут хвалить Бога те, кто не познал Его величие? В этом случае они могут лишь призывать Его как непознанного. Итак, имеется наилучшее пророчество для подтверждения призвания язычников. И это еще лучше явствует из приведенной там причины: ибо пророк велит благодарить Бога за истину и милость, Пс.117:1.

12) *Исаия также говорит.* Данное пророчество самое ясное их всех. Ибо в нем пророк утешает остатки верных в вещах почти что безнадежных. Он говорит, что из сухого и мертвого корня колена Давидова восстанет поросль, и из презренного корня процветет ветвь, которая восстановит народ Божий в прежней славе. Эта поросль есть Христос, Искупитель мира, что явствует из приведенного там описания. Затем пророк добавляет, что Он восстанет в знамение язычникам, дабы послужить им во спасение. У Павла же слова отличаются от еврейского оригинала. Ибо там, где мы читаем “восстанет”, на еврейском стоит “будет стоять в знамение”, что означает то же самое. А именно: Он станет замечен для всех подобно знамени. Вместо слова “надеяться” на еврейском стоит “искать”, но по обычному словоупотреблению Писания искать Бога есть не что иное, как надеяться на Него. Дважды упоминается в этом пророчестве призвание язычников: когда говорится, что Христос восстанет в знамение, – что относится к одним лишь верным, – и когда говорится, что язычники будут надеяться на Христа, – чего не бывает без проповеди слова и просвещения Духом. Этому соответствует песнь Симеона. Впрочем, сия надежда на Христа свидетельствует о Его божественности.

13. *Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святого, обогатились надеждою.* 14. *И сам я уверен о вас, братия мои, что и вы полны благодати, исполнены всякого познания и можете наставлять друг друга;* 15. *но писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как бы в напоминание вам, по данной мне от Бога благодати* 16. *быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодействие благовествования Божия, дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу.*

(13. *Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святого, обогатились надеждою.* 14. *И сам я уверен о вас, братия мои, что и вы полны благодати, исполнены всякого познания, готовые наставлять друг друга;* 15. *но писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как бы в напоминание вам, по данной мне от Бога благодати* 16. *быть служителем Иисуса Христа ради*

⁴⁷² И Павел здесь среди обрезанных, то есть среди иудеев, отрицает, что служение Христа состояло в чем либо еще, кроме как в подтверждении обетований, данных Аврааму и другим отцам.

⁴⁷³ Что Он воспринял только ради внуков; здесь апостол выражается яснее, говоря о данных им обетованиях.

⁴⁷⁴ Возглашаемую.

язычников, освящая Евангелие Христово, дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятным.)

13) *Бог же.* Теперь апостол, как и прежде, завершает свою речь молитвой, в которой просит Господа дать римлянам все, что Он им заповедал. Откуда явствует: Господь не меряет Свои заповеди нашими силами и способностью свободной воли, и не заповедует нам для того, чтобы мы, исполненные собственной силы, сами приготовились к послушанию, но заповедует то, для исполнения чего необходима помощь Его благодати, дабы пробудить нас к усердной молитве. Называя же Бога Богом надежды, имеет в виду предыдущий стих, как бы говоря: тот Бог, на Которого мы надеемся, да исполнит всех вас радостью, то есть спокойствием совести, а затем единением и согласием, и при том в вере: поелику, чтобы Богу угоден был наш мир, подобает нам быть соединенными чистой и целомудренной верой. Ежели кто захочет слова “*εἰς τὸ πιστεῦν*” понимать как стоящие после слов “*εἰς τὸ*”, смысл будет следующим: дабы мир свой привели к вере. Ибо тогда правильно будем подготовлены мы к вере, когда, когда, спокойные и единомышленные⁴⁷⁵, добровольно примем то, чему Он учит. Однако более правильно, что вера потому соединена здесь с миром и радостью, что представляет собой узы святого и законного согласия, а также служит основой будущей благочестивой радости. Хотя под миром можно разуместь и тот мир, который каждый имеет с Богом внутри. Апостол добавляет, **дабы вы обогатились надеждою**, поелику надежда таким образом подтверждается и возрастает в нас. Слова “силою Святого Духа” означают⁴⁷⁶ все дары божественной благодати, а имя “сила” делает ударение на восхвалении того чудесного могущества, с которым Дух Божий производит в нас веру, надежду, радость и мир.

14) *И сам я убежден.* Забота апостола состоит в том, чтобы под видом уступки смягчить римлян, ежели бы они сочли, что их слишком сильно отягощают многочисленные апостольские увещания, и что, таким образом, им причиняется несправедливость. Итак, он извиняется за то, что посмел принять на себя роль учителя и увещателя. И говорит, что сделал это не потому, что не доверяет их доброте и постоянству, но потому, что так положено ему по должности. Ибо так он уничтожает всякую зависть, которая чаще всего бывает тогда, когда кто-либо берет на себя чужую должность и заботится о том, о чем ему не подобает заботиться. В этом следует усмотреть особую скромность сей святой души, которая была согласна считаться за ничто, лишь бы ее учение имело авторитет. В римлянах было много превозношения, имя их города надмевало даже низшие сословия, что давало им повод плохо относиться к учителю-чужестранцу, тем более, – к варвару и иудею. И Павел не хочет сражаться с сей гордыней, но покоряет ее, говоря, что принял такую честь из-за апостольского служения.

Полны благодати, исполнены всякого познания. Два дарования особо важны для увещателя: человечность, которая склоняет его к помощи братьям собственным советом и делает его слова и внешний облик дружеским, а также правильность совета, или благоразумие, которое придает ему авторитет, дабы мог он помочь⁴⁷⁷ тем, кому адресует свою речь. Ибо ничто так не противоположно дружеским устремлениям, как злоба и надменность, которые делают так, что с надменностью превозносимся мы над заблуждающимися и предпочитаем скорее насмехаться над ними, чем их исправлять. Суровость также, ежели видна она в словах или в выражении лица, лишает увещания плода. Далее, даже если и наделен ты и человечностью, и дружеским расположением, все равно не будешь годе к увещанию, ежели не выделяешься благоразумием и правильным употреблением вещей. Итак, Павел уступает римлянам и то, и другое, свидетельствуя им, что и сами они без посторонней помощи способны к взаимному увещанию. Ибо он признается, что богаты они и благодатью и опытностью, откуда следует, что способны и к увещанию.

15) *Но писал вам.* За этим, дабы явить свою скромность, следует принесенное апостолом путем уступки извинение, в котором он уверенно говорит, что принял на себя то, что римляне могли осуществить и сами. Однако добавляет, что пошел на такую дерзость из-за необходимости исполнять служение свое, поелику является он служителем Евангелия, поставленным для язычников. Поэтому не может он пройти мимо тех, кто числится среди этих язычников. Однако же уничижает себя таким образом, что одновременно возвышает и достоинство служения своего. Ибо, повинувшись благодати Божией, коей был возвышен до подобной чести, не может терпеть он презрения к тому, что совершает в должности апостола. Кроме того, отрицает он, что присвоил себя служение учителя, но говорит о служении увещателя, обязанность которого – напоминать, что уже и так известно.

16) *Совершать священнодействие (освящая Евангелие).* Я предпочитаю переводить именно так, а не как перевел Эразм: обслуживать. Ибо ясно, что таким образом Павел намекает на святые таинства, совершаемые священником. Итак, он делает себя предстоятелем или священником в Евангельском служении, священником, который приносит в жертву Богу приобретенный для Него народ. Именно так совершаются

⁴⁷⁵ Предадим себя Господу в послушание слову Его.

⁴⁷⁶ Помещены для обозначения.

⁴⁷⁷ Тем, кто слушает.

священные Евангельские таинства. Безусловно, в этом и состоит священство христианского пастора: покоряя людей евангельскому послушанию, как бы приносить их в жертву Богу; а не в том, на что суеверно претендуют паписты: что приношением Иисуса Христа люди якобы примиряются с Богом. Однако здесь Павел прямо не называет церковных пасторов священниками, как бы присваивая им постоянный титул. Но, желая похвалить достоинство и действенность их служения, апостол как бы походя пользуется этой метафорой. Итак, цель евангельского вестника состоит в том, чтобы приносить Богу души, очищенные верою. То же, что Эразм после исправил эти слова на “приносить в жертву Евангелие”, не только не уместно, но и полностью затемняет смысл. Ибо Евангелие скорее является мечом, которым служитель закаляет людей в жертву Богу. Павел добавляет, что подобные жертвы приятны Богу, и делает это не только для похвалы своего служения, но и для утешения тех, кто предает себя в жертву. Подобно тому, как ветхие жертвы освящались внешними освящениями и омовениями, так и эти жертвы посвящаются Господу через Дух освящения, действующей изнутри силою Которого они отделяются от этого мира. Ибо из веры в слово рождается чистота души, поелику человеческое слово само по себе бездейственно и как бы мертво; работа же по очищению в собственном смысле подобает Святому Духу.

17. Итак я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу, 18. ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, 19. силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Илирика. 20. Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании, 21. но как написано: не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают.

(17. Итак я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу, 18. ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, 19. силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространил я от Иерусалима и окрестности до Илирика. 20. Стараясь благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании, 21. но как написано: не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают.)

17) *Итак я могу.* Удостоверив в общем и целом свое призвание⁴⁷⁸, Павел, дабы римляне признали в нем истинного и несомненного Христова апостола, добавляет несколько фраз⁴⁷⁹, в которых доказывает, что он не только принял апостольское служение⁴⁸⁰, по велению Божию на него возложенное, но и прекрасно его украсил. Одновременно он говорит о той радости, которую выказывал в осуществлении своего служения. Ибо не важно, поставлены мы или нет, если не удовлетворяем и не отвечаем своим обязанностям. И апостол делает это не ради сникания славы, но поелику ничего не следовало упускать из того, что могло возвысить авторитет учения его в глазах римлян. Итак, он хвалится в Боге, а не в себе, поелику стремится лишь к тому, чтобы слава адресовалась одному только Богу. То же, что говорит он через отрицания, является знаком его скромности, но при этом также способно утвердить веру в то, о чем он ведет речь. Другими словами: сама истина дает мне такой повод для похвалы; и нет мне нужды присваивать чужие и ложные заслуги – я вполне доволен своими подлинными заслугами. Также возможно, что тем самым он хотел упредить распространяемые злыми людьми известные ему клеветнические слухи. Поэтому и говорит он, что собирается вести речь лишь о вполне известных и доказанных вещах.

18) *В покорении язычников.* Эти слова говорят о его цели, а именно: сделать свое служение многоценным в глазах римлян, дабы учение его не лишилось успеха. Итак, знамениями он показывает, что Бог дал свидетельство присутствия Собственной силы во время его проповеди, и неким образом запечатлел его апостольство. Так что ни у кого уже не должно было быть сомнений, что он поставлен и послан Самим Господом. Знамениями являются проповедь, дела и чудеса, откуда явствует, что термин “дело” шире термина “чудо”. В конце он говорит о “силе Духа”, и тем самым означает, что не могло сие произойти без Его авторства. В итоге, апостол утверждает, что в учении и в делах сила и действенность заключалась для него в проповеди имени Христова, в котором была явлена чудесная сила Божия. Затем он упоминает о чудесах, которые были словно знаками для удостоверения сего. Вначале он говорит о слове и деле, а затем указывает на один из видов дела, а именно, на способность творить чудеса. Так мы читаем и у Луки, где сказано, что Христос был силен словом и делом, 24:29. Также у Иоанна (5:36), где Христос Сам отсылает иудеев к Своим делам, из которых они могли почерпнуть свидетельство Его божественности. И апостол не просто говорит о чудесах, но называет их двойным именем. То, что говорит он здесь о силе, знаках и знамениях, относится и к Петру (Деян.2:22), где то же самое зовется силами, знаками и знамениями. Безусловно они являются для людей свидетельствами божественной силы, пробуждающими их⁴⁸¹, чтобы

⁴⁷⁸ Апостольство.

⁴⁷⁹ Свое апостольство.

⁴⁸⁰ Его.

⁴⁸¹ Поражающими их.

пораженные силой Божией они удивлялись и поклонялись Богу, и вовсе не лишены смысла, но возбуждают нас к разумению чего-либо о Боге.

Здесь ты видишь знаменательное место об употреблении чудес. Цель их в том, чтобы привести людей к почитанию и послушанию Божию. Так сказано и у Марка (16:20), что Господь подтверждал учение сопровождавшими его чудесами; и у Луки в Деяниях (14:3) Господь через чудеса свидетельствовал о проповеди своей благодати. Итак, что ищет славы творения, а не Божией, и удостоверяет обман, а не слово Божие, то, без сомнения, принадлежит дьяволу. **Силу Духа Божия**, помещенную им на третьем месте, я отношу и к тому, и к другому.

19) От Иерусалима и окрестности до Иллирика. Апостол добавляет доказательство, взятое из следствий, поелику успех, который следовал за его проповедью, превосходит все человеческие возможности. Ибо кто смог бы создать для Христа столько церквей, если бы не был наделен силой Божией? От Иерусалима (говорит) распространил я Евангелие вплоть до Иллирика, и это не кратчайший прямой путь, а тот, который охватывает все лежащие посередине регионы. Впрочем, слово **πεπληρωκέναι**, которое мы вслед за другими перевели как “исполнил”, означает и совершать что-либо, и восполнять то, чего недостает. Откуда и слово **πλήρωμα** на греческом означает как совершение, так и восполнение. Я вполне могу истолковать это так, что он распространял проповедь Евангелия, как бы восполняя недостаток. Ибо и другие работали до него, но он сеял больше.

20) *Притом я старался.* Поелику Павлу было необходимо не только представить себя христианской Церкви слугой и пастырем Христовым, но и отстоять свой апостольский титул, дабы привлечь к себе слух римлян, он говорит здесь об особой и прямой отметине апостольства. Ведь служение апостола – сеять Евангелие там, где еще не было проповедано, согласно заповеди: Идите, проповедуйте Евангелие всякой твари. Сие следует тщательно отметить, дабы то, что особо относится к апостольскому чину, не распространить на другие служения. И не надо порочно утверждать, что на место того, кто созидал Церковь, поставляется преемник. Итак, апостолы являются как бы основанием Церкви, пасторы же, последовавшие им, должны оберегать и достраивать то строение, которое они заложили. Иным основанием апостол называет то, что положено чужою рукой. Напротив, Христос есть единственный камень, на котором основана Церковь (1Кор.3:11 и Еф.2:20)

21) *Но как написано.* Апостол подтверждает пророчеством Исаии то, что ранее сказал о своем апостольстве. Ибо Исаия в главе 52:10, говоря о царстве Мессии, между прочим предсказывает, что оно распространится на весь мир. Познанию Христа надлежит перейти к язычникам, ранее не слышавшим о Его имени. И это должно произойти через апостолов, которым особым образом было вверено сие поручение. Итак, апостольство Павла явствует из того, что данное пророчество исполняется именно в нем. Некоторые неправомерно пытаются отнести сие к пасторскому служению, поелику известно, что в правильно организованных церквях, где прежде была принята истина Евангелия, имя Христово постоянно проповедуется. Согласно сему правилу Павел по отношению к внешним был глашатаем прежде неизвестного им Христа, чтобы после его ухода в отдельных местах то же самое учение провозглашалось устами пасторов. Ибо пророчество сие, безусловно, в первую очередь говорит о царстве Христовом.

22. *Сие-то много раз и препятствовало мне прийти к вам. 23. Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание прийти к вам, 24. как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро насладюсь общением с вами, хотя отчасти.*

(22. *Посему много раз я испытывал препятствия, чтобы прийти к вам. 23. Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание прийти к вам, 24. как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, если, однако, прежде отчасти буду насыщен общением с вами.*)

22) *Сие-то.* Сказав о своем апостольстве, теперь он переходит к другой теме, дабы извиниться за то, что никогда еще прежде не приходил к ним, хотя предназначен для них не меньше, чем для других. Итак, он мимоходом говорит о том, что, сея Евангелие от Иудеи до Иллирика, совершал некий заповеданный ему Господом путь. Совершив же его, он уже точно решил не пренебрегать ими. И дабы римляне не думали, что до этого он пренебрегал ими, апостол устраняет сие подозрение, сказав, что и прежде было у него такое желание. Итак, то, что он не сделал сего ранее, было вызвано справедливым препятствием; ныне же, когда позволило ему его призвание, апостол внушает римлянам надежду. Из сего места выводят ненадежное заключение о походе апостола в Испанию. Ибо отсюда не следует, что он уже совершил этот поход, но что задумал его в душе. Ведь он говорит только о своей надежде, которая могла и не сбыться, как это случается и с другими верными.

24) *Ибо надеюсь.* Апостол упоминает причину, по которой уже давно желал к ним придти и ныне постановил это желание исполнить. Причина была в его желании увидеть их, то есть насладиться их лицезрением и их разговором, а также показать им себя, как требовало его служение. Ибо с приходом апостола к людям приходит и Евангелие. Говоря же, **вы проводите меня туда**, показывает тем самым, насколько уверен в их благоволении, что, как мы уже говорили, является лучшим способом установления дружбы. Ибо чем больше кто-то слышит о доверии к себе, тем больше считает себя этим обязанным, поелику мы считаем постыдным и бесчеловечным не оправдать хорошее о себе мнение. Добавляя же, **если, однако, буду отчасти насыщен**, свидетельствует о своем взаимном благоволении к ним, уверенность в котором со стороны римлян была важна для распространения Евангелия.

25. *А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, 26. ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. 27. Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном. 28. Исполнив это и верно доставив им сей плод усердия, я отправлюсь через ваши места в Испанию, 29. и уверен, что когда приду к вам, то приду с полным благословением благовествования Христова.*

(25. А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, 26. ибо Македонии и Ахаии угодно было проявить участие к бедным святым в Иерусалиме. 27. Угодно было, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном. 28. Исполнив это и верно запечатлев им сей плод усердия, я отправлюсь через ваши места в Испанию, 29. и уверен, что когда приду к вам, то приду с полным благословением благовествования Христова.)

25) *А теперь.* Чтобы римляне не ожидали его скорый приход и не сочли себя обманутыми, ежели пришел бы он позже их ожиданий, апостол говорит о том, что многочисленность его настоящих забот мешает ему сразу же предпринять сие путешествие. Ибо он должен идти в Иерусалим, дабы донести до тамошних святых собранную в Ахаии и Македонии милостыню. Одновременно, воспользовавшись поводом, он хвалит сей сбор подаяния, дабы побудить римлян к подражанию путем некоего намека. Ибо хотя он и не просит об этом явно, но, упомянув о том, что Македония и Ахаия являлись должниками, тем самым дает понять, в чем состоит долг Римлян, находившихся в таком же положении. И о том, что было у него именно такое намерение, он ясно признается в послании к Коринфянам (2Кор.9:2), где он говорит: Хвалюсь о вашей известности во всех церквях, дабы они побуждались вашим примером. Ибо о редком благочестии говорило то, что греки, услышав о бедствиях своих братьев и Иерусалиме, не стали рассуждать о разделяющих их расстояниях, но, сочтя достаточно близкими к себе тех, с кем соединены были узами веры, помогли их нищете от собственного изобилия. Следует отметить используемое апостолом слово “участие”, ибо оно лучше всего выражает то, с каким чувством надлежит нам помогать недостатку братьев. Ведь вследствие единства тела у нас с ними взаимное и одинаковое положение. Местоимение *τινῶν* я оставил без перевода, поелику оно часто встречается у греков, и, кажется, снижает выразительность данного места. Там, где мы переводим “для служения”, на греческом стоит “служба”, но это, кажется, лучше выражает мысль Павла. Ибо он извиняется за то, что был занят делами и не сразу же отправился в Рим.

27) И должники они перед ними. Никто не усомнится в том, что сказанное здесь апостолом о долге сказано не столько ради коринфян, сколько ради римлян. Ибо коринфяне и македоняне не были большими должниками иудеев, чем римляне. Апостол говорит и о причине сего долга, состоящей в том, что Евангелие пришло к ним от иудеев. Апостол доказывает здесь от большего к меньшему. Как и в другом месте (1Кор.9:11) он говорит: тем, кто за духовное получает плотское, которое значительно менее ценно, чем духовное, это воздаяние не должно казаться чрезмерным. Этим он показывает цену Евангелия, уплатить которую надо не только самим служителям, но и тому народу, их которого эти служители произошли. Отметим же слово *λειτούργησαι*, употребленное вместо “служить”. Оно означает – исполнять общественное служение и нести ношу своего призвания. Иногда оно относится к обязанностям в делах религии. Я не сомневаюсь, что Павел считает как бы жертвою то, что верные посылают от себя нуждающимся братьям. Ибо так они исполняют долг любви, хотя в собственном смысле место сие относится к обязанности взаимного воздаяния.

28) *Доставив (запечатлев) им сей плод.* Меня вполне устраивает, что некоторые думают, будто здесь есть намек на древний обычай, когда люди запечатывали кольцом то, что хотели сохранить на будущее. Павел таким образом показывает нам, что добропорядочен и достоин доверия, как бы говоря: я буду честным стражем вверенных мне денег, [со мной] они будут словно запечатаны кольцом. Словом “плод” он, кажется, хотел обозначить ту пользу, которая пришла к иудеям от сеяния Евангелия, подобно тому, как поле, принося плод, питает своего земледельца.

29) *Уверен, что когда приду к вам.* Эти слова можно истолковать двумя способами. Первый состоит в том, что Павел собирался пожать в Риме обильный евангельский плод, ибо благословение Евангелия – это

плодоношение в добрых делах. Мне не нравится, что некоторые ограничивают его одной только милостыней. Второй способ – чтобы сделать свой приход к ним более желанным, апостол говорит, что надеется не остаться бесплодным, поелику собирается сотворить великий доступ Евангелию, называемый им полнотой благословения, что означает полное благословение. Этим именем он означает успешный исход дела и прирост в благовестии. Данное благословение зависит отчасти от его служения, а отчасти от веры римлян. Итак, он не напрасно обещает, что придет к тем, среди кого не собирается даром растрачивать данную ему благодать, но кого собирается подготовить к пламенному принятию благой вести. Первое толкование является более распространенным, и мне так же кажется более вероятным, что апостол надеется своим приходом собрать то, что более всего для него желанно, а именно: он хочет увидеть, как Евангелие процветает среди них и отмечено великими успехами, поелику они выделяются святостью и всяким видом добродетели. Ибо апостол говорит о причине своего желания, и не мирскую радость желает получить он от лицемерия тех, кого надеется увидеть обогащенными духовными сокровищами Евангелия.

30. Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, 31. чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым, 32. дабы мне в радости, если Богу угодно, прийти к вам и успокоиться с вами. 33. Бог же мира да будет со всеми вами, аминь.

(30. Умоляю же вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, 31. чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым, 32. дабы мне в радости прийти к вам по воле Божией и успокоиться с вами. 33. Бог же мира да будет со всеми вами, аминь.)

30) *Между тем умоляю вас.* Из многих мест известно, с какою завистью относились к Павлу в его народе из-за ложных обвинений в том, что он якобы учит отступлению от Моисея. Он знал, как клевета способна отяготить жизнь невинным, особенно среди тех, кто обуреваем неразумным рвением. Затем говорится о свидетельстве Духа, о котором упоминается и в Деян.20:23, где Павла предупреждали о готовящихся ему узах в Иерусалиме. Посему чем больше видел он опасности, тем более приходил в смятение. Отсюда такая забота о том, чтобы верить Церкви собственное спасение; и не удивительно, что так беспокоился за собственную жизнь тот, кто знал, какая опасность угрожает Церкви от его гибели. Итак, он свидетельствует о том, как скорбит благочестивая душа, и пламенность сего свидетельства видна из того, что к имени Господа добавляет он имя **Духа любви**, с которой святые должны взаимно принимать друг друга.

Впрочем, он не перестал трудиться от этого беспокойства, и опасность испугала его не настолько, чтобы не желал он добровольно ее встретить, ведь укреплял он себя вспомоществованием, данным от Господа. Ибо призывает на помощь себе Церковь, дабы, подкрепленный ее молитвами, почувствовать утешение, по обетованию Господню: Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них. И: О чем бы ни согласились они на земле, получают то на небесах. И дабы кто не счел его напутствование предсмертным, он заклинает римлян Христом и любовью Духа.

Дух зовется любовью, в которой соединяет нас Христос, поелику любовь происходит не от плоти, и не от мира, но от того Духа, Который является узами нашего единства. Итак, поскольку столь велико благодеяние Божие, состоящее в помощи, получаемой от молитв верных, что даже Павел, избраннейший сосуд Божий, не счел возможным им пренебрегать, какую же беспечность проявим мы, несчастные и презренные людишки, ежели пренебрежем этим благодеянием? Впрочем бесстыдно пытаться из подобных мест Писания брать повод для учения о ходатайстве усопших святых.

Подвизаться со мною. Эразм перевел неплохо: чтобы помогали мне, трудящемуся. Но поскольку данное греческое выражение несет в себе больше силы, мне показалось лучшим перевести дословно. Ибо словом “подвизание” апостол показывает, какими тяготами стесняется он со всех сторон. И, повелевая помогать ему в подвизании, он учит, с каким чувством должны молиться благочестивые за своих братьев. Дабы приняли они их так, как если бы сами находились в такой же нужде. А затем апостол говорит, к какому это приводит результату. Ибо тот, кто веряет брата своего Господу, в такой же степени помогает ему, принимая на себя часть его нужды. Безусловно, ежели сила наша кроется в призывании имени Божия, не можем мы лучше укрепить братьев, нежели призывая на них имя Божие.

31) *Чтобы служение мое для Иерусалима.* Клеветники настолько преуспели в его обвинении, что внушили ему беспокойство: не станет ли служение его от этого менее благоприятным – служение, в иных обстоятельствах весьма полезное. И отсюда явствует удивительная кротость апостола, состоящая в том, что не переставал он трудиться для тех, о ком сомневался, что труд его будет им благоугоден. И нам также следует подражать апостольскому духу, дабы не переставали мы благотворить тем, в благодарности которых не уверены. Следует также отметить, что имени святых удостаивает он тех, для которых боится показаться подозрительным и неугодным. Он знал, что и святые из-за ложной клеветы могут время от

времени уклоняться в неправо́ые мнения. И хотя знает, что ему причиняют несправедливость, не перестает, тем не менее, почтительно о них отзываться. Добавляя же, **дабы мне придти к вам**, показывает, что и для них полезным будет сие прошение, и для них важно то, чтобы не погиб он в Иудее. К этому же относится и фраза “в радости”. Ибо и то полезно было для римлян, чтобы пришел он к ним радостный и лишенный всякой скорби, дабы воодушевленное и солиднее среди них потрудиться. Словом же “успокоиться” он показывает, сколь сильно убежден в братской к нему любви. Добавление “если Богу угодно” увещевает нас, сколь необходимо постоянно пребывать в молитвах. Поелику только Бог направляет все наши пути Своим провидением.

Бог же мира. Из общего контекста я заключаю, что апостол не просто хотел, чтобы Бог благоволил римлянам, но и чтобы руководил каждым из них в отдельности. Ибо я думаю, что эпитет “Бог мира” следует относить к тому, что Бог, творец мира, одновременно хранит все Свое творение.

Глава 16

1. Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. 2. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому. 3. Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе 4. (которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников), и домашнюю их церковь. 5. Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа. 6. Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас. 7. Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа. Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе. 9. Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе, и Стахия, возлюбленного мне. 10. Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе. Приветствуйте верных из дома Аристовулова. 11. Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса, тех, которые в Господе. 12. Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе. Приветствуйте Персиду, возлюбленную, которая много потрудились о Господе. 13. Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою. 14. Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев. 15. Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпиана, и всех с ними святых. 16. Приветствуйте друг друга с целованием святым. Приветствуют вас все церкви Христовы.

(1. Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. 2. чтобы приняли вы ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому. 3. Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе 4. (которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников), и домашнюю их церковь. 5. Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа. 6. Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас. 7. Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа. Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе. 9. Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе, и Стахия, возлюбленного мне. 10. Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе. Приветствуйте верных из дома Аристовулова. 11. Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса, тех, которые в Господе. 12. Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе. Приветствуйте Персиду, возлюбленную, которая много потрудились о Господе. 13. Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою. 14. Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев. 15. Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпиана, и всех с ним святых. 16. Приветствуйте друг друга с целованием святым. Приветствуют вас церкви Христовы.)

1) *Представляю вам.* Большая часть этой главы посвящена приветствиям, поскольку же в толковании их нет никакой трудности, было бы излишним долго на них останавливаться. Я поговорю лишь о тех, которые требуют некоторого пояснения. Вначале Павел представляет Фиву, которой дает верительное письмо. Он хвалит сначала ее служение, поелику честно и достойно трудилась она в Церквах. Затем приводит и другую причину, почему римляне должны принять ее и всячески помогать ей. Потому именно, что и сама она всегда помогала благочестивым. Итак, поелику была она служительницей Кенхрейской церкви, апостол и повелевает принять ее в Господе. Добавляя же, “как прилично святым”⁴⁸², он намекает, что недостойным будет рабов Христовых, ежели не выкажут они ей почет и гостеприимство. Ведь все члены Христовы соединены любовью, и тех, кто несет в Церкви общественное служение, подобает удостаивать особой честью и любви. Затем, поскольку и сама она всегда заботилась обо всех, апостол приказывает теперь взаимно оказать ей помощь. Ибо человеческим будет того, кто по природе своей склонен к благотворительности, не

⁴⁸² Подоба́ет святым.

лишать помощи тогда, когда он в ней нуждается. И дабы еще больше склонить их души, апостол перечисляет тех, кому она прежде помогла.

Далее, каково то служение, о котором идет речь, апостол учит в другом месте (1Тим.5:9). Ибо подобно тому, как бедные питались из общественной сокровищницы Церкви, им также и оказывали общественную опеку. Для этой опеки отделялись вдовы, которые, свободные от домашних обязанностей и не занятые детьми, хотели полностью посвятить себя Богу и служению благочестия. Поэтому, принятые на сие служение, они становились уже обязанными, так же как тот, кто посвящает себя какому-либо делу, перестает быть свободным и своевольным. Откуда апостол обвиняет в нарушении обета тех, кто, однажды приняв на себя служение, затем от него отказался (1Тим.5:11). Поелику им надлежало жить в безбрачии, он запрещает принимать на служение тех, кому менее шестидесяти лет, поскольку знал, что до этого возраста опасно и даже губительно приносить обет вечного безбрачия. Служение же то свято и полезно для Церкви. Но когда положение дел стало ухудшаться, оно выродилось в праздную монашескую жизнь, которая, хотя и была скверной с самого своего начала, противореча слову Божию, сейчас настолько сильно уклонилась от своего принципа, что стала отличаться от него не меньше, чем чистота отличается от блуда.

3) *Приветствуйте Прискиллу и Акилу.* Приводимые апостолом свидетельства частично направлены на то, чтобы почиталась сама испытанность, и те, кто больше других может и желает принести пользу, имели авторитет. Ведь тем, кто оказался достойным и испытанным, повсюду оказывается честь. Частично же они направлены на то, чтобы и сами римляне старались соответствовать своей прежней жизни и не ослабевали в стремлении к благочестию, дабы не иссякла их благочестивая пламенность. Честь же, которую апостол оказывает здесь Прискилле и Акиле, – особая, особенно в отношении женщины. И тем самым еще больше выявляется кротость сего святого мужа, который не погнушался иметь соучастницей в деле Господнем женщину, и не постыдился признать этот факт. Она была той самой женой Акилы, которую Лука называет Прискиллой (Деян.18:12).

4) *Которых не я один*⁴⁸³. Поелику Прискилла и Акила не пощадили своей жизни, заботясь о Павле, он свидетельствует о своей личной к ним благодарности. Однако добавляет, что благодарят их также все христианские церкви, дабы этим примером подвигнуть также и римлян. Жизнь одного этого человека заслуженно была столь ценной и дорогой для всех народов, что уподобилась бесценному сокровищу. Посему не удивительно, что все языческие Церкви считали себя обязанными тем, кто уберег его жизнь. То же, что говорит он о домашней их церкви, достойно замечания. Ибо апостол не мог лучше охарактеризовать их семью, нежели наградив их титулом церкви. Слово же “собрание”, употребленное Эразмом, мне вовсе не нравится. Ибо явствует, что Павел использовал священное имя Церкви, как знак уважения.

5) *Который есть начаток.* Намек на законнические обряды. Поскольку люди посвящаются Богу через веру, тот, кто занимает первое место в этом приношении, заслуженно зовется начатком. Далее, как каждый прежде другого призывается к вере, так и Павел присваивает ему прерогативу чести. Это истинно, поелику последнее отвечает первому. Конечно же, далеко не обычна та честь, когда Бог избирает некоторых быть начатком. От длительности времени происходит большая или меньшая испытанность в вере, когда те, кто начал верить раньше, не ослабевают в добром подвизании. Апостол между прочим упоминает и о благодарности Мариам, говоря о ее служении. Нет сомнения, что он приводит все эти похвалы, дабы сделать угодными римлянам тех, кого он хвалит.

7) *Приветствуйте Андроника.* Хотя Павел не привык приписывать много происхождению и всему прочему, относящемуся к плоти, однако, поскольку родство, которое имели с ним Андроник и Юния, могло кое-что означать, он не пренебрег и этой похвалой. Более важна его вторая похвала, в которой он называет их соузниками, поелику среди украшений воинства Христова не последнее место занимают узы. Называя же на третьем месте их апостолами, он использует это имя⁴⁸⁴ не в собственном и привычном смысле, а распространяет его шире на всех тех, кто учредил не одну только церковь, а посвятил свой труд Евангельской проповеди. Итак, тех, кто тут и там проповедуя учение спасения, повсюду насаждает церкви, он в этом месте называет апостолами. Ибо в другом месте он ограничивает апостолство той первоначальной коллегией, которую Христос учредил в лице Своих двенадцати учеников. Иначе было бы абсурдным среди немногих приписывать им такую честь. Поелику же они приняли Евангелие раньше Павла, он не сомневается предпочесть их себе в этом отношении.

11) *Из домашних Наркисса.* Было бы чрезвычайно недостойным в подобном перечислении обойти молчанием Петра, если бы он находился тогда в Риме. А так и должно было быть, если верить сторонникам

⁴⁸³ Поскольку сей апостол был великим сокровищем для язычников, они, если хотели быть благодарными Богу, должны были высоко его чтить. Итак, неудивительно, ежели все церкви язычников были обязаны тем, кто сохранил ему жизнь.

⁴⁸⁴ Имя апостола.

Рима. Далее, поскольку в сомнительных делах лучше всего следовать более вероятному предположению, никто из тех, кто судит непредвзято, не поверит в то, что они утверждают. Ибо Петр никогда не был бы обойден молчанием со стороны Павла. Впрочем, достойно замечания то, что здесь нет ни одного из тех выпененных и возвышенных имен, которые позволили бы заключить, что христиане эти были известными людьми. Ибо те, кого перечисляет Павел, для жителей Рима были неприметны и невзрачны. Наркисса, о котором он здесь упоминает, я считаю вольноотпущенником Клавдия, знаменитым многими преступлениями и мерзостями. Тем более удивительна благодать Божия, которая проникла и в сей нечистый дом, исполненный всякой гнусности. Удивительно, что сам Наркисс не был обращен ко Христу, однако же благодать удостоилась посетить этот дом, подобный преисподне. Поскольку же Христа стали почитать те, кто жил под властью мерзкого, алчнейшего и развратнейшего человека, отсюда следует, что рабы не должны ждать в этом деле своих господ, но каждый из них пусть следует за Христом сам по себе. Более того, оговорка, добавленная Павлом, показывает, что само семейство раскололось и верными стали лишь немногие.

16) *Приветствуйте друг друга с целованием святым.* Целование было распространенным и общепринятым знаком благоволения у иудеев, что повсюду явствует из Писания. У римлян же оно, возможно, было менее известным, не считаясь при этом и неприличным; только женщин нельзя было целовать никому, кроме родственников. Но сей обычай вошел в привычку у древних христиан, так что они перед участием в Вечере взаимно целовали друг друга для свидетельствования своей дружбы. Затем они совершали милостыню, дабы то, что изобразили поцелуем, подтвердить самим делом. Подобно тому, как явствует из одной гомилии Златоуста. Отсюда проистек тот обычай, который сегодня существует среди папистов: целовать блюда и приносить подношения. Причем первое есть чистое суеверие, совершенно лишнее какой-либо пользы, а второе нацелено лишь на то, чтобы насытить алчность священников, если только это вообще возможно. Однако, кажется, что Павел не требует здесь точных церемоний, но лишь увещевает христиан к возвращению братской любви, которую он отличает от мирской дружбы, часто либо исполненной показухи, либо связанной с преступлениями, либо сохраняемой злыми искусствами, но никогда не стремящейся к правильной цели. Говоря же о приветствии церквей, апостол хочет, насколько в его силах, соединить все члены Христовы узами взаимной любви.

17. *Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; 18. ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. 19. Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. 20. Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь.*

(17. Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и преткновения против учения, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; 18. ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. 19. Ваше же послушание всем известно; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. 20. Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь.)

17) *Умоляю вас.* Теперь апостол приводит увещание, в котором нуждались все церкви, поелику слуги сатаны постоянно стремились породить смуты в Христовом царстве. И производили они сию смуту двумя способами: либо сея раздоры, коими души уводились от единства истины, либо полагая преткновения, коими отчуждались они от любви к Евангелию. Первое происходит тогда, когда истина Божия изничтожается новыми догматами, измышленными людьми, а второе, когда разными уловками ее делают ненавистной и презираемой. Итак, апостол приказывает остерегаться тех, кто делает либо то, либо другое, дабы они не обольстили простодушных. Затем он приказывает их избегать, поелику они наносят вред. И не без причины требует он здесь от верных внимания, поелику часто случается, что по нашей лености и беззаботности превратные болтуны наносят большой вред Церкви еще до того, как против них кто-то выступит.

Затем, ежели благоразумно не следить за ними, они с удивительной проницательностью будут выползать из всех щелей. Заметь, что речь идет о тех, кто был наставлен в чистом божественном учении. Ибо нечестиво и богоугодно разлучать тех, кто согласен в истине Христовой. Однако защищать обман и нечестивые учения под предлогом сохранения единства и мира есть полное бесстыдство. Итак, папистам нет причины делать из этого места повод для возбуждения к нам зависти, поелику боремся мы не с Евангелием Христовым, а с обманом дьявола, коим оно было до сих пор затемнено. Более того, Павел ясно показывает, что осуждает не любые разделения, а лишь те, которые разрушают согласие ортодоксальной веры. Ибо в словах “которому вы научились” присутствует некое ударение; ведь прежде, чем римляне были правильно научены, им надлежало отойти от обычаев отцов и установлений старших.

18) *Ибо такие.* Апостол говорит о примете, коей лжепророки отличаются от рабов Христовых: они заботятся не о славе Христовой, а лишь о своем чреве. Поелику же они проникают обманно и, приняв чужую личину, скрывают свою злобу, апостол одновременно говорит о том, каково их искусство, дабы кто не оказался обольщен ими. Оно состоит в том, чтобы ласкательством вызывать к себе благоволение. Вестники Евангелия также обладают дружелюбием и приятностью, но в соединении с истиной, так что они не услаждают людей ложными похвалами, и не льстят порокам; эти же мошенники лестью привлекают к себе души, потакая их порокам, чтобы удержать их у себя. Простодушными апостол называет тех, кто неосмотрителен и не способен остерегаться обмана.

19) *Ваша покорность.* Этими словами он показывает, что не потому увещевает их, что думает о них плохо, а потому, что для них было весьма просто пасть. Другими словами: ваше послушание повсюду восхваляется, так что у меня есть причина радоваться за вас. Однако поскольку часто бывает так, что человек падает по своей простоте, я хочу, чтобы ко злу вы были просты и необучены, а на добро – то есть, всякий раз, когда будет нужно сохранять целомудрие, – были вы мудрейшими из мудрейших. Здесь мы видим, как восхваляется простота в христианах, дабы не претендовали на нее те, кто сегодня высшей добродетелью считает глупое неведение слова Божия. Ибо даже если апостол и одобряет в римлянах то, что они просты и благодущны, он все равно хочет внушить им мудрость, дабы какой-нибудь мошенник не воспользовался их доверчивостью. Он так хвалит их за то, что они не ведают зла, что одновременно хочет научить их его остерегаться. То же, что следует за этим: **Бог же мира да сокрушит сатану**, скорее является обетованием для их укрепления, чем молитвой. Ибо сатана однажды побежден Христом, но так, что каждый день стремится возобновить войну. Итак, апостол обещает окончательную победу, которая не явлена, покуда идет сражение. Хотя говорит он не только о последнем дне, когда сатана будет открыто сокрушен; но, поскольку в то время сатана, словно сломав все преграды, производил злую смуту, он обещает, что Господь вскоре покорит его и бросит на поприще под ноги верных. Затем следует молитва, чтобы благодать Христова была с ними, то есть, чтобы они наслаждались всеми благами, которые принес нам Христос.

21. *Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой, и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои.* 22. *Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание.* 23. *Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви.* Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт. 24. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.*

(21. *Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой, и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои.* 22. *Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание.* 23. *Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви.* Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт. 24. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.* 25. *Тому же, кто силен утвердить вас по моему Евангелию, возвещению об Иисусе Христе по откровению тайны, о которой было умолчано от вековых времен, 26. но которая явилась ныне, через писания пророков, по вечному установлению Божию, в послушание вере, возвещенное всем народам.* 27. *Единому Премудрому Богу через Иисуса Христа слава во веки. Аминь.)*

21) *Приветствуют вас.* Приветствия, добавленные апостолом, частично направлены на возвращение единства среди тех, кто жил далеко друг от друга, а частично на то, чтобы римляне узнали подписи своих братьев под этим письмом. Не потому, что Павел имел нужду в чужом свидетельстве, но потому, что немало пособляет согласие благочестивых. Послание завершается (как можно увидеть) прославлением Бога и благодарением. Ибо апостол упоминает о том великом благодеянии Божиим, что удостоил Он народы евангельского света; в этом была явлена великая и никогда до конца не восхваленная его благодать. Хотя слова апостола также способны воздвигнуть и утвердить упование благочестивых, дабы, возвысив души свои к Богу, они с уверенностью ожидали всего, что обещает Он дать им ныне, и, созерцая Его благодеяния, утвердили надежду на будущее. Поелику же собрав многое в одном предложении, он сделал его чрезвычайно длинным, нам надлежит по отдельности рассмотреть его части.

Во-первых, апостол воссылает славу одному лишь Богу. Затем, дабы показать, что она полагается Ему по праву, он мимоходом упоминает о нескольких Его качествах, откуда явствует, что лишь Он один достоин всякой похвалы. Он называет Его единым премудрым, каковая похвала, принадлежа лишь Ему, отбирается у всех тварей⁴⁸⁵. Хотя Павел, кажется, говорит потом о тайном совете Божиим, сие добавление было сделано им весьма искусно, дабы воздвигнуть всех к почитанию премудрости Божией. Ибо знаем мы, как возмущаются люди там, где не видят причины для дел Божиих. Добавляя же, что Бог силен утвердить римлян, апостол уверяет их в их стойкости до конца. И дабы они надежнее успокоились в этой силе, он добавляет, что она явлена нам через Евангелие.

⁴⁸⁵ К их утешению относится, что апостол назвал Бога Тем, Кто может утвердить их до конца.

Здесь ты видишь, что Евангелие не обещает нам лишь настоящую благодать, но также приносит уверенность в том, что благодать будет длиться вечно. Ибо Бог возвещает не о том, что Он – наш Отец лишь в настоящем, но говорит, что останется им до конца. Более того, Его усыновление продолжается и после смерти, поелику приводит нас к вечному наследию. Остальное сказано для восхваления силы и достоинства Евангелия. Апостол называет Евангелие возвещением об **Иисусе Христе**⁴⁸⁶, поскольку главный его смысл состоит в познании Христа, а учение его называет **откровением тайны**⁴⁸⁷, дабы не только сделать нас более внимательными к нему, но и внушить нашим душам наивысшее к нему почтение.

Сколь же возвышенна сия тайна, он показывает, добавляя, что была она сокрыта в течение множества веков от создания мира. В ней нет той напыщенной и броской мудрости, которую требуют сыны века сего, коими оно презирается даже до сего дня. Оно являет неизреченные сокровища небесной премудрости, превосходящие всякий человеческий разум. И если им со страхом поклоняются сами ангелы, то, определенно, никто из людей не способен их воспринять. И премудрость эта не должна умяться от того, что скрывается она под простотой смиренных и разговорных слов, поелику Господу было угодно усмирить так плотскую гордыню. Поскольку же может породить сомнение тот факт, что тайна сия, сокрытая в течение стольких веков, вдруг так неожиданно явилась, апостол учит, что произошло это не по человеческой дерзости и не по случайному стечению обстоятельств, а по вечному установлению Божию. Там же он закрывает дверь для любопытствующих вопросов, которые склонна выдвигать человеческая пытливость. Ибо все, что происходит неожиданно, люди считают произошедшим ненамеренно, откуда они превратно заключают, что дела Божии абсурдны, или, по крайней мере, запутываются в многочисленных сомнениях.

Итак, Павел говорит, что явившееся сейчас, было постановлено Богом прежде создания мира. Впрочем⁴⁸⁸, дабы кто не стал спорить и не обвинил Евангелие в новизне, он приводит пророческие писания, где предсказывалось то, что мы видим исполнившимся. Все пророки до того ясно засвидетельствовали о Евангелии, что нет надобности ни в каком ином подтверждении. Таким способом Бог приготавливал души своих людей к тому, чтобы новизна необычной вещи не слишком их испугала.

Если же кто возразит, что в словах Павла присутствует противоречие, поскольку тайну, о которой Бог свидетельствовал через пророков, он назвал сокрытой в течение веков, то разрешение сей трудности привел Петр (1Пет.1:12): пророки, вопрошая о принесенном нам спасении, служили не себе, но нам. Посему Бог молчал, возвещая в те времена. Ведь Он удерживал отложенным откровение того, о чем давал пророчествовать свои рабам. Хотя⁴⁸⁹ то, в каком именно смысле апостол называет Евангелие сокрытой тайной, выражаясь таким образом и здесь, и в Еф.3:9, и в Кол.1:26, не вполне ясно даже ученым мужам. Более надежно мнение тех, кто относит сие к призванию язычников, о котором Павел конкретно говорил в Послании к Колоссянам.

Я же, хотя и признаю это одной из причин, не могу поверить в то, что она единственна. Мне кажется вероятнее, что Павел имел здесь в виду также и прочие различия между ветхим и новым заветами. Хотя пророки и учили всему, что перешло к нам от Христа и апостолов, они делали это несколько туманно. Поскольку же ныне свет Евангелия весьма ясен, не удивительно, если то, что теперь стало явленным, тогда было сокрытым. И не напрасно Малахия (4:2) возвещает восход солнца праведности; не напрасно Исаия столь возвышенными словами превозносит посланничество Мессии. Наконец, не без причины Евангелие зовется царством Божиим. Ведь по самой сути дела можно ясно заключить, что лишь тогда открыты будут сокровища небесной премудрости, когда Бог через Своего Единородного Сына, словно лицом к лицу явится нам, рассеяв ветхие тени. И апостол здесь вновь говорит о цели проповеди Евангелия, о которой упоминал в начале первой главы: она состоит в том, чтобы Бог привел все народы в послушание вере.

⁴⁸⁶ Проповедью.

⁴⁸⁷ Тайного.

⁴⁸⁸ Наконец.

⁴⁸⁹ Далее.